ПЕТР БАЛАКШИН

ФИНАЛ В КИТАЕ

возникновение, развитие и исчезновение Белой Эмиграции на Дальнем Востоке

Том второй

Книгоиздательство СИРИУС

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ О ПЕРВОМ ТОМЕ «ФИНАЛА В КИТАЕ»

Для меня открылись совершенно неизвестные горизонты, когда я познакомился с интересной книгой П. Балакшина — «Финал в Китае». Она поражает обилием фактического материала. Автор не скрывает теневых сторон в истории эмиграции... в его книге ярко отражаются характерные черты нашей эмиграции, в частности, ее исключительная живучесть, ее умение не только приспособиться к чужой заграничной жизни, но и пробиться вперед.

А. Сергеев

Русская мысль, Париж

*

Подотчетный первый том его работы представляет собой скорее архив политических разведок Красного и Белого Дальнего Востока, Китая и Японии, чем исторический очерк... Поэтому его труд может быть полезен только криминологу, занимающемуся вопросом стихийного роста преступности в революционные эпохи, но и только, как подспорный справочник...

Н. В. Станюкович

Возрождение, Париж

*

Большая заслуга Балакшина состоит в том, что он первый взялся написать историю эмиграции на

Первый том книги Петра Балакшина «Финал в Китае» вызвал различные отклики в эмигрантской печати и среди читательской массы относительно сущности эмиграции, верности того или иного подхода к ней, оценки ее деятельности, ее прошлого, настоящего и будущего.

Издательство СИРИУС помещает ниже перепечатку из газеты «Русская Жизнь» в Сан Франциско его статьи, которая может явиться ответом на некоторые из этих вопросов.

ЭМИГРАЦИЯ И ВЕТКА СИРЕНИ

Русская печать не жалует зарубежного писателя откликами на его книги. Об этом много говорилось и писалось еще в «золотые годы» зарубежной литературы, когда существовали десятки передовых газет и журналов, процветали зарубежные книгоиздательства, блистала плеяда литературных критиков.

Тем более следует мне признать внимание, выпавшее на долю моей последней книги «Финал в Китае». В одной только парижской газете «Русская Мысль» она трижды упоминалась в течение месяца с небольшим: Ю. Терапиано в его отделе «Новые Книги»; А. Сергеевым в статье «О чем писать на ту сторону» и П. Ковалевским в статье, озаглавленной «Как не следует писать историю эмиграции». К этим статьям следует прибавить рецензию в брюссельском журнале «Часовой» и очерк Н. В. Станюковича в 88-м выпуске журнала «Возрождение».

Подобное внимание — вне зависимости от тона высказывания — вызывает ряд мыслей и чувств, с которыми невольно хочется поделиться, а кстати и сделать несколько пояснений в связи с некоторыми вопросами, прямо или косвенно выдвинутыми в идентичных статьях гг. Ковалевского и Станюковича.

Ни у писателя, ни у критика нет никаких взаимных обязательств и необходимости угождать друг другу. Писатель вправе писать о том, что трогает его, интересует, волнует. Критик вправе высказать все, что хочет, о книге, попавшей в его руки. Если к тому же он остался в рамках только критика, то этим самым заслужил особую признательность писателя. Но отсутствие у критика обязательств перед писателем отнюдь не исключает его большой ответственности перед читателем.

Весьма кстати будет привести здесь слова В. Белинского: «...талант критика редок, путь его скользок и опасен. И в самом деле, с одной стороны сколько условий сходится в этом таланте: и глубокое чувство, и пламенная любовь к искусству, и строгое, многостороннее изучение, и объективность ума, которая есть источник беспристрастности, способности не поддаваться увлечению; с другой стороны, какова высокость принимаемой им на себя обязанности. На ошибки подсудимых смотрят как на что-то обыкновенное; ошибки судей наказываются двойным посмеянием».

«Финал в Китае» не претендует на всестороннее изучение дальневосточной эмиграции и еще меньше — на всеобъемлющий исторический труд.

Еще в бытность мою в Сан Франциско в тридцатых годах, интервьюируя у себя в газете прибывавших из Азии иммигрантов, слушая их рассказы о многих тяжелых особенностях дальневосточного быта, я начал жить дальневосточной темой, я чувствовал, что был «ранен» ею. После окончания Тихоокеанской войны я провел в Азии десять с лишним лет, оставивших на мне неизгладимое впечатление. Я видел послевоенное перемещение людских масс, японских и русских беженцев из Маньчжурии и Китая; я слышал рассказы о годах японской оккупации, которую после войны сменила советская оккупация, о судьбах тысяч дальневосточных эмигрантов, выехавших добровольно или в принудительном порядке в Советский Союз; о красном потоке, захлестнувшем Китай в конце сороковых годов; о спешной эвакуации русских эмигрантов из Шанхая и других китайских городов. Я очутился лицом к лицу с тем, что меня так волновало еще пятнадцать лет тому назад и наполняло чувством глубочайшего сострадания — с трагической судьбой белой эмиграции на Дальнем Востоке.

Отсюда — «Финал в Китае». Повторяю, я не задавался целью всесторонне исследовать дальневосточную эмиграцию. Я отдавал себе отчет, что выбранное мною заглавие не определяет полностью характера самой книги, поэтому появилась необходимость добавить под ним две строки: «возникновение, развитие и исчезновение Белой Эмиграции на Дальнем Востоке». Почему заглавие и подзаголовок моей книги привели в недоумение г. Ковалевского, остается для меня непонятным.

Не задавался я целью и заняться криминологическим исследованием, писать трактат о жестокости в Азии, описывать «Сад пыток». Повторяю, со всем сострадательным отношением, какое у меня есть к трагической судьбе дальневосточной эмиграции, я задался целью насколько возможно подойти ближе к жизни тысяч и тысяч русских людей, попавших в Китае «между наковальней и молотом».

В Азии неизбежно сталкиваешься с бездушием и крайней жестокостью; они неотделимы от жизни, будучи ее узаконенными составными частями. Когда с лесов строящегося в Токио здания падает и разбивается на-смерть рабочий, другие говорят: «больше риса останется нам». Если в Корее бьют кого-нибудь, безразлично, мужчину или женщину, юношу или девушку, то бьют десятеро одного. В годы стихийных бедствий в Китае улицы богатейших в мире городов заполнялись голодными детьми, умиравшими у лавок с рисом, перед которыми сидели бездушные лавочники. В годы моего пребывания в Шанхае в начале двадцатых годов, после одного из стихийных бедствий можно было купить в форменное рабство китайского подростка, мальчика или девочку, за 12 шанхайских долларов, что составляло около пяти американских долларов.

В эту обстановку бездушия и жестокости попали две с лишним сотни тысяч русских людей, остатки Белой Армии, их семьи, мужчины, женщины, дети, старики и молодые, больные и здоровые. С одной стороны условия в Китае оказались благоприятными для

пришельцев. У русских и китайцев издревле создались своеобразные отношения, основанные на доверчивости и взаимной привязанности. Прекрасное свойство русского человека быть равным одинаково среди больших и малых, передовых и отсталых народов создавало для него благоприятное положение в Китае.

Но это была только одна сторона. Для русской эмиграции в Азии не оказалось тех нормальных условий, которые она нашла в европейских и американских странах. В Азии человек со светлым цветом лица всегда странник. Русский эмигрант не мог соревноваться с китайским рабочим, кули, довольствовавшимся скудным вознаграждением, двумя чашками риса. С выходом Японии на материк, Китай стал ареной жесточайшей борьбы между тоталитаризмом советского и тоталитаризмом японского толков. На этой зловещей арене — в качестве христиан в Колизее — оказались белые русские эмигранты. В их жизни появились отвратительнейшие особенности тоталитарного режима: подозрительность, полицейщина, прислужничество, нетерпимость, террор, политические убийства.

В двух упомянутых мною идентичных обзорах гг. Ковалевского и Станюковича мне ставится в упрек, что слишком много места я отвел «полицейской хронике», «криминологии», но совершенно не отобразил или отобразил весьма бегло и поверхностно культурную жизнь дальневосточной эмиграции.

Из-за запоздалой отправки его из типографии, «Финал в Китае» не получил еще широкого распространеия, но то немногое количество экземпляров, что попало в руки критиков и некоторых читателей, уже вызвало немалое возбуждение. В этом нет ничего неожиданного или непредвиденного. Книга типа «Финал в Китае» слишком близка к современнику, чтобы не затронуть его остро и болезненно. Она преподносит читателю материал полемического характера, будирует его чувства и вызывает резкую реакцию.

Объективность автора, его беспристрастность не избавляют его от упреков и требований. Мне ставится в упрек многое. В частности то, что я сгустил темные тона жизни дальневосточной эмиграции; позволил себе назвать Антикоммунистический Комитет Северного Китая антиэмигрантским учреждением; отметил дурное отношение японских властей к эмигрантам, но обошел молчанием отношение парижской полиции к русским шоферам и выдачу англичанами и американцами власовцев; усомнился в положительных результатах партизанского движения, руководимого некоторыми харбинскими кругами; встал на кощунственный путь, упомянув об одном архиепископе, что он «одной и той же кистью окроплял японские и советские войска»; дал мало материала о развитии эмигрантского торгового дела в Шанхае, что помогло бы в будущем составить подобие торгового справочника; не оценил работу научных сотрудников общества изучения маньчжурского края; допустил ряд грубейших исторических ошибок, вроде того, что «генерал Дитерихс выехал не в Японию, а в Китай» и что «Политехнический институт был основан не в 1921, а в 1920 году»; непочтительно отозвался о школьных реформах в Шанхае и переходе на старое правописание и юлианское летоисчисление; недостаточно места отвел высшим учебным заведениям и культурным ценностям дальневосточной эмиграции.

Нельзя ответить одним словом на все эти упреки и нет никакой физической возможности удовлетворить все вкусы и требования. Ничьих заданий я не выполнял. Будучи независимым и самостоятельным в своей работе, я считаю себя совершенно вольным в выборе подхода к дальневосточной эмиграции с той позиции, которая мне кажется наиболее верной в освещении ее трагической судьбы. Но все же я попытаюсь ответить гг. Ковалевскому и Станюковичу.

Г. Ковалевский замечает, что «если культурной работе русского Шанхая посвящено четыре с половиной страницы, то о большой просветительной и научной работе харбинских высших учебных заведений не сказано ни слова, кроме неполного их перечисления». В «Финал в Китае» я упомянул Юридический Факультет, Институт Ориентальных и Коммерческих Наук и Педагогический Институт. Я мог бы еще добавить Владимирский Университет, создание японских властей. Я не знаю, можно ли многое сказать о «большой просветительной и научной работе» Харбина. Вероятно для этого нужен человек более зоркий. Самым замечательным в Юридическом Факультете был состав профессоров, среди которых многие были со всероссийскими именами. Но Харбин никогда не был Александрией, а Юридический Факультет — Сорбонной, Московским Университетом или Оксфордом. В нем не было — и не могло быть из-за его краткосрочности — ни истории, ни традиции. Еще меньше можно сказать о других высших учебных заведениях Харбина. Десятки тысяч подобных педагогических и коммерческих институтов существуют во всем мире, не претендуя на ведение «большой просветительной и научной работы». Их знают и помнят только те, кто в них преподавал или учился. Харбинские институты не составили исключения.

Г. Станюкович отбрасывает в «Финал в Китае» все, как криминологию, кроме одного: «мы остановимся только на данных, касающихся культурного подвига наших соотечественников, совершенного ими в Шанхае, подвига, доступного только «России в изгнании», России, сохранившей свою высокую душу и мужественное сердце».

Какие звонкие, но пустые слова!

Я писал о предприимчивости, трудоспособности, сметке русского человека, оказавшегося в новых условиях в Шанхае, не подозревая, что вызову в ком-либо такое восторженное умиление. Я писал об этом простыми словами. Но если бы я позволил себе выразиться так напыщенно и изобразить предприимчивость русского человека в виде подвига, да еще «доступного только 'России в изгнании'», мне было бы просто не по себе, мне стало бы мучительно стыдно — да простит мне почтенный критик из «Возрождения» — от фальши и банальности этих слов! Действительно, совершил ли подвиг удачно расторговавшийся в Шанхае русский лавочник? Совершали ли подвиг, занимались ли культуртрегерством сотни русских салонов красоты в Шанхае, где мыли волосы, красили их и, выражаясь жаргоном их мастериц, «ложили волны»? Занимался ли подвигом русский водолаз, работая во Владивостоке, или он стал совершать его только в шанхайском порту?

Некоторые из русских врачей в Шанхае зарабатывали сотни тысяч долларов в год. Другие были бессребреники и не только не брали за визит с малоимущих, но еще оплачивали стоимость ле-

карств. Совершали ли все эти врачи подвиг, «доступный только 'России в изгнании'»? Или следовало бы разделить их на две категории: одни, которые приумножают имущество и не совершают подвига и другие, которые совершают подвиг, не приумножая имущества. И почему врачи-бессребреники присущи только «России в изгнании, России, сохранившей свою высокую душу и мужественное сердце»? Разве их не было в прежней России? Разве их нет в других странах, среди других народов?

Г. Станюкович называет Китай отсталой страной. Тот Китай, в котором жили русские эмигранты, т. е. такие города, как Тяньцзин и Шанхай, никак нельзя назвать отсталым. Так же ошибочно заявление г. Станюковича, что русская эмиграция в Китае стала «подлинным культуртрегером».

Русская эмиграция не оказала никакого влияния на Китай, на его культуру, на ход его мысли, на его творческое пробуждение. Она сделала другое: показала человеку в Азии, что белый человек может быть так же беден, бесправен, лишен какой бы то ни было защиты.

Еще можно допустить, что музыкальные силы из среды эмигрантов, особенно преподаватели частных музыкальных школ и профессора китайских консерваторий, занимались культуртрегерством. Но и для этого нужна большая натяжка. Десятки тысяч таких учителей музыки и профессора консерваторий занимаются обычным своим делом по всему миру, не причисляя себя к культуртрегерам. Они просто занимаются делом, которому отдали много времени, сил, средств. Еще меньше можно говорить о них как о людях «культурного подвига». Они, действительно, совершили бы его, если бы оставили свое искусство и пошли работать смотрителями на китайских маяках или вступили в отряды по охране кораблей от китайских пиратов.

К российской эмиграции может быть несколько подходов. Один из них с позиции «Няни из Москвы». Тогда допустимо и простительно многое: всеобольщающий обман, проектирование «Святой Руси в Россию в изгнании», бессрочное пребывание в юношеских школьных объединениях (у нас до сих пор еще есть седовласые юнцы, задающие друг другу животрепещущие вопросики: гимназист вы или реалист?), лексикон слащавых до приторности и фальшивых слов, вроде слов критика из «Возрождения» о «подвиге, присущем только России в изгнании». Тогда вполне возможно провести все годы эмиграции у нянькиного сундука, не выходя за пределы младенческого возраста.

Но есть и другой подход к эмиграции. Это — не ветка сирени. Совершенно незачем навязывать ей надуманные качества, которых у ней нет и не может быть. Прежде всего, что такое эмиграция? Редкостное по добродетели собрание кристальных, возвышенных душ, мужественных сердец? Мученица невинная, хранительница белых риз, кроткая и святая подвижница? Или это живой, разнородный материал, в своем поперечном сечении не отличимый от поперечного сечения любой равной по количеству людской массы, наделенный всеми положительными и отрицательными качествами, присущими вообще человеку?

Не нужно тратить времени и слов на доказательства того, что российская эмиграция — в значительной массе здоровая по духу и крепкая физически — совершенно не нуждается ни в сладком дурмане, ни в фальшивой позолоте.

Отступая от разбора «Финал в Китае», П. Ковалевский определяет его автора, как сатирика-обличителя. Он говорит, что Балакшин — автор памфлетов на эмиграцию и указывает, что самый большой из этих памфлетов его роман «Планировщики». Как видно, в наше время для суждения об авторе и осуждения его совершенно не надо читать его. Это относится не только к эмиграции. Как классический пример, можно привести Семичастного и его нападки на роман Пастернака «Доктор Живаго». На вопрос, читал ли он эту книгу, если так яростно нападает на нее, Семичастный ответил: «я такую гадость даже в руки не возьму».

Я не сомневаюсь, что г. Ковалевский прочел «Финал в Китае». Я не уверен, что он прочел мой роман «Планировщики», а если и прочел, то с нарочитой предвзятостью. Но я кладу голову об заклад, что г. Ковалевский не прочел ни одного моего «памфлета на эмиграцию», так как таких вещей у меня нет.

Если «Планировщики» действительно памфлет, т. е. что-то злободневное, не соответствующее характеру русских людей за границей, то в защиту обратного я представлю только один аргумент. Те, кто читали «Планировщиков», считают, что я списал героев этого романа с представителей русских колоний, рассеянных по всему свету. Те, кто жили в Шанхае, считают, что я изобразил его общественных и политических деятелей в разгар русской жизни там в тридцатые годы, которые я уже не застал. Другие узнавали в героях «Планировщиков»некоторые круги русского Нью Йорка и Сан Франциско. Ю. Терапиано в своем критическом очерке о «Планировщиках» пишет, что герои его — герои довоенной Праги, в которой я никогда не был. Если славные внуки и правнуки чичиковских друзей проживают повсеместно в зарубежном рассеянии, следовательно они явление не случайное, а типичное, объекты не памфлетного ремесла, а люди, как и их деды и прадеды, достойные попасть в литературу. Полагаю, что сородичей героев «Планировщиков» не мало и в Париже и что они есть в окружении г. Ковалевского. Совершенно уверен в том, что их очень много в окружении г. Станюковича.

Г. Ковалевский признается в том, что его озадачил приведенный мною эпиграф, в котором проводится мысль, что исторические события не совершаются по какому-то свыше задуманному плану, не составляют мировой гармонии и что поэтому в них следует «признать игру случайного и непредвиденного». В противоположность этому взгляду можно привести мнение Л. Толстого, высказанное им в «Войне и мир», что исторические события повинуются строгому закону и что «каждое действие их находится в связи с всем ходом истории и определено предвечно». Могут существовать и другие теории относительно закономерности или случайности исторических событий, и вряд ли любая из них должна вызывать иронию, как вызвали у г. Станюковича приведенные мной в эпиграфе слова известного английского историка (некоего Фише-

ра, как упоминает о нем г. Ковалевский), автора трехтомной «Истории Европы». Вероятно английский историк должен был согласовать свой взгляд с г. Станюковичем из «Возрождения», прежде чем осмелиться высказать его.

Г. Ковалевский дальше замечает по этому поводу, что «в книге автор как раз опровергает это суждение, так как говорит о систематической, а не случайной подготовке событий и их математически-точном исполнении Москвой». Толстой и Фишер имели в виду силы неизмеримо величественные и первопричинные, когда говорили о мировой гармонии. При чем тут Москва!

Гг. Ковалевский и Станюкович увидели в «Финал в Китае» главным образом «полицейскую хронику», «криминологию», «подспорный справочник криминологу». С этим взглядом я охотно соглашаюсь. Все, что имеет отношение к гонению человека, к преследованию его, к лишению его воли и свободы, к заточению и т. п., можно отнести к области полицейской хроники. Огромная литература о человеческом страдании, рабстве, древних и средневековых темницах, кострах инквизиции, советских концлагерях, Лубянке, нацистских газовых палатах — от Сократа до кардинала Мидзенти — все это в известной степени область полицейской хроники. Тогда писательское стремление к «трагическому и захватывающему чувству истины, к интенсивности страдальческого прозрения, к отважному описанию человеческой грязи», о чем так прекрасно говорит Ипполит Тэн, всего лишь стремление к «подспорному справочнику криминолога». Если мы согласимся с этим, мы должны тогда согласиться и со взглядом одного из наших зарубежных писателей, ставшего ныне шумным по успеху писателем в Америке, что Достоевский с его «интенсивностью страдальческого прозрения» не кто иной, как «наш национальный Пинкертон».

Если верить на слово г. Станюковичу, его сердцу близка эмиграция, ее развитие, успех каждого отдельного эмигранта. Об этом очень приятно слышать, у нас не так уж много благожелательно настроенных людей. Жаль только, что г. Станюкович не применяет своего взгляда на практике.

В своем очерке о «Финал в Китае» г. Станюкович ставит в кавычки службу автора в Японии в качестве военного историка и заявляет, что «мы не знаем его отношений с агентами перекрещивающихся сетей шпионажа, но при чтении книги вас не оставляет впечатление, что многое из рассказанного им он видел своими глазами или узнал из первоисточников. Правда, остается еще одно возможное предположение: может быть должность 'военного историка' давала автору право допроса».

С какой удивительной легкостью можно перейти от выспреннего гимна о «восторженных душах и мужественных сердцах» к инсинуации! В моей службе в качестве военного историка ничего не было такого, что могло бы вызвать даже тень осуждения. В двух исторических отделах, в Токио при штабе генерала МэкАртура, и в Нагойя при Военно-воздушных силах США, я был единственным человеком (в каждом отделе было от 25 до 30 американцев), для которого английский язык был приобретением позднего времени и далеко, конечно, несовершенным. Моя работа в этих отде-

лах, работа еще вчерашнего русского эмигранта, была связана с большим успехом. В первом историческом отделе в течение года я был одним из четырех, поставленных во главе различных секций. В Военно-воздушном историческом отделе моя работа, озаглавленная «Воздушная Оборона Японии» (это было в годы войны в Корее) встретила наивысшую оценку в Главном Историческом Отделе Военно-воздушных сил США.

Никакого отношения к дальневосточной эмиграции мои работы в двух исторических отделах не имели. Не имели они отношения и к «перекрещивающимся сетям шпионажа». «Право допроса» они давали мне столько же, сколько прогулка г. Станюковича по парижским улицам давала ему право на торговлю белыми рабынями. В событиях, которые я описал в «Финал в Китае», я не принимал участия, проживая в Калифорнии, когда они совершались. О многих описанных мною событиях я узнал из различных источников, включая людей-участников их или свидетелей, разбросанных по всему Зарубежью. По брезгливому тону г. Станюковича можно судить, что «первоисточники» синоним чего-то весьма предосудительного и позорного. Насколько я представляю, Иосиф Флавий, Фукидид, Нестор и другие широко пользовались первоисточниками, но вероятно в их время не было господ Станюковичей, которые ставили бы это им в вину.

Я должен признаться, что статьи гг. Ковалевского и Станюковича о моей работе о дальневосточной эмиграции заставили меня призадуматься. Несколько дней я провел в состоянии тревожного смятения, не потому, что стал объектом концентрированного нападения, а потому, что в лице их я встретил людей, стоящих на других подступах к эмиграции. Меня охватили сомнения. Не питая особой склонности к людям позитивистского мышления, я тем не менее иногда теряю почву под ногами от их самоуверенности. Так случилось и на этот раз. Охваченный сомнениями и противоречиями, я начал проверять себя, не совершил ли я в самом основном глубокой ошибки.

Я признателен гг. Ковалевскому и Станюковичу. Они не только вызвали во мне потребность еще раз проверить самого себя, но и взвесить на весах два противоположных взгляда на российскую эмиграцию, предмет, который видимо интересует их не меньше, чем интересует меня. Какая чаша перетянула, вопрос иной. Но я рад, что прошли мои сомнения.

Я также рад, что в начале статьи привел слова В. Белинского. Вполне возможно, что они еще могут быть вдохновением для наших зарубежных критиков.

Петр Балакшин

1955 Eddy St.
San Francisco 15, Calif.
U. S. A.

ПЕТР БАЛАКШИН

ФИНАЛ В КИТАЕ

возникновение, развитие и исчезновение Белой Эмиграции на Дальнем Востоке

Том Второй

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО СИРИУС
Сан Франциско — Париж — Нью-Иорк

F I N A L E I N C H I N A

formation, development and disintegration of
the White Russian Emigration in the Far East

by Peter Balakshin

OTHER BOOKS BY THE SAME AUTHOR:

THE TALE OF SAN FRANCISCO
SPRING OVER FILLMORE
RETURN TO THE FIRST LOVE
THE PLANNERS

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ПОВЕСТЬ О САН ФРАНЦИСКО
ВЕСНА НАД ФИЛМОРОМ
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕРВОЙ ЛЮБВИ
ПЛАНИРОВЩИКИ

Printed in Germany. Georg Butow, Muenchen 5, Kohlstrasse 3 b

ФИНАЛ В КИТАЕ

Оглавление Второго Тома

ВЕХИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вместо предисловия

Следствием глубочайших внутренних сдвигов, которым оказались подвержены не только отдельные нации, но и целые материки, явилось массовое перемещние народов. Из нескольких десятков миллионов людей, насильственным образом выкорчеванных с родной почвы или добровольно оставивших ее в знак непримиримости с установившейся над ней властью, около четырех миллионов падает на российскую эмиграцию 1919-1922 и 1942-1945 годов. Это самая значительная монолитная масса, явление не имеющее параллели в истории человечества, которую мы признаем как Великую Эмигрантскую Империю.

Можно насчитать с десяток отдельных составных частей этой Империи и определить их — одни по городам, как Пражская и Парижская, другие по географическим понятиям, как Прибалтийская и Балканская; третьи — по материкам, как Северо- и Южно-Американские и Австралийская.

Одни из них исчезли совершенно, как некогда, в глубоком прошлом под ударами нашествий и завоеваний, исчезли царства и народы. Другие легко ассимилировались с народами своего нового местожительства и бесследно растворились в их массе. Третьи, равнодушные к настоящему, но цепкие к прошлому, казавшемуся им самым необычайным и неповторимым, поддались раннему маразму. Четвертые — и это подавляющее большинство — впитав на новой почве живительные ключи и найдя широкое применение своим силам и способностям, про-

явили исключительную живучесть и творческую даровитость. Их знаменательный опыт служит еще одним доказательством, насколько верна истина о динамической жизненности меньшинства. Следует, однако, оговориться: не все было благополучно и безмятежно в их новой жизни. Не все далось легко, не все пришло самотеком. Им пришлось перенести много испытаний, преодолеть тяжелую борьбу за право под солнцем, разделить поровну с народами, принявшими их, суровые потрясения, которыми полон наш век, вплоть до национальных катастроф, как это было в Китае.

Важны окончательные результаты и к учету их уже можно подойти.

Российская Эмигрантская Империя представляет исключительное по интересу поле для исторического исследования. В изучении различных ее группировок интересно выделить особенности каждой, провести одну связующую их нить, установить линии развития, их восходящие и нисходящие движения, раскрыть сущность их вождей — одинаково настоящих и мнимых, и уточнить степень их ответственности и сознание долга в их деятельности.

От деления жизни на световую и теневую стороны ничего не происходит с ней самой, она остается такой, какой есть в действительности. От представления эмигрантской жизни в реалистических, неприкрашенных тонах, без лицемерного закрывания глаз на клинические подробности, как бы неприятны они не были, ничто не изменится с ее сущностью, ничто не умалит ее значительности. О ней должно говорить просто, не словами, какими говорят с недоростком или у одра умирающего, а спокойным языком, каким повествуют о великой саге.

Одной из наиболее интересных и трагических после дальневосточной эмигрантской группы представляется группа Парижская. В годы ее расцвета (тридцатые годы) численность ее доходила до 80.000 человек, размер дореволюционного губернского города. Русский Париж был средоточием зарубежного искусства, литературы, законодателем политических мод и властителем дум, высокомерным и надменным в отношении других «провинциальных» эмигрантских групп, не сумевших за сорок с лишним лет своего существования выбраться из темных неотапливаемых комнат и мансард, от вида которых

пришли бы в содрогание даже скромные жители шанхайского Вэйсайда.

Интересно было бы еще раз осветить многие трагические стороны его жизни, как, например, похищение генерала Кутепова и Миллера, не по полицейским материалам, а по внутренней связи с другими событиями. Почему, например, в Париже на верху правых и воинских организаций оказались лица, участвовавшие в похищении своих же вождей? Почему именно в Париже, где не было ни советского давления, ни советской оккупации, произошел переход на советскую сторону ряда лиц, крайне-правых, монархических убеждений?

Интересно проследить и общие стороны Эмигрантской Империи, как, например, развитие в ней общественной жизни, политической борьбы, роли Зарубежья в мировом антикоммунистическом движении, появление в ней секретных антикоммунистических организаций, оказавшихся чуть ли не с начала своего существования пропитанными советскими агентами.

Не менее интересно проследить и такое явление, затронувшее в той или иной степени все Зарубежье, как появление в нем братьев и родственников Солоневичей, и под тем же беспристрастным лучом исторического прожектора рассмотреть, каким образом им удалось бежать из различных советских концлагерей и советских заграничных учреждений в одно и то же время. Помнится, что чудесная синхронизация этих побегов вызвала в свое время немалое удивление.

Интересно так же проследить роль Солоневичей во всеэмигрантских делах, особенно в такой чуждой для них сфере, как Обще-Воинский Союз, и их влияние, если не на Зарубежье, то во всяком случае на обитателей пресловутых штабс-капитанских берлог.

Исторические исследования суть особый, отчужденный мир в архивной пыли под сводами книгохранилищ. Обычно исторические исследователи располагают предоставленными им фондами, у них есть сотрудники, секретари, машинистки. Они заняты только этим трудом, отдавая ему свое служебное время, сохраняя для себя часы вечернего досуга, оставляя субботы и воскресенья для отдыха и развлечения. Их труд планомерный, неторопливый. Так, например, два американских морских историка в течение двух лет изучали материалы для

описания морских операций в водах Филиппинского Архипелага, которые длились всего сорок минут.

Издатели ожидают окончания их трудов, чтобы издать и распространить среди читателей, библиотек, университетов. Заслуженный гонорар поступает в их руки. . .

В Зарубежье таких нормальных, обычных условий для подобных работ нет. Мы называем их идеальными, подразумевая под этим их несбыточность.

Погрешности в хронике совершившихся событий, в характеристике исторических персонажей, в выяснении причин и следствий — неизбежный удел повествователя, взявшего на себя задачу запечатлеть прошлое и настоящее для будущего.

Восприятие, способность анализа и беспристрастного повествования у современников, участников и свидетелей событий могут быть так же несовершенны, как несовершенны они и у повествователя. В мире нет ничего абсолютного. В свете очередных открытий, дополнительных изучений, мастерства интерпретации появляются, пропущенные через тщательные корректуры веков, новые, более правдивые страницы истории человечества.

Нельзя объять необъятное. Нигде эта прутковская мудрость не звучит так правдиво, как в исторических исследованиях. Всегда мало, всегда недостаточно, всегда пропущено что-то. И вместе с тем, без установления рамок нельзя удержаться на поверхности и не утонуть, если не в потоке исторических событий, то в потоке бумажном.

Все это целиком относится и к двум томам «Финала в Китае» и его повествователю.

Указания читателей на допущенные ошибки и погрешности справедливы и оцениваются в полной мере. Было бы не менее ценно, если бы они с подобной же щедрой готовностью дали возможность путем покупки книг выпустить второе издание «Финала в Китае». Тогда многое в нем было бы исправлено и дополнено.

Пока же остается только сослаться на китайского историка тринадцатого века (поскольку «Финал» имеет отношение к Китаю) Тай Тыну, который сопроводил свою «Историю Китайской Письменности» следующими словами: «Если бы я стремился к совершенству, я никогда не написал бы эту книгу».

Признательность выражается кроме тех лиц, имена которых указаны в первом томе «Финала в Китае», следующим лицам: А. П. Воробчуку-Загорскому, Сан Франциско, за предоставление письма К. В. Родзаевского; А. С. Лукашкину, Сан Франциско, за предоставление собственного архива и архива Русского Музея в Сан Франциско; О. А. Морозовой, Альхамбра, Калифорния, за предоставление дневника «Тубабао», записок о лагере для белых русских эмигрантов; М. Ф. Фомичеву-Лидину, Торонто, Канада, за предоставление материала о последних днях Шанхая и жизни на Тубабао.

Признательность выражается также лицам, оказавшим ценную помощь в подготовке материала к печати, и всем тем, кто отозвался на появление первого тома «Финала в Китае».

Мюнхен
Декабрь 1959

Победители
и Побежденные

— Но разве должны мы быть вашими врагами? Разве вы не примете нас как друзей, если мы нейтральны и пребываем в мире с вами?

— Нет, ваша враждебность не страшна даже на половину, чем ваша дружба. Первая в глазах наших подданных является аргументом нашей силы, вторая — нашей слабости.

Фукидид,
Диалог у Мелоса

I

НАКАНУНЕ

Несмотря на строжайшую цензуру и отсутствие известий извне, еще с 1944 года в Японии и в оккупированных ею территориях ни для кого не оставалось секретом, что Тихоокеанская война быстро приближалась к трагической развязке.

Всего за два года до этого Япония торжествовала в зените своей военной славы. В стихийно-развивавшейся экспансии на юг ее военно-морские и сухопутные силы легко овладели Индо-Китаем, Ост-Индией, Маршальскими, Каролинскими, Марианскими островами и отдаленно лежащими островами Новой Гвинеи, Новой Гебриды, Тимора и Соломоновой группы, где они оказались в угрожающей близости к Австралии.

За эти два решительных для Японии года положение резко изменилось к худшему. Цепь сильно укрепленных Марианских и Каролинских островов — юго-восточный заслон против американских военно-морских сил — была разорвана в нескольких местах. В разрыве ее звеньев американское военно-морское командование применило тактику так называемых «лягушечьих прыжков»: наступления велись не подряд, с одного острова на другой, а через один, два и даже несколько островов, отстоящих друг от друга на большом расстоянии. Отрезанные от центров снабжения и связи, обойденные острова обрекались на неминуемую сдачу.

Фатальное приближение войны

Весной 1944 года, развертывая мощные наступательные операции в группе Маршальских островов, американские военно-морские силы захватили острова Кваджалейн и Ейнветок. В следующем месяце американская морская пехота высадилась на Адмиралтейских островах и в Новой Гвинее. В середине

июня в первом массовом налете на Японию американский военно-воздушный флот подверг бомбардировке остров Киюсиу, о котором японские власти решились официально оповестить только через месяц.

В сентябре того же года попытка Японии ворваться в Индию иссякла бессильно у ворот Имфала в Манипуре. Имфальская операция обошлась Японии в двести тысяч человек (из армии в 270.000) и явилась поворотным пунктом для фортуны войны на бирманском театре и в других частях Индо-Китая. За месяц до этого пал важный в стратегическом отношении остров Гуам, а два месяца спустя американские войска под командованием генерала Дугласа МакАртура высадились на острове Лейте и начали успешную кампанию по завоеванию Филиппин.

Фатальное приближение театра войны к самой Японии стало особенно ощутительным после захвата (март 1945) маленького песчаного островка Ива Джима (на американской стороне — 4.000 убитых, 16.000 раненых, на японской — полное уничтожение гарнизона в 23.000 человек) и большого острова Окинава. Теперь воздушные налеты на Японию велись не с отдаленных островов Сайпана и Гуама, а с Окинава, лежащего на расстоянии двух-трех часов полета до крупных военно-промышленных городов.

Попытка с негодными средствами

Силы Японии были окончательно надорваны, ресурсы совершенно истощены. В продолжении четырнадцати лет страна находилась в лихорадочном возбуждении, строя великую континентальную и тихоокеанскую империю, и теперь пришло позднее сознание, что все это оказалось попыткой с негодными средствами. Грандиозное задание оказалось не под силу стране, поставившей на карту ради своего будущего все, вплоть до своего существования. Остатки ее еще недавно мощного флота во главе с последним дредноутом Ямато были потоплены в морских боях за Окинава. Все большие военно-промышленные города жестоко пострадали от воздушных налетов. Один ночной налет на Токио (10 марта 1945) ста пятидесяти американских бомбардировщиков B-29 спалил в час с небольшим триста с лишним тысяч домов и оставил миллион человек без крова. Через несколько дней такая же участь постигла Осака, где сгорело двести тысяч домов. В стране насту-

пил острый продовольственный кризис, население было в панике. В день гибели Ямата и остатков флота советское правительство известило Японию о расторжении им советско-японского договора о взаимном ненападении. В довершение ко всем бедствиям, из состава оси выпала Германия, учительница и вдохновительница Японии, выведшая ее на тоталитарно-агрессивный путь в Азии.

Планы войны и действительность

В начале Тихоокеанской войны японское высшее командование разработало генеральный план операций:[1])

1. В первую очередь выбить из строя Англию и затем подорвать волю Америки сражаться. Для этой цели всесторонне использовать плоды наших первоначальных побед и создать непроницаемую политическую и военную оборону в расчете на затяжной характер войны, планируя наступательные движения в соответствие с текущим моментом.
2. Создать независимую экономическую систему и усилить боеспособность страны путем консолидации оккупированных районов, закрепления коммуникационных линий и использования ресурсов, необходимых для нашей защиты.
3. Детализированные стратегические планы наступательных движений должны разрабатываться в связи с развитием операций, ходом советско-германской войны, духом взаимоотношений Советского Союза и Соединенных Штатов и поведением чунцинского правительства.
4. Продолжать в отношении Советского Союза политику сохранения спокойствия на севере, стараясь в то же время не допускать укрепления связи между Советским Союзом с одной стороны и Великобританией и США с другой.
5. Стараться путем военного нажима и политических маневров принудить чунцинское правительство перейти на нашу сторону.
6. Политика в отношении Германии и Италии была решена еще до начала войны. Эта политика должна оставаться без перемен, т. е. эти три державы должны продолжать сотрудничество, чтобы добиться скорого падения Англии и попутно с этим подрыва морального духа Америки.

Непредвиденные обстоятельства

Перемены во взаимоотношениях держав Оси Берлин—Рим—Токио произошли сами по себе, вне зависимости от планов японского верховного командования. Высадка союзников ле-

[1]) Kase, Toshikazu, Journey to the Missouri, Yale University Press, New Haven, 1950, pp. 104-105.

том 1943 года в Сицилии вызвала в течение двух недель падение фашистского режима. Маршал Бадольо запросил о мире и в сентябре итальянская армия сложила оружие. Италия, как это можно было ожидать, оказалась первой, выпавшей из состава оси.

В августе того же года на первой Квебекской конференции президент Рузвельт и премьер Черчилль полнее обсудили характер стратегических операций в Европе и Азии, который они наметили за восемь месяцев до этого на конференции в Казабланка, Марокко. Здесь впервые в переговорах союзников появилось выражение «безоговорочная сдача». В докладе своему правительству Черчилль запрашивал:

> ...Я хотел бы знать мнение военного кабинета о включении в совместную декларацию заявления о твердом решении Соединенных Штатов и Британской Империи продолжать войну пока мы не приведем Германию и Японию к «безоговорочной сдаче»...[2])

Последняя линия обороны

Решимость западных союзников заставила Японию насторожиться. В октябре того же года на чрезвычайном совещании верховного командования в Токио, после длительных споров и обычных пререканий между армией и флотом, была установлена «последняя» линия защиты империи: на севере от Курильских островов до Маршальских островов на юге, оттуда на запад к Новой Гвинеи, Яве, Суматре и Андомановым островам в Индийском океане, и, на север, к Бирме. (Меньше чем за полтора года эта «последняя» черта передвигалась несколько раз, с каждым разом все ближе к берегам самой Японии). Одновременно с совещанием верховного командования было созвано совещание марионеточных глав Китая, Филиппин, Сиама, Манчьжуто и Индии, на котором была принята Декларация восточно-азиатских стран:[3])

> 1. С англо-американским владычеством в Восточной Азии должно быть покончено навсегда. Великая Восточная Азия должна быть предоставлена восточно-азиатским народам.

---

[2]) Churchill, Winston S., The Hinges of Fate, Houghton Mifflin Co. The Riverside Press, Cambridge, 1950, p. 684.

[3]) Казе, стр. 72.

2. Страны Великой Восточной Азии обязуются защищать совместно свои территории и сотрудничать на основе взаимного уважения суверенитета и культурных традиций для создания эры экономического расцвета и культурного прогресса.

3. Эти страны должны распространить по всему миру дух братского содружества и внести свой вклад в прогресс человечества, работая сообща в целях уничтожения расовой дискриминации, установления взаимных культурных связей и предоставления для всех народов естественных богатств мира.

Япония — как она часто делала это в ту трагическую для нее эру — закрывала глаза на то, что она призывала страны Восточной Азии защищать тот порядок, который она насильственным путем установила для них. И все же в Декларации была видна искренняя попытка умеренных кругов (Коноййе, Сигемитцу и другие) привлечь к себе восточно-азиатские народы и создать для них иллюзию лучшего будущего.

Декларация Восточно-Азиатских Стран была опубликована незадолго до Каирского совещания, но никакого впечатления на участников его не произвела. В Каире Рузвельт, Черчилль и Чан Кай-ши утвердили основные планы широкого наступательного движения против Японии, получившего название операции КАПИТАЛ. Совместно с этим было объявлено, что у Японии будут отобраны все острова в Тихом Океане, оккупированные ею еще во время Первой Мировой войны, все территории, отобранные ею у Китая, как Маньчжурия, Формоза, Пескадерские острова, и что она будет «изгнана из всех территорий, захваченных ею насильственным путем».

Смена настроений

Суровость союзнических решений произвела подавляющее впечатление на японское правительство. Настроение японского правительства сменилось несколько к лучшему, когда стало известно, что Сталин не участвовал на Каирском совещании: появилась надежда, что Советский Союз сохранит нейтральное положение в Тихоокеанской войне. Затем настроение резко понизилось, когда в ноябре 1944 г. в день Октябрьской революции Сталин назвал Японию агрессором, развязавшим войну в Азии; оно поднялось вновь, когда на запрос японского посла Сато Молотов ответил, что Сталин имел в

виду поведение Японии в отдаленном прошлом и совсем не касался ее настоящей политики.[4])

Весной 1945 года положение Японии достигло кризиса. Война для нее в Азии была проиграна, как проиграна была для Германии война в Европе. Оставалось только рассчитывать, что путем продолжения войны и оттягивания срока своего разгрома, Япония сможет выторговать более приемлемые условия мира, чем условия безоговорочной сдачи. В связи с этими последними расчетами Японии оставалось добиться ответа на два кардинальных вопроса: как долго продержится в войне Германия и как долго Советский Союз сохранит свой шаткий нейтралитет.

Разгром Германии

Агония Германии началась в марте 1945 года, когда американские войска начали переправу Рейна у Ремагена, а английские у Вессела. Германская военная машина, еще недавно мощная и нагонявшая страх на всю Европу, стала стремительно приходить в негодность. В окружении Гитлера и в высшем командовании открыто заговорили о необходимости немедленного мира с западными державами, чтобы оградить Германию от неминуемого красного потока. На юге Геринг, считая Гитлера не у дел, затребовал предоставления ему права начать переговоры о сдаче западному командованию. Гитлер ответил приказом об аресте Геринга. Командование юго-западной группой армий (генерал Фиттингоф и SS обергруппенфюрер Вольф) самостоятельно добивались согласия верховного главнокомандующего западными силами генерала Эйзенхауэра принять сложенное перед ним германское оружие. На севере, в тайне от Гитлера, Гиммлер вел переговоры через графа Фолька Бернадотта о готовности Германии сдаться западным союзникам. Узнав о переговорах Гиммлера, Гитлер отдал приказ о расстреле его.

Среди близких Гитлеру лиц (министр вооружения Спир, генерал фон Позер) готовилось новое покушение на жизнь фюрера. Антигитлеровский заговор был раскрыт в оперативном штабе генерала Брюнау в Вене. Два главных участника его были повешены на Флоридсдорфском мосту, остальные офицеры штаба расстреляны во дворе военного министерства.

---

[4]) Там же, стр. 96-97.

Прорыв советских войск

В начале апреля советские армии, численностью свыше двух миллионов, мощным потоком залили все пространство между Балтикой и Богемией. Южнее несколько других армий стягивались к Вене. Крупные советские армейские силы, включавшие две танковых дивизии с двумя тысячами танков, были брошены против одной из последних оставшихся германских армий, располагавшей всего двухстами танков.

В середине апреля советские части прорвались в районе Кестрина. Армия Конева вышла на подход к Берлину. На захват его было брошено пять тысяч танков, такое же количество самолетов, две тысячи тяжелых орудий. 22 апреля советские части вышли на автобан, ведущий к Берлину.

В распоряжении германского командования оставались случайные силы, составленные из полицейских отрядов, юнкерских школ и других наспех собранных частей. Последнее контр-наступление против советских армий было намечено на 25 апреля, но ему не пришлось осуществиться. В стране начал царствовать террор. Дезертирство приняло массовые размеры. Отряды Гестапо без следствия и суда вешали и расстреливали отказывавшихся продолжать сражаться за фюрера, который в это время в безопасности своего бомбоубежища обсуждал со своими близкими наиболее подобающий случаю способ самоубийства.[5])

В день, когда итальянские партизаны убили Бенето Муссолини и Клару Петаччи при попытке пробраться в Швейцарию, в бомбоубежище Райхстага совершилось бракосочетание Гитлера и Евы Браун. На другой день они покончили с собой.

Германские армии капитулировали одна за другой. 5-го мая все германские силы, находившиеся в северной и южной Германии, Австрии, Голландии, Дании и Норвегии, сложили оружие. 7-го мая адмирал Дениц официально начал переговоры о капитуляции Германии.

На следующий день шестилетняя война в Европе, принесшая миру неописуемые потрясения и страдания, пришла к концу.

---

[5]) Goerlitz, Walter, History of the German General Staff, Praeger, New York, 1957, p. 498.

Реакция Японии

Капитуляция Германии потрясла Японию, уже тогда сознававшую, что ей не избежать участи своего западного союзника. Еще в конце апреля, на основании слухов о готовящейся сдаче, верховный военный совет принял решение продолжать войну вне зависимости от судьбы Германии. Выступая по радио премьер-министр Сузуки заявил, что события в Европе не явились неожиданным для японского правительства и что японский народ должен еще больше укрепить решимость продолжать войну, чтобы обеспечить право на существование, целостность Японии и добиться освобождения Восточной Азии. Упоминание о последней было сделано с целью успокоить ее народы, которые в судьбе Германии видели близость разгрома Японии и освобождение от ее владычества.

За два дня до формальной капитуляции Германии министр иностранных дел Того в официальном заявлении определил позицию Японии в отношении своего западного партнера. Если переговоры Гиммлера и адмирала Доеница с представителями западного союзнического командования имеют целью продолжение общей войны против Советского Союза, то

> трудно признать, что после смерти фюрера действия Германии находятся в согласии с договором Тройственного Союза, который ставит условием общую борьбу против Великобритании и Америки.
>
> При таких обстоятельствах, естественно, что Япония должна сохранить свободу действия в отношении Тройственного Союза и различных соглашений между ею и Германией.
>
> Вне зависимости от положения Германии, все, что случится с нею, не будет иметь никакого значения в решимости Японии продолжать успешную войну против Соединенных Штатов и Великобритании.[6])

На следующий день после капитуляции Германии японское правительство заявило:

> Сдача Германии, обязавшейся воевать вместе с Японией как одно целое, вызывает глубочайшее сожаление. Наши военные цели основаны на праве существования и самозащите. Это является несокрушимой верой Японии и поэтому перемены в европейской ситуации не повлекут у нас никаких изменений.[7])

---

[6]) Казе, стр. 126-127.
[7]) Там же, стр. 129.

Положение в Маньчжурии

Тихоокеанская война стала ощутимой в Маньчжурии, когда американские военно-воздушные силы совершили свой первый налет на промышленный Дайрен, Аньшанские копи и важные военные заводы. Хотя последовавшие налеты и не носили того интенсивного и разрушительного характера, как в Японии, все же они терроризировали население маньчжурских городов.

Упорные слухи о неминуемом военном разгроме Германии подтвердились в конце апреля 1945 года, когда германское посольство и консульства в Китае и Маньчжурии обратились с призывом к своим гражданам соблюдать выдержку и спокойствие. Обычное оживление в германских консульствах сменилось тишиной и замкнутостью. Входы были наглухо закрыты и доступ посторонним запрещен. Над их зданиями поднимался дым от сжигаемых бумаг и документов. В день капитуляции Германии секретарь германского консульства в Харбине, сочетавший эту должность с должностью главы Гестапо, покончил с собой.

Расчеты на волю к победе

Японские военные и дипломатические круги были растеряны. В военных миссиях и других правительственных учреждениях велись бесконечные совещания, в результате которых последовало заявление, что капитуляция Германии не изменит положение на Дальнем Востоке и что Япония попрежнему будет продолжать войну против Англии, Америки, Франции и Голландии с непоколебимой верой в свою победу. Различные другие официальные и полуофициальные японские заявления приводили слова премьер-министра генерала Коисо при открытии 86-ой сессии японского парламента:

> Для преодоления трудностей, возникших вследствие серьезного военного положения, основой правительственной политики в настоящей стадии войны является использование всех наличных сил государства для скорейшего усиления боевой мощи и создания обстановки, которая должна обеспечить конечную победу.
>
> При проведении мероприятий государственной администрации не следует в результате различных изменений военной обстановки поддаваться сменам настроений, а необходимо уверенно идти по пути реализации твердой политики, которая должна привести Японию к окончательной победе.

Но одной воли к победе оказалось недостаточно, когда один за другим удары посыпались на деморализованную страну. После потрясения, причиненного капитуляцией Германии, Японии еще предстояло перенести несколько других тяжких испытаний, и среди них нападение Советского Союза на ее континентальные владения.

Проигрыш Японией войны ошибочно связывался со вступлением Советского Союза в последнюю ее фазу. В то время никто еще не знал об атомной бомбе, к первому тайному испытанию которой только готовились в середине лета 1945 года вблизи Лос Аламос, в пустыне штата Нью Мексико. Никакого значения советско-японскому пакту о ненападении никто не придавал, тем более, что за год до истечения его срока советское правительство известило Японию, что оно не намерено продлить его дальше.

Японская экспансия на юг и распыление ее армий по юго-восточной Азии и тихоокеанским островам дали возможность советскому командованию перебрасывать в критические моменты свежие дальневосточные войска на снятия осады Сталинграда и прорыв германского фронта на юге России.

Никто не ожидал такого быстрого, неожиданного окончания Тихоокеанской войны, поэтому советское правительство не спешило с началом военных действий на Дальнем Востоке, считая для себя выгодным обескровливание американских военных сил в борьбе против Японии.

Но все ожидали, что советское правительство не пропустит возможности посчитаться со своим дальневосточным соперником, особенно когда эта возможность станет наиболее легко осуществимой. Это положение — кроме всяких других осложнений — представляло угрозу белым эмигрантам на Дальнем Востоке.

Реакция эмигрантских политических группировок

Капитуляция Германии потрясла пронацистские эмигрантские группировки. Они верили в успех нацистской Германии, закрывая глаза на бессмысленную жестокость немецкой оккупации России и гитлеровское отношение к «низменным» расам. Если они и признавали порочность гитлеровской политики, то старались объяснить ее неизбежными ошибками, легко оправдываемыми в борьбе с коммунизмом, ради которой все средства были уместны и допустимы. Они упрямо верили, что

Германия принесет освобождение России от коммунизма и в эмигрантских спорах относительно характера этого освобождения старались доказать, что от немецкого закрепощения будет легче освободиться, чем от коммунизма, когда наступит подлинный расцвет национальной России.

Как ни подавлены оказались эти эмигранские группировки, все же среди них нашлось немало привеженцев пронацистского толка, которые сумели проделать за одну ночь политический пируэт и, превратившись в ярых антинацистов, рьяно доказывать, что они давно предвидели бесславный конец Гитлера и нацистской Германии.

В главном отделе Бюро п/д Российских Эмигрантов в Харбине шли бесконечные совещания в связи с заданием японской военной миссии выяснить настроение эмиграции относительно капитуляции Германии. Задание оказалось щекотливым даже для опытных руководителей Бюро, обычно легко приспосабливавшихся к чувствам и желаниям своего начальства из военной миссии: они не знали, как сама миссия относится к капитуляции Германии и не хотели сделать промаха. В основном, эмигрантские массы относились совершенно безразлично к судьбе Германии, будучи заняты заботами о своей собственной судьбе.

После долгих совещаний и привычных упражнений в отписывании, руководители Бюро составили ответ в туманных выражениях, что хотя Германия и не имела права сдаваться, все же ее капитуляция не уменьшает уверенности дальневосточной эмиграции в окончательной победе расы Ямато и Великого Ниппона.

Настроение у всех было подавленное. Эмигрантская масса не знала, что ждать. Никто не сомневался в том, что Япония последует примеру Германии, но не знал, когда это случится. Всевозможные слухи создавали еще бóльшую тревогу и мучали неизвестностью ожидания. Воздушные налеты американских бомбардировщиков на промышленные центры порождали слухи, что американские войска готовят высадку в Маньчжурии, что изменит положение эмигрантов к лучшему.

Другие слухи предвещали появление в Маньчжурии войск не коммунистической, а «возрожденной национальной России». Наиболее трезвые из эмигрантов не верили ни тем, ни другим слухам и продолжали тревожно смотреть на будущее.

От Бюро п/д Российских Эмигрантов ожидали полного освещения событий и авторитетного руководства. По характеру своей организации Бюро должно было не только контролировать и опекать белую эмиграцию в Маньчжурии, но и направлять ее жизнь в материальном, культурном и духовном областях. За годы своего существования в условиях давления со стороны японских властей Бюро превратилось в безличный, чиновничий аппарат, в послушного исполнителя приказов и распоряжений военной японской миссии. Руководители Бюро служили интересам японских властей, но не интересам эмиграции. Ради очистки совести они распределяли среди эмигрантов некоторые продукты, выделенные им японскими властями, во всем же остальном предоставляли их своим собственным заботам. Каждый думал только о себе и сам, по мере сил и возможности, готовился к неизбежным событиям, предчувствуя, что они несут ему новые тяжелые испытания.

Эти настроения и думы учитывались советскими властями в лице советских консульств в Маньчжурии и их явных и тайных агентов и использовались для подготовки эмигрантов к переходу в Советский Союз.

В советском консульстве

Советское генеральное консульство в Харбине занимало просторное здание бывшей центральной железнодорожной библиотеки. За последний год перед окончанием войны его деятельность приняла несколько направлений, одним из которых была работа среди эмигрантов.

Генеральный консул Павличев, видный, представительный человек с приятным открытым лицом, в прошлом пехотный прапорщик, а до этого мелкий конторщик в Уфе, занимал номинальное положение главы харбинского консульства.*) Главной деятельностью консульства руководили особые сотрудники, непосредственно подчиненные центральным разведывательным органам, вице-консул Дмитрий Сошников и первый секретарь Николай Демин, оба подполковники войск НКВД. Первый совмещал свою должность с должностью военного атташе, в связи с чем часто разъезжал по Маньчжу-

*) Девятью годами позже Павличев, возглавлявший советскую дипломатическую миссию в Токио, совершенно разбитый человек после побега из миссии Юрия Растворова, был вывезен в Москву особо прибывшими из Москвы чинами МВД.

рии, создавая этим немало хлопот японским разведывательным учреждениям. Демин руководил военной разведкой и работой среди эмигрантов.

Новое лицо России

Сотрудники Сошникова и Демина — а их было у них немало — устраивали таинственные встречи с различными лицами, собирали материал по эмигрантским делам для передачи его в соответствующие советские учреждения, вели пропаганду и распускали всевозможные слухи. Они зажили еще более занятой жизнью, стали чаще появляться в Бомонде, Яре и других увеселительных местах, щедро соря деньгами, заводя знакомства с эмигрантами и всеми способами идя на сближение с ними. Это напористое сближение приняло массовый характер: казалось, что все служащие советского консульства и других официальных и неофициальных учреждений поставили себе задачей не пропускать ни одного эмигрантского торжества и в качестве непременных членов присутствовать на эмигрантских свадьбах, похоронах, именинах и крестинах. Обычно они появлялись без всяких приглашений, но обязательно с поздравлениями и подарками. При первом же удобном случае они заводили задушевные беседы, главной темой которых были «новое лицо России и ее перерождение в горниле войны». Они утверждали, что не должно быть ни советских граждан, ни эмигрантов, а должен быть только один русский народ, и что пора разрешить мирным образом прежние недоразумения и несогласия для объединения на тот случай, если Россия должна будет дать отпор новому врагу. О «новом враге» говорилось пространно и иносказательно, но никакого сомнения не оставалось в том, что это были союзники Советского Союза, с которыми он еще недавно воевал против Германии и к которым готовился примкнуть при первом удобном случае в войне против Японии.

«Оставаться на местах»

Летом 1945 года стали упорнее держаться слухи о возможности выступления Советского Союза против Японии. В эмигрантских кругах обсуждали различные политические положения, как, например, отказ советского правительства продлить советско-японский договор о нейтралитете и ненападении. Сотрудники Сошникова и Демина пока еще многозначи-

тельно умалчивали о возможности войны Советского Союза с Японией, а если и заговаривали о ней, то только постольку, поскольку она интересовала эмигрантов. Они утверждали, что подобная война не должна затронуть эмигрантов, а если она и произойдет, то советские власти сделают все, чтобы защитить их интересы. Поэтому эмигранты должны оставаться на местах и никуда не выезжать из Маньчжурии. «Оставаться на местах» стало лейт-мотивом во всех разговорах консульских сотрудников с эмигрантами. Попутно они не упускали воможности настраивать эмигрантские массы против Америки и Англии, выставляя эти страны в роли агрессоров.

Пока шло это искусственное братание советских сотрудников с эмигрантскими массами, эшелоны советских войск за эшелонами следовали из Восточной Европы на Дальний Восток.

Сбор обличительного материала

Советские власти в Маньчжурии преднамеренно проговаривались, что приближается срок выступления Советского Союза против Японии. Они готовились к войне и пользовались всем, что способствовало быстрому ее завершению и развитию послевоенных операций. Они усилили шпионаж и подачу фальшивых сведений с целью сбить с толку японские разведывательные органы. Обработка эмигрантских масс шла за счет послевоенных операций. Готовясь к войне, советское генеральное консульство и его различные отделы спешно отправляли в Советский Союз с дипломатическими курьерами огромное количество багажа, захват которого поставил бы советских деятелей в Маньчжурии в компрометирующее положение. Среди этого обильного архива немало материала посвящалось белой эмиграции и ее деятелям, который затем попал в руки военной прокуратуры и органов СМЕРШ. В сборе этого материала сотрудники Сошникова и Демина нашли себе готовых помощников среди некоторых руководителей Бюро п/д Российских Эмигрантов.

Голос Отчизны

Советская пропаганда, направленная на эмигрантскую массу, заработала круглые сутки. Неожиданно в воздухе появился таинственный голос Радио Отчизна, полный самых фантастических и нелепых слухов и сообщений точного характера,

поразивших своих слушателей новизной и достоверностью. Откуда Радио Отчизна получало эти сведения, известные только ограниченному кругу эмигрантских деятелей, сотрудникам японских военных миссий, долгое время оставалось загадкой. Эмигрантское население Маньчжурии с жадностью бросилось на передачи Радио Отчизна, несмотря на риск быть пойманными и понести наказание вплоть до смертной казни. Никто тогда не допускал мысли, что некоторые лица, занимавшие высокие посты в Бюро п/д Эмигрантов, являлись секретными сотрудниками Радио Отчизна.

Еще задолго до появления тайного голоса Радио Отчизна, в Харбине появилось отпечатанное на гектографе подпольное издание под характерным заглавием «Харбинская Правда». Позже выяснилось, что среди его сотрудников находились М. А. Матковский, полковник Наголен и другие лица из Бюро п/д Эмигрантов. «Харбинская Правда» освещала события в искаженном свете, выгодном для советской стороны и ставила в один ряд с Японией Соединенные Штаты, Великобританию и Францию. Позже, когда заговорил голос Радио Отчизна, советское правительство неожиданно предстало в роли защитника и друга белой эмиграции, которую оно решило освободить от Японии и некоторых стран, «посягающих на нее». Развивая эту мысль дальше, Радио Отчизна обвиняло западных союзников Советского Союза в агрессивных устремлениях и в то же время выставляло последнего как освободителя угнетенных народов.

В конце июня, за полтора месяца до окончания Тихоокеанской войны, Радио Отчизна передало «под большим секретом» сообщение о том, что японские власти готовятся мобилизовать белых эмигрантов. Это сообщение глубоко встревожило эмигрантскую молодежь, у которой не было никакого намерения защищать с оружием в руках провалившееся дело Японии. В эмигрантской толще появилось страстное стремление выехать куда угодно. Но для этого требовались длительные хлопоты, хождения по мукам в японских учреждениях, многочисленные документы. Запрос о выезде вызывал длительные опросы и допросы, обычно заканчивавшиеся отказом и взятием таких просителей «на учет». Все это порождало еще большую неприязнь среди эмигрантов к японским властям и способствовало росту благожелательных и даже патриотических чувств к той новой России, о которой так усиленно распина-

лись сотрудники советского консульства и работники Радио Отчизна. Среди некоторых кругов белой эмиграции стали раздаваться нетерпеливые пожелания: «скорее бы пришли советские, может быть при них будет легче!».

Положение эмигрантской молодежи и старшего поколения

Рожденная на различных эмигрантских этапах, не считая своей родиной родину отцов, эмигрантская молодежь в Маньчжурии и Китае жила в условиях, граничащих с безвыходностью. Ее уделом стало участие в чуждой ей по духу японской организации Кео-Ва-Кай и перспектива военной службы в созданных японскими властями эмигрантских отрядах.

Вероломное нападение нацистской Германии на Советскую Россию, трагедия первых месяцев войны, сдача врагу огромной части российской территории подняли в ней бурю чувств от кипучего негодования и возмущения до глубочайшего сострадания. Разгром под Сталинградом армии генерала фон Паулуса и стремительное продвижение советских войск к немецким границам воспламеняли ее духом национализма и патриотизма: она жаждала самопожертвования и подвигов, а вокруг себя видела заскорузлые формы Кео-Ва-Кай и эмигрантских политиканов, раболепно служивших японским интересам.

Но несмотря на обычный для молодежи восторженный пыл и внезапно захлестнувшую ее волну национального чувства, у ней были свои сомнения. Если в Советской России действительно произошли глубокие подземные сдвиги, о которых твердили сотрудники Сошникова и Демина, то они должны были бы уже показаться на поверхности в ряде различных проявлениях. В отличие от некоторых кругов старшего поколения, эмигрантская молодежь не считала, что возврат к золотым погонам и генеральским лампасам означает сколь либо значительный исторический сдвиг.

В этом лабиринте мыслей, догадок, надежд, упований терялась эмигрантская молодежь, не находя себе ни выхода, ни ответа на свои поиски, ни помощи со стороны старших.

На подобном распутьи нашло себя и старшее поколение. Четверть века прошло с тех пор, как впервые оно познало «тяжесть чужих ступеней и горечь хлеба в изгнании». В своем «подвесном», «межпланетном» пространстве, лишенное возможности вжиться, врастись в новый народ, приютивший его,

оно стало еще горячее лелеять истоки своей основной привязанности — родину. В Азии человек со светлым цветом кожи всегда только гость, вне зависимости от тех причин, которые заставили его попасть туда и жить там. В истории Азии можно насчитать всего лишь несколько иностранцев, полностью ассимилировавшихся с населением. И все же, как в случае с Лафкадио Херн, прожившем в Японии долгие годы, жизнь этих странников носила неизгладимые следы крайнего одиночества и тоски по родине.

Российская эмиграция 1919-1923 и затем 1941-1945 годов была эмиграцией политической, не имевшей ничего общего с обычной эмиграцией, вызванной избытком населения у себя на родине, отсутствием работы и т. д., и ищущей простора и новых возможностей в чужеземных краях. После четверти столетия зарубежом, дальневосточная эмиграция оказалась лицом к лицу с неожиданным для себя положением: на родине, как в мираже, показались страстно лелеянные в душе образы восстанавливавшейся национальной России. Советские власти впервые заговорили о возвращении блудных сынов в материнское лоно. Родина зовет — сам по себе этот зов поднимал восторженное чувство, которое застилало глаза доверчивых людей, не давало им осознать, что под ласкающий слух зов сотрудники советского консульства систематически собирали сведения о них, составляли заранее списки лиц для ареста, следствия, суда, концлагеря, смертной казни.

Эмоциональный климат

Когда рассеялась дымовая завеса советской политики тех лет и с убийственной выпуклостью вырисовалось перед глазами мира очередное вероломство советских вождей, тогда стало понятным трагическое заблуждение миллионов людей, включая десятки тысяч дальневосточных эмигрантов. Последним более чем кому либо простительно это заблуждение: они искали выхода из своего подвесного положения «между наковальней и молотом». Если в силу ряда обстоятельств отцы и матери и мирились с этим положением, они внутренне восставали против него, когда поднимался вопрос о будущем их детей. Материальные блага в жизни эмигранта и их накопление не представляли для него главной цели. Его любовь к общественной жизни сказалась в создании на новой почве организаций, церквей, театра, газет. Но и этого оказалось мало.

Он отводил большое место понятию, которое он называл «национально-мыслящим»; в это понятие входили неохладимая любовь к родине, к прошлому, к прежним, невозвратным устоям, к старой форме, даже к старой орфографии и старому календарю. В политическом смысле, если он не был оппортунистом, он оставался наивным дитятею. Появление в Советской России прежней офицерской формы, кутузовских и суворовских корпусов толкало его на заключение, что Россия выходит на национальный путь. Его прямолинейная непосредственность не давала ему возможности распознать трагические особенности нашего века, враждебные столкновения различных идеологий и философий, смертельную борьбу двух экономических систем, создание особого человека, которого тоталитаризм наделил античеловеческими качествами. Наряду с отсутствием политического зрения, в нем уживалось тщательно скрываемое им, но часто прорывающееся на поверхность чувство вины за все совершившееся на родине, которое он в подсознательном анализе объяснял религиозностью или совестью.

Стремясь внутренне установить непрерывную связь с родиной и доверчиво идя на новый обман и предательство, он не задумывался о той духовной и физической ломке, которая его ждала в случае возвращения на родину, о том установившемся порядке, когда каждый «должен за что то заплатить», а по выражению Сталина «перековать свою душу». Эти мысли ладно укладывались в его «национально-мыслие» и не подымали в нем никаких тревожных противоречий.

Все это составляло эмоциональный климат, в котором он пребывал накануне тех быстро развивавшихся событий, как капитуляция Германии, неминуемый разгром Японии и появление в Маньчжурии советских войск.

В течение своей жизни он не раз подпадал под тяжелые удары судьбы. Упрямо веря, что в конечном результате борьбы отрицательных и положительных сил победят последние, он умышленно или бессознательно закрывал глаза на то, что не все может оказаться для него благополучным, если он решит вернуться на родину, что новые испытания могут ждать его там. Принимая на себя общую «мировую» вину за все совершенное на родине, он не считал, однако, что за ним самим водились личные грехи. Воевал на стороне, которая оказалась в проигрыше, но это было больше четверти века тому назад.

Теперь всюду говорят, что прошлое предано забвению, что родина зовет, взывает о помощи. Не завлекает в концлагеря, а зовет на свободный созидательный труд.

Фатальные заблуждения

Волна просоветских настроений в годы Второй Мировой войны увлекла на себе не только некоторые круги белой дальневосточной эмиграции. Просоветские настроения чувствовались глубоко и среди народов союзных стран, сражавшихся против нацистской Германии. Героизм и самопожертвование российского народа вызывали всеобщее восхищение, а его суровые испытания и страдания — глубокие симпатии. Союзные и нейтральные страны проводили денежные сборы на устройство госпиталей, покупку медикаментов, питания, предметов первой необходимости для народов Советского Союза. Правительственные и деловые круги этих стран стремились создать самое близкое и дружественное сотрудничество с Советским Союзом и его правительством. В те годы всем казалось, что в горниле тяжких испытаний выковывался новый дух страны, который выведет Советскую Россию к новым человеческим формам жизни и навсегда покончит с беззаконием, произволом власти, политическим преследованием и террором коммунистической диктатуры.

Ростом просоветских настроений можно объяснить — но не оправдать — многое, что совершилось заграницей. В свете этих настроений происходили ответственные совещания президента Рузвельта, премьер-министра Черчилля и других государственных деятелей запада в Казабланке, Квебеке, Москве, Тегеране и Ялте. Государственный Департамент США находился под сильнейшим влиянием разношерстных деятелей с большим просоветским и коммунистическим уклоном. Десятки лиц, как профессор Овен Латтимор, одно время занимавший пост советника генералиссимуса Чан Кай-ши и пост экономического советника в комиссии по японским репарациям; Гарри Декстер Уайт, занимавший ответственное положение в Департаменте Финансов, один из доверенных и ближайших сотрудников Генри Моргентау и его ко-автор плана превращения промышленной Германии во второстепенную страну; Алджер Хисс, один из ближайших советников президента Рузвельта, секретарь конференции в Дамбэртон Оак и Сан Франциско по созданию Организации Объединенных На-

ций; Гарольд Глассер, главный советник Государственного Секретаря Маршалла во время московского совещания министров иностранных дел в 1947 году; Вирджиниус Франк Ко, секретарь Международного Денежного Фонда, и другие оказали не только сильное просоветское влияние на ход американской внешней политики, но и были косвенно или прямо замешаны в шпионаже в пользу Советского Союза*).

В свете фатального заблуждения Рузвельта и Черчилля, что в сознании советских правителей происходят глубокие сдвиги, шли совещания в Тегеране и Ялте. Высокие идеалы человечности руководили президентом Рузвельтом на этих ответственных совещаниях. Он невольно увлекал ими Черчилля, в значительной степени облегчив этим работу Сталина, который перед Ялтой считал, что ему придется вести затяжную борьбу с главами Америки и Англии.

В подобном же свете неоправданного ничем оптимизма крепли и убеждения эмигрантских масс, даже таких, которые, как, например, в Америке, вошли в толщу национальной жизни, составив в ней неотделимое меньшинство, что Советская Россия уже не такая, какая она была до войны. Нет ничего удивительного в том, что волна оптимизма вынесла наверх национальные чувства дальневосточной эмиграции, жившей по соседству с Россией и не перестававшей прислушиваться к ее взволнованному пульсу.

Что делать?

С каждым днем изнуряющего маньчжурского лета становилось яснее, что развязка близка. Слухи расли настолько разнообразные, точно у них были различные источники, а не одно советское консульство. Население прислушивалось к ним и приходило в состояние полнейшего замешательства и растерянности. Ждать точных разъяснений у Бюро Эмигрантов было бесцельно, так как его руководители были в неменьшей растерянности. Некоторые из них уже успели прочно связаться с советскими властями.

В эмигрантских организациях и группах велись лихорадочные обсуждения относительно того, что предпринять до появления в Маньчжурии советских войск. Совещания шли в Комитете Помощи российским беженцам о необходимом содей-

---

*) Обвинение О. Латтимора в шпионаже было снято в 1950 году.

ствии тысячам эмигрантов, сдвинутых с мест в случае появления советских войск. Совещания велись в Бюро п/д Российских Эмигрантов, на которых присутствовали начальники всех отделов и другие ответственные лица. Хотя совещания и носили секретный характер, на другой же день о ходе их было известно советскому консульству. О положении Японии говорили мало, так как всем было ясно, что она была накануне краха. Главной темой разговоров было положение эмиграции в связи с появлением в Маньчжурии советских войск. На совещаниях преобладало мнение, что эмигрантам не следуют уезжать из Маньчжурии и в частности из Харбина даже в случае прихода туда советских войск. Сторонники этого мнения доказывали, что в результате испытаний во время Отечественной войны Советский Союз переродился и что так же переродилась и советская власть, с трудом сохранившая свое верховодство в стране и в силу этого отказавшаяся от прежней мстительности, вероломства и коварства. В доказательство этой теории они указывали на вывешенную в витрине харбинского магазина парадную форму советского генерала, где по лампасам и золотым погонам они брались судить о выходе Советской России на прежний национальный путь, который если и не приведет к монархии, то во всяком случае к приемлемому для всех порядку. Окончание войны и поражение стран оси Берлин — Токио они неразрывно связывали со значительными переменами в России, благоприятными для всех, включая эмигрантские массы. Так же неразрывно — доказывали они — стояла эмиграция в отношении России и ее судьбы, представлявшаяся им не распыленной по всему свету, а одним целым организмом, неделимой эмигрантской империей. В защиту этого мнения можно привести оскорбленное чувство дальневосточной эмиграции, состояние приниженности, которое она испытывала вначале при китайских властях, а позже при японских.

Если приверженцам этой теории трудно было самим верить в преобразование России и ее духа, то тем легче было искать в нем утешение. Тяжело было думать о новом расставании с насиженными местами, легче было обольщать себя надеждами, что все образуется само по себе или пройдет стороной, не нарушив их привычного мира.

Другие считали, что до появления советских войск в Маньчжурии появятся американские и другие союзнические вой-

ска, что сразу улучшит политическое и материальное положение эмигрантов для продолжения антикоммунистической борьбы.

Третьи возражали, что если приход американских войск и облегчить бытовое положение дальневосточной эмиграции, то никаких улучшений он не принесет в деле антикоммунистической борьбы. Они вспоминали дни Гражданской войны, союзническую интервенцию и ее нерешительное, если ни благожелательное отношение к большевистской стороне революции. Они считали, что окончание войны в Европе и Азии не должно ослабить борьбы с коммунизмом, и что эмиграция поэтому должна следовать за теми, кто борется против коммунизма.

Четвертые указывали на ошибочность этого взгляда, приводя в пример нацистскую Германию и милитаристическую Японию, которые, под видом борьбы с коммунизмом, вели борьбу против российского народа и России.

Совещания эти не давали никакого положительного ответа и не разрешали вопроса о положении эмиграции. Два превалировавших мнения — приход советских войск перерожденной России и приход американских войск — убеждали многих, что нет никакого смысла уезжать из Маньчжурии. Версию о приходе американских войск поддержали и сотрудники советского консульства с расчетом на то, что белая эмиграция останется на своих местах в Маньчжурии.

Эти расчеты оправдались почти полностью. За исключением небольшого числа лиц, белая эмиграция в Маньчжурии осталась на своих местах к прибытию туда советских войск.

Приближение конца

Со времени интенсивных воздушных налетов на Японию и оккупированные ею территории, японские власти ввели обязательные противовоздушные маневры, в которых должны были принимать участие все без исключения. На улицах маньчжурских городов были выкопаны узкие траншеи вместо бомбоубежищ. Для населения, включая женщин и детей, была введена особая одежда, состоявшая из брюк, глухо застегнутых блуз и головных уборов, покрывавших шеи и плечи, с козырком впереди. Брюки у щиколоток и шейные покрывала стягивались шнурками. Одежда была темного или черного цвета, одного и того же покроя и превращала людей

в одну безличную массу. По правилам маневры противовоздушной обороны должны были происходить раз в месяц, но ретивое начальство устраивало их чуть ли не каждую неделю. В Маньчжурии в этих маневрах должны были принимать участие все население, включая эмигрантов и других иностранцев, за исключением советских граждан. По сигналу о начале противовоздушных маневров все окна завешивались занавесями, черными на уличной стороне и красными внутри. За точным исполнением правил противовоздушных маневров следили ретивые японцы-надсмотрщики. Если с улицы видна была узкая щель света, то они обычно выбивали стекла окон. Они задерживали на улице всех, кто не был одет по положенной форме, делали внушение, зачастую с применением физической силы. То же самое применялось и к женщинам, независимо от того, были ли они иностранки или нет. Некоторые из надсмотрщиков ввели практику отмечать мелом иероглиф на платье ниже спины, что ставило эмигрантов предметом насмешек и злорадства в глазах советских граждан.

Во время противовоздушных маневров казалось, что город только что подвергся разгрому. Все дворы должны были быть открыты для свободного перехода из одного в другой. Во дворах и на улицах у подземных убежищ и простых глубоких канавах толпились недовольные и раздраженные жители, бегали надсмотрщики, покрикивая на них и расталкивая их, следя за тем, чтобы каждый выполнял то, что ему было положено.

Каждый должен был иметь при себе два полотенца, веревку, ручной фонарь, спички, необходимые медикаменты и формулу крови на случай необходимого переливания крови.

Практические занятия по противовоздушной обороне включали тренировку в тушении пожаров. Людей заставляли лазить на крыши, подавать воду ведрами, упражняться с баграми, топорами, перетаскивать с места на место пострадавших и оказывать первую помощь. Все это требовалось делать точно так, как предписывалось японскими правилами, что еще больше раздражало неяпонское население, особенно эмигрантов, и настраивало их против властей. Китайское население выгонялось на улицы, но японские надсмотрщики остерегались применять к ним методы принуждения, которыми они широко пользовались в первые годы оккупации Маньчжурии. Китайцы это чувствовали и хотя выполняли все, что требова-

лось от них, но делали это с нарочито подчеркнутым безразличием. Образец стойкости и выдержки проявляло японское население, особенно женщины с младенцами за спиной и детьми постарше вокруг них. Они умышленно старались не замечать враждебного отношения к японцам надсмотрщикам — их мужьям, отцам и братьям, и старались не показать, что их положение было хуже, чем положение других.

В начале августа еще упорнее поползли слухи, что близится день поражения Японии. В Токие шли совещания с участием императора, на которых всесторонне обсуждались требования союзников о безоговорочной сдаче. Япония была готова принять эти требования с единственной поправкой, что «Потсдамская декларация не будет содержать никаких требований, затрагивавших прерогативы императора, как суверенного правителя».

Из советского консульства шли слухи о накоплении советских войск на Дальнем Востоке. О войне Советского Союза против Японии еще не упоминалось, но многозначительно говорилось о том, что надо ожидать больших событий, что война скоро закончится и что Советский Союз выйдет из нее победителем и освободителем народов.

Японское население Маньчжурии пребывало в таком же неведении, как и остальное маньчжурское население и питалось различными слухами. Не так давно оно еще было хозяевами положения в Маньчжурии и хозяевами, легко переходившими грань дозволенного. Оно было привилегированным классом правителей, хозяев и надсмотрщиков, преисполненных сверх меры шовинизмом, ультранационализмом и гордостью, стоявшей на грани священного чувства, что Великий Ниппон и Раса Ямата воздвигает Крышу из Восьми Углов и строит во всей Восточной Азии «новый порядок». Правители, хозяева и надсмотрщики отказывались верить в то, что крыша уже обрушилась и, несмотря на просачивавшиеся из Японии вести о разрушениях и испепеленных городах и гибели сотен и тысяч японского населения, надеялись, что в последнюю минуту какое то чудо спасет их страну от небывалого в ее истории разгрома. Они отказывались допустить, что император Хирошито — божественное начало, символ мощи и гордости Японии, первый заговорит о необходимости окончания войны на любых условиях. С фанатизмом и безропотностью восточного

человека, они готовились ко всему. Но то, с чем пришлось им встретиться в ближайшем будущем, превзошло все их наихудшие ожидания.

1-го августа японские власти в Маньчжурии начали большие противовоздушные маневры, которые должны были продолжаться десять дней. Население городов, включая Харбин, призывалось к внимательному и точному выполнению всех указаний и предписаний. Тотчас же поползли слухи, что это не маневры, а настоящая подготовка к обороне, что американские военно-воздушные силы, разгромив важные центры Японии, готовят массовые налеты на промышленные города Маньчжурии. Все население было одето в особые одежды, необходимые вещи каждого уложены в особые мешки. Японские надсмотрщики проверяли пришитые к одежде каждого нашивки-таблички с обозначением имени, фамилии, адреса, типа крови.

Маневры происходили по программе, выработанной японским Генеральным Штабом по практике противовоздушных маневров в Японии. Все радио-приемники должны были открыты. Почти беспрерывно передавались сигналы по гудкам, сиренам и радио. При сигнале «враг приближается, враг налетел», все немедленно скрывались по траншеям и бомбоубежищам и там отсиживались, пока не звучал отбой. За время сидения по убежищам вся жизнь в городах совершенно вымирала. После отбоя население принималось за гашение воображаемых пожаров, оказание первой помощи, переноску раненых и убитых. Японские надсмотрщики тщательно следили за точным исполнением и не смущались применять физическое воздействие даже к женщинам за малейшее нарушение правил.

Повторные тревоги изматывали население, особенно женщин и детей, усиливая враждебное чувство к японцам, к войне, ко всем ее участникам. Невольно мечтали о скором ее конце, закрывая глаза на все последствия ее завершения.

Радио станция Отчизна перешла на сверхурочное время. Она твердила о готовящейся капитуляции Японии, муссировала ложные слухи об антиправительственных выступлениях и восстаниях в Японии, на усмирение которых вызывались какие то мистические немецкие отряды. Все это было явная ложь, за исключением сообщения о готовности Японии за-

кончить войну, хотя еще в конце июля японское правительство, заявляя о неприемлемости крутых требований потсдамского соглашения, заявило, что у него нет другого выхода, как продолжать войну «до последней капли крови японского народа».

К голосу радио станции Отчизна прибавились голоса сотрудников советского консульства, призывающих эмигрантов оставаться на своих местах и, «прислушиваясь к зову родины, стать советскими гражданами». В витринах харбинских магазинов и приемной генерального консульства, в добавление к генеральской форме, были выставлены новые формы офицеров и солдат Красной Армии, похожие на форму старой императорской армии. Одержимые тоской по родине и непреодолимым тяготением к прошлому, некоторые эмигрантские группы устраивали целые паломничества к этим местам.

Раскаявшийся грешник

Харбинская православная епархия к этому времени признала патриаршую московскую церковь. Это признание отчасти было сделано под влиянием новых чувств, что в России происходят глубокие сдвиги, отчасти потому, что некоторые ретивые японские военные и политические деятели потребовали от православной церкви поклонения японской богине Аматерасу*).

После признания московского патриарха один из харбинских архиепископов заговорил о том, что Сталин — раскаявшийся грешник, призванный провидением спасти Россию. С амвонов зазвучали проповеди о том, что православная церковь, получив защиту московского патриарха Алексея, испрашивает такой же защиты и для всей дальневосточной эмиграции и избавления от японских властей.

Конец войны еще не наступил и совершенно не известна была роль Советского Союза в этом заключительном акте. Советское правительство предпочитало выжидать, когда Тихоокеанская война примет совсем выгодный для него оборот,

*) Это распоряжение японских властей вызвало глубокое возбуждение среди эмигрантов. Бюро п/д Российских Эмигрантов не решалось указать японским властям на нелепость их распоряжения, и только М. А. Матковский настоял на том, чтобы оно было отменено.

чтобы все же успеть попасть «к шапочному разбору».

В советских кругах тогда уже появилось направление мысли, ставшее в будущем ключом к отношению к своим западным союзникам, выраженное словами первого секретаря советского консульства Демина:

— Что СССР выйдет победителем в этой войне не подлежит никакому сомнению, и выйдет к тому же победителем-освободителем. Что же касается союзников СССР, то они также выйдут победителями, но не освободителями, а победителями-угнетателями.

В Бюро Эмигрантов.

Начальник Бюро генерал Власьевский попрежнему продолжал дважды в день посещать начальника японской военной миссии генерала Акикуса с докладом для получения распоряжений. В отделах Бюро не велось никакой работы, все были заняты разговорами о войне, Японии, а, главным образом о том, как наиболее безвредно и выгодно использовать момент. Исключение составлял глава 1-го отдела К. В. Родзаевский. У него велись совещания, обсуждалось политическое положение, изыскивались способы его разрешения. Родзаевский настаивал, что в случае прихода в Маньчжурию советских войск эмигранты во что бы то ни стало должны покинуть ее с верными людьми, хотя бы пешком. К его мнению примыкали немногие, большинство же думало о том, что лучше выждать и приглядеться: а вдруг все разговоры о переменах в Советском Союзе и национальных сдвигах окажутся на самом деле правдой. С приближением развязки, пока Родзаевский продолжал настаивать на необходимости покинуть Харбин до прихода советских войск, «верных людей» у него оставалось все меньше.

Начало военных действий

В ночь на 9-ое августа около трех часов утра в северо-восточном направлении от Харбина раздался оглушительный взрыв. Улицы дрогнули, завизжали сирены, загудели гудки, население бросилось к убежищам. На улицах забегали инспектора обороны. Никто не знал в чем дело. Оглушительные взрывы стали повторяться. На улицах города началась паника. Особенно жалкое зрелище представляли собой японки с узлами в руках, окруженные детьми, растерянно прижимавшиеся к стенам домов.

Через несколько минут после повторных взрывов над городом опустились парашютные ракеты, ярко осветившие большие пространства. Японские инспектора обороны не могли добиться ответа на телефонные запросы в штаб.

В четыре часа по радио было сообщено, что 8-го августа министр иностранных дел В. Молотов вызвал к себе японского посла в Москве и объявил ему, что советские армии перешли границу Маньчжуго и начали военные действия против Японии.

Этим сомнительным по характеру государственным актом — актом ненужным, бессмысленным, недостойным великой державы — правительство Советского Союза нашло уместным ответить Японии на предательство 1904 года.

II

СЕМИДНЕВНАЯ ВОЙНА

Были семилетние войны, были войны тридцатилетние, были короткие и затяжные, но ни одна война, продолжавшаяся всего одну неделю, не вызвала столько последствий, как советско-японская война в августе 1945 года. Возможность военного столкновения с вышедшей на азиатский континент Японией всегда занимала умы советских правителей. Еще в ноябре 1937 года Сталин неожиданно пригласил к себе советника китайского посольства в Москве Чан Чуна и после выражения симпатии и похвалы китайскому народу за то, что тот «воевал хорошо и стойко», сказал ему, что если положение станет не в пользу Китаю, Советская Россия готова будет объявить войну Японии.[8])

Положение изменилось меньше чем через два года, когда после заключения советско-германского договора о взаимной помощи, советское правительство сделало один из своих очередных политических вольтов. Весной 1940 года через своего генерального консула в Шанхае советское правительство заявило, что в подходящий момент оно признает созданное Японией марионеточное правительство Ван Цзин-вея. Это заявление было сделано после секретного соглашения Японии и Советского Союза о разделе Китая: Советскому Союзу отводились внешняя Монголия, Синкианг, Тибет и северо-западный район на запад от Тунгвана, в провинции Шэнси.

Оглашение секретного сговора, после опубликования в Гонконге «Соглашения об установлении новых отношений между Японией и Китаем», не остановило советское правительство от дальнейшего сближения со своим дальневосточным соседом: на следующий год оно заключило с ним пакт о ненападении. Двумя годами позже Сталин отказался принять участие в Ка-

---

[8]) Chiang Kai-Shek, Soviet Russia in China, Farrar, Straus & Cudahy, New York, p. 86.

ирской конференции на том основании, что на ней кроме президента Рузвельта и премьера Черчилля, принимал участие президент Китая Чан Кай-ши. Сталин не хотел дать повода Японии истолковать превратно его встречу с Чан Кай-ши и этим причислить Советский Союз к разряду ее врагов. Такой щепетильности у Сталина не оказалось, когда за спиной совещавшихся в Москве глав Генеральных Штабов Франции, Англии и Советского Союза о мерах обуздания Гитлера, он заключил с последним союз священной дружбы и договор о ненападении. В письме к Черчиллю накануне Тегеранской конференции, подтверждая свое участие, Сталин обусловил, что на ней «должно быть абсолютно исключено участие представителей любой другой державы.[9])

Первое совещание глав трех великих держав

На Тегеранской конференции (декабрь 1943) Рузвельт, Черчилль и Сталин всесторонне обсудили дальневосточный вопрос и послевоенное распределение территорий, отвоеванных у Японии. Сталин проявил больше интереса к вопросу о территориях, чем к планам Рузвельта и Черчилля о совместных действиях с Чан Кай-ши. За десять месяцев до этого (после конференции в Казабланка в январе 1943 года) Сталин отказался от предложения американского правительства обсудить возможность совместного выступления против Японии.[10])

Позже, во время московского совещания министров иностранных дел Молотова, Идена и Холла (окт. 1943) Сталин впервые заявил последнему, что когда будет побеждена Германия, Советский Союз возможно присоединиться к союзникам в войне против Японии.[11])

На Тегеранском совещании Сталин умышленно умалил тихоокеанские военные операции Соединенных Штатов, хотя американский военно-морской флот и морская пехота уже захватили Бугенвильские и Гильбертовские острова и готовились к десантным операциям на огромном пространстве Маршальских островов. Президент Рузвельт сообщил о готовящихся военных операциях американского военно-морского

---

[9]) Churchill, Winston S., Closing the Ring, Haughton Mifflin Co, Cambridge, 1951, p. 320.

[10]) Feis, Herbert, Churchill, Roosevelt, Stalin, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1957, p. 117.

[11]) Hull, Cordell, Memoirs, The Macmillan Co, New York, 1952, p. 1309.

флота в Тихом океане и об англо-американском плане операций в Бирме для открытия сухопутного пути для снабжения Китая и дальнейшей помощи Чан Кай-ши. Президент также поведал о готовности Америки и Англии летом 1944 года высадиться огромными силами в Нормандии.

Сталина мало интересовали военные дела союзников в Азии; постольку, поскольку японские военные силы были заняты на юге, в Китае и на десятках тихоокеанских островов он считал, что советский Дальний Восток находится в сравнительной безопасности. Но принятое решение союзников открыть второй фронт в Европе для совместных сухопутных операций против Германии представляло для Советского Союза исключительную важность, так как оно обеспечивало разгром Германии.

Вопрос о дальневосточных приобретениях

На одном из завтраков во время Тегеранской конференции Рузвельт и Черчилль еще раз вернулись к положению на Дальнем Востоке, чтобы выяснить степень заинтересованности Советского Союза в послевоенном расчленении японской новоприобретенной империи. Маньчжурия, Формоза, Пескадорские острова должны были быть возвращены Китаю. Что же касается других северных владений Японии, как южный Сахалин и Курильские острова, то Рузвельт и Черчилль хотели знать, что думает об этом Сталин. Здесь невольно поднялся еще раз вопрос об участии Советского Союза в войне против Японии и Сталин подтвердил свое раннее заявление уже в более определенной форме, что после поражения Германии советские войска будут брошены против Квантунгской армии в Маньчжурии.

По собственному почину Рузвельт и Черчилль подняли вопрос о выходе России к теплым морям. Сталин не замедлил откликнуться и спросил Черчилля о Дарданеллах — чувствительном в то время месте для Англии — и о пересмотре Севрского соглашения. Черчилль ответил, что если они собираются вовлечь Турцию в войну против Германии, то это не время для пересмотра дарданеллского вопроса. Сталин продолжал настаивать, что рано или поздно он должен быть пересмотрен. Видя, что страсти начинают разгораться, Рузвельт поспешил переменить опасную тему разговора и заговорил об открытии Балтийского моря со всеми его портами и Кильским каналом

для свободной навигации всех стран мира. Президент также заметил, что Дарданеллы должны быть открыты для свободного плавания коммерческих судов всех стран. На запрос Сталина, относится ли это и к советским коммерческим кораблям, Рузвельт ответил утвердительно.

Затем Сталин спросил, что мог бы получить Советский Союз на Дальнем Востоке. Черчилль откликнулся вопросом: а что он имеет в виду? Сталин скромно заметил, что лучше подождать, когда Советский Союз вступит в войну и тогда ответить на его вопрос, но тут же как бы про себя добавил, что у Советского Союза нет хорошего, открытого целый год порта. Владивосток замерзает на несколько зимних месяцев, к тому же заперт Цусимским проливом. Рузвельт заметил, что на Дальнем Востоке можно было устроить то же самое, что он предлагал в Балтийском море, т. е. создать свободный порт, и назвал Дайрен (Дальний). Продолжая игру, Сталин ответил, что вряд ли это понравится Китаю, на что Рузвельт возразил, что Китай ничего не будет иметь против, если Дайрен, как свободный порт, будет находиться под международным контролем.

В дальнейших переговорах подробнее выяснились расчеты советского правительства на Дальнем Востоке: свободный порт в Дальнем, Южный Сахалин и Курильские (Алеутские) острова. Сталин согласился, что Китайская Восточно-железная дорога должна быть передана Китаю. В этой фазе не было еще никаких упоминаний о советском влиянии на Дальнем Востоке, вознаграждении Советского Союза за вступление в войну против Японии и о положении Монголии. Только через год Сталин спохватился и заявил, что единственно о чем он еще не сказал до этого—это признание Китаем существующего режима в Монголии.

Ключ к последовавшей трагедии

Президент Рузвельт остался доволен малыми размерами советских условий. Он ожидал, что Сталин предъявит другие территориальные требования. Он был также доволен, что Сталин и Чан Кай-ши разделяли общий взгляд на послевоенные проблемы Дальнего Востока и был уверен, что между ними не будет никаких затруднений в разрешении дальневосточных дел после поражения Японии.

> С таким взглядом на будущее оказалось совершенно естественным для американского правительства не изменять своих военных планов в отношении Дальнего Востока и ранней оккупацией тех территорий, из за которых возможно было бы возникновение споров в будущем.[12])

Это «совершенно естественно» явилось ключом к той ничем не оправдываемой трагедии, которая разыгралась в Китае через несколько лет после окончания Тихоокеанской войны.

Вопрос об участии Советского Союза в войне против Японии был поднят вновь осенью 1944 года. В телеграмме Сталину Черчилль пространно доказывал о необходимости совместных действий.

> Самым серьезнейшим образом я желаю — и я знаю, что желает этого и президент — участия Советской России в войне против Японии, как вы обещали это сделать после разгрома Германии. Открытие советского военного фронта против Японии заставит ее пылать в пожарах и обливаться кровью от усиленных воздушных налетов, что в значительной степени приблизит ее поражение. Судя по всему, что я знаю о положении в Японии и о чувстве безнадежности, которым подавлен народ, я считаю, что как только будут разбиты наци, совместное требование трех наших великих держав Японии сдаться явится решающим фактором. Конечно, мы все должны включиться в эти планы. . .[13])

В осторожном ответе Сталин заговорил о больших трудностях, с которыми приходится сталкиваться советским войскам в Восточной Германии, а на риторический запрос Черчилля отозвался одной фразой: «наша позиция в отношении Японии продолжает оставаться такой, какой была в Тегеране».

Одновременно Черчилль писал Рузвельту: «нам необходимо уточнить время, когда после падения Германии внушительная Красная Армия будет готова выступить против японцев на границах Маньчжурии.[14])

Встреча в Москве

Прибыв в Москву для совещания со Сталиным (середина октября 1944), Черчилль сразу же попытался добиться от него

---

[12]) Фейс, стр. 256.
[13]) Черчилль, том 6-ой, стр. 215.
[14]) Там же, стр. 218, 219.

приблизительного срока выступления Советского Союза против Японии. Сталин уклонился от прямого ответа, но вскользь упомянул о нескольких месяцах после поражения Германии; «пока же Советский Союз будет накапливать военное снабжение, продовольствие и горючее на Дальнем Востоке». Он согласился предоставить дальневосточные воздушные базы американским военно-воздушным силам. Относительно войны он заметил, что предпочел бы неожиданное нападение японских войск на Красную Армию, что заставило бы последнюю воевать с большей готовностью. «Советские люди предпочитают знать, за что они воюют».[15])

На другой день вопрос о совместном выступлении на Дальнем Востоке был поднят на детальном обсуждении в присутствии военных экспертов. На запрос Сталина относительно наиболее выгодного применения советских войск генерал Дин, глава американской Военной Миссии в Москве, представил американские соображения:

1. Усиление обороны полуострова, на котором находится Владивосток, и Великого Сибирского Пути;
2. Совместные выступления против Японии советского и американского военно-воздушных флотов с дальневосточных и камчатских баз;
3. Морская и воздушная блокада Японии и пресечение ее связи с азиатским материком;
4. Открытие и защита морского пути между западным побережьем Америки и Приморской областью, военная оккупация советскими войсками южного Сахалина.
5. Уничтожение японских сухопутных войск в Маньчжурии должно быть главным заданием советских войск.

Американские пожелания были приняты полностью. Генерал Антонов, тогда еще помощник начальника Генерального Штаба, представив план наступления на Маньчжурию с пяти различных мест, определил количество японских вооруженных сил в Маньчжурии в сорок—пятьдесят хорошо вооруженных дивизий. Позже выяснилось, что эти данные были умышленно повышены; на самом же деле к началу советско-японской войны численность Квантунгской армии не превышала даже половины того. Лучшие части ее были переброшены на защиту Филиппин и Формозы и в Маньчжурии оставались только второочередные войска.

---

[15]) Там же, стр. 236.

Для сопоставления этим силам равных советских сил, Антонов считал, что тридцать красноармейских дивизий, расквартированных на Дальнем Востоке, должны быть увеличены по крайней мере вдвое. Здесь же были согласованы совместные операции значительных американских и советских военно-воздушных сил, а время выступления советских войск намечено через три месяца после падения Германии. Сталин подтвердил это лично: «В три месяца — да. После накопления снабжений, через несколько месяцев».[16])

На следующий день были окончательно выработаны все детали. По просьбе Сталина американское правительство должно было доставить в Приморье несколько сот четырехмоторных бомбардировщиков и инструкторов для подготовки советских летчиков к полетам на них. Американскому военно-воздушному флоту должны были быть предоставлены воздушные базы в Приморье и на Камчатке. Советский Союз приготовил длинный список необходимого американского снабжения, свыше одного миллиона тонн, в добавление к тому снабжению, которое уже было обусловлено раньше. Через посла Харримана Сталин запросил, намерено ли американское правительство вести совместные сухопутные операции в Маньчжурии, попутно развивая перед ним свои стратегические соображения:

> Если мы думаем серьезно о поражении Японии, мы не должны ограничиваться только Маньчжурией, а должны нанести прямые удары в различных направлениях и развить фланговые движения для ударов на Калган и Пекин. Нападение только на Маньчжурию не даст желаемых результатов. Я полагаю, что главные бои разовьются не столько в Маньчжурии сколько на юге, где могут оказаться японские войска, отступающие из Китая. Проблема, с которой мы встретимся там, это предотвращение попытки японских войск проникнуть из Китая в Маньчжурию. Нашей задачей поэтому будет сорвать расчеты японских властей в Маньчжурии заручиться поддержкой японских войск из Китая.[17])

В американских планах Соединенных Генеральных Штабов ничего не говорилось о совместных сухопутных операциях в Маньчжурии и Северном Китае. Говорилось только об общих планах, что «американские силы отрежут японские сухопут-

[16]) Фейс, стр. 464.
[17]) Там же, стр. 464.

ные силы на южных островах, а советские отрежут их в Китае. Советский военно-морской флот захватит северные порты в Корее, а американский появится в Японском море».

«Некоторые политические вопросы»

Президент Рузвельт и главы Соединенных Генеральных Штабов США, приняв с энтузиазмом программу действий советских войск в Маньчжурии, исключили необходимость высадки больших сухопутных американских сил в Китае и Маньчжурии.

> Американское правительство настолько было удовлетворено развитием подготовки советских войск к выступлению в Тихоокеанской войне, что не обратило внимание на намек Сталина на то, что советское правительство ожидает вознаграждение за свое участие.[18])

После заверения своих западных союзников о намерении Советского Союза выступить против Японии, Сталин заговорил об условиях: «... мы должны принять во внимание некоторые политические вопросы. Мы должны знать, ради чего мы будем воевать. У нас имеются известные требования к Японии».[19])

После второй Квебекской конференции (сентябрь 1944) и октябрьских переговоров в Москве американского посла Харримана и генерала Дина со Сталиным, когда уже полностью выяснился размер советского участия в войне против Японии, американское военное командование еще считало, что после поражения Германии понадобиться полтора года для окончания Тихоокеанской войны. Тогда еще не было возможности предугадать время конца войны в Европе, хотя не было уже никаких сомнений в победе союзников. Никто, однако, не предполагал, что она наступит в течение ближайших месяцев.

Советское командование исчисляло состав Квантунгской армии в милллион с лишним человек, не считая 170,000 армии Маньчжуго и 200,000 полицейских и жандармских отрядов, общей численностью почти в полтора миллиона человек. По ее подсчету в непосредственной близости к Маньчжурии

---

[18]) Там же, стр. 465.

[19]) Там же, стр. 466.

было от 700 до 800 тысяч японских солдат из оккупационной армии в Китае.[20])

Советское правительство преднамеренно повышало численность японских вооруженных сил, с которыми Красная Армия должна была столкнуться на полях Маньчжурии: это поднимало цену советского выступления в войне против Японии и в известной мере подравнивало его к гигантским операциям американских вооруженных сил в бассейне Тихого Океана; в связи с этим увеличивались американские поставки по «лэнд-лизу» и советские требования на вознаграждение политического и материального характера.

Игра и расчет

За период, начиная с лета 1944 г. и кончая Ялтинской (Крымской) конференцией в феврале 1945 г. сталинская политика в отношении Дальнего Востока подверглась различным изменениям и походила скорее на умышленную игру, чем на нормальную фазу международных отношений. Одним из объектов ее был вопрос о предоставлении приморских или камчатских баз американским военно-воздушным силам. После общего соглашения на Тегеранской конференции о совместных действиях против Японии, американское правительство представило Москве ряд запросов. Своевременно отметить, что в своих мемуарах Черчилль всегда подчеркивал, что тихоокеанские операции — дело Америки, и Англия, принимая в них участие и неся посильное бремя, предпочитает оставаться в стороне от руководящей роли, предоставляя ее американскому военному командованию. Позже это дало ему возможность умыть руки и отвлечь от себя ответственность за предоставление Сталину чрезмерно легкой добычи.

Подготовительные советско-американские переговоры о совместных военных действиях в Тихоокеанской войне заканчивались обычно ничем. В военных и правительственных кругах Англии и Америки создалось убеждение, что Советский Союз не собирается выступать против Японии, пока последняя еще была сильна. За судьбу своего Дальнего Востока Советский Союз уже не опасался, видя, как распылены были вооруженные силы Японии по тихоокеанским островам и

[20]) Большая Советская Энциклопедия, Военная операция в Маньчжурии.

как безвылазно застряли они в Китае. Советскую практику затягивания переговоров, топтания на месте и нарочитое вовлечение их в тупик нельзя поэтому объяснить ничем иным, как преднамеренной игрой с расчетом оттянуть момент вступления в войну до наиболее удобного времени и как можно больше выиграть от этого предприятия.

Президент Рузвельт пытался несколько раз добиться от Сталина и Молотова конкретных данных о сроке выступления советских войск против Японии. После ряда уловок избежать прямого ответа, Сталин заявил, что Советский Союз не в состоянии начать действий против Японии, так как значительная часть дальневосточных первоочередных дивизий была переброшена на прорыв и снятие блокады Сталинграда и другие важные театры войны. Что же касается совместных действий советских и американских военно-воздушных сил, то Сталин считал, что первые должны быть сперва снабжены новыми истребителями и бомбардировщиками, а кроме того четыре пехотных корпуса должны быть переброшены на Дальний Восток. Пока же это не было возможным, так как Германия еще продолжала представлять мощную военную силу. Сталин считал, что эти совместные операции возможны не раньше чем через несколько месяцев, т. е. летом 1944 г. Относительно же предоставления советских баз Сталин ответил, что он готов это сделать для трехсот американских бомбардировщиков, но вопрос оставался открытым, где отвести такие базы, на Камчатке или в районе Владивостока. Для решения этого вопроса Сталин обещал вызвать в Москву для личных переговоров командующего советскими военно-воздушными силами на Дальнем Востоке. Тогда возможно будет выбрать уже существующие базы, или, если этого окажется недостаточно, то выстроить новые. Здесь Сталин поспешил заметить, что если Япония решиться первой броситься в войну против Советского Союза, то эти базы могут быть потеряны.[21])

Затем последовал период столь характерного для советских вождей отвиливания от ранее данных обещаний. На повторные запросы Харримана относительно баз следовал один и тот же ответ Сталина: еще не прибыл командующий дальнево-

---

[21]) Фейс, стр. 403.

сточными военно-воздушными силами. Молотов попросту уклонялся от каких-либо ответов. Пока повторялись эти запросы, советское правительство успело заключить с Японией два новых соглашения: право на рыболовство в советских водах сроком на пять лет и ликвидация некоторых японских концессий на Северном Сахалине. В правительственных кругах Америки приняли это как соображения советского правительства: что выгоднее для него — договоры или война с Японией?

Настоящая причина затягивания этих переговоров заключалась в нежелании советского правительства допустить пребывание даже небольшого количества американских военных сил на территории советского Дальнего Востока. Подозрительность советских вождей усиливалась еще тем, что западные союзники откладывали начало десантных операций для открытия западного фронта. Поэтому они предпочитали ждать, накапливая тем временем американское военное и техническое снабжение, рассчитывая только в наиболее удобный момент выступить самостоятельно против Японии. Поэтому становится понятным, почему напоминания американского правительства о воздушных базах в Приморье и о совместных воздушных и морских операциях не вызывали никакого отклика у советских вождей. У Сталина раз прорвалось замечание, что в случае войны с Японией, Советский Союз не ограничится игрой на второй скрипке.

Затем совершенно неожиданно Сталин по собственному почину поднял вопрос о предоставлении американцам шести или семи аэродромов в окрестностях Владивостока и заговорил не только о снабжении их американскими средствами морским путем через северный Тихий Океан, но и о присылке нескольких сот четырехмоторных американских бомбардировщиков для замены двухмоторных самолетов, какими была оснащена советская дальневосточная авиация. Харриман заверил Сталина, что американское правительство только ждет его слова, чтобы договориться обо всех технических деталях. От прямого ответа Сталин отделался фразой: «не будем терять времени, чем скорее мы начнем переговоры, тем будет лучше». Но дальше этого дело не пошло.[22])

---

[22]) Там же, стр. 404.

Посол Харриман рекомендовал урезать доставку в Советский Союз некоторых индустриальных товаров, не связанных с ведением войны, в целях давления на советское правительство. Осенью 1944 г. после Квебекской конференции, Харриман опять напомнил Сталину о желании президента начать переговоры и подготовку к совместным тихоокеанским операциям. Сталин ответил, что он все еще настороже и не хочет вовлечь себя в войну раньше времени, но все же спросил Харримана, что имеет в виду президент — назначение точного срока вступления СССР в войну или только разработку планов? Харриман ответил, что разработка планов вначале, а затем уже определение срока. Тогда Сталин спросил, считают ли президент Рузвельт и премьер Черчилль вступление СССР в войну против Японии таким важным, и если так, то нет ли у них каких либо перемен по этому поводу. На заверения Харримана, что никаких перемен нет, Сталин возразил, что он считает странным, что в совместном письменном обращении Рузвельта и Черчилля к нему о планах быстрого и победоносного окончания войны с Японией ничего не говорится об участии советских войск, словно это участие совершенно не принималось в расчет. Харриман ответил, что ни Рузвельт, ни Черчилль не могли говорить об участии советских сил, не получив от него никакого определенного ответа, а тем более говорить о составлении плана совместных операций, не зная какое количество войск СССР готов был выставить против Японии. Сталин подчеркнул, что советское правительство должно знать наперед, что союзники имеют в виду и какие задания должны выполнять советские войска. Харриман ответил, что обо всем будет договорено, как только советское правительство решит начать переговоры с соединенным англо-американским командованием. Сталин и на этот раз не дал никакого прямого ответа, но продолжал спрашивать Харримана, имеют ли в виду американцы только воздушные базы в Приморье или активное выступление советских вооруженных сил в Тихоокеанской войне; «президент Рузвельт предполагал подобное выступление, на что советское правительство дало свое согласие. Но впрочем», добавил он, «если Соединенные Штаты и Великобритания желают поставить Японию на колени без участия советских вооруженных сил, советское правительство готово согласиться и на это».

Вопрос о Китае

Еще задолго до этой встречи Харримана со Сталиным, президент Рузвельт обрисовал то политическое положение в Китае, которое он считал идеальным для успешного завершения войны с Японией. Он считал, что деление Китая на враждующие фракции только умаляет его роль в борьбе против Японии, поэтому советское правительство должно оказать влияние на китайских коммунистов и удержать их от вражды с Гоминданом, а с другой стороны проявить терпение в разрешении вражды Чан Кай-ши с главами китайской компартии. Президент Рузвельт считал Чан Кай-ши единственным лицом в Китае, способным объединить страну и удержать ее от пагубных последствий гражданской войны.

Когда Харриман передал об этом разговоре Сталину, последний ответил, что он не может не согласиться с доводами президента и также считает Чан Кай-ши лучшим человеком при существующем положении — «к несчастью нет никого лучше, поэтому следует его поддержать». После этих слов у Харримана создалось впечатление, о котором он сообщил президенту, что «Сталин хочет подготовить такую обстановку в Китае, при которой будет возможно совместное выступление против Японии советских и китайских вооруженных сил.»[23])

Взгляд на китайских коммунистов

Некоторое время после этих разговоров генерал Патрик Херли, американский посол в Китае, и Дональд Нельсон, представитель правительства, по пути в Чунцин остановились в Москве, где они обсудили с Молотовым все фазы советско-китайских взаимоотношений. Здесь выяснились некоторые неожиданные подробности: советское правительство было задето «неблагодарностью Китая и Чан Кай-ши»; первый не отблагодарил его за то, что тот воздержался от вмешательства в китайские внутренние дела, а второй не отблагодарил за «оказанное советскими властями в Китае содействие в освобождении его во время сианского путча в 1936 году».

Разговор о Китае дал возможность Молотову высказать парадоксальный взгляд на китайских коммунистов. Начал он с жалобы, что многие незаслуженно упрекают советское правительство во вмешательстве во внутренние дела Китая, что

---

[23]) Там же, стр. 406, 407, 408.

дает оправдание ему снять с себя какую либо ответственность за политическое положение в Китае. Что же касается китайских коммунистов, продолжал Молотов, то они не являются коммунистами в подлинном смысле слова, а просто недовольными существующим порядком. Если американское правительство окажет помощь этим так называемым коммунистам, то число их в Китае сразу понизиться; оно понизилось бы и в том случае, если правительство Чан Кай-ши взяло бы на себя заботу о китайском народе. Молотов заметил, что советское правительство было бы весьма довольно, если бы Америка помогла китайскому народу подняться на ноги.[24])

Парадоксальный взгляд Молотова на китайских коммунистов оставил на Херли глубокое впечатление. Позже это помогло создать впечатление у последовавших американских деятелей, включая генерала Маршалла, что «китайские коммунисты — всего на всего безземельные крестьяне, ищущие аграрных реформ».

Ялтинская конференция

Опубликование секретной части ялтинского соглашения год спустя после встречи президента Рузвельта с Черчиллем и Сталиным вызвало много разноречивых и противоречивых комментариев. Рузвельта уже не было в живых, он умер через два месяца после окончания конференции. Защитники конференции и, следовательно, Рузвельта — считали, что она привела к более тесному содружеству участников антигитлеровской коалиции и к более широкому пониманию критических проблем послевоенного мира и способов их разрешения. Мнение противников можно выразить в следующих словах:

> ...Ялтинская конференция явилась полем сражения, на котором впервые разыгралась холодная война между Советским Союзом и западными державами... тайным полем брани, на котором бдительность наших вождей оказалась притупленной заботами о своих собственных проблемах, а они сами оказались под тяжелым давлением преждевременно рожденных выводов, вроде того, что СССР находился в стане верных и надежных союзников.[25])

---

[24]) Там же, стр. 408.

[25]) Rear Admiral Ellis M. Zacharias, Behind Closed Doors, Putnam's Sons, New York, 1950, p. 53.

Долины и вершины столетий

За две недели до конференции, вступая в четвертый раз на пост президента Соединенных Штатов, Рузвельт заявил: «мы не добьемся вечного мира, если будем подходить к нему с подозрительностью, недоверием и страхом». Продолжая свою вступительную речь, он сказал: «В жизни есть долины и вершины, но важно помнить, что ход цивилизации всегда идет в гору, что линия, проведенная через долины и вершины столетий, неизменно восходит вверх».

Восхождение «по вершинам столетий» не только явилось ключом к участию Рузвельта в этом его последнем и наиболее ответственном международном деле, но и дало объяснение вольным и невольным ошибкам, совершенным им на Ялтинской конференции.

Проблемы союзников

В отличие от Тегеранской — целиком военной, — Ялтинская конференция была посвящена более мирным целям: послевоенным проблемам Европы, судьбе Германии, делению ее на оккупационные зоны четырех союзников антигитлеровской коалиции, политическому и правовому положению освобожденных стран восточной и юго-восточной Европы, влиянию в них Советского Союза и т. д.

Поражение Германии было уже признанным фактом, но в феврале 1945 года никто еще не предполагал, что оно произойдет в течение ближайших трех месяцев.

Каждый из трех участников конференции ожидал от нее разрешения своих собственных проблем. Для президента Рузвельта это сводилось к сглаживанию значительных шероховатостей с советским правительством в деле создания Организации Объединенных Наций и к выступлению Советского Союза против Японии. Черчилль считал, что без предварительного разрешения вопросов о Германии и Польше, об участии Франции в послевоенном балансе сил в Европе, о влиянии Великобритании на Балканах и в некоторых странах Ближнего Востока, было бы преждевременно создавать международную организацию типа Объединенных Наций. Сталина в первую очередь занимало три вопроса: послевоенная экономическая реконструкция Советского Союза за счет германских репараций и возможных американских займов; наиболее выгодное вознаграждение за участие в войне против Япо-

нии; и создание зависимых правительств в странах восточной и юго-восточной Европы, т. е. насаждение в них коммунистического режима для укрепления безопасности Советского Союза и пресечения возможности новой угрозы со стороны Германии.

За месяц до начала Ялтинского совещания, несмотря на данное обещание президенту Рузвельту и настойчивую просьбу последнего не предпринимать самостоятельных шагов в Польше, Сталин поспешил признать прокремлевский Люблинский комитет как законное польское правительство. Закулисные маневры Сталина в Европе определили характер конференции и дали особое направление ходу ее работы, почти вытеснив обсуждение вопроса о Тихоокеанской войне и дальневосточных проблемах. Только к концу конференции были включены в повестку совещания два параграфа, из которых один касался вопроса «о совместных действиях с другими заинтересованными странами Тихого океана для оказания и развития неослабеваемого давления на Японию в целях поражения ее военной мощи и занятия позиций, с которых форсировать ее капитуляцию»; под другим параграфом значилось: «как только позволит германское положение, переброска сил с европейского театра войны на тихоокеанский театр и Дальний Восток должна получить наивысшее первенство после принятия во внимание всех уже оговоренных и самостоятельно вытекающих обстоятельств». Расшифрованная на простой житейский язык, эта смесь казенной витиеватости с подобием изречения дельфийского оракула означало вовлечение Советского Союза в войну против Японии.

Ошибочное представление об Японии

На заседаниях Ялтинской конференции (4-11 февраля 1945 года), происходивших в главном зале и биллиардной покойного Государя в Ливадийском дворце, разгром Германии обсуждался как уже совершившийся факт, хотя за два месяца до ее созыва широкое наступление фельдмаршала Рундштедта в арендских лесах показало, что германская армия была еще в состоянии вести мощные контрнаступления.

Что же касается Японии, то окончания войны с нею предвидели не раньше чем через полтора года после разгрома Германии. Таким образом на очереди оставалась Япония, поте-

рявшая уже много, но все еще упорная в решительности продолжать войну в надежде на то, что путем оттягивания ее конца она добьется от западных держав мира на более приемлемых для себя условиях.

Перед началом Ялтинской конференции начальники американских Генеральных Штабов приготовили для президента Рузвельта доклад, в котором, кроме установления приблизительного срока окончания войны с Японией (не раньше поздней осени 1946 года), были представлены различные способы достижения этой цели, как, усиление разрушительных воздушных налетов на японские города, возможность мирных переговоров со стороны японского правительства, участие советских войск и десантные операции в самой Японии.

Этот доклад был основан на документе, приготовленном осенью 1944 года разведывательным отделом Штаба Военного Министерства США, который по мнению начальников Генеральных Штабов армии, флота и воздушных сил наиболее верно освещал дальневосточное положение. Этот документ представлял военный потенциал Японии в непомерно повышенном виде. Предполагаемые десантные операции в самой Японии описывались на фоне фанатического сопротивления японских войск, проявленного ими на второй год войны, когда американские, английские и австралийские войска теснили их с авангардных позиций на тихоокеанских островах. Стоимость предполагаемых десантных операций на острове Кюсиу исчислялась в сотнях тысячах раненых и убитых американских солдат. Миллионная десантная армия, составленная главным образом из американских сил, должна была встретить яростное сопротивление не только значительных японских сил, находившихся в самой Японии, включая вооруженное всевозможным образом население, но и миллионную японскую армию в Китае, не считая Квантунгской армии в Маньчжурии и Особой армии в Корее.

Чрезмерно осторожный тон этого документа и его неменее чрезмерное преувеличивание возможности Японии сражаться дальше ставили необходимым вопрос об участии Советского Союза в Тихоокеанской войне.

Позже стало известно, что в Военном Министерстве в Вашингтоне находилось два других обзора Японии и ее способности продолжать войну, оба составленные в более реальном освещении и с практическим учетом, что дни Тихоокеанской

войны быстро приближались к развязке. Морской министр США Джеймс Форресталь в своем докладе о политическом и военном положении Японии не только верно учел слабую возможность ее продолжать войну, но и доказал, что Тихоокеанская война была уже выиграна Америкой и что поэтому совершенно не следует пытаться вовлекать в нее СССР.

Эти доклады не оказали никакого влияния на начальников Генеральных Штабов США в разработке ими планов ведения войны с Японией и установления примерного срока окончания Тихоокеанской войны. Они предпочли руководствоваться первым аналитическим обзором Японии, полагая, что осторожность в расчетах лучше опрометчивых решений. Подобные ошибки людей, располагающих всевозможными секретными данными и обширным разведывательным материалом, явление нередкое. За четыре года до этого среди высшего американского командования существовало убеждение, что в войне против Германии Советский Союз не продержится и трех месяцев. Даже летом 1945 года, после поражения Германии и успеха с первым испытательным взрывом атомной бомбы в верховном командовании США, включая начальников Генеральных Штабов, продолжало существовать убеждение, что война с Японией продлится до осени 1946 года, т. е. приблизительно еще пятнадцать месяцев. Пятью неделями позже Япония капитулировала безоговорочно.

Секретное соглашение Рузвельта и Сталина

Обсуждение тихоокеанских проблем все откладывалось к концу. Казалось, что на Ялтинской конференции никто не хотел заговорить прямо о советском участии в войне против Японии. Сталин не хотел делать этого открыто, так как Советский Союз продолжал еще быть связанным с Японией пактом о нейтралитете. Рузвельт старался обсудить этот вопрос настолько тайно, чтобы о нем ничего не стало бы известно чунцинскому правительству, не отличавшемуся надежностью в деле сохранения государственных тайн. Черчилль считал, что Тихоокеанская война — дело Америки и поэтому не хотел вмешиваться в нее и в связанные с нею проблемы.

Дальневосточному вопросу тем не менее было посвящено достаточно времени. Союзники считали, что конференция была бы не завершена, если бы не был окончательно разрешен вопрос об участии Советского Союза в войне против Японии.

На предпоследней пленарной сессии конференции Сталин формально заявил, что Советский Союз выступит против Японии в течение двух-трех месяцев «при условии соблюдения уже достигнутого понимания». Это «понимание» было секретным соглашением, к которому пришли Рузвельт и Сталин за два дня до этого.

Совещание Рузвельта и Сталина произошло частным образом, в присутствие только посла Харримана, Молотова и двух переводчиков, Павлова и Чарльза Болена.*) Заговорив о политических условиях, на которых Советский Союз был готов выступить в войну против Японии, Сталин напомнил Рузвельту, что этот вопрос достаточно обсуждался на предварительных совещаниях, включая Тегеранскую конференцию и его встречи с Харриманом и генералом Дином в Москве. Рузвельт ответил, что он хорошо знаком с этими переговорами, поэтому считал, что «никаких трудностей не произойдет», если Советский Союз получит справедливое вознаграждение за свое участие в Тихоокеанской войне.

Задолго до Ялтинской конференции Государственный Департамент США составил проект, в котором он рекомендовал выделить Южный Сахалин как мандатную территорию, а северные и средние Курильские острова передать под международный контроль, оставив два южных острова, Хабонай и Чичири, лежащие вблизи Хокаидо, за Японией. Здесь на конференции, Рузвельт искал поддержку Сталина в создании Организации Объединенных Наций, поэтому готов был не поднимать спора с ним из за каких то островов. По сведениям лиц, стоявших близко к Рузвельту, он даже не ознакомился с проектом Государственного Департамента, всецело полагаясь на самого себя в разрешении дальневосточных проблем.

Рузвельт напомнил Сталину, что еще на Тегеранской конференции он предлагал ему Дайрен на условиях аренды у Китая, а еще лучше на условиях пользования им как свободным портом при наличии установления над ним международного контроля. Рузвельт считал второй путь более удобным, так как тогда и Гонконг можно было бы превратить в свободный порт.

---

*) В пятидесятых годах Ч. Болен занимал пост посла США в Москве.

Сталин согласился, что в разрешении этих условий «никаких трудностей не предвидется» и что у него нет никаких возражений против интернационализации Дальнего. Затем он перешел к другому вопросу: советское правительство желало бы воспользоваться железными дорогами в Маньчжурии, КВжд и ЮМжд. На это Рузвельт откликнулся также полным согласием, если Советский Союз арендует эти дороги или договорится с Китаем о совместной эксплуатации.

Оставив пока эти вопросы открытыми, Сталин и Рузвельт заговорили о Чан Кай-ши, времени, когда оповестить его о своем секретном соглашении и о его возможно критическом отношении к советским требованиям. Оставив и этот вопрос открытым, Сталин предложил до окончания Ялтинской конференции скрепить письменно условия советского вступления в Тихоокеанскую войну. Рузвельт ответил согласием.

В тот же день, после полуденного завтрака, Черчилль, не участвовавший в переговорах Рузвельта со Сталиным, спросил последнего относительно советских расчетов на Дальний Восток. Сталин ответил, что Советскому Союзу нужна военно-морская база в теплых морях, как Порт Артур, но что Рузвельт настаивает на установлении над ним международного контроля, что не устраивает Советский Союз, так как подобное положение не обеспечивает его преимущественных интересов. Черчилль с готовностью согласился со Сталиным в отношении Порт Артура.[26]) Здесь можно было бы напомнить Черчиллю его ответ Рузвельту, когда на одной из сессий Ялтинской конференции последний поднял вопрос об установлении международного контроля над некоторыми территориями Китая, находящимися в руках иностранных держав, как Гонконг. Черчилль наотрез отказался признать за каким либо международным агентством право контролировать территории, находящиеся под британским флагом. «Пока во мне еще бьется жизнь, я не допущу сдачу британской суверенности.[27])

Свое заявление о готовности Советского Союза выступить против Японии через два-три месяца после окончания войны в Европе Сталин скромно подкрепил следующими словами:

---

[26]) Черчилль, Триумф и трагедия, стр. 389.

[27]) Leahy, William D., Fleet Admiral, "I was there," McGraw-Hill Book Co, New York, 1950, p.

«я хочу вернуть только то, что японцы отобрали у России». Рузвельт заметил, что «это вполне резонное желание нашего союзника вернуть то, что было отнято у него.» Продолжая разыгрывать роль пострадавшего, но мало притязательного человека, Сталин сказал, что не намерен требовать от Японии репараций и готов полностью поддержать правительство Чан Кай-ши.[28]) Великодушное заявление Сталина было принято в оптимистической атмосфере конференции.

Через два дня после секретного соглашения Рузвельта и Сталина, Молотов передал Харриману английский перевод документа, озаглавленного «Проект маршала Сталина по вопросу о политических условиях, связанных со вступлением Советского Союза в войну против Японии». Здесь Сталин заговорил уже в самых определенных выражениях: возвращение Южного Сахалина и передача Советскому Союзу всей цепи Курильских островов (переданных Россией по договору 1875 г. Японии взамен за Сахалин); аренда Дальнего и Порт Артура на исключительных правах с обеспечением «преимущественных интересов» Советского Союза; восстановление всех прав на КВжд, которыми пользовалось правительство царской России в Маньчжурии (от которых советское правительство торжественно отказалось в ноте китайскому правительству от 25 июня 1919 года); признание Китаем «автономии» Внешней Монголии, т. е. включение ее территории в состав Советского Союза.

Харриман сказал, что сталинский проект расходится с устным соглашением Рузвельта и Сталина и будет приемлем только после трех поправок: Дальний и Порт Артур — свободные порты, но не в аренде Советским Союзом; эксплуатация КВжд и ЮМжд совместной советско-китайской комиссией; заручение согласия Чан Кай-ши прежде чем эти условия войдут в силу.

После совещания с президентом, Харриман внес американские поправки в текст сталинского проекта и вернул его Молотову. Сталин не возразил ничего против интернационализации Дальнего, но настоял на аренде Порт Артура, т. к. в нем предполагалось основать советскую военно-морскую базу. Сталин уступил в вопросе о совместной эксплуатации маньчжурских дорог под общим контролем.

---

[28]) Лэги, стр. 318-319.

Медлительность советского командующего

На Ялтинской конференции еще раз был поднят вопрос об использовании американскими военно-воздушными силами советских баз в Приморье и на Камчатке. Американская сторона обещала предоставить любое снабжение и техническое оборудование советскому военно-воздушному флоту с тем, чтобы вызвать готовность его начать совместные воздушные операции против Японии. За несколько месяцев до этого Сталин обещал предоставить американцам базы в районе Владивостока. Сделал он это неохотно, оговорившись на всякий случай, что окончательное решение будет принято по прибытии в Москву командующего советскими военно-воздушными силами на Дальнем Востоке. В любое другое время по первому вызову Сталина этот командующий прилетел бы в Москву на следующее утро. На этот раз Сталин уже не упоминал о владивостокских базах, о камчатских же базах сказал, что присутствие японского консула в Петропавловске исключает возможность использования их американскими силами. Сталин вскользь упомянул, что отдаленные базы в районе Комсомольска-Николаевска могут быть предоставлены американскому военно-воздушному флоту.

Невыясненными остались и другие вопросы, как, например, предел советского проникновения из Маньчжурии на юг Китая, высадка американских войск на Квантунгском или Ляодунском полуостровах или Корее.

Окончательная редакция соглашения

Последняя пленарная сессия Ялтинской конференции состоялась в воскресенье 11 февраля. Черчилль и Сталин настаивали на продолжении конференции, но Рузвельт считал, что все было уже обсуждено и решено и он должен был в тот же день начать свое путешествие домой.

Перед пленарной сессией было спешно проведено закрытое совещание. По свидетельству присутствовавших лиц, Сталин был не в меру торжественный. Рузвельт, хотя больной и изможенный, был в приподнятом настроении. Черчилль почти не открывал рта.

Сталин передал Рузвельту приготовленный Молотовым окончательный текст соглашения. В нем, кроме американских поправок, были вписаны условия, о которых не было упомянуто прежде: обеспечение преимущественных интересов Со-

ветского Союза в отношении интернационализированного Дальнего и совместного управления с Китаем Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской дорогами. Харриман обратил внимание президента на это и предложил, чтобы советская сторона уточнила смысл «преимущественного интереса». Рузвельт ответил, что относительно этих слов у него достигнуто понимание со Сталиным и что они означают желание советского правительства обеспечить беспрепятственный доступ к интернационализированному Дальнему и такое же беспрепятственное пользование КВжд и ЮМжд для сквозного сообщения.

Соглашение Рузвельта-Сталина в окончательной редакции было готово для подписи. Оно гласило следующее:

> Главы трех великих держав, Советский Союз, Соединенные штаты Америки и Великобритания пришли к соглашению, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе, Советский Союз выступит в войне против Японии на стороне союзников при условии, что:
>
> 1. Статус кво Монгольской Народной Республики будет сохранен.
>
> 2. Прежние права России, попранные предательским нападением Японии в 1904 году, должны быть восстановлены:
>
> а. южная часть Сахалина и прилегающие к ней острова возвращены Советскому Союзу;
>
> б. коммерческий порт Дайрена должен быть интернационализирован с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту, аренда Порт Артура, как военно-морской базы СССР, должна быть восстановлена;
>
> в. Китайско-Восточная и Южно-Маньчжурская железные дороги должны быть переданы для совместной эксплуатации смешанной советско-китайской компании с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза и с сохранением за Китаем полных суверенных прав в Маньчжурии.
>
> 3. Курильские острова должны быть переданы Советскому Союзу.

Затем следовало два параграфа, первый из которых гласил, что в отношении Внешней Монголии, Дайрена, Порт Артура и железных дорог в Маньчжурии должно быть получено согласие Чан Кай-ши, что должен был сделать президент Рузвельт как только Сталин оповестит его о подходящем мо-

менте. Второй же параграф: «Главы трех великих держав договорились, что эти условия Советского Союза будут выполнены самым точным образом после поражения Японии», сводил на-нет значение первого параграфа.

Соглашение заканчивалось выражением готовности Советского Союза заключить с китайским националистическим правительством пакт дружбы и военный союз для оказания помощи Китаю в освобождении его от японского ярма.

За и против

Секретное соглашение Рузвельта со Сталиным опубликованное через год, вызвало много разноречивых комментариев. В защиту Рузвельта можно сказать много. В военном отношении Советский Союз оставался верным союзником, хотя в правительственных кругах Америки и Англии не переставало существовать опасение, что он может заключить сепаратный мир с Германией. Если для этих опасений и не имелось особых оснований, то все же трудно было проглядеть систематические попытки японского правительства примирить Советский Союз с Германией и создать единый антизападный блок.

На Ялтинской конференции Сталин сделал кое какие уступки в отношении Организации Объединенных Наций, в предоставлении Франции голоса в Контрольном Совете в послевоенной Германии, в реорганизации польского и югославского правительств. Правда, на практике все это оказалось дутым, т. к., «не успело высохнуть чернило на ялтинском протоколе», как начались самые серьезные разногласия между советским правительством и правительствами западных держав по всему фронту послевоенных проблем.

Сталин смотрел на все практическими глазами. В разговоре с Гарри Хопкинсом, личным представителем президента, Сталин сказал что: «Советский народ ясно понимал, почему он должен был бороться против Германии за свою родину и за ее существование, но никакой угрозы со стороны японского народа он не видел. Если же необходимые политические условия будут приняты, то не трудно будет объяснить Верховному Совету и советскому народу выгоды от участия Советского Союза в Тихоокеанской войне.»[29])

---

[29]) Sherwood, Robert E., Roosevelt and Hopkins, New York, 1948, p. 867.

Президент Рузвельт был доволен ялтинским соглашением. Он добился от Сталина твердого обещания выступить против Японии в обусловленный срок «два-три месяца после капитуляции Германии», поддержать националистическое правительство Китая и признать его суверенность в Маньчжурии. В то же время Рузвельт не мог не чувствовать себя в неловком положении: он сдал Сталину суверенные права Китая в Маньчжурии и Внешней Монголии без ведома китайского правительства и его главы, Чан Кай-ши, с которым за год до этого на Каирском совещании установил самое тесное содружество в ведении Тихоокеанской войны. То, что Рузвельт позволил себе допустить на Ялтинской конференции, в сущности было равносильно империалистическому акту сильной державы за счет слабой страны, положение, против которого он сам всегда восставал.

Рузвельт полагался на свое влияние на Чан Кай-ши и считал, что представив ялтинское соглашение в выгодном для Китая свете склонит того согласиться с ним. Посвятить Чан Кай-ши преждевременно в ход секретных переговоров со Сталиным Рузвельт считал невозможным: Советский Союз продолжал сохранять нейтралитет в Тихоокеанской войне, а чунцинскому правительству нельзя было доверить секрета. Сталин и Черчилль отказывались признать за Чан Кай-ши положение равноправного и равносильного союзника; военные неудачи Китая и невозможность его противопоставить реальные силы и оказать сопротивление японским войскам вызывали у Рузвельта сомнение относительно способности Китая действовать как великая держава.

В уступках Рузвельта Сталину в отношении Китая в некоторой степени повинен Черчилль своим безразличием к событиям в Азии. Черчилль считал —не столько в оправдание, сколько ради отвода от себя ответственности — что Тихоокеанская война была делом только Соединенных Штатов и поэтому не хотел вмешиваться в переговоры Рузвельта со Сталиным.

В Японии о ялтинском соглашении узнали значительно позже, но все же раньше, чем оно было официально опубликовано советской стороной. Естественно, что Япония была заинтересована в вознаграждении, которое Советский Союз получил за свое участие в Тихоокеанской войне.

> Оно может показаться небольшой ценой за участие СССР в войне против Японии. Но так ли это? Можно ли в свете последовавших мировых событий сказать, что эти уступки представляли существенную стоимость для Великобритании и Соединенных Штатов? Если во время Ялтинской конференции они знали бы, что Япония скоро сдастся, пожелали бы они заплатить эту цену за участие в войне?[30])

Ялтинская конференция была закончена. Оставалось только окончательно согласовать принятые за неделю решения и приготовить текст коммюнике. Здесь Черчилль принял усердное участие, введя многочисленные редакционные поправки в текст, приготовленный Государственным секретарем Стеттиниусом. Большинство этих поправок касалось черчилльского представления о правильном «британском» английском языке. Сталин внес несколько незначительных поправок. Секретное соглашение Рузвельта и Сталина не было включено в коммюнике. По личным соображениям Рузвельт не показал его даже Стеттиниусу, а передал его на хранение своему ближайшему доверенному адмиралу Лэхи.

> Советское правительство сумело создать для себя такое положение, которое дало ему возможность выговорить заранее выгодное вознаграждение за свое вступление в Тихоокеанскую войну. Нейтральное положение его позволяло японскому правительству надееться, что оно может «купить» продление этого положения... Подчеркнутая отчужденность советского правительства от Китая заставляла китайское правительство опасаться за свою судьбу, когда Советский Союз решит использовать свою силу и влияние против него. Намеки советского правительства, что оно готово воздержаться от участия в войне против Японии, если не потребуется помощи Советского Союза, заставляли американское правительство беспокоиться относительно риска и цены, связанных с продолжением советского нейтралитета.[31])

Поиски выхода

Легкомысленность расчетов японских военных и политических деятелей сперва выбить из строя Великобританию путем захвата ее тихоокеанских владений, а затем лишить Соединенные Штаты воли продолжать войну стала очевидной вскоре после начала войны. К концу 1942 года силы Японии стали заметно истощаться, в то время как военная мощь западных союзников шла стремительно по восходящей линии.

---

[30]) Казе, стр. 227-228.
[31]) Фейс, стр. 504-505.

Провал этих расчетов заставил японских политических и военных руководителей строить шаткие надежды на непрочность альянса Советского Союза с другими участниками антигитлеровской коалиции.

Попытки в этом направлении вначале сводились к заключению Советским Союзом сепаратного мира с Германией, затем к включению первого в общий германо-японо-советский фронт против Великобритании и Соединенных Штатов.

Еще весной 1941 года, шесть месяцев после заключения дружественного договора между Германией и Советским Союзом, Риббентроп разработал дополнительное положение, которое нашло живейший отклик в японских правительственных кругах:

> 1. Советский Союз соглашается присоединиться к державам Оси с целью предотвратить дальнейшее развитие военных действий и привести их к быстрому концу;
> 2. Советский Союз признает за Германией, Японией и Италией руководящее положение в установлении ими «нового порядка» в Азии и Европе, в ответ на что державы Оси отнесутся с уважением к территориальной целостности СССР;
> 3. Державы Оси с одной стороны и Советский Союз с другой обязуются не оказывать помощи никакой стране или примыкать к любой группе держав, настроенных враждебно к договаривающимся державам;
> 4. Следующие зоны влияния должны быть сохранены за договаривающимися державами:
> а. Район Южных морей — Япония
> б. Центральная Африка — Германия
> в. Северная Африка — Италия
> г. Средний Восток, включая Иран и Индию — СССР.[32])

В Берлине министр иностранных дел Японии Мацуока узнал от Риббентропа, что в предварительных переговорах последнего с Молотовым советское правительство проявило живой интерес к германскому плану. Дальнейшую подготовку переговоров с советским правительством Мацуока вызвался взять на себя, так как он все равно должен был вести в Москве переговоры о заключении с Советским Союзом пакта о ненападении. Мацуока должен был склонить Советский Союз на сторону держав Оси и этим помочь Германии одержать победу в войне против Великобритании.

---

[32]) Казе, стр. 156.

Неожиданно разыгравшиеся события в Югославии сорвали эти тщательно разработанные планы. Пока Мацуока совещался с Риббентропом относительно альянса держав Оси с Советским Союзом, Гитлер уличил Сталина в закулисной игре в Югославии. На другой день после подписания в Москве советско-японского пакта о ненападении, нацистские войска внезапно обрушились на Югославию.

Японские военные и политические деятели не оставляли мысли о необходимости мирных отношений между Германией и Советским Союзом даже после начала между ними военных действий. Нападение Германии на Советский Союз вынудило премьер-министра Конойэ потребовать расторжение пакта дружбы Японии с двумя другими державами Оси на том основании, что она вступила в него только с целью противопоставить этот альянс силам Англии, Франции и США.

Как большинство других стран мира, Япония считала, что Советский Союз будет выбит из строя в течение первых трех месяцев. После того, как прошел этот обреченный срок, японское правительство несколько раз пыталось склонить Германию и Советский Союз к миру. Министр иностранных дел Сигемицу трижды предлагал Молотову посредничество в нахождении компромисса для установления мира между Германией и Советским Союзом.

Еще в начале 1944 года, предвидя разгром Германии, некоторые лица в правительственных кругах (Коичи Кидо, лорд хранитель печати) настаивали на необходимости для Японии заключения мира на условиях, что проблема тихоокеанских пространств должна быть разрешена странами, населяющими его. Япония предлагала демилитаризировать оккупированные ею территории на азиатском материке и тихоокеанские острова и передать их смешанной комиссии, составленной из представителей Японии, Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании. Страны, не являющиеся главными и основными державами в пространствах Тихого Океана, должны перейти на вечное положение нейтральных стран. Экономическая политика должна быть основана на принципе открытых дверей и равных возможностей для всех стран.

В деле развития этого плана и предоставления его Соединенным Штатам и Великобритании имелось в виду заручиться посредничеством Советского Союза.

> ...в свете современного международного положения и в особенности в виду подавляющей мощи США и СССР в сравнении с неуклонным истощением наших национальных ресурсов, я считаю, что наша страна должна выиграть время по крайней мере на столетие ради накопления будущих сил... наихудшая катастрофа, могущая постигнуть нашу страну, это ее изоляция и нападение на нее со всех сторон могущественными державами мира. Из этого следует, что мы должны искать возможности прекращения военных действий путем перехода на сторону Советского Союза и Китая.[38])

Этот взгляд находил отражение в мышлении некоторых военных деятелей Японии. Они считали, что после капитуляции Германии союзники должны обязательно перессориться. В предвидении такого положения Советский Союз должен будет искать прочной дружбы с Японией, чтобы суметь противостоять сосредоточенным силам Англии и Америки. Они считали, что в интересах советского правительства было затянуть Тихоокеанскую войну возможно дольше, чтобы не только ослабить своих союзников, которым оно не доверяло, но и дать возможность Советскому Союзу занять доминирующее положение одинаково в Европе и Азии. Эти умозаключения (не расходившиеся далеко с действительностью) вселяли в них самих надежду, что Советский Союз окажет — если не открытую, тем не менее эффективную — помощь Японии в ее борьбе против Соединенных Штатов и Великобритании. Такая помощь включала бы и доставку Советским Союзом Японии стратегических материалов, как нефть, уголь и руду.

Расчеты на мир с Китаем

В марте 1945 года в Токио по секретному приглашению премьер-министра генерала Кунияки Койзо прибыл некто Миао Пын, назвавшийся доверенным представителем Чан Кай-ши для переговоров о заключении Китаем сепаратного мира с Японией. За четыре месяца до этого смерть Ван Цзинвея в госпитале в городе Нара, заставила Японию лихорадочно искать новых способов выбраться из тупика, в который она забралась в Китае.

Решение Койзо пойти на переговоры с сомнительной личностью определяло степень отчаянного положения Японии.

---

[38]) Из дневника Коичи Кидо, упомянуто у Казе, стр. 131.

Трудно было допустить, что после восьми лет неимоверно тяжелой японской оккупации Китая, в предвидении быстрого завершения Тихоокеанской войны, Чан Кай-ши тесно связанный с западными союзниками, пошел бы на такой необдуманный шаг, как сепаратный мир с потерявшей войну Японией.

Койзо нашел сторонников, которые выставляли сравнительно веские основания, почему Чан Кай-ши должен был бы пойти на сепаратный мир. Они доказывали, что в случае высадки в Китае американских войск и упорных боев с японскими войсками, страшные бедствия постигнут китайский народ, что японские войска при отступлении предадут страну огню и истреблению. Они дальше доказывали (с более верным учетом советской политики, чем это делали Рузвельт и Черчилль), что в случае выступления Советского Союза против Японии, он в конечном результате окажется на стороне китайских коммунистов против интересов национального Китая.

На совещании верховного военного совета Койзе настаивал на ликвидации нанкинского режима покойного Ван Цзин-вея и на выводе из Китая экспедиционных войск после заключения перемирия с Чан Кай-ши. За это последний должен был обязаться не допускать высадки американских войск. Планы Койзо были забракованы, но он продолжал еще некоторое время вести переговоры с Миао Пыном.*)

Попытки договориться с советским правительством

После капитуляции Германии японское правительство с еще большей лихорадочностью стало добиваться посредничества Советского Союза в деле заключения мира, чтобы этим отвлечь его от вступления в войну против Японии. В середине мая 1945 года верховный военный совет решил направить бывшего премьера и посла в Москве Хирота для переговоров, сперва с советским послом, в Токио Маликом, затем — при удаче с последним — непосредственно с Москвой. Хирота должен был добиться следующего:

1. Продление пакта о нейтралитете на пять-десять лет.
2. Если это удастся, заключить пакт о ненападении.
3. Если не удастся, просить Советский Союз взять на себя роль посредника в переговорах о мире с Соединенными Штатами и Великобританией.

---

*) После окончания войны правительство Чан Кай-ши казнило Миао Пына.

Хирота встретился с Маликом на курорте в Хаконе и развил перед ним увлекательные с точки зрения японского правительства перспективы дальнейших дружественных отношений Японии с Советским Союзом. Малик заметил, что неизменно-дружеское отношение советского правительства натыкалось на враждебное чувство со стороны японских правительственных и военных кругов. Хирота возразил, что если это и было так, то только в прошлом, «теперь же японский народ относится с живым интересом и добрым чувством к Советскому Союзу.»[34])

После встречи с Маликом Хирота написал доклад в оптимистическом духе, далеко не соответствовавшем действительности. Через две недели Хирота снова попытался встретиться с Маликом, но тот отговорился занятостью.

В середине июня Коичи Кидо, одно из наиболее приближенных к императору лиц, предложил правительству отправить в Москву чрезвычайного посла для переговоров с советским правительством о посредничестве в деле заключения мира. Некоторые члены правительства настаивали на переговорах не только с Советским Союзом, но и с Великобританией, на том основании, что в результате послевоенного дележа Германии союзники должны обязательно перессориться. На совещании Верховного Военного Совета было решено форсировать переговоры с Советским Союзом и в то же время дать понять союзникам, что их требование безоговорочной сдачи вынуждает Японию против ее воли продолжать войну. В переговорах с Советским Союзом Япония готова была принять условия союзников с единственной поправкой, касающейся прерогативы императорской власти. Японское правительство верно предугадывало, что союзники устроят еще одно историческое совещание, главным вопросом обсуждения которого явятся меры для быстрого завершения войны на Дальнем Востоке и в Восточной Азии.

Министр иностранных дел Того вновь поручил Хирота возобновить переговоры с Маликом. Встреча произошла в конце июня. За два дня до этого американское военное командование объявило о захвате острова Окинава. Японское правительство не решалось сразу оповестить население об этой новой потере; оно сделало это только через четыре дня, доба-

---

[34]) Казе, стр. 171.

вив по обыкновению, что «враг понес потери, превышающие во много раз потери японских войск, и что ему нанесен страшный моральный удар.»

На этот раз Хирота в переговорах с Маликом пытался заинтересовать его не только в Маньчжурии и Китае, но и в тихоокеанских островах, недры которых полны нужными для Советского Союза стратегическими материалами, как свинец, олово, вольфрам. Малик не проявил особого интереса, но попросил Хирота дать более конкретные данные. Через пять дней Хирота встретился в последний раз с Маликом и передал предложение Японии Советскому Союзу, ради сохранения постоянного мира в Восточной Азии, заключить пакт о ненападении и взаимной поддержки. Япония соглашалась нейтрализовать Маньчжурию и вывести оттуда войска, отказаться от нефтяных концессий в Северном Сахалине и обсудить откровенно все вопросы, в которых Советский Союз мог быть заинтересован. Последнее было ничто иное, как скрытое предложение советскому правительству назначить свою цену за невмешательство в Тихоокеанской войне. Японское правительство еще не знало, что советское правительство уже выторговало для себя значительно более выгодную цену за вступление в войну против Японии.

На просьбу Хирота оповестить как можно скорее советское правительство о японском предложении, Малик ответил, что он пошлет его обычным дипломатическим курьером, (путешествие, продолжительностью от трех недель до месяца).

Одновременно с попыткой Хирота посол Сато пытался заинтересовать Москву в японских предложениях. Он дважды запрашивал Молотова относительно переговоров Хирота с Маликом и предлагал развить их дальше, но Молотов не проявлял особого интереса. Премьер Того настаивал на визите послом Сато Молотова, чтобы передать ему личное пожелание императора закончить кровопролитие. Сато должен был заверить Молотова в том, что требование союзников о безоговорочной сдаче является единственной причиной, препятствующей Японии просить о мире. Сато также должен был намекнуть, что Япония готова предоставить советскому правительству по своему распорядиться маньчжурским краем.

Еще в первые годы войны с Японией американским криптографам удалось расшифровать японский секретный код. Теперь они могли следить за лихорадочными переговорами

премьер-министра Того и посла Сато. Первый продолжал настаивать на посещении послом Сато Молотова, который готовился со Сталиным отбыть в Потсдам на совещание. Того делал усиленное ударение на личное пожелание императора покончить с ненужным кровопролитием и просил Сато известить Молотова о желании японского правительства послать в Москву в качестве чрезвычайного посла принца Конойе. Сато ответил, что нет никаких надежд, что советское правительство придет на помощь Японии, поэтому не следует поддаваться фантастическим расчетам, что можно переманить на свою сторону Советский Союз, обещая ему территории, которые были уже потеряны Японией. «Вопрос не в содружестве Японии с Советским Союзом, а в самом факте существования Маньчжудиго и Японии».

За несколько дней до открытия Потсдамского совещания Сато попытался встретиться с Молотовым, но его принял заместитель министра иностранных дел Лозовский. Сталин и Молотов хорошо знали об отчаянных попытках японского правительства найти выход в последнюю минуту, но предпочли не принимать никаких действий.

24-го июля Сато телеграфировал Того, настаивая на принятии условий о безоговорочной сдаче с поправкой относительно прерогативы императорской власти. «Япония в одиночестве, у нас не осталось друзей и не откуда ждать помощи и утешения».[35])

После объявления Потсдамской декларации Сато виделся еще раз с Лозовским, прося его передать Сталину, что хотя Япония находит трудным принятие требования союзников, она тем не менее готова сложить оружие и поэтому просит Советский Союз взять на себя роль посредничества. Ответа не последовало и на напоминание об этом 2 августа.

По возвращении в Москву Сталина и Молотова, Сато пытался повидать последнего. Затем стало известно, что в полночь 7-го августа Сталин принял Т. В. Сунга, министра иностранных дел китайского национального правительства. В Японии это было принято как исключительно зловещий знак. На другой день, 8-го августа, Сато получил приглашение от Молотова повидать его в 8 часов вечера. Затем время было перенесено на 5 часов.

---

[35]) The Forrestal Diaries, The Viking Press, 1951, New York, pp. 75-76.

Сато явился в назначенное время и любезно поздравил его по русски с возвращением домой. Молотов ответил, что у него имеется сообщение японскому правительству от имени советского правительства, и прочел извещение об объявлении войны. Сато «был уже подготовлен к этому и принял декларацию войны хладнокровно».[36])

Реакция Китая

Хотя соглашение Сталина с Рузвельтом хранилось в глубочайшей тайне, китайское правительство все же узнало о цене, которую Китай должен был заплатить Советскому Союзу за участие в Дальневосточной войне. Первым узнал об этом генерал Чан Чен, глава китайской военной миссии в Вашингтоне, и Веллингтон Ку, китайский посол в Лондоне. В разговоре с адмиралом Лэги они выразили крайнюю озабоченность и тревогу по поводу тайного соглашения об аренде Порт Артура и интернационализации Дальнего.

У Китая почти не было свободы действия, не говоря уже о выборе его. Положение внутри страны граничило с отчаянием одинаково в районах, оккупированных японскими войсками, занятых китайскими коммунистами и находившихся под властью чунцинского режима. Восьмилетняя война с Японией привела экономическую жизнь страны к полному развалу. Железные дороги почти бездействовали, шоссейные дороги были в ужасном состоянии. Население ощущало острую нужду в питании, в предметах первой необходимости, жилищах.

В политической жизни страны был не меньший хаос. Гоминдановское правительство пребывало в разладе одинаково с другими политическими партиями и с военными губернаторами, все еще представлявшими значительную силу, особенно когда дело касалось антиправительственной вражды. Китайские коммунисты прочно сидели на северо-западе Китая и накапливали силы для послевоенной борьбы с гоминдановским режимом.

Первой реакцией китайских властей, узнавших о секретном ялтинском соглашении, составленном без их участия, было логическое заключение, что легально они не связаны им. В то же время они не могли не признать руководящей роли Америки в Тихоокеанской войне и американского влияния в

[36]) Sato, N., The Two Russias, p. 207.

делах Китая. Эти сображення невольно заставили их искать компромисс.

В основе советско-китайских отношений лежали соглашение 1924 г. и китайско-советский договор о ненападении, заключенный в начале японской агрессии на материке в 1937 году.

В апреле 1945 года в беседе с президентом Труманом Т. В. Сун, министр иностранных дел Китая, обратил его внимание на противоречие, которое должно было внести секретное соглашение Рузвельта со Сталиным в существовавшие отношения Китая с Советским Союзом. На просьбу Суна пересмотреть соглашение его предшественника и изменить советские требования, президент ответил, что американское правительство согласилось с советскими условиями, имея в виду быстрое окончание войны и полное восстановление суверенности Китая. Для упрочения советско-китайских отношений Труман советовал Суну лично повидаться со Сталиным в Москве. Эту встречу он считал лучшим устроить после окончания конференции Организации Объединенных Наций в Сан Франциско.

Тем временем Сталин в Москве заверил Гарри Хопкинса, личного представителя президента, в желании советского правительства видеть Китай объединенным под главенством президента Чан Кай-ши. Сталин хотел получить согласие на условия ялтинского соглашения и вступить в войну против Японии только после подписания договора с Китаем. Он настаивал на прибытии в Москву министра Суна не позже 1-го июля, чтобы задолго до Потсдамской конференции порешить этот вопрос с Китаем.

Еще в ноябре 1944 года через советское посольство в Пекине Сталин предложил Чин-ку, старшему сыну Чан Кай-ши, посетить Москву. В то время у Сталина зрело решение заключить с националистическим правительством Китая отдельное соглашение относительно условий советского участия в войне. Чан Кай-ши предложил послать в Москву не своего сына, а более опытного человека министра иностранных дел Суна. Сталин согласился, но просил приезд Суна отложить до конца февраля или начала марта, не будучи еще уверенным пройдет ли гладко Ялтинская конференция. В день открытия конференции Сталин подтвердил свое согласие на приезд Суна в ближайшее время, но через несколько дней,

как только было достигнуто секретное соглашение с Рузвельтом, поспешил отложить его приезд до конца марта или начала апреля.

Вопрос о Китае продолжал беспокоить американское правительство. Президент Труман помнил слова Суна, что Китай никогда не примирится с доминирующим положением Советского Союза в Маньчжурии, зная по прошлому опыту, что подобное положение неизбежно приведет к дальнейшему углублению политической вражды в Китае и повторение всего того, через что Китай прошел в своих прежних отношениях с Советским Союзом.

В середине апреля американский посол в Китае генерал Херли по пути в Чунцин посетил Москву, где в беседе со Сталиным еще раз пункт за пунктом объяснил ему взгляд американского правительства на политическое положение послевоенного Китая. В своем докладе Государственному Департаменту Херли сообщал:

> ...маршал... желает, чтобы мы знали об его поддержке немедленных действий ради объединения всех вооруженных сил Китая при полном признании национального правительства под главенством Чан Кай-ши. Иными словами, Сталин целиком согласен с американской политикой в отношении Китая, как она была обрисована ему во время наших разговоров.[37])

Относительно «полного согласия» мнение посла Харримана резко разошлось с оптимистическим взглядом Херли. Харриман считал, что Херли слишком доверчиво полагается на заверения Сталина. Джордж Кеннан, заместитель американского посла в Москве, был еще осторожнее в оценке сталинских заверений. В своем докладе, вслед за докладом Херли, он писал, что для Америки может оказаться трагическим, если ожидание советской помощи в войне против Японии и заверения Сталина — «слова, которые могут означать все, что угодно, кому угодно» приведут Соединенные Штаты «к ненужной зависимости от советской помощи и советского участия в достижении наших целей в Китае».[38])

---

[37]) Фейс, стр. 639.
[38]) Там же, стр. 640.

Кеннан оказался одним из первых американских политических деятелей, предвидевших, что Советский Союз не ограничится одними условиями, выговоренными Сталиным на Ялтинской конференции, а пойдет дальше в упорном продолжении своей агрессивной дальневосточной политики.

В конце мая Сталин вновь заговорил о свидании с Суном, но не раньше июля. Одновременно президент Труман должен был начать переговоры с Чан Кай-ши. Сталин и на этот раз подтвердил, что сделает все ради объединения Китая под главенством Чан Кай-ши, и что это главенство должно быть сохранено за ним в послевоенном Китае, так как «нет никого другого, равного Чан Кай-ши».[30])

Перед конференцией Организации Объединенных Наций в Сан Франциско Труман посвятил Суна в последние переговоры со Сталиным и в заверения последнего относительно Китая, его единения и главенства Чан Кай-ши. Сун еще раз напомнил, что ялтинское соглашение восстанавливает права Советской России в Маньчжурии, потерянные во время Русско-японской войны, от которых советское правительство само, по собственному почину, отказалось в 1924 году. Китайское правительство, продолжал Сун, хотело узнать, что означает в советских условиях выражение «обеспечение преимущественных интересов». Наименее приемлемым условием для Китая Сун считал аренду Порт Артура, так как китайский народ «решил навсегда покончить с системой аренды иностранными державами портов Китая и другими подобными особенностями колониального строя... Китай никогда не согласится принять условие, обеспечивающее для Советского Союза доминирующее положение в Маньчжурии».

Труман заверил Суна, что американское правительство считало крайне необходимым участие Советского Союза в войне против Японии, чтобы «приблизить конец ее и этим сохранить жизни американских и китайских солдат. Но в то же время, — продолжал президент, — я ничего не сделаю такого, что могло бы повредить интересам Китая, нашего друга на Дальнем Востоке.»

В тот же день Труман телеграфировал послу Харриману, что Сун вылетает в Москву и что посол Херли в Чунцине

---

[30]) Truman, Harry S., Memories, Year of Decisions, Doubleday, Garden City, N. Y., Vol. I, p. 264.

начнет 15-го июня переговоры с Чан Кай-ши относительно принятия им ялтинского соглашения. Для успокоения Сталина Труман добавил фразу: «Херли уполномочен известить Чан Кай-ши, что ялтинское соглашение поддерживается правительством Соединенных Штатов.»[40])

В лице Суна Сталин нашел менее сговорчивого собеседника и вершителя судеб Китая, чем Рузвельт и отчасти Черчилль. После настойчивых переговоров Суну удалось добиться смягчения некоторых сталинских условий и получить от него гарантии, которые в ходе последовавших событий оказались пустыми.

Китай принял основные положения ялтинского соглашения:

1. Признание Внешней Монголии как независимого государства.
2. Совместные операции Китайской Чаньчуньской железной дороги (КВжд и ЮМжд).
3. Провозглашение Дайрена свободным портом; беспошлинный ввоз в Дайрен товаров для отправки в Советский Союз и товаров из Советского Союза для экспорта.

В вопросе об аренде Порт Артура Сун добился согласия Сталина на совместное советско-китайское пользование портом как общей военно-морской базой.

За согласие Китая принять эти условия, советское правительство приняло на себя следующие обязательства:

1. Правительство СССР соглашается оказать моральную поддержку и помощь военным снабжением и другими материалами «исключительно национальному правительству как центральному правительству Китая».
2. Правительство СССР признает три восточных провинции (Маньчжурию) как часть Китая, подтверждает свое уважение к полному суверенитету Китая в отношении этих провинций и признает их территориальную и административную целостность.
3. Советское правительство подтверждает, что в связи с некоторыми событиями в Синкианге, оно не имеет никаких намерений вмешиваться во внутренние дела Китая.
4. Правительство СССР обязуется через три недели после окончания войны на Дальнем Востоке начать вывод советских войск из Маньчжурии и закончить его в течение трех месяцев.

---

[40]) Труман, стр. 269-271.

В этот критический период, положительно за несколько дней до советских военных действий на Дальнем Востоке, в правительственных кругах Соединенных Штатов возник важный вопрос: является ли советская военная помощь настолько необходимой, чтобы не попытаться заранее выговорить у советского правительства твердого согласия относительно послевоенного политического положения в Китае?

Общее мнение Государственного Департамента, военного и морского министров, начальников Генеральных Штабов и других ответственных лиц было таково, что Советский Союз, вне зависимости от различных американских политических соображений, решит сам, вступать ли ему в войну и если вступать, то когда; в руках советского правительства выбор: ждать ли, когда Япония будет окончательно добита американскими силами или вступить в войну раньше в целях сбережения человеческих сил.

Американское военное командование ничего не имело против пересмотра ялтинского соглашения, но особенно не настаивало на этом, не желая срывать в последнюю минуту с таким трудом согласованные планы о советском военном участии на Дальнем Востоке. Государственный Департамент желал бы добиться от советского правительства определенных обязательств и гарантий в отношении послевоенного Китая и уточнения советских политических планов на Дальний Восток и Китай, но дальше благих пожеланий не пошел.

Эти сомнения и колебания обозначали позицию незначительного числа американских государственных деятелей, предвидевших, что советско-китайские отношения в недалеком будущем выйдут далеко за рамки ялтинского соглашения.

Еще на Ялтинской конференции Сталин заявил, что Советский Союз вступит в войну против Японии только после того, как правительство Китая утвердит советские условия секретного ялтинского соглашения.

Так это по всем вероятиям и было бы, если первый атомный взрыв над Хирошима не принудил бы советское правительство сперва броситься в войну против ошеломленной и уже разбитой Японии, а затем уже связать договором советско-китайские переговоры. Подписание этого нового советско-китайского договора произошло через неделю после начала советских военных действий в Маньчжурии.

Потсдамская Конференция

Последняя конференция союзников Второй Великой войны произошла в Потсдаме, между 17 июля и 2 августа 1945 года. Это была триумфальная встреча победителей в самом сердце Германии, вблизи развалин Берлина. Никогда еще в истории человечества сотни миллионов людей не попадали в такую фатальную зависимость от власти, воли, каприза трех случайных человек. Состав обычных участников конференции Второй Великой войны изменился. Место президента Рузвельта, умершего за три месяца до этого, занял Гарри С. Труман. В середине хода конференции победа партии лейбористов в Англии заменила Черчилля Клементом Эттли, а Идена, министра Иностранных Дел — Эрнестом Бэвиным. Неизменным и незаменимым оказался Сталин и оказался в силу исторической случайности: еще только вчера гитлеровский соучастник и враг западных стран, сегодня он восседал в роли поборника прав человеческих и карателя виновных. В случайном факте, что из прежнего состава союзников антигитлеровской коалиции он остался один, он видел символ своей прочности и постоянства как главы Советского Союза.

Потсдамская конференция была посвящена сложным послевоенным проблемам в Европе и Азии. Горе человечеству, когда в дни величайшего его кризиса вершителями его судьбы становятся три случайных человека, и когда голоса других, включая голоса побежденных, замолкают в фатальной обреченности, в безразличии к самим себе! Нет сомнений в том, что как Рузвельт и Черчилль, так и их заместители Труман и Эттли, руководились гуманными соображениями, высокими идеалами правовой, справедливой жизни. И нет сомнения в том, что в краткий послевоенный период в Европе, между окончанием войны с гитлеровской Германией и началом Потсдамской конференции, между освобождением народов восточно-европейских стран от нацистского порабощения и высокими высказываниями во дворце Сесилиенгоф, в том же самом месте, в торжественной обстановке, при громких многообещающих речах происходило и утверждалось попрание тех высоких идеалов, борьбой за которые объяснялась необходимость последней войны.

Ко времени начала Потсдамского совещания в ряде стран восточной и юго-восточной Европы насильственным образом устанавливалась однопартийная тоталитарная система вла-

сти. Попирались те основы демократии, о которых говорилось так много в годы последней мировой войны, ради сохранения которых велась война.

Пока шла Потсдамская конференция, в центральной и восточной Европе уже готовились насильственные массовые перемещения народов. Из одной только территории Восточной Германии, выделенной Польше в виде компенсации за аннексированные Советским Союзом польские земли, выселялось девять миллионов немцев, в дополнение к трем с половиной миллионам немцев из Чехословакии и Венгрии. Советское правительство готовилось потребовать от союзников насильственной выдачи советских политических эмигрантов и военнопленных, отказавшихся вернуться на родину, где их ожидала не радостная встреча и заботы за страдания в плену, а суровое наказание карающей власти.

Несмотря на наличие многих разногласий, за столом конференции царила дружественная, приветливая обстановка. По вечерам, после длительных заседаний, высокие гости развлекали друг друга, как умели. Президент Труман играл на рояле вальс «Мизури» и Сталину, не наделенному подобным артистическим дарованием, все казалось, что тот играет вальс «На сопках Маньчжурии».

Кстати, вопрос о Маньчжурии был уже предрешен. Участие Советского Союза в добивании полуживой Японии было оговорено на Ялтинской конференции, обусловлена высокая цена. Сталину оставалось только дать приказ миллиону с лишним советских войск броситься с трех сторон на Маньчжурию. Но Сталин предпочел еще ждать.

Окончательные планы

Еще до начала конференции главы американских и английских Генеральных Штабов всесторонне обсудили и утвердили планы войны против Японии. Несмотря на все веские доводы против участия Советского Союза в войне против Японии, военные эксперты подтвердили необходимость выполнения секретного ялтинского совещания.

На Потсдамской конференции Труману и ~~Черчиллю~~ Эттли осталось только назначить срок американских и английских десантных операций на острове Киюсиу. Вначале предполагалось одновременно повести две десантных операции: на острове

Киюсиу и в районе Амоя в Южном Китае. Вторая операция была позже отменена, а срок первой назначен на первые дни ноября. Генерал Маршалл, начальник Генерального Штаба Армии, подсчитал, что операция в Киюсию потребует для начала двести тысяч войск, из которых 65 тысяч будут убиты или ранены.

К совещанию военных экспертов запада был привлечен генерал А. Е. Антонов, начальник Генерального Штаба СССР. Его тревожили такие вопросы, как возможность американских десантных операций на Курильских островах и в Корее и меры, препятствовавшие внезапному продвижению японских войск из Китая в Маньчжурию для помощи Квантунгской армии. Антонова успокоили, что американское командование не предполагает никаких операций на Курильских островах, а если американские войска высадятся в Корее, то это произойдет после успешных десантных операций в самой Японии. Антонов заговорил о необходимости еще бо́льшего накопления советских сил на Дальнем Востоке, исчисляя силы Японии в Маньчжурии в тридцать японских и двадцать маньчжурских дивизий. Срок выступления советских войск в Маньчжурии и Корее Антонов наметил на конец августа.[41])

Еще один шанс

На антоновском заверении были покончены переговоры военных экспертов о вступлении Советского Союза в Тихоокеанскую и Дальневосточную войну. Главам великих держав осталось для очистки совести предоставить Японии еще один случай спасти себя от разгрома. Возможность спасти себя находились не в руках Японии, а советского правительства. Если последнее пошло бы на японское предложение взять на себя роль посредника мира на Дальнем Востоке, человечество вероятно до сих пор не знало бы о существовании атомной бомбы, страшного оружия массового уничтожения. Но заключение мира ради мира не входило в практические соображения советского правительства.

26 июля была выпущена известная Потсдамская декларация, подписанная президентом Труманом, Черчиллем и позже Чан Кай-ши, в которой в последний раз предлагалось Японии сложить оружие и сдаться на милость победителей. Со-

---

[41]) Труман, стр. 382.

ветский Союз еще продолжал пребывать на положении нейтрального соседа Японии, поэтому подписи Сталина не было под Потсдамской декларацией. Денонсировав за три месяца до этого пакт о нейтралитете, советское правительство в лице Молотова заверило японского посла в Москве Сато, что он останется в силе еще на один год, до нормального истечения срока своей действительности. Уместно припомнить, что в день нападения Германии на Советский Союз, летом 1941 года, советский посол в Токио Сметанин, взволнованный до крайности, настойчиво добивался от Мацуока заверений, что недавно заключенный советско-японский пакт о ненападении не будет расторжен Японией. Мацуока заверил Сметанина в дружественных чувствах Японии к Советскому Союзу, но оговорился, что союз с державами Оси налагает на нее известные обязательства. Через несколько дней на императорском совещании была принята политика невмешательства Японии в советско-германскую войну. У Японии тогда был удобный и выгодный случай выступить против Советского Союза, но она честно сдержала условия пакта о ненападении.

Советское правительство решило поступить иначе. Пока еще свежи были в памяти японского посла Сато заверения Молотова о силе взаимного пакта о ненападении, на всем протяжении монгольско-маньчжурско-корейской границы от Буир Нора и южнее его в песках Гоби до Посьета на Тихоокеанском побережьи миллионная советская армия готовилась к войне и только ждала сигнала из Москвы ворваться в Маньчжурию.

На заседаниях Потсдамской конференции Сталин не упускал возможности ставить своих западных союзников в известность относительно японских запросов о посредничестве в деле заключения мира. Делал он это с целью представить себя в положении верного союзника Америки и Англии, пока в Европе, в нарушение ранних соглашений, он упорно проводил свои агрессивные планы. Кроме того, японское предложение о посредничестве наполняли его сознанием своей важности и значительности в международных делах.

Лихорадочные действия японского правительства давали ему возможность судить насколько трагично положение Японии. И все же Сталин предпочел ждать, и он ждал бы еще недели и может быть месяцы, если бы не одно непредвиденное для него событие — взрыв первой атомной бомбы.

Оружие массового истребления

Еще задолго до Ялтинской конференции президенту Рузвельту и его ближайшему окружению стало известно, что особо засекреченный «Проект Мэнхатан» быстро приближался к успешному завершению. Генерал Гровс, глава проекта, в конце декабря 1944 года сообщил генералу Маршаллу, что первый образец этой работы будет готов в августе 1945 года, следующий — перед концом года, и затем последует планомерное производство одного за другим. Речь касалась создания нового оружия массового истребления необыкновенно разрушительной мощности, превышающей в неисчислимо раз разрывную силу существующих взрывчатых веществ.

Данные генерала Гровса не произвели должного впечатления на президента Рузвельта и его высших военных сотрудников, и новое оружие, пока еще в лабораторном состоянии, не упоминалось на Ялтинской конференции и не принималось в расчет в обсуждении планов поражения Японии, в которых попрежнему решающими факторами считались десантные операции на отрове Киусию и маньчжурские операции Советской армии.

В конце апреля военный министр Стимсон передал президенту Труману докладную записку генерала Гровса, в которой сообщалось, что в течение четырех месяцев «мы по всем вероятностям будем обладать страшным оружием, когда либо существовавшим за историю человечества, одна бомба которого в состоянии разрушить целый город».[42])

Пробный взрыв первой атомной бомбы произошел 16 июля 1945 года вблизи Аламогордо, в пустыне штата Нью Мексико. Результат испытания превзошел самые оптимистические ожидания ученых и инженеров проекта Мэнхатан. Первая бомба была взорвана наверху сто-футовой железо-бетонной башни. Огромная бело-розовая колонна, рванувшаяся к небу, дала представление о неиспытанной еще на земле высочайшей температуре. В радиусе одной с лишним мили все было испепелено и обуглено, без малейшего признака животной или растительной жизни. Пробная бомба равнялась только малой части боевой бомбы, взорванной тремя неделями позже над Хирошимо, но тогда она уже дала ясное представление о потрясающей, неведомой до сих пор разрушительной силе.

---

[42]) Фейс, стр. 636.

Президент Труман знал о подготовке первого испытания атомной бомбы и на пути в Европу на корабле Августа с нетерпением ожидал результата его. Уже будучи в Потсдаме, он узнал об успехе опыта. На следующий день, по прибытию в Потсдам Стимсона, Труман, Государственный Секретарь Бёрнс, адмиралы Лэги и Кинг и генералы Маршал и Арнольд обсудили возможный физический и психологический эффект атомной бомбы на Японию в вопросе ее капитуляции, и положение Советского Союза в связи с его готовностью начать войну против Японии. Адмиралы и генералы попрежнему придерживались мнения, что участие Советского Союза в войне необходимо, так как атомная бомба является еще неиспытанным оружием, что только в лишний раз подтвердило обычный консерватизм военных экспертов.

Британское правительство следило с интересом за развитием проекта Мэнхатана, в котором принимали участие и английские ученые. Понятен поэтому интерес Черчилля к новому оружию, могущему приблизить срок окончания войны.

В тот же день, после свидания с Труманом, Стимсон посетил Черчилля и положил перед ним лист бумаги, на котором было написано: «младенцы успешно появились на свет.» В отличие от мнения американских военных экспертов, Черчилль считал, что атомная бомба окажется решающим фактором не только в войне с Японией, но и в спорах со Сталиным относительно послевоенных проблем Европы.

> Для того, чтобы сломить японское сопротивление военной силой и ярд за ярдом завоевать страну, потребуется один миллион американских жизней и полмиллиона или больше британских, если мы пошлем их туда, так как мы решили разделить агонию. Теперь эта кошмарная картина исчезает и вместо нее появляется видение — справедливое и обещающее, как это казалось тогда — окончание войны одним или двумя ударами, Я сразу подумал, что японский народ, доблестью которого я всегда восхищался, найдет в призраке этого сверхестественного оружия предлог спасти свою честь и освободить себя от обязательства погибнуть до последнего человека.[43])

Черчилль считал, что при наличии атомной бомбы помощь Советского Союза не является желательной и что окончание войны с Японией не зависит больше от вмешательства совет-

---

[43]) Черчилль, т. 6, стр. 638, 639.

ской армии с возможным продлением ненужного кровопролития. «Нам больше не нужно просить их об одолжении... Теперь ясно, что Соединенные Штаты не желают участия Советского Союза в войне против Японии.»

Страшная разрушительная сила нового оружия массового истребления невольно вызвало колебания морального характера: воспользоваться им или нет, и какое оправдание подвести под это использование. Еще за месяц до испытания бомбы британское правительство дало принципиальное согласие на использование ее как нового оружия. Окончательное же решение оставалось в руках президента Трумана, который руководился рекомендацией особого комитета научных атомных работников, составленного из таких известных ученых, как Дж. Роберт Оппенхаймер, Артур Х. Комптон, Е. О. Лауренс и Енрико Ферми. В этой рекомендации говорилось, что атомная бомба должна быть использована против врага и сброшена без всякого предупреждения над таким населенным местом, которое полностью показало бы ее разрушительную силу. «Мы не можем предложить никакой технической демонстрации, которая могла бы привести войну к концу и у нас нет никакой альтернативы кроме прямого использования ее».

> Исторический факт остается фактом, о котором следует судить в будущем, что решение воспользоваться или нет атомной бомбой для принуждения Японии никогда не являлось вопросом. У нас было единодушное, автоматическое, непоколебимое согласие.[44])

У глав западных союзников было понятное колебание относительно атомной бомбы, иначе они бы не возвращались к этому предмету время от времени.

> Окончательное решение, где и когда бросить атомную бомбу оставалось за мной. Я признавал атомную бомбу, как военное оружие, и никогда не колебался в том, что она должна быть использована. Высшие военные советники при президенте рекомендовали использование ее, и когда я сказал об этом Черчилю, он ответил без малейшего колебания, что считает нужным пустить в ход атомную бомбу, если она приведет к окончанию войны.[45])

---

[44]) Черчилль, т. 6, стр. 639.
[45]) Труман, стр. 419 и выше стр. 416.

Советская реакция

Когда на Потсдамской конференции Труман сказал Сталину о новом оружии необыкновенно мощной разрушительной силы, тот не проявил никакого интереса, заметив только, что был рад слышать об этом и надеется, что «оно будет использовано против японцев».

Неизвестно было ли это преднамерено или Сталин еще не отдавал отчета, о чем говорил Труман, но в последовавшем развитии можно проследить систематическое стремление советских вождей свести на-нет сущность атомного оружия, даже тогда, когда стали известны потрясающие по трагизму подробности хиросимской и нагасакской катастроф. Позже, после разоблачения советского шпионажа, брошенного целиком на добычу секретов производства атомных бомб в Америке, стало понятно, что Сталин сразу учел значительность слов Трумана об атомной бомбе. Реакция Сталина на Потсдамской конференции дала тон настойчивому стремлению советского правительства умалить значение термоядерного оружия, чтобы подчеркнуть этим независимость Кремля и бесцельность запугивания его. Сталину нужно было также дать объяснение и советскому народу.

Разрыв атомной бомбы над Хиросимой был скудно отмечен в советской печати. Не было ни статей, ни комментариев. Окончание Тихоокеанской войны целиком приписывалось выступлению в Маньчжурии советских войск. Советская печать вначале совершенно не отметила второй бомбы над Нагасаки и только спустя некоторое время сделало о нем краткое сообщение.

Замолчать же значение атомной бомбы, как современного решающего оружия, советская власть не могла.

Московская газета на английском языке в форме разбора иностранной печати сравнительно пространно коснулась значения атомной бомбы. После вступления и краткого описания она перешла к доказательству, что атомная бомба не явилась решающим оружием в принуждении Японии пойти на безоговорочную сдачу. Заключение, что атомная бомба привела к капитуляции было «попыткой обанкротившихся японских милитаристов оправдать свое бесславное поражение советскими войсками» и «измышлениями полуфашистских комментаторов западного мира».

Опыт Второй Мировой войны и непревзойденные победы Красной Армии ясно показали, что успех в войне достигается не односторонним развитием того или иного оружия, а превосходством всех оружий и их опытной координации.[46])

После окончания войны на Дальнем Востоке, три недели после взрывов двух первых бомб советское правительство должно было невольно подвести итог совершившемуся. Сперва — взрыв бомб, затем — поспешное вступление Советского Союза в войну против Японии, совершенно ненужное, если советское правительство считало себя обязанным помочь своим западным союзникам. Надо было решить, сперва для самого себя, затем для внешнего мира соотношение этих двух явлений. Надо было также решить, какое значение, а то и влияние могла оказать американская атомная бомба на внешнюю политику советского правительства и на агрессивный ее характер. Если атомная бомба не оказала решающего значения в окончании войны с Японией, а согласно официальной советской версии, это сделало выступление Советского Союза, следовательно оставалось умалить значение бомбы и показать, что она не могла запугать СССР.

Оповещая об атомной бомбе, реакционные круги *(Америки, прим. ред.)*... выступают бесстыдно во всей своей империалистической наготе. Они требуют посредством атомных бомб установления Соединенными Штатами доминирующего положения во всем мире. Очевидно уроки истории ничему не учат этих заблудшихся империалистов. Они не задумываются над провалами гитлеровских планов покорения мира, основанных на готовности эксплуатировать временные преимущества в создании нового оружия.[47])

У советского правительства таким образом сформировалось следующее на его взгляд выгодное отношение к атомной бомбе: с одной стороны сравнительная незначительность ее как оружия, с другой стороны — чудовищные результаты ее разрушительного действия. В первом случае — для внутреннего потребления внутри Советского Союза: атомная бомба не страшна и не опасна; во втором случае — для сведения внешнего мира: Советский Союз осуждает бесчеловечное использование атомной бомбы и как поборник мира, взывает ко всем с призывом требовать уничтожения этого оружия. Советский

[46]) New Times, Москва, 1 сентября 1945 г.
[47]) Там же.

Союз хотя и обладал тогда секретом производства атомных бомб, выкраденным советскими шпионами в Соединенных Штатах, Канаде и Великобритании, все же не был в состоянии производить их.

Год с лишним спустя Сталин выявил свое отношение к новому оружию, отношение, которое с тех пор приняло характер официальной догмы:

> Я не считаю, что атомная бомба является такой серьезной силой, как склонны полагать некоторые политические группы. Атомные бомбы рассчитаны на внушение страха людям со слабыми нервами, но они не в состоянии решить исхода войны, так как для этого нет достаточного количества бомб.[48])

Сама война

С нападением Германии на Советский Союз ожидалось начало японских военных операций на советском Дальнем Востоке. Дальневосточный фронт под командованием генерала Апанасенко был переведен на военное положение. Охрана государственных границ была усилена, население мобилизовано для рытия окопов и других фортификационных работ.

В японском Генеральном Штабе продолжал оставаться в силе дважды пересмотренный и дополненный план, известный под именем «Кан-Току-Эн», по которому Квантунгская армия в Маньчжурии, совместно с Особой армией в Корее и военно-воздушным и военно-морским флотом, должна была начать гигантские военные операции от маньчжурско-монгольской границы до Петропавловска-на-Камчатке.*)

В начале германских операций против Советского Союза германский посол в Токио Отт в телеграммах Берлину сообщал о готовности японского правительства со дня на день начать военные действия для овладения Дальним Востоком и Восточной Сибирью. В действительности эти сообщения выдавали желаемое за действительное. В Японии господствовали другие замыслы и соображения. Южная экспансия на огромном пространстве Тихого океана развивалась успешно. Незадолго до начала этой операции Япония колебалась, куда направить динамическую силу своего поступательного движения. В выборе этого движения Японии невольно помогла Гер-

---

[48]) Газета «Правда», Москва, 25 сентября 1946 г.
*) См. **«Финал в Китае»**, т. I, стр. 231.

мания заключением дружественного пакта Гитлера и Сталина в августе 1939 года. Япония рассчитывала найти в лице Германии верную союзницу для совместных военных действий против Советского Союза, заключение же советско-нацистского пакта расстроило ее планы, так как по ее мнению он являлся изменой оси Берлин-Токио.

Теперь, начав свое стремительное движение на юг и проводя его с воодушевляющим начальным успехом, Япония совершенно не была намерена срывать свои планы, и на запросы Германии о совместных действиях против Советского Союза обычно давала уклончивый ответ. Тон донесений посла Отта стал менее оптимистическим, а в телеграмме в октябре 1941 года он известил Берлин, что «военных операций Японии против Дальневосточной армии раньше весны ожидать нельзя».

Изменение в составе дальневосточных сил

После пробных боев под Хассаном и Халкин Голом состав Дальневосточного фронта был увеличен до 24 стрелковых, шести кавалерийских дивизий и восьми танковых бригад. Во время переговоров с Рузвельтом и Черчиллем Сталин считал, что до выступления Советского Союза против Японии необходимо удвоить число дивизий, находившихся на Дальнем Востоке. Сперва он определил это число в тридцать дивизий, а немного позже поднял число их до сорока. К этому времени на Дальнем Востоке в результате реорганизации вооруженных сил было учреждено верховное командование во главе с маршалом А. М. Василевским, в распоряжении которого находились: Забайкальский фронт, со ставкой и штабом в Чите; Первый Дальневосточный Фронт, со ставкой и штабом во Владивостоке; и Второй Дальневосточный Фронт, со ставкой и штабом в Хабаровске.

Состав дальневосточных вооруженных сил не оставался неизменным. В зависимости от положения на советско-германских фронтах происходили передвижения свежих воинских частей с Дальнего Востока и замена их второочередными частями, или частями, снятыми с фронта.*)

*) Во время заседания Советско-Американской Комиссии по созданию государственного строя в Корее, автор в Сеуле встречался с советскими офицерами, которые рассказывали о больших передвижениях воинских частей с Дальнего Востока для защиты Москвы и снятия сталинградской осады. *(Примеч ред.)*.

В мае, после окончания войны в Европе, переброска советских войск на Дальний Восток приняла массовый характер. Эшелоны за эшелонами следовали из Восточной Европы, перевозя на Дальний Восток свыше шестисот тысяч человек, тысячи танков, огромное количество орудий, минометов, пулеметов, запасы снабжения, провианта. Переброска войск закончилась к концу июля; прибывшие пополнения были размещены вдоль советско-корейской и советско-маньчжурской границы общей длиной в 4,000 километров. Пополнения шли главным образом в Забайкальский и Первые Дальневосточные Фронты. Во главе первого был поставлен маршал Родион Малиновский, который перевел свой штаб из второго Украинского Фронта в Читу. Забайкальский Фронт был пополнен двумя армиями из Второго Фронта, включая одну танковую, и одной армией, оперировавшей в Восточной Пруссии. Маршал К. А. Мерецков был назначен командующим Первым Дальневосточным Фронтом, пополненным армией генерала Крылова из Восточной Пруссии. Генерал М. А. Пуркаев принял командование Вторым Дальневосточным Фронтом.

Планы военных действий в Маньчжурии сводились к внезапному нападению со стороны Забайкалья и Монголии на западе, и со стороны Владивостока и Ворошилова (Никольск-Уссурийского) на востоке с целью отрезать весь край от японских вооруженных сил, находившихся в Северном Китае. Главная роль в этих операциях отводилась Забайкальскому и Первому Дальневосточному Фронтам. Второй Дальневосточный Фронт должен был провести вспомогательные операции.

К концу июля на Дальнем Востоке сосредоточилось одиннадцать пехотных армий, одна танковая армия, восемьдесят с лишним стрелковых дивизий и четыре танковых корпуса — первоклассных, испытанных в боях и опьяненных успехами войск. Эта военная громада, численностью свыше миллиона человек, готовилась быть брошенной против второочередного состава Квантунгской армии, состоявшей из тридцати одной пехотной дивизии и двух танковых бригад.

Эффект первой атомной бомбы сказался не только на японском городе Хирошима; он сказался и на советском правительстве, терпеливо ожидавшем, когда победители и побежденные окажутся одинаково обессиленными. Оно готово было

ждать еще недели, если не месяцы, не придавая особого значения данному обещанию выступить в обусловленный срок против Японии. В самом сроке ничего не было определенного. Сталин говорил — два-три месяца после окончания войны с Германией, или как только Советский Союз закончит накопление вооруженных сил на Дальнем Востоке. Генерал Антонов говорил, что советские вооруженные силы будут готовы к концу августа. Но «закончить накопление», «быть готовым», еще не означает точный обусловленный срок, как это было, например, с гигантскими десантными операциями ОВЕРЛОРД в Нормандии, начало которых было намечено вперед и только из за плохой погоды было перенесено на один день.

Если первая атомная бомба пока только встряхнула советское правительство от своеобразной летаргической спячки, то вторая бомба, разорвавшаяся через два дня над Нагасаки, привело его в состояние лихорадочной деятельности.

Как только в Москве стали известны еще скудные данные о втором атомном взрыве, советское правительство отдало наконец себе отчет, что война в Азии фактически закончилась. Единственным объяснением, что Япония еще не капитулировала, было то, что потрясенная таким небывалым в ее истории несчастьем и раздавленая горем, она не нашла в себе силы оправиться от этого удара, прийти в себя и запросить о пощаде. Ни у кого — а меньше всего у советского правительства — не оставалось сомнений в том, что это произойдет если не сегодня, то завтра, если не завтра, то обязательно послезавтра. Если надо было добить Японию, то добить немедленно, пока она еще держалась на дряблых ногах.

С Дальнего Востока непрерывным потоком шли радио-донесения о передвижениях советских войск. Армия генерала Лучинского, из состава Забайкальского Фронта, вышла из Читы и приближалась к Хайлару. На востоке танки генерала Крылова уже были сосредоточены на границе для прорыва и удара по линии Мулин-Муданьзян.

В этот день Молотов, назначив прием японского посла Сато в восемь часов вечера, спешно перенес его на пять часов пополудни. Теперь, у шапочного разбора Тихоокеанской войны, вопрос трех часов принимал особое значение для советского правительства.

В ночь на 9 ~~октября~~ (между Москвой и Дальним Востоком разница во времени пять часов: семь вечера в Москве, полночь на Дальнем Востоке) советская армия и военно-морской флот пересекли государственные границы Маньчжурии и Северной Кореи. На востоке армия генерала Лучинского шла на Хайлар, наиболее сильно укрепленный опорный пункт японских фортификаций вдоль Большого Хингана. Ширина Хинганского хребта была от двухсот до трехсот километров, на которой были расположены тысячи дотов и другие полевые укрепления.

Другие части Забайкальского Фронта маршала Малиновского совместно с монгольской армией маршала Чойбалсана прорвали ряд укрепленных районов, форсировали горный хребет Большого Хингана, безводные степи Монголии и ворвались в Маньчжурию. Южнее, армии генералов Манагарова, Данилова и Лудникова вышли из Внешней Монголии в обход японских хинганских укреплений. К 12 августа эти армии перешли через Хинган и открыли путь для танковой армии генерала Кравченко в среднюю Маньчжурию в направлении Мукдена. Войска левого крыла обошли в тыл хайларский укрепленный район, блокировали его и повели наступление на цицикарском направлении. 15 августа Монгольская армия вошла в Калган.

Войска Первого Дальневосточного Фронта в составе армий генералов Крылова, Захватаева и Белобородова, прорвали укрепления у Пограничной и вышли на подход к Харбину и Гирину. Наиболее сильное сопротивление японские войска оказали частям генерала Крылова на линии Мулин-Муданьзян, вблизи которых шли упорные бои от 11 до 15 августа.

Танки Крылова прорвались в Мукден. Одновременно парашютисты были сброшены в Харбине, Гирине, Чанчуне, Мукдене, Порт Артуре и Дальнем.

Части сил Второго Дальневосточного Фронта форсировали реку Уссури у Бикина и повели наступление на Баоцин и Боли для слияния с частями Первого Дальневосточного Фронта, вышедшими со стороны озера Ханка. Правое крыло Второго Фронта, действуя со стороны Благовещенска, вышло на Цицикар на соединение с частями генерала Лучинского.

В ночь на 9 августа корабли Амурской флотилии высадили десант у устья Сунгари и овладели рядом опорных пуктов. 20 августа Амурская флотилия подошла к Харбину и высади-

ла там десант пехоты. Одновременно в Харбине был сброшен советский воздушный десант.

Тихоокеанский флот под командованием адмирала И. С. Юмашева занял порты Северной Кореи Юки, Расин и Сейсин. Армия генерала Чистякова, расположенная в районе Посьета, прорвала заграждения и ворвалась в Корею.

12 августа Япония заговорила о готовности сложить оружие. 14 августа она формально капитулировала. Приказ о прекращении военных действий в Маньчжурии не прибыл во время, хотя высшее командование Квантунгской армии знало, что война закончилась.

В итоге первого этапа — 9-14 августа советские войска прорвалил оборону японских войск на всех направлениях, расчленив Квантунгскую армию на отдельные изолированные группировки. Война на этом фактически закончилась. В отдельных местах еще происходили столкновения изолированных японских войск, потерявших связь со штабом, и вынужденных оказывать сопротивление продолжавшим сражаться советским войскам, которые, казалось, опьяненные легкой победой, не хотели останавливаться.

Война закончилась, но ненужная и неоправданная ничем бойня еще продолжалась. Казалось, что советское командование стремилось умышленно продлить военные действия. Последовавшие сообщения о военных действиях в Маньчжурии все отодвигали время окончания их. Газета Тихоокеанская Звезда» в Хабаровске сообщила о капитуляции Японии 16 августа, два дня после того, как Япония сама сообщила об этом. Затем она сообщила о сдаче Квантунгской армии 19 августа. Приказ Верховного Главнокомандующего, объявляя об окончании войны с Японией, указал дату 23 августа. В поздних советских сообщениях подписание Японией условий капитуляции 2 сентября на борту американского дредноута Мизури в бухте Токио связывалось со сроком окончания военных действий в Маньчжурии, хотя фактически они закончились больше чем за две недели до этого. В отодвигании срока окончания войны имелась определенная последовательность, дающая основание для вывода, что советское правительство стремилось придать советско-японской войне более суровый и затяжный характер. Советское правительство также умышленно преувеличивало мощность Квантунгской армии. По советским официальным данным японские вооружен-

ные силы в Маньчжурии определялись в шесть полевых и одну воздушную армию, общей численностью свыше одного миллиона человек, не считая 170 тысяч армии Маньчжудиго и 200 тысяч полицейских отрядов. По тем же данным, в Квантунгской армии было около пяти тысяч орудий, тысяча танков, 1100 самолетов и т. д.[49])

Но задолго до этого умышленно извращенного отчета советская сторона в отчете о трофеях, захваченных между 9 августа и 9 сентября (время окончания войны на этот раз еще передвинуто) поспешила заявить, что было захвачено: «925 самолетов, 369 танков, 35 бронепоездов, 1226 полевых орудий, включая самоходных; сдалось 594,000 солдат и офицеров, в том числе 20,000 раненых, убито — 80,000 человек».[50])

Если сдавшихся и убитых по советским подсчетам оказалось 674,000 то это далеко не миллион с лишним человек, не считая около четырех сот тысяч вспомогательных войск! И в этом случае советское правительство пошло на умышленную фальсификацию.

Война закончилась, но мира Азии она не принесла.

---

[49]) Большая Советская Энциклопедия, Советско-японская война 1945 года.
[50]) «Тихоокеанская звезда», 12, сентября 1945 г., Хабаровск.

III

ТРЕВОГА

Последние дни Дальневосточной войны оказались для эмигрантской массы в Маньчжурии днями тяжелых испытаний и решений. Войны ожидали все, но никто не предполагал, что она начнется и закончится так молниеносно. Теперь, после четверти века жизни зарубежом, накануне прибытия советских войск надо было разрешить один из тревожных и сложнейших вопросов: с родиной или против нее.

Вопрос разрешился бы просто, если бы находился только в этой плоскости. Прежде всего, если с родиной, какая она теперь? Примет ли она их как блудных сынов в святой простоте библейского всепрощения и любви, или неожиданное примирение произойдет путем вынужденного признания ошибок и грехов прошлого и полуискреннего желания покончить с враждой? Вина прошлого была одинаково на той и на другой стороне, тяжкая вина в отношении всего российского народа и родины. После окончания Гражданской войны, с уходом белоповстанцев в эмиграцию, вина их в отношении родины осталась памятью прошлого. Новой они не совершили. Можно ли также уверенно сказать о советском правительстве и правящей в России коммунистической партии?

Родина — не власть и не партия. Кто же зовет туда этих изгнанников, кто тревожит их, бередит их души, растравляет их раны, кто обольщает образом прежней родины, клянется, что она не изменилась, а осталась такой, какой была в последний день, когда ее рубеж остался позади? Не звучат ли вместо ее ласкающего слух гóлоса, голосá предательства?

За четверть века пребывания за рубежом многое произошло в сознании дальневосточной эмиграции. Географически она была ближе к родине, чем какая либо другая эмигрант-

ская группа. Особенности Дальнего Востока и Азии ставили ее чужой и чуждой в отношении местного населения, исключая возможность слияния с ним. Пуповина с родиной таким образом никогда не прерывалась. Гражданская война со всеми ее жестокостями осталась в далеком прошлом. Время залечило многие раны. Дни и годы заполнялись своими собственными заботами, но образ родины не тускнел, память о ней не сгладилась, боль о ней не затихла. Что же касается вины по отношению к родине, то ее можно было только приурочить ко времени Гражданской войны, ко времени трагического ослепления и разгула необузданных стихийных сил. Все это осталось в прошлом. Тогда был только один выбор из двух сторон, ставка на красное или белое. Разве можно судить за выбор, сделанный сознательно и здраво с чувством долга, с верой в то, что эта, а не другая сторона является справедливой и принесет настоящее счастье родине?

Экстраординарные совещания

Несмотря на то, что вступление Советского Союза в войну ожидалось со дня на день, весть о вторжении в Маньчжурию советских войск вызвало в Бюро по делам Российских Эмигрантов большое волнение и тревогу. На утро после начала военных действий начальник Бюро генерал Власьевский поспешил отправиться с запросом в военную японскую миссию, но там было общее смятение и начальник ее генерал Акикуса просил приехать его позже. Вернувшись в Бюро, Власьевский рассказал о растерянности японских властей, которые все же потребовали от Бюро конкретных выражений взгляда на начавшуюся войну. На вопрос глав отделов Бюро об общем положении, Власьевский ответил, что он должен еще повидаться с генералом Акикуса и только тогда можно будет решить, что предпринимать.

У глав Бюро происходили экстренные совещания. В кабинете Родзаевского было особенно многолюдно и собравшиеся горячо обсуждали положение и выходы из него. Одни считали, что следует выждать и не предпринимать опрометчивых шагов: возможно, что советская власть и советские войска изменились, стали не теми, кем были до Отечественной войны, поэтому следует вначале убедиться, так это или нет, а уже потом, в зависимости от обстановки, принимать то или иное решение. Родзаевский настаивал на необходимости во

что бы то ни стало покинуть Харбин, чтобы избежать захвата советскими войсками.

Совещания происходили и в кабинете Матковского, первого заместителя начальника Бюро. Одни настаивалил на том, чтобы Матковский, будучи в хороших отношениях с генералом Акикуса еще со времени образования Бюро, выяснил с ним обстановку и если она представляет действительную угрозу, то добился бы от него помощи и средств для эвакуации из Харбина всех желающих до прихода туда советских войск. Обычно всегда спокойный, Матковский нервничал, в спорах почти не принимал участие, но обещал поговорить с Акикуса и просить его помощи. На вопрос одного из присутствующих, собирается ли он покинуть Харбин, Матковский несколько смутился и ответил, что преждевременно думать об отъезде до совещания Власьевского с Акикуса.

Совещание генерала Власьевского с начальником военной миссии не дало никаких результатов, так как Акикуса никак не мог связаться со штабом Квантунгской армии. Он обещал сделать все возможное для тех, кто пожелал бы выехать из Маньчжурии в Китай. Он повторил требование миссии и через Власьевского поручил Родзаевскому составить сообщение на русском языке об отношении Бюро к начавшейся войне и в тот же вечер передать его для русских слушателей. Генерал Акикуса находился в крайне нервном состоянии: он почти плакал, говоря о возможной капитуляции Японии. Он запрашивал через каждый час штаб Квантунгской армии, но телефонная связь была прервана или черезчур загружена.

Родзаевский выработал самостоятельно от всех план ухода из Харбина в случае быстрого появления советских войск. По этому плану все желавшие покинуть Харбин должны быть готовыми к 14 августа. Он обещал добиться от японской военной миссии средств, оружия и продуктов. Бюро должно было приготовить паспорта на чужие имена. Каждый должен был взять с собой как можно меньше вещей и быть одетым в штатское платье. Позже было решено достать через японскую миссию лошадей и в конном строю двинуться на Тяньцзин. На вопрос, как поступать с семьями, Родзаевский задумался и ответил, что ничего не может сказать. Что же касается его собственной семьи, то он сказал, что еще не говорил с женой, но видимо ей придется остаться с детьми в Харбине, так как его младшему сыну не было еще года и он болел.

Аресты и слухи

На утро после ночного вторжения советских войск в Маньчжурию капитан Кадамо, офицер японской военной миссии, явился в советское генеральное консульство для интернирования его служащих и захвата бумаг. Все важные бумаги были заблаговременно сожжены, но на видном месте было оставлено полторы тысячи анкет, заполненных эмигрантами на предмет перехода в советское подданство. Это было сделано умышленно, с целью вызвать недоверие японских властей к эмигрантам и создать между ними вражду. Кадамо понял это и приказал уничтожить анкеты.

В городе шли аресты ответственных советских граждан, связанных с советским консульством и другими официальными и неофициальными советскими учреждениями. Родственники арестованных осаждали официальные учреждения с запросами о судьбе арестованных и просьбами об их освобождении или передаче вещей и питания. Советские агенты усиленно распространяли слухи об издевательстве и зверском отношении японских властей к арестованным.

Все говорили только о войне и неминуемом появлении советских войск в Харбине. Город был полон слухов, один нелепее и противоречивее других. Говорили о грабежах, насилии и разбое, чинимых советскими солдатами над мирным русским и японским населением, и в то же время об их высокой дисциплине. Говорили о жестоких боях в районе Мулинских копей, города Муданьзян, около станции Аньда, в районе Хайлара и Трехречья. Говорили о пассивности японских войск и в то же время об их упорном сопротивлении. Бывшие военнослужащие, забыв о своем положении, обсуждали на все лады особенности этой войны: не было слышно артиллерийской канонады и не видно авиации.

Поездное движение на КВжд прекратилось почти совершенно. Изредка проходили поезда в четыре-пять вагонов от узловых станций для доставки продуктов, срочных грузов, рабочих.

Надежды и сомнения

На второй день после начала войны в Бюро еще не было выяснено, что следовало ожидать от японских властей и что предпринимать самим. Среди руководителей Бюро мнения разделились и каждая сторона считала себя правой. Одни го-

ворили, что советские войска ведут себя настолько образцово, что нет никаких оснований ожидать какого либо произвола в отношении эмигрантов. Они подкрепляли себя доводами о духовном перерождении советской власти, о восстановлении в советской армии прежней императорской формы, и приводили слова советских консульских служащих, что теперь нет ни советских людей, ни эмигрантов, а только одни русские. Другие с неменьшей убедительностью и упорством настаивали на необходимости бросить Харбин и другие маньчжурские города до прибытия туда советских войск. Они приводили заверения генерала Акикуса, что он предоставит возможность выехать из Харбина за пределы Маньчжурии всем, кто не хочет попасть в советский плен. Им не верили, считая, что в связи с неминуемой капитуляцией Японии у Акикуса было много своих забот и горя, чтобы заботиться еще об эмигрантах.

Все знали, что наступили последние дни. Невероятно увеличилась спекуляция. Продавали все, что могли. Спешно скупали американские доллары, продавали золотые рубли, накупали золото, драгоценные вещи.

Вечером 11-го августа вновь появились настойчивые слухи о готовности Японии капитулировать. Вопрос о спешном отъезде из Харбина тех, кто не мог оставаться в городе, принял еще большую остроту. В это время стало известно, что японская военная миссия готова помочь всем желающим выехать за пределы Маньчжурии.

На другое утро были получены дополнительные сведения, что будет подан особый поезд, посадка на который назначена в тот же день в восемь часов вечера. Накануне в помещении Бюро жгли архивы. Продолжались бесконечные совещания, была открыта запись на места в поезде. Разноречивые слухи возрасли во сто крат. Один из служащих Бюро передал только что полученный слух о том, что японцы собираются ликвидировать в дороге выехавших из Харбина. Его слушали, принимали слух за правду и отказывались записываться на эмигрантский поезд. Одни считали рискованным ехать в неизвестность, бросать насиженные места, семьи. Другие прямо заявляли, что не собираются никуда ехать, а предпочитают ждать советских войск, веря, что они придут не как поработители, а как освободители. Третьи еще не пришли к решению, собираться или нет, хотя до отхода поезда остава-

лось мало времени. Четвертые говорили, что они придут во время к поезду и просили сохранить за ними места. В последнюю минуту оказалось, что они изменили свое решение ехать. Кассир Бюро, Краснов, инвалид Гражданской войны, с трудом волочивший искалеченную ногу, на вопрос едет он или нет, ответил: «не могу решиться. Все равно погибнуть здесь от чекистской пули или где нибудь в пути. У меня трое детей, больная жена, есть малыши. Куда я тронусь с этим грузом!»

Вначале предполагалось просить военную миссию предоставить несколько поездных составов для эвакуации эмигрантов. Когда выяснилось, что записалось всего 120 человек, решено было не беспокоить дальше миссию.

Одним из сомневающихся вначале казалось был и Родзаевский. На вопрос: не раздумает ли он в последнюю минуту, он поспешил заверить, что он и его ближайшие сотрудники — их оказалось двое молодых людей и одна девушка, его восторженная поклонница — пришли к твердому решению ехать. Его тревожило только то, что его семья не могла ехать с ним, а должна была остаться дома. На подобный вопрос Матковский ответил, что решил ехать вместе с семьей, но некоторые обстоятельства могут временно задержать его. Слова его звучали неуверенно, он чувствовал себя неловко. «Есть слухи», добавил он, «что сразу по оставлении японцами Маньчжурии, войдут американские войска, что гарантирует населению покой и безопасность».

В городе нарастала тревога. Японские власти усилили охрану порядка, ожидая, что перед приходом советской армии в городе начнутся грабежи и бесчинства. Говорили о том, что в город проникло много корейцев и просоветски настроенных китайцев, готовых воспользоваться замешательством японских властей.

В условленное время на харбинский вокзал собралось всего около двадцати человек из ста с лишним записавшихся. Назначенный миссией японец-проводник провел их к поезду, состоявшему из одного вагона второго и нескольких вагонов третьего класса. Затем прибыл японский советник Бюро Акаки, который узнав, что некоторые ответственные лица Бюро в последнюю минуту изменили свое решение ехать, отправился за ними сам, чтобы доставить их к отбытию поезда. Вслед за Акаки явился Матковский. Он быстро прошел по вагонам, осматривая собравшихся. На вопрос об отъезде он

ответил, что по настойчивому желанию японской военной миссии он остается на посту исполняющего обязанности начальника Бюро, чтобы ведать делами эмигрантов до прихода советских властей.

Одним из последних прибыл с семьей генерал Власьевский. Он был крайне недоволен тем, что на его квартиру прибыл Акаки и почти угрожая револьвером заставил его собраться и прибыть к поезду. Затем появилось еще несколько человек, включая М. Н. Гордеева, б. начальника Экономического Отдела Бюро, и С. Кудрявцева, заменившего его на этом посту. Они также прибыли на вокзал под форсированным давлением Акаки.

Вместо записавшихся накануне 120 человек собралось чуть более одной трети. Далеко за полночь явились японский комендант и проводник, назначенные сопровождать поезд до места назначения, о котором никто не имел никакого представления. На рассвете 13 августа поезд отбыл. Вместо предполагаемого массового исхода эмиграции из Харбина, в нем оказалось сорок с небольшим человек.

IV

ПОЕЗД ИДЕТ НА ЮГ

Под таким заглавием К. В. Родзаевский готовил статью, так и не увидевшей свет из за внезапно разыгравшихся событий, о которых за неделю до этого было бы немыслимо предполагать. В ней, помимо описания путешествия в последнем — и единственном — беженском поезде из Харбина, он хотел поделиться своими мыслями и настроениями, связанными с возникшим в нем переломом. Позже, повинуясь глубокому внутреннему чувству, он отобразил свои встревоженные чувства в личном письме И. В. Сталину, в неожиданном вероятно для самого себя ином политическом освещении.

В поезде среди других лиц оказались: начальник Бюро генерал Л. Ф. Власьевский с семьей; его сын В. Л. Власьевский с женой; К. В. Родзаевский, М. Н. Гордеев, С. Кудрявцев, А. Н. Мартынов с семьей, И, Г. Карнаух с семьей и молодые последователи Родзаевского: В. Мигунов, В. Гольцев, В. Сеньжин и Вера Яньшина.

Перед отъездом из Харбина Родзаевский послал телеграмму начальнику Бюро по делам Эмигрантов в Чунчуне, чтобы приготовить к посадке на поезд всех желающих выехать из города. По сведениям, полученным еще в Харбине, группа в тридцать человек собиралась покинуть Чанчунь, но там никто не знал о времени прибытия поезда. Когда поезд прибыл в Чанчунь, японский комендант заявил, что стоянка будет всего несколько минут. На вокзале никого не оказалось, связаться с Бюро не удалось из за отсутствия времени. Поезд пошел дальше.

В Мукдене пассажирам предложили выделить несколько человек для встречи с эмигрантами, желавшими покинуть город, и закупки продуктов. Вызвался сын генерала Власьев-

ского. С несколькими другими он должен был зайти в отделение Бюро и забрать с собой всех, кто хотел покинуть Мукден. Через некоторое время посланные вернулись, за исключением Власьевского, и сказали, что начальник мукденского Бюро получил из Харбина телеграмму от Матковского с просьбой задержаться на некоторое время до получения инструкций, поэтому он не может уехать с ними. В. Власьевский остался, чтобы подождать помощника начальника Бюро, который отправился домой за вещами, после чего они должны были прибыть к поезду.

Через два часа Власьевский вернулся один, сгибаясь под тяжестью двух набитых чемоданов и больших тюков, в которых оказались меха и большое количество кофе. Еще перед прибытием в Мукден молодой Власьевский собрал среди пассажиров деньги на покупку продуктов. Вернувшись, он заявил, что на покупку продуктов у него не оказалось времени и поэтому возвращает собранные деньги, так как они ему не понадобились. Что же касается тяжело набитых чемоданов и тюков, то он пояснил, что ему удалось по знакомству достать для себя кое что в одном магазине в счет будущих расплат с главным отделением в Харбине. На вопрос, почему он не привел с собой желавших выехать из Мукдена, включая помощника начальника Бюро, Власьевский ответил, что он ждал их долго, но никто из них не пришел к назначенному месту.*)

Мукден был полон слухов о приближении советских войск. Ожидалось, что город будет захвачен со дня на день. Говорили, что в тылу японских войск появились советские парашютисты.

Настроение у большинства оказалось еще более подавленным. Неудача с посадкой эмигрантских групп в Чанчуне и Мукдене расстроила многих, а спекулятивные сделки молодого Власьевского вызвали глубочайшее возмущение. Невольно

---

*) Позже выяснилось, что Власьевский сам не явился к месту встречи с помощником начальника мукденского Бюро и другими и не разъяснил точно местонахождение поезда. Его ждали в надежде, что Власьевский прибудет, но он был занят своими спекулятивными делами. Помощник начальника Бюро был позже захвачен советскими властями, вывезен в СССР, где был присужден к длительному сроку в концлагере.

заговорили о тех, кто остался в Харбине в силу обстоятельств, своей медлительности и оплошности или по наивному соображению, что с ними ничего не случится. Среди оставшихся было много лиц, занимавших в прошлом высокое положение, а в эмиграции — ответственные посты в эмигрантских и японских учреждениях. Всем им возможно грозила репрессия со стороны советских властей. Генерал Власьевский, сам выехавший под дулом револьвера, успокаивал других, что по его сведениям для вывоза их будет предоставлен второй эшелон, или выделено несколько вагонов, прицепленных к товарному или пассажирскому поезду. Ему было неловко за своего сына и он старался смягчить атмосферу раздражения и подавленности.

Поезд стоял еще в Мукдене на запасном пути, когда со станции пришли слухи, что советские войска с запада выходят на Сыпингай и если выйдут туда в ближайшие часы, то они пересекут путь на Тяньцзин и захватят харбинских беженцев.

В начале восьми часов вечера поезд вышел из Мукдена. Стало заметно темнеть. Поезд должен был идти по равнине на юг в сторону Тяньцзина. Стали показываться горы, леса, река. Затем засверкало что то необыкновенно яркое, что можно было принять за огненную лаву, стекавшую с горы. Поезд прошел первый туннель, вошел во второй. Опять показалось ослепляющее зарево. Некоторых пассажиров обуял панический страх: они решили, что японцы повели поезд в такое место, где они могут незаметно для всех освободиться от свидетелей многих предосудительных дел японских властей в Маньчжурии. Стали спрашивать сопровождавших японцев, почему поезд идет не на Тяньцзин и что это за место. Поезд медленными рывками приблизился к станции, которая оказалась Таканцзы вблизи корейской границы. На станции ожидала группа японских жандармов и японцы, одетые в штатское платье. Комендант поезда спрыгнул на ходу и направился к ожидавшей поезд группе, затем скрылся в телеграфной конторе. Один из станционных жандармов вошел в вагон и вызвал проводника. Тот взял свои вещи и вещи коменданта и последовал за жандармом. Загадочность этих движений чрезвычайно забеспокоила пассажиров. Поезд медленно подался назад и перешел на запасный путь. С горы сверкающей огненной лавиной текла расплавленная сталь. Около станции оказался сталелитейный завод. Некоторое время спу-

стя комендант и проводник вернулись со своими вещами, поезд передвинулся с запасного пути и вышел опять в направлении Маньчжурии. Рано утром вновь показался Мукден, но отсюда поезд изменил направление. Когда показались Фушинские копи, ни у кого не осталось сомнения в том, что он идет на юг. За это время к нелепому слуху о замысле японских властей расплавить в кипящей стали сорок с лишним беглецов из Харбина, прибавился слух, что мукденская военная миссия, не желая допустить захвата их советскими или американскими войсками, решила отправить их в Корею, где от них можно было бы отделаться легко и незаметно. Созданные тут же на месте слухи дальше утверждали, что на первой корейской станции комендант поезда за свой страх и риск протелеграфировал в штаб Квантунгской армии, прося подтвердить решение мукденской миссии, и что оттуда дали распоряжение вернуть поезд на Мукден и направить его на юг.

К чести японских военных властей в Маньчжурии следует отметить, что они выделили большой поезд для эмигрантов, рассчитывая, что сотни их, если не тысячи решат избежать захвата советскими войсками. Большое японское население Харбина осталось на месте, так как не оказалось достаточно вагонов для отправки их в ближайший порт для следования в Японию. Об этом хорошо было известно пассажирам в последнем беженском поезде из Харбина, но они предпочитали создавать и муссировать нелепые слухи.

Тревога и неизвестность невольно порождают всевозможные слухи. Кое кто из пассажиров усиленно муссировал слух о выходе советских войск на Сыпингай, только для того, чтобы отрезать путь и захватить поезд с беженцами. Другие не менее панически настроенные пассажиры готовы были клясться, что на прицепленной к их вагону платформе находились взрывчатые вещества, что это было сделано с целью взорвать весь поезд, как только он попадает под огонь советской артиллерии. Для успокоения их кто то перелез на платформу, вскрыл один из ящиков и обнаружил в нем галеты.

На станции поезд с эмигрантами стоял рядом с другими поездами; на открытых платформах и в теплушках, плотно прижавшись друг к другу, сидели японцы, мужчины, женщины и дети, все растерянные и крайне удрученные. Шел дождь.

Сидевшие в закрытых вагонах харбинцы невольно думали о себе и о тех, кто мок под дождем на открытых платформах.

Комендант поезда приказал опустить на окнах занавеси, чтобы не привлечь внимания желавших забраться в вагоны. Кто то пытался проникнуть внутрь, но появились четыре японских жандарма для охраны входов в вагоны до отбытия поезда.

Состояние подавленности продолжало царить в вагонах. Каждый невольно думал о своей судьбе, тревожа себя вопросами, почему она вновь заставляет его бросить все, что он создал за двадцать с лишним лет, и кинуться в неизвестность. Особенно заметно мучился К. В. Родзаевский. Он тосковал по семье, по жене и детям, которых любил. Он пытался занять себя планами на будущее, начинал мечтать о возобновлении политической деятельности на новом месте, о создании большого издательства, о работе с еще большим горением. Но лицо его становилось грустным, он начинал усиленно мигать глазами, отворачивался, чтобы скрыть волнение и удержать набегавшие слезы. Чувствовалось, что его охватывали мысли не об издательстве и новой политической работе, а о чем то совершенно другом. От него постепенно стали отходить его недавние друзья и сотрудники, он это заметил и начинал еще больше мучиться.

На одной из станций были получены сведения, что советские парашютисты высадились в Дайрене и что по слухам атаман Семенов схвачен и увезен советскими офицерами. На другой станции в вагон вошел японец и, не обращаясь ни к кому в особенности, сказал:

— Приказ Тенноо.

— Какой приказ императора?

— Приказ, манифест, чтобы не продолжать кровопролития. — Японец резко повернулся и вышел, чтобы скрыть свое волнение.

На рассвете поезд прибыл к дачному местечку Пейтахо вблизи Тяньцзиня. Комендант поезда разрешил поднять шторы. Сверкало яркое утреннее солнце, вдали синело море, на рейде стояли пароходы. Можно было выйти на перрон, погулять, купить сигареты. Показались европейцы-дачники. Все казалось мирным и спокойным. Настроение у пассажиров не-

вольно изменилось к лучшему. Позади осталась Маньчжурия, война, советские войска, следовавшие по их пятам карательные отряды, тревога, порожденная внезапным отъездом, медленным движением поезда, невероятными слухами. Перестали встречаться поезда с открытыми платформами, на которых в тесноте и давке, под дождем, жались удрученные горем японские беженцы. Впереди нарастала надежда на возможность устройства жизни в новых, свободных условиях.

Над Тяньцзином тяжело нависли последние дни «футяна», изнуряющего сухого зноя без малейшего дуновения ветра. Это море жадно втягивало в себя раскаленный жар песков из пустыни Гоби. На омертвелых деревьях бессильно висела листва. Дома, конторы, магазины были завешены цыновками. В глубине, в полутемноте домов отсиживались измученные зноем жители.

Все это казалось ничто по сравнению с тем, что осталось позади.

V

ПЯТЬ ДНЕЙ, ПЕРЕКОВАВШИХ ДУШУ

Утром к поезду прибыли начальник Бюро Эмигрантов Тяньцзина В. В. Сапелкин и представитель японской военной миссии И. Пономаренко. На расспросы пассажиров, идет ли поезд в Шанхай, как предполагалось раньше, им ответили, что Тяньцзин является пределом их путешествия.

Для прибывших было отведено помещение в редакции «Возрождение Азии», всего три комнаты с одним диваном и одной кроватью. Сорок с лишним человек должны были располагаться, как могли. За эти дни маньчжурские деньги успели так низко пасть в Тяньцзине, что за перевозку вещей с вокзала до отведенного им помещения пришлось заплатить столько, сколько могла стоить жизнь в Маньчжурии в течение целого месяца.

На прибывших накинулись с вопросами о положении в Харбине и других местах Маньчжурии, но кроме описания последних дней перед приходом советских войск и своего путешествия они мало что могли рассказать. Их самих волновало и тревожило положение в Харбине. У многих остались там семьи, родственники, друзья. Некоторых из них уже начинало одолевать сомнение, не прогадали ли они, так спешно покинув насиженные места. Но об этом пока никто не решался говорить открыто.

Положение ухудшилось еще тем, что харбинцев встретили в Тяньцзине недружелюбно, если не враждебно. Советские граждане и те эмигранты, которые страховки ради, готовились к переходу в советское подданство, открыто угрожали учинить над некоторыми из них расправу. Появляться вечерами на улицах Тяньцзина стало опасно. Кроме того в городе царила анархия, на окрайнах его появились хунхузы, гра-

бя и насилуя население. Китайские чиновники и все, кому было не лень, производили расправу над японским населением, реквизируя у него имущество, громя японские магазины и лавки. Тяньцзин гудел многоголосой, возбужденной толпой. Город был полон самых тревожных слухов: говорили, что Калган уже занят советскими войсками, что они готовятся захватить Пекин и затем броситься на Тяньцзин, в двух часах поездом от столицы Китая.

Власти националистического правительства были не в силах справиться с царившей в городе анархией и запросили японское военное командование восстановить в городе порядок и законность. Создалось необыкновенное положение: побежденные японские войска охраняли китайское и иностранное население Тяньцзина от бесчинства и грабежа, чинимых солдатами гоминдановских войск.

Нарастание вражды

У большинства прибывших из Харбина не было никаких средств к существованию. Цены расли катастрофически. Найти доходное занятие, устроиться на службу представлялось совершенно несбыточным в том состоянии хаоса и анархии, в котором находился город.

Враждебное отношение к прибывшим принимало все более озлобленный характер. Те, кто еще не так давно сами охотно сотрудничали с японскими властями, а теперь переметнулись в советский лагерь, громко обвиняли харбинцев в сотрудничестве с японцами и требовали от гоминдановских властей их ареста и суда над ними. Под давлением этой враждебной кампании от них стали отходить даже те, кто вначале отнесся к ним сочувственно и дружелюбно. Некоторое время спустя после прибытия в Тяньцзин харбинской группы, в то же помещение прибыло несколько бывших русских фашистов, но и те поспешили подчеркнуть, что они не имеют ничего общего с Родзаевским, Власьевским и другими. Некоторые из вчерашних фашистов уже выбирали себе советские паспорта и спешили подчеркнуть свою преданность и верноподданнические чувства новым хозяевам.

Но жизнь шла своим очередом и тяжелое положение прибывших не могло остаться неизменным. Дальневосточная эмиграция обладала достаточным житейским опытом, чтобы не пытаться найти выхода из любого тупика. После настойчивых

стараний харбинской группе удалось при содействии русских служащих тяньцзинской полиции получить разрешение властей на жительство в Тяньцзине. Постепенно стали появляться возможности заработка и отдельной, самостоятельной жизни. Одним из первых выехавших из общежития при редакции «Возрождение Азии» была семья генерала Власьевского и его сына. Другие, стоявшие близко к Антикоммунистическому Комитету Северного Китая, перебрались в помещение злополучного Белого Дома.

В общежитии осталась только маленькая группа Родзаевского и несколько человек, которым негде было жить. На место выбывших вселилась группа красноармейцев в восемь человек. Это была часть большой группы бежавших с пограничных постов красноармейцев, человек в восемьдесят, которых японские власти отправили на работы в Фушинские каменноугольные копи, а после нападения советской армии на Маньчжурию бросили на произвол судьбы. При приближении советских войск они разделились на маленькие группы и бросились бежать на юг, не зная ни местности, ни языка. Большинство из них было захвачено карательными отрядами НКВД-МВД-СМЕРШ, и только восьми удалось добраться до Тяньцзина.

Начало реакции

Из маленькой оставшейся группы харбинцев наиболее сильным переживаниям поддался Родзаевский. По вечерам и утрам он подолгу оставался один, горячо молился и весь день вспоминал о семье. Он страдал от сознания, что за исключением нескольких человек остальные отвернулись от него. Всего несколько дней назад он занимал положение, которое ему самому и другим казалось влиятельным и всесильным. Теперь, когда исчезла иллюзия этого положения и все, что было связано с ним, развалилось как карточный домик, вчерашние «всесильные» оказались не только опальными, но и зачумленными.

В таком изолированном положении нашел себя Родзаевский, привыкший за годы политической работы к толпе, к окружению «верных соратников», почитателей и приспешников, и теперь глубоко переживавший свое внезапное одиночество и углублявший его еще больше стремлением отойти даже от тех, кто еще продолжал оставаться подле него. Он писал многочи-

сленные письма своим бывшим соратникам и сотрудникам, ждал нетерпеливо ответы, но никто из них не откликался. Он глубже задумывался и тогда даже мало наблюдательные люди замечали, что что-то веское, новое назревало в нем.

Появление новых персонажей

Однажды в общежитие «Возрождение Азии» появился рослый блондин самоуверенного вида, в желтой рубашке «аля апаш», в спортивных до колен брюках, в чулках, закрывающих икры, в модных сандалиях, со стэком в руках — харбинско-пристанская пародия англичанина. Он представился как начальник русского отдела гоминдановскй разведки и сказал, что пришел навестить одного из своих знакомых.

Это был Николай Коробков, еще недавно не за страх, а за совесть работавший для японской разведки. В тридцатых годах Коробков приспособился служить при японской жандармерии в Харбине в роли мелкого агента, получавшего за свою работу «с головы». По протекции Матковского Коробков был отправлен в Пекин на подготовительные курсы для японских разведывательных органов. По окончании их он был назначен в Калган, в отдел японской жандармерии, где принялся работать с таким усердием и рвением по вымогательству и шантажу, что вызвал возмущение даже своих мало разборчивых хозяев. Он был наказан, но все же оставлен на службе. Продолжая совмещать службу по розыску и политическому сыску с личными аферами, Коробков заблаговременно до краха Японии связался с гоминдановской разведкой, прошел фазу двойного агентства и затем окончательно перешел на китайскую службу.

После первого посещения Коробков стал часто бывать в помещении общежития, где успел завести дружбу с молодыми людьми из окружения Родзаевского, Гольцевым и Мигуновым. Он приносил с собой сигареты, вино, угощал, бренчал серебряными китайскими долларами, небрежно поигрывал двумя золотыми слитками, которые всегда находились в его кармане.

Коробков стал приглашать к себе своих новых друзей и свел их с неким Демьяновским. Одно время Демьяновский был верным и преданным сотрудником Антикоммунистического Комитета, где его ценили как «стойкого и бескомпромиссного», но он попался в чем то, за что с ним должны были посчитаться и в страхе поспешил взять советский паспорт.

Перейдя к новым хозяевам, Демьяновский, как и Коробков, стал работать с еще большим рвением, стараясь доказать свою верность и снискать их расположение.

То, что начал Коробков, продолжил Демьяновский. Он начал зазывать к себе Гольцева и Мигунова, убеждая их вернуться на родину и стать верными советскими гражданами. Он нарочно расхваливал перед ними Родзаевского, говоря, что такому человеку, как он, с его способностями и талантом, найдется на родине широкое применение. Для подкрепления своих доводов он указывал на Матковского, который остался в Харбине и которого советские власти взяли к себе на службу для работы среди эмигрантов.

Деятельность Коробкова и Демьяновского не замедлила сказаться на молодых людей. По возвращении в общежитие они рассказывали обо всем Родзаевскому. Последний с жадностью выслушивал все, о чем говорил им Демьяновский о харбинской жизни, о благожелательном отношении советских властей к оставшимся в Маньчжурии эмигрантам, о новой службе Матковского. Они передавали ему убеждение Демьяновского, что с ним ничего бы не произошло, если бы он остался в Харбине, где по всем вероятиям также бы работал по предложению советских властей среди эмигрантов.

После этих разговоров Родзаевский еще больше задумывался и углублялся в себе. Он брался за прерванную работу над статьей, содержание которой поразило всех, кому он прочел ее позже. На вопрос, почему его молодые сотрудники бывают запросто на квартире советского гражданина, да еще наделенного несомненными заданиями советских властей в отношении эмигрантов, Родзаевский ответил, что Мигунов и Гольцев поддерживают связь с Демьяновским с его ведома с целью выяснить обстановку и получить сведения о политическом и общественном положении в Маньчжурии, об оставшихся в Харбине друзьях и сотрудниках.

Начало сомнений

В кругу близких людей Родзаевский, сперва нерешительно, но затем с бóльшим откровением признавался, что часто задумывался, не совершил ли фатальной ошибки, покинув Харбин, и что время от времени у него появляется мысль, не вернуться ли на родину и не принять ли там — даже в условиях коммунистического режима — самое кипучее и страстное уча-

стие в работе на благо родины и ее народа. Эта мысль захватывала его, он начинал говорить о себе, о годах своей работы в Фашистской партии, о своих надеждах переустроить мир на высоких началах, о непоколебимой вере в возможность такого идеалистического миросоздания. Он с горечью возвращался к действительности, оглядывался вокруг себя, видел двух-трех человек, которых считал еще верными себе, и уже другим тоном заговаривал о положении зачумленного человека. Безрадостная действительность не удерживала его долго при себе. Он загорался вновь, с пылким волнением строя радужные мечты о перерождении Советского Союза, об общей мировой необходимости способствовать всеми мерами этому духовному национальному возрождению, которое должно привести родину к идеалу, о котором он всегда мечтал и ради которого жил. Он поведал, что пишет статью, озаглавленную «Пять дней, перековавших душу», которую обещал прочесть, как только закончит ее. Он признался, что написал письмо маршалу Малиновскому, в котором впервые выразил свои новые мысли и выводы. Письмо Малиновскому он передал через Демьяновского Патрикееву, сотруднику советского посольства в Пекине, работавшему среди дальневосточных эмигрантов в Северном Китае. (О Патрикееве, делившему свое время между Пекином и Тяньцзином, позже заговорили больше в эмигрантских кругах в связи с его напористой работой по улавливанию эмигрантских душ). Родзаевский также признался, что обдумывает большое письмо, раскрывающее не только его собственную душу, но и душу всей дальневосточной эмиграции, отображающее ее трагедию и устанавливающее тождество с советским народом. Письмо, о котором он говорил с наростающим волнением, Родзаевский писал Сталину.

Некоторое время спустя Родзаевский собрал всех, кто еще оставался в общежитии, и прочел ошеломившую всех статью, озаглавленную «Неделя, перековавшая душу». В статье Родзаевский вскрыл глубокий душевный перелом, охвативший его в последние дни. Кроме приведения исторических ссылок и другого пояснительного материала, Родзаевский искал оправдание своим прежним поискам и стремлениям, политическим взглядам, всей своей жизни. Страстная жажда оправдания насыщала статью исступлением, которое не могло не за-

тронуть его слушателей. Он писал о славных победах российского оружия в суровой войне, о возвращении ранее потерянных российских владений, о принятии советским правительством наследия великого российского прошлого и исторических заслуг его полководцев и государственных мужей, как Александр Невский, Суворов, Кутузов; о восстановлении прежней военной формы, которую носила царская армия, чинов, погон и отличий, об установлении московского патриаршества и, наконец, о роли Сталина, нового Ивана Калиты, собирателя Московских земель, воссоздателя величия России.

Чтение статьи никто не перебивал, но когда Родзаевский, подавляя в себе волнение, собрал листы рукописи, поднялся шум и возбужденный спор. На него набросились, критикуя за то, что в своем неудержимом воображении он умышленно представил политическое положение в Советской России в оптимистическом виде и сам поддался обману. Родзаевский защищался с неменьшей яростью, приводя в доказательство своих выводов сведения из Харбина и других мест Маньчжурии, которые говорили о спокойствии, порядке, о благожелательном, даже дружелюбном отношении советских властей к эмигрантам. Он говорил об их призывах к эмигрантам о совместной работе, о прекращении давно уже отжившей вражды, о перековке мечей в орала. Он приводил рассказы Демьяновского и других, поддерживавших связь с Харбином, о том ликовании, с каким население Маньчжурии, включая эмигрантов, встречало победоносные советские войска, как оно забрасывало цветами маршировавшие колонны; о том, как бывший почетный член Российской Фашистской партии архиепископ Нестор служил благодарственный молебен на соборной площади, на котором вместе с эмигрантами молились советские офицеры и солдаты. «В Советской России произошла глубокая эволюция», горячо доказывал Родзаевский, «и наше место там, если не сегодня, то завтра, если не завтра, то обязательно послезавтра. Мы должны дать родине самое лучшее, что у нас есть, чтобы исправить недочеты, уклоны, тяжелое наследие советского дореволюционного периода. Если честны и правдивы заявления оккупационных или вернее освободительных советских властей о том, что теперь нет ни советских граждан, ни эмигрантов, а есть только один российский народ, то мы из за патриотических чувств должны отдать ему все».

Причина внутреннего сдвига

Что могло произойти за эти несколько критических дней с душой человека, что переродило и пережгло ее, что заставило вчерашнего вождя Фашистской партии стремительно кинуться к внутреннему перевороту, который годом позже привел его не к восторженному служению родине, а к показному московскому суду и расстрелу в подвале Лубянки?

Недостаточно допустить, что заведомо искаженные сведения Демьяновского о положении в Маньчжурии и ссылки на оставшуюся в Харбине семью вызвали этот внезапный душевный переворот. Эти рассказы могли заставить его задуматься и еще больнее почувствовать разрыв с семьей, но от этих личных сомнений и переживаний еще далеко до восторженного составления образа «сегодняшнего Ивана Калиты».

Недостаточно объяснить его душевный перелом и теми резкими переменами, которые произошли в его жизни за последние дни. Так еще недавно он занимал положение заместителя начальника Бюро по делам Российских Эмигрантов, в подчинение которого находилось до сорока тысяч эмигрантов в Маньчжурии и некоторых местах Северного Китая. Он выступал на эмигрантских собраниях, где его ораторские дарования привлекали внимание и вызывали аплодисменты. Он считался вождем Фашистской партии даже после того, как японские власти закрыли ее. Он был своим человеком среди старших офицеров японской военной миссии и гражданских чинов громоздкой японской администрации Маньчжудиго. С другой стороны Родзаевский не мог не отдавать себе отчета в том, что это положение было создано искусственным образом, что в простейшем анализе оно сводилось к исполнительной роли служащего японской военной миссии, человека зависимого, лишенного самостоятельной воли. Вполне возможно, что занимая эту роль и выполняя задания японских властей, Родзаевский не то что закрывал глаза на сущность этого служения, но, сознавая его, успокаивал совесть самовнушением, что параллельно с ним все же продолжалась борьба против коммунизма ради осуществления мечты о создании совершенного строя в России. Можно поэтому допустить, что под тяжким давлением многих веских причин вера Родзаевского в свое призвание, в вождизм, в избранничество, в двадцатилетнюю непогрешимость своих политических установок, сошла как легкая позолота в пять критических дней его жизни.

Следует учесть и ряд других причин, способствовавших тому сложному перелому, который Родзаевский, в подражанию Сталину, называл «перековкой души». Кроме элементов тщеславия и честолюбия, оставались и свойства душевного, человеческого характера, скрытые, но врожденные, неотъемлемые от особенностей его собственного народа, свойства неизмеримо глубокие и значительные, приводящие человека во время его внутренних конфликтов к сокровеннейшему раскрытию и духовному обнажению. Подобный процесс глубочайшего внутреннего борения мог дойти до кризиса в течение пяти коротких дней, но вряд ли он мог зародиться и развиться в такой малый срок без предварительной подготовки. Бессознательно он мог зародиться еще в период «славы и владычества», во время сотрудничества с японскими властями, при повседневном столкновении с действующими силами произвола, принуждения, бесправия, глумления, заносчивости с одной стороны, и безвыходности, беззащитности и обреченности с другой. У Матковского, человека более развитой интеллектуальной структуры, наделенного бо́льшим чувством гражданского мужества и благородства, этот сложный процесс начался задолго до появления его у Родзаевского еще во время службы в Бюро Эмигрантов и сотрудничества с японскими властями.

Несомненно, что параллельно этому подготовительному процессу развивался и процесс сознания вины и ответственности, одинаково личной и мировой, процесс в русском представлении обязательно требующий принятия на себя муки и всенародной казни. Еще в поезде из Харбина, в один из первых периодов задумчивого оцепенения, у Родзаевского прорвались слова: «Трудно смотреть смерти в глаза, но от нее не уйдешь!»

Политическая исповедь

Глубокая ломка произошла в Родзаевском, в человеке одаренном, по своему искреннему, раненому своей собственной совестью и сознанием прежних заблуждений. От этого сознания появилось настойчивое требование выправить их, заполнить пустоту прошлых потерянных лет, от которых он теперь отрекался громогласно путем поиска новых жизненных ценностей. Он сознавал, что путь приобретения их сложен и состоит из ряда этапов: сомнение, прозрение, сознание вины, терзание совести, искупление, жажда духовных подвигов, завершение духовного перерождения. Начальную часть их он уже прошел и теперь в экзальтации духовного подъема готовился к преодолеванию последующих этапов.

По свидетельству самого Родзаевского, в основе этого лихорадочного искания лежало сознание заблуждений прошлого, нараставшего пока еще незаметно для совести в течение значительного времени, но здесь, под сокрушающим давлением совокупности неожиданно обрушившихся событий и обстоятельств жгучей болью пронзившее его существо. Месяцем или двумя позже — об этом можно сказать безошибочно — у Родзаевского появилось другое, неменее мучительное сознание, что заблуждениями настоящего нельзя искупить заблуждений прошлого.

Результатом этого душевного процесса явилось письмо Родзаевского Сталину.*)

> Каждый рабочий, каждый колхозник может обратиться с письмом к вождю русского народа, вождю народов Советского Союза, товарищу И. В. Сталину. Может быть это будет позволено и мне, российскому эмигранту, двадцать лет своей жизни убившему на борьбу, казавшуюся мне и тем, кто шел за мной, борьбой за освобождение и возрождение нашей Родины — России.

---

*) Оно было написано в трех экземплярах. Один послан Сталину через Патрикеева, но вряд ли достиг назначения, будучи пришитым к тому увесистому делу в МВД, на папке которого значилась фамилия Родзаевского. Судьба второго экземпляра неизвестна. Третий оказался у А. П. Воробчука-Загорского, в Сан-Франциско, который предоставил автору возможность снять с него точную копию. Копия письма Родзаевского Сталину находится в Русском музее, Сан-Франциско. *(Примеч. ред.)*.

Я хочу объяснить мотивы существования и деятельности Российского Фашистского Союза и найти понимание мучительной драмы российской эмиграции. Поэтому письмо имеет не столько личное значение, сколько пытается наметить выход из тупика многим и многим русским людям, стремящимся принести посильную пользу Родине.

Этим верным учетом советского придворного тона, подчеркнутого скромностью («недостойный раб твой»), Родзаевский начал свое письмо. После старательно обдуманного вступления он перешел к повествованию о своей жизни в поисках оправдания своей политической деятельности. Двадцать лет тому назад, окончив в Советском Союзе школу второй ступени, он впервые столкнулся с реальностью советской жизни: несмотря на рекомендацию школьного совета, он не мог попасть в высшее учебное заведение. Ему тогда было 18 лет. Он перебежал границу и попал «в кипящий противоречиями мир харбинской эмиграции, вчерашних белых и сегодняшних красных, где нашел молодежные организации, соответствовавшие его настроениям и политическим идеалам». В среде Харбинского Юридического Факультета он близко сошелся с группой молодых людей, называвшей себя русской фашистской организацией, поставивших своей целью «бороться с коммунизмом, как мне казалось, за грядущее величие и славу России».

В коммунизме для нас тогда неприемлемы были интернационализм, понимаемый как презрение к России и русским; отрицание русского народа; естественно-научный и исторический материализм, объявивший религию опиумом для народа. Нас привлекал пример итальянского фашизма, будто бы создавший новый строй жизни, сочетавший национализм и социальную справедливость... Мы задались гигантской и по существу утопической задачей — создать национально-трудовое движение русского народа.

Десять лет спустя, повествует Родзаевский, он был избран главою Всероссийской Фашистской партии. Благодаря энергичной пропаганде и организационным усилиям харбинского центра ему удалось основать отделения ВФП почти во всех заграничных эмигрантских группировках и «движение молодежи в сущности стало движением всего актива российской эмиграции во всех странах мира». В идеальном образе бу-

дущей Новой России не было места ни эксплуатации человека человеком, ни человека государством; не было места ни капиталистам, ни коммунистам. В основу политической платформы был положен идеал свободно выбранных советов, опирающихся на объединение всех народов России в профессиональные и производственные национальные силы.

В своей книге, пишет дальше Родзаевский, озаглавленной «Государство Российской Нации», он разработал конкретный план этой утопической страны, основанной на национальных советах и руководстве национальной партией. «Мы не замечали тогда, что функции национальной партии в настоящее время в России... осуществляются Всероссийской Коммунистической партией (большевиков) и что советы СССР, по мере вхождения в них новой, молодой русской интеллигенции, становятся все более и более национальными так, что мифическое Государство Российской Нации и есть в сущности Союз Советских Социалистических Республик».

> Лишенные правильной информации... мы не замечали, что в СССР шла не эволюция, происходили не сдвиги, а более глубокий и жизненный процесс — процесс углубления революции, включавший в себе все лучшие стремления человеческого естества. Не замечали мы, что этот органический и стихийный процесс тесно связан с направляющим гением Сталина, с организующей силой сталинской партии, с усиливающимся значением российской советской армии.

Пленники и рабы

Установив таким образом общие точки и заметив вскользь, что в условиях советского режима религия, «использовавшаяся прежними господствующими классами, после уничтожения этих классов, обрела свой первохристианский основной смысл и стала религией трудящегося народа» — к чему «стремилась и Фашистская партия», Родзаевский перешел к положению о еврейском вопросе, чтобы в нем не только углубить «удачное родство душ», но и утвердить закономерную тождественность в мыслях и поступках, которые можно найти только у неотличимых друг от друга близнецов. После пространного изложения об отсутствии у него расового подхода к евреям, но с подкрепляющей себя ссылкой на историю еврейства для доказательства, что «еврейская религия, внушающая каждому еврею мысль о божественном избранничестве, о том,

что только евреи люди, а все остальные лишь человекоподобные твари... превращает каждого еврея в антисоциального врага всякой нации», Родзаевский отдает должное Сталину, что только он, Сталин, сумел разрешить еврейский вопрос, что «вырывая еврея из замкнутой, талмудической среды, советское воспитание превращает и еврея в мирного члена советской семьи народов и что еврейскому пролетариату ближе интересы организованного пролетариата всего мира, чем интересы банкиров, как нам, русским изгнанникам, ближе интересы нашего российского пролетариата, к которому мы принадлежим, чем интересы каких либо русских или иностранных капиталистов».

> Ошибочно назвав свое национально-трудовое движение «фашистским», мы вынуждены были ассоциировать многие русские понятия с понятием фашистских движений иностранных государств. Проживая заграницей и связавшись с иностранными силами, мы сделались пленниками и рабами внешних врагов России; будучи националистами, пламенно любившими свой народ и свою родную страну, год за годом мы превращались в оторванных от Родины фактических интернационалистов-ландскнехтов того самого капитала, который был нам ненавистен. А в это время интернационалисты превратились в националистов, развивая интернациональный марксизм в российский ленинизм и всечеловеческий сталинизм, навсегда примиривший национализм с коммунизмом.
>
> Так шли годы, тяжелые, страшные годы беспросветного эмигрантского существования. Со всех сторон мы получали удары в лоб и спину. Нас называли «советскими», «американскими», «японскими» и «немецкими» агентами. Нас травили эмигрантские реакционеры за сдержанное отношение к идеи монархии. Нас старались использовать иностранные разведки. Нас арестовывали, пытали, убивали те, с кем мы вынуждены были работать. Так судьба мстила за бессознательный отход от Родины, постепенно превращавшийся в отрыв и в измену.
>
> В нашей антикоммунистической работе мы исходили из ложного принципа, что все средства хороши для освобождения России, что «надо освободить Родину от евреев через свержение советской власти любой ценою» — и этот странный аморальный тактический принцип предопределил все ошибки деятельности Российского Фашистского Союза. Мрачное заблуждение! — из любви к Родине действовать против Родины.
>
> Ложный принцип ««освобождение Родины от еврейского коммунизма любой ценой» предопределил мою роковую ошибку — неправильную генеральную линию РФС во время германо-советской войны.

Родзаевский поведал Сталину о своем отношении к советско-германскому пакту 1939 года, считая тогда, что «взаимное влияние Германии и СССР приведут к ослаблению еврейского влияния в России и в мире, и к ослаблению Англии, исторического врага нашей страны». Одновременно с этим «мы приветствовали и поход Гитлера против СССР, считая, что освобождение Родины любой ценой лучше, чем продолжение ее „плена", как я думал, „под игом евреев"».

Далее Родзаевский пишет, что несмотря на сопротивление верховного совета партии и подавляющего большинства российских фашистов, он один навязал «генеральную линию РФС и упрямо настаивал на ней до конца», поэтому он обращается к Сталину не винить никого из его организации за германофильскую политику, за которую «по справедливости должен отвечать один я, лично и единолично».

После этого признания Родзаевский перешел к объяснению, что его германофильская политика была результатом дезинформации, что «русский народ только и ждет внешнего толчка и что положение под игом евреев невыносимо». Он принял за чистую монету заверения Гитлера, что в его политических планах нет никаких завоевательных замыслов в отношении России, что война закончится учреждением российского национального правительства и заключением почетного мира с Германией.

> Я выпустил обращение к Неизвестному Вождю, в котором призывал сильные элементы внутри СССР для спасения государства и сохранения миллионов русских жизней выдвинуть какого-нибудь командира X «Неизвестного Вождя», способного свергнуть «еврейскую власть» и создать Новую Россию. **Я не замечал тогда, что таким Неизвестным Вождем волею судьбы, своего гения и миллионов трудящихся масс становится вождь народов, товарищ И. В. Сталин.** *(Выделено здесь и ниже Родзаевским. Прим. ред.).*

Колебания и поиски новых путей

Родзаевский понимал, что некоторые положения его политической жизни требовали особого разъяснения. Одним из таких вопросов была его антикоммунистическая борьба или, вернее, то, что он понимал под нею. В письме Сталину он свел эту борьбу до ее реального положения, т. е. почти до полного отсутствия ее в деятельности Фашистской партии, подневоль-

ного политического органа японской военной миссии. Попутно с этим Родзаевский попытался внести новый элемент, приписав себе прекращение внутрироссийской работы, разведки и контрразведки, пояснив, что это произошло в 1937 году, через два года после того, как он возглавил Союз. Прекращение этой важной для японских властей деятельности привело, по его словам к тому, что партия оказалась в опале, следствием чего была закрыта газета «Наш Путь», а через два года закрыт центр партийной деятельности и его организации в Маньчжуго. Японские власти еще допускали нелегальную работу в самых узких рамках под строжайшим контролем, но за два года до окончания Тихоокеанской войны запретили всякую партийную деятельность.

С этого времени, повествует Родзаевский, зародились в нем колебания и начались поиски новых путей. Отсутствие правдивой информации о положении в Советском Союзе и умышленное извращение ее советскими врагами создавали невозможное положение. Японские и германские власти тщательно скрывали правду о борьбе советского народа за родину и о преступлениях, совершенных гитлеровскими полчищами. Японские власти в Маньчжурии и Северном Китае систематически стремились превратить эмигрантские массы в верноподданных Японии, но несмотря на все-увеличивающийся гнет, эти массы пользовались любой возможностью в этой трагической обстановке, чтобы защитить интересы России, чести эмиграции и русского человека.

Здесь письмо перешло к следующему положению, которое Родзаевский, хотя и считал нужным объяснить возможно шире, представил далеко не в истинном свете истории. Это касалось роли Бюро по Делам Эмигрантов, которое японские власти учредили для контроля эмиграции, «включив в него меня и других наших руководителей и подчинив их чуждому элементу в лице настроенных крайне реакционно и своекорыстно представителей так называемых «семеновцев» (личных друзей и сообщников атамана Семенова)».

Будучи фактически русским отделом японской военной миссии и лишенное всякого контроля, как со стороны эмигрантской общественности, так и со стороны властей, Бюро это за десять лет своей скандальной работы вело, главным образом, борьбу с фашизмом, что с точки зрения вредительства, конечно, можно поставить ему только в заслугу, если

бы наряду с этой борьбой Бюро не занималось бы угнетением и разорением российских эмигрантов, и вместо защиты русских интересов не занималось бы презренным лизоблюдством, отвратительным подхалимством и прислужничеством. Только в 1942 году мне удалось покинуть Бюро, после того, как вследствие провокации начальника восточного районного его органа Б. Н. Шепунова несколько десятков русских честных людей, граждан СССР и эмигрантов, в том числе молодые руководители наших организаций на восточной линии КВжд, после пыток и «вынужденных признаний в советской работе» были расстреляны японцами в Муданьзяне.

Освободившись в 1942 году от Бюро, я был в принудительном порядке мобилизован на службу японской военной миссии, к каковой относился настолько пассивно, что вскоре мне было разрешено не являться на службу и делать, что хочу. В 1943 году, после очередного ареста, пятого в моей жизни, я был возвращен в состав «реорганизованного» руководства Бюро Эмигрантов, причем от этой реорганизации работа Бюро только ухудшилась.

Находясь в Бюро мы, через наших работников на правительственной службе, прилагали все усилия, чтобы защитить русских людей от бесконечных недоразумений и глупого произвола. Мы боролись против перевода российских эмигрантов в подданство Маньчжуго, против нелепой школьной реформы, маньчжуризации русских школ. Мы боролись за сохранение в эмигрантских школах Закона Божия, за русский язык, за объективное изучение СССР, за подчинение школ русскому начальству... Я представил в Ниппонскую Военную Миссию обзор недостатков Бюро и описание «больших вопросов российской эмиграции», а на предсъездовом совещании Кио-Ва-Кай я заявил, что российская эмиграция в Маньчжуго вымирает, так как находится в невозможном правовом и экономическом положении. Широкие круги эмиграции не знали об этой работе, но документы ее и свидетели сохранились. И они скажут правду.

Родзаевский пространно коснулся своей роли в качестве защитника российских эмигрантов, рассказав, что за двадцать лет политической работы «ни один русский человек, вне зависимости от подданства, не был арестован», и тут же делает неясное признание: «несмотря на мои дружеские отношения со многими работниками полицейских и жандармских органов страны, в которой мы жили». Перейдя опять к самому себе, он пишет, что «многих ему удалось спасти», и что он «не был ничьим наемником — ни немцев, ни японцев». Средства на политическую работу он получал не от японцев, а собирал среди российской эмиграции через фонд антикоммунистической борьбы и получал от некоторых харбинских

коммерческих предприятий. Личной материальной заинтересованности у него не было: «только в течение трех лет получал жалование от японцев, неизмеримо меньше, чем мог бы зарабатывать (и зарабатывал в юности) в качестве журналиста». Во имя своих политических идей, пишет он, порвал с родителями, оставшимися в СССР («отец и брат бежали, мать и сестра были сосланы в Туруханск»). Его первый сын умер от недоедания, первая жена покинула его, не выдержав непосильных условий жизни. «Теперешнюю жену с двумя маленькими детьми, покидая Харбин, я оставил там, т. к. она предпочла с надеждой ждать прихода советских войск. Я понимаю ее и одобряю ее решение. Уверен, что за мужа и отца большевики не будут мстить молодой трудящейся женщине, искренне любящей Родину, и малым деткам».

Почему же он, чувствуя непреодолимое тяготение к родине и уже объятый сомнениями и тревожными колебаниями, покинул Харбин на третий день войны СССР с Японией, спрашивает он самого себя и отвечает, что «не хотел участвовать в войне против нашей Родины, что казалось неизбежным».

> Сделав однажды эту страшную ошибку в войне Германии с СССР, мы не могли ее повторить в войне СССР против Японии, начатой СССР явно за русские национальные интересы.
>
> Не сразу, а постепенно мы пришли к этим выводам, изложенным здесь. Но пришли и решили: **Сталинизм это как раз то самое, что мы ошибочно называли «Российским Фашизмом», это — наш Российский Фашизм, очищенный от крайностей, иллюзий и заблуждений.**
>
> Несколько раз мы пытались найти дорогу к представителям нашего народа, обсуждали план отрыва от Японии, но со стороны советских представителей не чувствовалось никакого доверия и даже интереса к такого рода попыткам. Вместе с тем мы находились в такой обстановке, что малейшая неосторожность несла пытки и смерть не только нам, а и многим тысячам, кто доверчиво шли за нами...
>
> 9 августа, в первый день войны СССР с Японией, нашим колебаниям пришел конец. В последний раз пришлось сделать вид, что я хочу принять какое то участие в этой войне, но одновременно мы приступили к уничтожению всех архивов и антикоммунистической литературы. Совсем не со свойственной мне пассивностью отнесся я к своему назначению организатором антикоммунистической пропаганды в японской газете на русском языке «Время» и на харбинской радиостанции. Не явился я туда и на другой день. На предложение выступить с радио-докладом против СССР, написал

> такой доклад, что цензура его не пропустила. На предложение уехать из Маньчжурии 11 августа тотчас же дал согласие с условием, что можно будет взять с собой соратников, шедших со мной до конца. Все думали, что я спасаю их от большевиков. На самом деле я спасал их от опасностей переходного времени для большевиков.

Здесь письмо Родзаевского начинает принимать тон совсем исступленной исповеди. Он пишет в лихорадочном возбуждении, его мысли опережают события и дают иное толкование его недавним переживаниям и решениям — толкование, которое в эту минуту казалось наиболее близким и убедительным для него самого.

> Это была ночь колебаний — уезжать или немедленно связаться с советским консульством или Красной Армией. Не найдя возможности связи, я и несколько активных работников решили уехать, чтобы, выбравшись за пределы японской власти, при первой возможности вступить в переговоры с советскими представителями и заявить о своем безоговорочном переходе на сторону СССР.
>
> Перед отъездом я оставил начальнику Главного Бюро Л. Ф. Власьевскому, который уезжать не собирался, заявление на имя советских властей о принятии на себя ответственности за неправильную генеральную линию бывшего Российского Фашистского Союза.
>
> С тяжелым чувством, близкий к самоубийству, садился я в поезд, увозивший от Родины и близких в неизвестную даль. С минуты на минуту мы ожидали смерти, что нас прикончат в поезде... Я решил ехать, чтобы извне, в качестве свободного человека, а не случайно захваченного пленника, добровольно и безоговорочно отдаться советским властям, для ответа за мои ошибки, для возможности их исправления энергичнейшей, жертвенной работой на благо Родины, если это возможно.
>
> Попав в Тяньцзин, я вместе с ближайшими своими соратниками, тотчас же исполнил это решение. И настоящее мое письмо не только политическая исповедь, но и заявление о твердой решимости идти отныне по настоящему русскому пути, по советскому пути, по пути, которым ведет народы Сталин, советское правительство, сталинская партия, куда бы меня этот путь ни привел: к смерти, в концлагерь или к возможности новой работы.

В разгаре увлечения Родзаевский переходит от личного местоимения к множественному числу и говорит о «нас», о «соратниках», о своих единомышленниках, участниках его пылких дум и волнений. В действительности же в его «окру-

жении» оставались только Мигунов, Гольцев и Вера Яньшина. О первом он упоминал, как о своем адъютанте. В дальнейшем повествовании о Яньшиной не упоминается совсем. Возможно допустить, что бо́льшее влияние на перемену политического настроения Мигунова и Гольцева оказало появление франта Коробкова и новоиспеченного советского патриота Демьяновского, чем тревожные сомнения и поиски Родзаевского.

> Как блудные дети, накануне смерти нашедшие потерянную Родину-Мать, мы искренно и честно, открыто и откровенно хотим примириться с Родиной, хотим, чтобы родные нам русские люди и их вожди поняли бы, что вовсе не своекорыстные личные или классовые мотивы двигают нами, а пламенная любовь, любовь к Родине и народу, национальное чувство и заблудившиеся в противоречиях среды национальное сознание, обрекшее нас на упорный труд, на тяжелые жертвы, на беспросветное физическое и моральное испытание, просим Иосифа Виссарионовича через советских представителей указать нам выход из тупика.
>
> Вследствие вождистской структуры нашей организации все бывшие российские фашисты, не исключая членов руководящих органов, не должны были нести ответственности за свои вынужденные дела. Я навязывал свою тактику, фразеологию и генеральную линию всем остальным, да и давившие нас и связывавшие нас по рукам и ногам внешние силы.
>
> Я готов принять на себя ответственность за всю работу РФС, готов предстать перед любым судом, готов умереть, если нужно. Если советской власти это нужно — можно убить меня, убить по суду или без суда.

После патетического заявления, рассчитанного на явный эффект («зачем советской власти убивать искреннего, честного человека, чистосердечно раскаявшегося в своих прошлых заблуждениях!»), еще громче заговорил в нем голос жизни, голос надежды о возможности политической деятельности, мало отличимой от той, от которой он сейчас так неистово отрекался.

> Но если в дни всеобщего ликования и радости... когда для гигантской восстановительной работы каждая человеческая единица нужна, нужна и моя работа, человека все таки идейного, честного, прямолинейного и энергичного, имеющего кое какие познания, политический опыт, ораторский, газетный, писательский и организаторский талант, о, с каким бы энтузиазмом и воодушевлением отдал бы я остатки дней моих Родине, Партии и Вождю! Пять дней вагона смер-

ти перековали меня и моих соратников, жизнерадостную и самоотверженную молодежь и опытных политических бойцов, из квазифашисто-антикоммунистов в **национал-коммунистов беспартийных большевиков и убежденных сталинцев.** Я в 38 лет, большая половина которых была проведена вне Родины, хочу начать новую жизнь. Нам хотелось бы принести под сталинские знамена, вчера ненавистные, завтра любимые красные знамена Новой России и революции, остатки нашей организации во всех странах мира — в Азии, в Америке Южной и Северной, в Австралии, чтобы бывший РСФ превратился бы в русло массового примирения с Родиной и родным правительством миллионов русских людей, еще разбросанных по заграницам, с сегодняшней социалистической Россией, организацией массового перехода эмиграции на сторону СССР, распространением по всему миру правды о России, о ее вожде, о ее правительстве, о ее партии, организацией серьезной борьбы с иностранными разведками содействием собственной разведке, созданием кружков и обществ сближения с СССР в разных странах, привлечением вслед за эмигрантскими — и национально-трудовых «фашистских» элементов каждой страны на сторону СССР. Это — внешняя работа. Но многие из сегодняшних эмигрантов, и из нас в том числе, могут быть полезны и дома, в городах и селах нашей новой, но манящей нас прекрасной Родины. Многие могут помочь освоению Советским Союзом Маньчжурии и других территорий. Бывшие российские фашисты в Маньчжу-Ди-Го, как и бывшие фашисты в каждой стране, многое знают, многое помнят, во многом разбираются. Трудно заранее учесть ту пользу, которую они могут принести родному делу и делу революции. Необходимо возможно более количественно русских людей оторвать от иностранцев и возвратить на службу России, т. е. на службу Сталину и советской власти, ведущих Россию на недосягаемую высоту. Так мы намечаем свою дальнейшую жизненную задачу, если будем живы. В интересах Родины и революции я прошу Великого Сталина и Верховный Совет Союза Социалистических Республик об издании гуманнейшего акта амнистии всем российским эмгрантам, о предоставлении каждому русскому человеку, запутавшемуся в иностранных тенетах, возможности честным, упорным трудом искупить свои ошибки. В отношении же себя лично я ничего не прошу, предлагая решить мою судьбу с точки зрения целесообразности. Не отказываясь от своих идей, тем более, что идеи эти в некоторой части совпали с ведущими идеями советского государства, и решительно от прошедших двадцати лет своей антисоветской жизни, я вверяю себя, своих близких, своих соратников, свою организацию в руки тех, кому народ наш отдал свои исторические судьбы в эти огневые решающие годы. Смерть без Родины, жизнь без Родины или работа против Родины — ад. Мы хотим умереть по приказу Родины или в любом месте для Родины испол-

нять любую работу. Мы хотим все силы отдать нашему народу и святому делу мира всего мира через победу светлых сталинских идей.

Свое письмо Родзаевский закончил несколькими строками здравицы, словно целиком выхваченных из раболепных статей в газетах «Правда» и «Известия»: «Да здравствует Сталин, вождь народов», и т. п.

В конце письма, все еще в пылу эмоционального подъема, Родзаевский поспешил сделать приписку: «Нет времени его обдумать и отточить, здесь все, что вылилось на бумагу из сердца».

Тоталитарные божки и пятая колонна

Родзаевский не мог не сознавать, что у читателя при чтении его письма останется сбивчивое впечатление, что он не пройдет мимо противоречий, которыми была полна его исступленная исповедь. В одном месте он пишет, что за его время («влияния и власти») «ни один из русских, советских граждан или эмигрантов» не был подвергнут аресту, но немного дальше сообщает о расстреле японскими властями группы фашистов и советских граждан. Он признается, что был тесно связан с японскими властями, и почти тут же сообщает, что не выполнял их распоряжений и заданий и вскользь упоминает о каких то своих пяти арестах. Он сам чувствует эти неувязки и противоречия и пытается потопить их в патетическом потоке слов. Мотивы его взволнованной исповеди «вылились из сердца», в этом не приходится сомневаться: они звучат с достаточной степенью искренности и убедительности. Кроме элементов личного характера («жизнь дороже смерти») они исходят из признания тождественности различных форм тоталитарного мышления и тоталитарных режимов. Эти элементы тождественности он выявляет ясно и непосредственно, с максимальной долей прямоты и откровенности, и в этой части своего содержания его письмо Сталину является иллюстрацией легкости, с какой приверженцы одного тоталитарного режима меняют свои политические платформы на платформы другого тоталитарного режима и без особого зазрения совести преклоняются перед новыми вождями-божками из той же тоталитарной божницы.

Простой сменой политических платформ и установкой новых вех Родзаевский не ограничился. Он понимал, что «принять Сталина» еще недостаточно и что одними пылкими излияниями взволнованного сердца напроситься под «сталинские знамена» нельзя. Он хорошо понимал, что для «принятия» надо особо выслужиться, не говоря уже о дани побежденного победителю, надо внести конкретное предложение, которое могло бы заинтересовать Сталина своей выгодой. Из этих практических соображений и развилось его предложение собрать через заграничные фашистские группировки воедино всю эмигрантскую империю и преподнести ее Сталину; через маньчжурские фашистские группировки способствовать советскому захвату Маньчжурии, скромно упомянутому в письме, как «усвоение»; наладить через заграничную сеть тех же группировок сеть разведывательной деятельности для укрепления заграницей идей «светлого сталинизма».

Освобожденное от словесного нагромождения, предложение Родзаевского, как цена за жизнь, сводилась к созданию заграницей пятой колонны, составленной из вчерашних его фашистских соратников. Другое дело, что свое предложение Родзаевский строил на попытке с негодными средствами и оперировал несуществующими данными. Никаких заграничных фашистских группировок, дисциплинированных и подчиненных его воле, у него не было. В порыве увлечения он забыл о том, что за эти дни в Тяньцзине от него отошли даже те немногие, кого он считал до конца верными себе. Но одну внутреннюю сторону этого предложения он изобразил верно: чрезвычайную легкость перехода из одного тоталитарного стана в другой. Это непринужденное «слияние тоталитарных душ» подтвердилось на многочисленных примерах перехода «проверенных коммунистов», «стойких антикоммунистов», сотрудников ГПУ, ГЕСТАПО, СИГУРЕНЦИЯ и т. п. из одного стана в другой как только земля начинала гореть под их ногами.

Развивая свое предложение Сталину, Родзаевский упомянул о «родном деле». Вероятно, он имел в виду другой смысл, но помещенное вблизи слов о своих людях, «много знающих и много помнящих», упоминание о «родном деле» не могло не оказаться весьма близким определением провокаторско-шпионской деятельности.

В условиях дальневосточного эмигрантского мира, в период японской, а затем советской оккупации, «много знающие» и «много помнящие» имели узаконенное и даже заслуженное положение; спрос на них никогда не понижался, при любой смене политического режима служба всегда находилась для них. У новых хозяев не было недостатка доверия к этим «много знающим» и «много помнящим», т. к. они отлично учитывали, что прочно вжившийся в них инстинкт самосохранения требовал от них на новой службе еще бо́льшего старания и угодливости. Предложение Родзаевского Сталину не представляло из себя ничего нового: речь шла о той же политической работе в узких рамках родственного тоталитарного режима, о той же деятельности, тесно связанной с политическим розыском и разведкой, которыми он был занят в течение двадцати лет.

VI

ЛОВЦЫ ДУШ

Если дальневосточная российская эмиграция, а вместе с нею и другие эмигрантские группировки, еще окрыляли себя надеждами, что за суровые годы Отечественной войны в Советском Союзе произошли коренные изменения, сузившие пропасть между ними и родиной, а то и совершенно сравнявшие ее, то в самой стране от подобных надежд не осталось и следа. Растерявшееся в начале войны советское правительство к концу ее успело оправиться настолько, что уничтожило все ранние уступки, которыми оно пыталось завоевать доверие народа. В первые годы войны оно дрожало за свою судьбу и готово было на любые обещания ради сохранения своего положения. Оно взывало к патриотическим чувствам советского народа, бессовестно играло на его любви к российскому прошлому, призывало его к жертвенности. Вместо партии, вождя, коммунизма на первый план были выдвинуты родина, ее честь, народ, защита его.

Страшные преступления во имя одного тоталитарного строя совершили в России гитлеровские полчища. Тысячи и тысячи германских военачальников, офицеров, солдат, политических деятелей, эсесовцев, гестаповцев заплатили за бессмысленные зверства своими жизнями или до сих пор еще платят пожизненными или долгосрочными заключениями. Неменее чудовищные преступления совершились и во имя другого тоталитарного строя, жертвами которых стали неисчислимые миллионы в России и в странах Восточной Европы, но совершившие их, не понесли никакого наказания. Если они и поплатились своими жизнями, то только за погрешности и промахи в отношении своих коммунистических властелинов.

Героизм и жертвенность советского народа в войне в Евро-

пе и на Дальнем Востоке принесли победу советскому правительству, о которой оно не могло и мечтать в первые годы войны. В борьбе против Германии советский народ отстаивал не право коммунистической власти на жизнь, не дело Сталина, а свою родину, свое право на жизнь. Во время войны советское правительство воочию убедилось, насколько чуждо и враждебно относились к нему народы России. Не вина была этих народов, что они не сразу поняли, что нацизм и коммунизм одинаково были их злейшими врагами.

В первые месяцы войны вследствие растерянности и бездарности советского руководства и верховного командования нескольких миллионов офицеров и солдат попало в немецкий плен. К концу войны, несмотря на высокую смертность от голода, тифа и других болезней (в течение только зимы 1941-1942 гг. умерло три с половиной миллиона военнопленных) на территории Германии осталось свыше восьми миллионов советского населения, включая военнопленных и гражданских лиц.

Соглашение о репатриации советских граждан

Вопрос о репатриации граждан, принадлежащих странам-участницам антигитлеровской коалиции, был поднят еще на Ялтинской конференции. Соглашение Советского Союза, Соединенных Штатов, Великобритании и Франции касалось широкой помощи миллионам людей, оторванных от родных мест, вернуться по домам. Эти миллионы получили название «перемещенных лиц», или в сокращенном его виде — «Ди-Пи».

Ялтинское соглашение о репатриации лиц упомянутых национальностей предусматривало самое гуманное человеческое отношение к ним. Советское же правительство придерживалось совершенно противоположного взгляда. В основу ее были заложены задания далеко не человеколюбивого свойства: оно не хотело иметь заграницей советских или бывших советских граждан, живых свидетелей коммунистического режима. Оно видело в них изменников, своих врагов и требовало возвращения их на родину для наказания.

Многие советские военнопленные и гражданские лица не желали возвращаться домой, зная, что уготовила для них там мстительная советская власть. Другие, не ожидая никакого наказания, отказались по причинам идеологического расхож-

дения с коммунизмом, предпочитая оставаться заграницей и оттуда вести против него борьбу. Отказ советских граждан создал много трудностей для западных союзнических держав, которые считали нужным выполнить условия ялтинского соглашения и вместе с тем не хотели применять никаких принудительных мер, считая, что это было бы нарушением принципа индивидуальной свободы, положенного в основу Устава Объединенных Наций.

Путем различных мер, от простого уговора до угроз и физического принуждения, советскому правительству удалось добиться возвращения на родину пяти миллионов своих граждан, включая военнопленных. В беженских лагерях в зонах американской и английской оккупации еще продолжало оставаться свыше трех миллионов советских граждан, наотрез отказавшихся от возвращения домой. В этих лагерях суждено было разыграться многим трагическим актам, ответственность за которые падает одинаково на советские власти и военное американское и английское командование этих оккупационных зон.

«Квизлинги и изменники»

На совещании в январе 1946 года особой комиссии помощи ДиПи и затем в Генеральной Ассамблеи делегаты советского блока (Белоруссия, Польша. Украина и Советский Союз) внесли следующую резолюцию:[51])

> Квизлинги, изменники и преступники войны, как лица, запятнавшие свою честь коллаборацией с врагами Объединенных Наций, не имеют право называть себя беженцами и рассчитывать на защиту ООН; квизлинги, изменники и преступники войны, продолжающие скрываться под видом беженцев, должны быть немедленно отправлены по своим странам.
>
> В беженских лагерях должна быть запрещена пропаганда, направленная против интересов ООН, ее членов и против возвращения беженцев на их родину. Заведующие этими беженскими лагерями и другой обслуживающий персонал должны состоять из представителей тех государств, гражданами которых являются эти беженцы.

В западных странах признавали за перемещенными лицами и беженцами право на добровольное возвращение по домам

---

[51]) **Third Committee, U.N.O. Summary Records, Annexes, 3 & 4, pp. 51-54.**

или выбор нового места жительства, право на заботу о них, попечение, помощь в устройстве их быта. Советскому же правительству в миллионах своих граждан мерещились только квизлинги, изменники, преступники войны, которые должны быть вывезены в Советский Союз для суда и наказания.

Сведение счетов

С окончанием войны, вновь прочно усевшись в правительственном седле, советская власть взялась за систематическое сведение счетов, даже если эти счета и были двадцати-тридцатилетней давности. Эта низменная деятельность не носила того показательного характера, которым отличалась борьба советского правительства против народа, интеллигенции, инженеров, военных, старых партизан, героев гражданской войны и своих политических деятелей в середине и конце тридцатых годов. Отсутствие показной стороны не означает, что эта деятельность сама по себе была незначительна. Наоборот, сведение старых счетов могло даже превысить число жертв террора первых лет власти, коллективизации и ежовщину. На этот раз жертвами оказались не только миллионы бывших советских военнопленных и гражданских лиц, вывезенных насильственным путем в Германию или последовавших туда по другим причинам, но целые народы, населяющие Советский Союз и страны Восточной и Юговосточной Европы. Пока с Крыма, Кавказа, южных областей Средней Азии шли на север забитые до отказа советскими гражданами поезда, с запада из Европы и с востока из Азии шли другие поезда с советскими военнопленными солдатами, офицерами, советскими женщинами и мужчинами, немцами, латышами, поляками, румынами, чехами, старыми царскими генералами, советскими генералами, эмигрантскими политическими деятелями, югославами, болгарами, японцами, китайцами, дальневосточными эмигрантами, добровольными репатриантами или насильственно захваченными в Харбине и других маньчжурских и северо-китайских городах. В Советском Союзе днями и ночами заседали военно-полевые суды, тройки, выносившие заочные приговоры; в Москве готовились новые показные процессы, перед которыми предстали старые царские и молодые советские генералы, вожди эмиграции, вожди фашистских и других политических группировках и множество других, кого советская власть без разбора подвела под рубрику квизлин-

гов, преступников войны, изменников родины. Изоляторы, концлагеря уплотнялись новыми контингентами: сражавшимися за родину солдатами и офицерами; российскими эмигрантами, вернувшимися на родину во имя долга и желания работать на ее благо; японскими военнопленными; иностранцами, случайно попавшими в сети советских карательных отрядов. Шли массовые и одиночные расстрелы, виселицы работали днем и ночью. Давно не были так заняты органы МВД, отряды СМЕРШ'а и «особисты». Советской власти теперь нечего было бояться: война закончилась победой на западе и на востоке. Добытая жертвенностью и героизмом советского народа, победа не стала его достоянием, не улучшила его правового положения, не дала ему счастливой жизни. Она попала в руки коммунистической власти, вознося ее до не бывалой для нее вершины власти и влияния, опьянив ее и наполнив ее безмерной самоуверенностью и манием величия.

Начало «работы» на Дальнем Востоке

Следовавшие за боевыми советскими частями карательные отряды МВД и СМЕРШ нашли в Маньчжурии хорошо подготовленную почву для своей деятельности. Работа на западе, в отвоеванных у Германии территориях, дала им отличный опыт. В Маньчжурии трудами советских консульских служащих и некоторых секретных сотрудников-эмигрантов были подготовлены полные списки лиц, подлежащих захвату, планы мест для внезапных налетов, дороги к ним, места для приземления парашютистов из отрядов СМЕРШ'а. В первую очередь были схвачены те, кто готовился к побегу из Маньчжурии или Северного Китая для избежания захвата советскими частями.

Одним из первых захваченных оказался император Маньчжурии, Пу-И. При приближении советских войск к столице Маньчжурии Синьцзину Пу-И выехал в Тунхва, чтобы оттуда вылететь в Японию. Аэродром в Тунхва оказался слишком малым для посадки на него самолета, могущего затем перелететь безостановочно в Японию. Пу-И, сопровождавшие его японские генералы Иозеко, Хашимото и буддийский священник, были посажены в небольшой самолет и отправлены в Мукден, где они должны были пересесть в ожидавший их самолет для полета в Японию. Это было 19 августа. Когда японский самолет стал снижаться над мукденским аэродро-

мом, неожиданно появилось несколько советских военных самолетов, из которых два снизились вместе с ним, а другие продолжали кружить над аэродромом. Как только японский самолет приземлился, к нему подбежали вооруженные автоматами советские солдаты и офицеры и арестовали всех его пассажиров. Пу-И был доставлен в штаб маршала Василевского и затем переотправлен в тюрьму в Хабаровск.

О захвате атамана Семенова имеется несколько версий. По одной из них он был захвачен в ночь на 19 августа парашютистами из отряда СМЕРШ, которые по заранее согласованному плану с советским консульством в Дайрене, сбросились в расположении местечка Кагахаши, где жил атаман Семенов. Другая версия носит более романтический характер. По этой версии возможно предполагать, что атаман Семенов ожидал прибытия советских «особистов». Во главе отряда в несколько офицеров и солдат, вооруженных автоматами, был полковник. Подойдя к даче, носившей название Атамановка, он встретил вышедшего ему навстречу Семенова. На его вопрос, Семенов провел взглядом по своим медалям, орденам и лампасам; — «узнать не трудно. Я атаман Семенов. Прошу войти». Меньше всего советские офицеры ожидали такой встречи. Полковник несколько смутился и не знал, как себя держать. Атаман Семенов провел их в просторную столовую, посреди которой стоял накрытый стол со всевозможными закусками и бутылками водки и вина. «Я прибыл сюда», начал было советский полковник, но атаман Семенов перебил его: «Я знаю... Гостеприимство издавна долг каждого русского человека. Прошу к столу, господин полковник, и вас, господа офицеры». Вошел другой офицер и доложил, что все входы заняты, дача окружена. «Займите все комнаты и никого не впускайте. Начните обыск с подвала». «Подвала у меня нет», ответил Семенов, «закусите с дороги...» Советские офицеры сели за стол. Атаман Семенов сказал, что все имеющиеся у него документы в полной сохранности. Он поднял приветственный тост за победу российского оружия над Германией и заявил, что готов отвечать перед любым судом, если таковой будет, но не считает себя виновным, так как действовал, как любящий свою родину. Завтрак продолжался около получаса. По окончании его советский полковник объявил об аресте атамана Семенова и под усиленной охраной увез его на дайренский аэродром, на котором уже находился арестованный

ранее небезызвестный Павел Нива, сотрудник японской военной миссии в Дайрене, приставленный ею наблюдать за атаманом.[52])

Третья версия захвата атамана Семенова наиболее правдива. В последние годы перед концом войны Семенов жил почти в полном уединении. Японские власти отвернулись от него, держали его в полном неведении относительно хода войны, но не переставали наблюдать за ним. О подлинном положении вещей и катастрофическом положении Японии он узнал от своего старшего сына, приехавшего в Дайрен из Шанхая.

Затем все разыгралось с потрясающей быстротой. 9-го августа советские войска вторглись в Маньчжурию, а через неделю с небольшим советские парашютисты выбросились далеко за пределами советской оккупации — в Порт Артуре, Дайрене и других местах Северного Китая.

19 августа один из таких парашютных отрядов «особистов» появился в дачном месте Какахаши, где жил атаман Семенов. На его даче они произвели тщательный обыск, забрали с собой имевшееся там личное его оружие и увезли с собой все его бумаги и архив. На вопрос Семенова, что они собираются делать с его семьей, ему ответили, что ни в какие разговоры с ним они не могут вступать.

Пока дело ограничилось домашним арестом атамана и полным отделением от него его семьи. По показаниям лиц живших вблизи дачи атамана, две его дочери были обесчещены советскими офицерами.

Через три недели после первого визита советских офицеров, ночью к даче Атамановка прибыли три автомобиля с чинами НКВД и атаман был увезен. Ему не дали проститься с его семьей.

Незадолго до этого покончил самоубийством его старший сын. Судьба дочерей мучила его. Еще будучи под домашним арестом, Семенов как то сказал: «я предчувствую, что разделю судьбу других вождей Белого Движения».

Почти одновременно с увозом атамана Семенова в Дайрене были произведены — также ночью — аресты многих других лиц, занимавших видное положение в дальневосточной эми-

---

[52]) Неделя, еженедельное издание под редакцией Г. И. Карнауха, «Свобода победит», Ю. Н. Филиппова, 23-30 июля 1955.

грации. Одним из таких захваченных был генерал К. Нечаев, двадцать лет до этого возглавлявший Нечаевское движение в Северном Китае.[53])

Техника и исполнители

Внезапный захват последнего маньчжурского императора Пу-И и атамана Семенова не означал, что советские власти применят подобную быстроту и в отношении других лиц. В Харбине и других маньчжурских городах под властью советских войск людей забирали незаметно для других. Чины МВД подходили на улице, заходили в дома или на службу, и говорили: «вы нам нужны. Пройдемся немножко». Человек уходил с ними и больше не возвращался. Родственники и друзья тщетно наводили справки. Ответ всегда был один и тот же: «нет никаких сведений». Н. А. Ухтомского, одного из участников московского процесса, так пригласили на сунгарийском пляже, и «он прошелся в купальных трусиках десять тысяч верст от Харбина до Москвы».[54])

Аресты происходили среди служащих в японских военных и полицейских отрядах, военных миссиях, жандармерии, полицейских учреждениях, политических организациях, включая Бюро по делам Российских Эмигрантов. Они обвинялись по статье 58, покрывающей все, что только можно, включая измену родине, содействие капиталистическим странам, заговор против существовавшего в Советском Союзе строя, антисоветскую и антикоммунистическую деятельность и т. д. Арестованных отправляли в распределительные тюрьмы в Ворошилов (бывший Никольск-Уссурийский) и Читу. Некоторые судебные процессы происходили в Хабаровске и тех, кто был предназначен для роли участников их, направляли в хабаровскую тюрьму.

Вслед за арестами эмигрантов, сотрудничавших с японскими войсками, последовали аресты всех, кто состоял в таких организациях, как Российский Фашистский Союз, Монархическое Объединение, Союз Мушкетеров, Дальневосточный Союз Военных. Даже чины русских отрядов, перешедших от японцев на сторону советских войск, и бравших с боя вместе с

---

[53]) По данным, полученным В. И. Карповым от вдовы старшего сына атамана Семенова.

[54]) Неделя, там же.

советскими солдатами Муданьзян у японских солдат, были затем арестованы и отправлены в Находку, а оттуда распределены по концлагерям.

Несмотря на вывоз в Советский Союз многих эмигрантских политических деятелей, некоторые еще продолжали оставаться в Харбине. Из таких лиц оказались М. А. Матковский, один из руководителей Бюро Эмигрантов, человек, игравший влиятельную роль в политической жизни маньчжурской эмиграции и пользовавшийся особым доверием со стороны японских военных и гражданских властей; бывший полковник маньчжурской армии Г. Х. Наголен; помощник начальника Союза Казаков полковник Л. Д. Черных, заведывавший транспортом Монгин и другие. Они не только были на свободе, но и пользовались доверием советских властей, по прежним связям, когда они еще были членами эмигрантских политических организаций и руководителями Бюро Эмигрантов. Матковский продолжал свою деятельность среди эмигрантов, подготавливая их к переходу в советское подданство. Наголен выполнял для советских властей различные поручения коммерческого характера, сочетая эту работу с успешной коммерческой деятельностью, которая быстро привела его к положению владельца нескольких кинематографов в Харбине.

К этому времени хорошо был усвоен взгляд советских политических деятелей и сотрудников карательных отделов: «От советской власти никто никогда не уйдет и за свои грехи поплатится».

В отношении же отдельных эмигрантов, находившихся за пределами неограниченной власти советских оккупантов, были применены другие методы и приемы, давшие те же результаты, т. е. добровольный или полудобровольный вывоз в Советский Союз и там «расплату за свои грехи».

Такими оказались лица, оставившие Харбин в последнем беженском поезде: К. В. Родзаевский, генерал Власьевский и другие из их окружения.

Но прежде описания их судьбы следует отвести некоторое место советским деятелям, задачей которых было уловление эмигрантских душ.

Патрикеев, Иван Тимофеевич, лет 35 (в 1945 г.), человек крепкого и крупного телосложения, обладал многими качествами чрезвычайно приятного человека: у него было привлекательное чисто русское, красивое лицо, мягкие черты харак-

тера, всегда готовая улыбка, желание оказать добро, любую услугу. Одно время он занимал положение второго секретаря советского посольства в Токио. Здесь же вначале для удобства службы он считался заведующим зданием советского посольства в Пекине, что было обычным советским приемом скрыть своих секретных работников.

В обязанность Патрикеева входила ловля эмигрантских душ, а вовсе не наблюдение за зданием, которое, по свидетельству бывших в нем, было крайне запущено. Свою работу он вел умело. Когда его просили о помощи кому либо, он спрашивал: «а русский он?», и получив утвердительный ответ, неизменно добавлял: «ну, если русский, то обязательно нужно помочь и помочь немедленно». Позже, после окончания войны, когда он слышал слово «эмигрант», он неизменно поправлял: «теперь нет ни эмигрантов, ни советских, а есть только русские люди, которым без всякого различия надо сочувствовать и помогать во всем.»

Еще во время японской оккупации, в период советско-японского пакта дружбы и ненападения, почему то он, а никто из других служащих советского посольства в Пекине, достиг соглашения с японскими властями в Северном Китае, по которому они уравняли эмигрантов, только подавших заявление о желательности вступить в советское подданство, с полноправными советскими гражданами. Этим он достиг того, что подавшие заявления эмигранты были освобождены наравне с советскими гражданами от различных обязанностей и тягот, обычно налагаемых японскими властями, как, например, обязательное прохождение курса военной подготовки, участие в демонстрациях, церемониях и парадах, устраиваемых Антикоммунистическим Комитетом. Они были вне контроля этой псевдо-эмигрантской организации, поэтому не подлежали притеснениям и арестам, право на которые японские власти — на злосчастье многих российских эмигрантов — дали ей. Неразборчивая, самовластная практика арестов без ордеров и предъявления обвинений, зачастую производимая по наушиванию, клевете и доносам, заставила многих эмигрантов искать защиты от произвола Антикоммунистического Комитета. Не по политическим убеждениям, а по горькой и крайней необходимости русские эмигранты обращались к Патрикееву, который с готовностью шел им навтречу и оказывал защиту.

Патрикеев умел располагать к себе. В нем видели простого,

сердечного человека, а не служащего особого отдела советского посольства, ловца эмигрантских душ.

Советское консульство в Тяньцзине было закрыто после налета членами Антикоммунистического Комитета в 1927 году. Одно время его здание было захвачено Комитетом, но после заключения советско-японского пакта было возвращено советским властям. Открыто оно не было и в нем находились только сторожа, обычно сотрудники советской секретной службы. В Тяньцзине существовало Общество Советских Граждан, составленное из эмигрантов, взявших советское подданство. Японские власти в силу того же пакта считались с этим обществом, оказывали членам его некоторые привилегии, что ставило их в значительно лучшие условия, чем те, в которых жили эмигранты. Тяньцзинское Общество Советских Граждан находилось в ведении дайренского советского консульства и посольства в Пекине. Генеральным консулом в Дайрене был Петров, часто наезжавший в Тяньцзин по делам советских граждан и тех дальневосточных эмигрантов, которые решились принять советское подданство. С Петровым вместе работал Патрикеев.

После окончания войны советское консульство в Тяньцзине было открыто и консулом был назначен И. Ф. Курдюков, занимавший десяток с лишним лет тому назад в нем должность первого секретаря и резидента НКВД. Насколько Курдюков был замкнут тогда, настолько стал доступен и прост теперь. Он охотно знакомился с эмигрантами, сам искал встречи с ними, высказывал им — если это было нужно — подчеркнутое сочувствие, о родине заговаривал с закатыванием глаз и глубокими вздохами. В разговоре нередко вставлял, «родина, о, наша родина!» и чуть не готов был прослезиться от чувств.

Вице-консулом был Дорофеев, человек лет 60, обликом похожий на Булганина, человек мягкий, внимательный, обходительный, любезный. Дорофеев ведал агитационно-пропагандным отделом и по долгу службы навещал дома эмигрантов и новоиспеченных советских граждан, где вел беседы на темы, интересовавшие тех, как дела, коммерческие возможности, семейное положение и т. д., а затем заговаривал о Советском Союзе и переменах там, которые уже произошли или должны произойти в послевоенный период восстановления страны.

Вторым секретарем был старший лейтенант К. Г. Ершов, стоявший во главе контрразведки и наблюдавший за полити-

ческими настроениями советских граждан. Ершов также заводил обширные знакомства среди новых советских граждан и эмигрантов, склонных перейти в советское подданство. Он умел втягивать своих собеседников в дружеский разговор, не навязывая своих взглядов и охотно считаясь с мнением других. Он был дважды тяжело ранен, любил рассказывать о войне, о себе говорил скромно, что невольно располагало к нему слушателей.

На этих общительных и приветливых людях лежала основная работа по ловле эмигрантских душ. Подбор был сделан удачно, они добросовестно выполняли свои задания: тысячи дальневосточных эмигрантов перешли в советское гражданство и вернулись добровольно на родину, где им пришлось на практике познакомиться с советской философией: «многим придется дать отчет за прошлое, а кое кому и поплатиться за него.»

Дальневосточным эмигрантам было приятно, что эти люди говорили с такой теплотой и любовью о России, с какой они думали о ней сами, что они болели ее страданиями и восторженно говорили о ее будущем, которое — как настойчиво заверяли они — принадлежало одинаково тем, кто был внутри ее, и тем, кто пребывал в добровольном изгнании.

Другим служащим был В. С. Ус, человек около 40 лет, похожий на армянина или еврея. Его глубоко сидевшие блестящие глаза горели недобрым огоньком. Он был человек суровый, внушавший страх всем, включая консула Курдюкова. Он часто вылетал из Тяньцзиня в Циндао, Шанхай и другие места на различные совещания и наведение порядка. Сфера его действий была обширна и включала не только служащих советских учреждений, но и эмигрантов и иностранцев, главным образом американцев. У него был грудной, отличного тембра голос, которым он умело владел в зависимости от того, какой эффект хотел произвести на других. В разговорах он был закончен и четок, говорил, что не любит полумер и недоговоренности. Майор Ус избегал ходить по гостям и редко принимал участие в официальных приемах и встречах с советскими гражданами. Он выходил на прогулку вечером и гулял один до полуночи.

В 1945 г. Курдюкову и Усу приписывали взрыв артиллерийского склада гоминдановских войск во время экспедиции против китайских коммунистов.

«Раскаяния и терзания»

Когда прошла острота первых тревожных дней и когда окрепли сомнения относительно целесообразности слишком поспешного выезда из Харбина, некоторые из группы генерала Власьевского и Родзаевского стали проявлять признаки беспокойства. Это было заметно особенно у тех, кто расстался с хорошим материальным положением, променяв его на безрадостность беженского существования. Сведения из Харбина подтверждали ранние слухи, что в городе царило полное спокойствие и порядок. Советские власти не только не трогали эмигрантов, но даже предоставили многим из них службу и работу. Указывали на Матковского, как на пример неожиданно хорошего отношения советских властей к политическим деятелям эмиграции. Упоминали о генерале Малакене, бывшем командире одной из частей Нечаевского отряда, назначенном советскими властями заведывать распределением продуктов питания среди эмигрантского населения Харбина. Называли бывшего военного прокурора атамана Семенова, Н. С. Осипова, служившего в японском налоговом отделе, которого советские власти поставили во главе его. Упоминали о Г. Х. Нагалене, сочетавшем пост председателя Союза Русских Резервистов со службой в 3-м отделе японской военной миссии, которого советские власти за хорошее знание японского и китайского языков назначили переводчиком и исполняющим особые поручения при советском управляющим б. КВжд генерале Журавлеве. Упоминали ряд других имен, среди них одного полковника Каппелевской армии, ходившего несколько раз разведчиком на советскую территорию. Он служил на харбинской электрической станции, хорошо владел японским и китайским языками, и советские власти назначили его начальником одного из ее отделов.

Такие случаи были и в других местах Маньчжурии, где советские власти пользовались услугами эмигрантов.

На эти единичные случаи указывали как на доказательство дружелюбного отношения советских властей, подчеркивая это тем, что если так относятся к эмигрантам, занимавшим ответственные посты в политической эмигрантской жизни и состоявшим во враждебном отношении к коммунизму, то к рядовым массам эмиграции, не замешанным ни в какой политике и не служившим у японских властей, их отношение должно быть еще лучше.

Особенно трудно мирились со своим беженским положением жены генерала Власьевского и его сына. В Харбине они жили в хороших условиях и не могли простить себе, своим мужьям и тем, кто заставил их променять эту жизнь на скудное беженское прозябание. Слухи из Харбина о «благополучии и советском периоде расцвета Харбина» не давали покоя им. Через своих друзей, которые уже успели познакомиться с Патрикеевым, обе Власьевские передали ему о своем желании встретиться с ним. Они также подали заявление в Общество Советских Граждан о готовности вернуться со своими мужьями в Маньчжурию.

Патрикеев охотно согласился повстречаться с генералом Власьевским и его сыном, побеседовать с ними «как русский человек с русскими людьми» и оказать свое содействие их возвращение в Харбин, а если они пожелают, то и в Советский Союз.

Свидание Патрикеева с Власьевскими произошло в помещении, в котором жили Гордеев и Кудрявцев. Патрикеев прибыл вечером, чтобы его визит был менее заметным, захватив с собою большое количество закусок, водки, вина. Своей любезностью и вниманием он сразу покорил всех. Он говорил о том, что им было приятно, время от времени заговаривал о жизни в Советском Союзе и наступивших там новых временах. На открытую манеру Патрикеева ответили доверчивостью и его новые знакомые, поведав ему, что они ни за что не выехали бы из Харбина, если это не было бы сделано под дулом японского револьвера. Теперь, оглядываясь назад, они признают прошлые заблуждения, на которых было основано их ошибочное отношение к советской власти, и готовы отдать все свои силы на благо родины и русского народа. Не довольствуясь словесными заверениями, Гордеев, по поручению Власьевского, вышел в одну из смежных комнат, в которой находились другие члены харбинской группы, так же заинтересованные в Патрикееве, но еще не набравшиеся решимости встретиться с ним, и предложил им составить свидетельское показание, что японские власти насильно вывезли их и что теперь каждый из них готов вернуться в Харбин.

Патрикеев виделся еще несколько раз с Власьевским, Гордеевым и Кудрявцевым, каждый раз в новом месте, чтобы не привлечь особого внимания. Кроме Патрикеева, они встречались с неким Геннадием Левитиным, одним из его помощни-

ков, который пошел настолько дальше обещаний первого, что заверил старшего Власьевского, что ему по возвращении будет уготован пост городского головы в его родном городе Чите. Власьевского пленяли левитинские заверения, он не задумывался над тем, что в советском распорядке жизни нет городских голов, закрывал глаза на свою прояпонскую деятельность и положение одного из наиболее близких лиц к атаману Семенову, о захвате которого он не мог не знать.

Переговоры Патрикеева с группой генерала Власьевского шли успешно. Для завершения их он предложил им переехать в Пекин, чтобы там, вблизи советского посольства, ожидать своего возвращения в Харбин.

По приезде в Пекин генерал Власьевский вылетел на советском самолете в Чанчунь в штаб маршала Малиновского для выяснения вопросов, связанных с переходом его и его семьи на советскую сторону. Вернувшись в Пекин, Власьевский рассказал о своей встрече с маршалом Малиновским, который с участием отнесся к нему и заверил его, что родина встретит его как родного сына. Короткое пребывание Власьевского в штабе Малиновского успело превратить его в ярого советского патриота. Теперь он твердо говорил о том, что все эмигранты должны возвратиться на родину, где идет большая стройка во имя великого будущего России, в которой все должны принять жертвенное участие.

Возможно, что в Чанчуне Власьевский узнал об аресте в Харбине генерала А. П. Бакшеева, своего многолетнего сослуживца по гражданской войне и сотрудника по политической деятельности в дальневосточной эмиграции. Вернувшись в Пекин с хвалебными отзывами о советской власти, Власьевский ничего не сказал о Бакшееве.

Через два с половиной месяца после выезда из Харбина генерал Власьевский, его сын и их семьи были готовы вернуться в Маньчжурию. Сведения о них временно оборвались здесь, но вскоре стало известно, что Власьевский проследовал в Читу, но не в положении человека готового послужить своей родине на посту читинского городского головы. Меньше чем через месяц после выезда из Пекина, Власьевский вновь встретился с Бакшеевым, но уже не в обстановке совместной политической работы, а в камере Лубянки.

«Охота» за Родзаевским

Через несколько лет после трагических событий конца лета и осени 1945 года в эмигрантских повествованиях создалось убеждение, что советские власти вели систематическую охоту за Родзаевским и его окружением. Советские власти были заинтересованы в Родзаевском. В их односторонней оценке Родзаевский представлял известную ценность и значительность: глава дальневосточного фашистского объединения, отдаленный и мелкокалиберный, но все же сообщник Гитлера и японских миллитаристов, человек поэтому опасный для советской власти и коммунистического режима. Вероятно и Родзаевский давал самому себе подобную оценку, которая мало соответствовала действительности.

Советское правительство для своей безопасности находит необходимым представлять Советский Союз окруженный врагами и держать советский народ в постоянном страхе новой войны. В 1945 году ни семидесятилетний генерал П. Н. Краснов, ни провинциальный харбинский фюрер не представляли никакой опасности советскому правительству или существованию Советского Союза. Привоз же их в Москву для показного суда и казни создавал впечатление, прежде всего у самих советских вождей, что они успешно справляются с врагами Советского Союза и бдительно оберегают его покой и независимость.

В отношении Родзаевского и его ближайшего окружения советским властям не было нужды устраивать охоту. Он сам шел им навстречу, завлекая в их руки других.

После чтения статьи «Пять дней, перековавших душу» и письма Сталину (последнее он прочел только некоторым доверенным лицам), Родзаевский ожил и загорелся новыми планами. На возражения других, что нельзя судить о переменах в Советском Союзе только по краткому периоду советской оккупации Маньчжурии, Родзаевский отвечал, что сведения из Харбина определенно говорят об изменении советским правительством своего отношения к эмигрантам. Если к этим сообщениям можно еще отнестись с недоверием, продолжал он, то как ни поверить словам лиц, прибывших из Советского Союза? Он признался, что несколько раз встречался с сотрудниками советского консульства и советскими офицерами, прибывшими из Харбина через Калган, которые «предлагают

всем эмигрантам вернуться на родину и занять там места, соответствующие их талантам, способностям и опыту». Ему самому, заявил он дальше, предлагают в Советском Союзе заняться агитационной деятельностью и работать в печати или радио. Родзаевский вспоминал обстоятельства своего внезапного отъезда из Харбина, стараясь найти оправдание себе, что он выехал добровольно, а не под дулом японского револьвера. Его мысли путались, он начинал противоречить самому себе, забывая, что меньше месяца тому назад настаивал на обязательном отъезде из Харбина, «в конном, даже пешем порядке», чтобы только избежать захвата советскими войсками. Теперь он говорил, что его группа, «как преданная мне», возвращается в Харбин, чтобы «принять участие» в какой-то задуманной им игре.

> Наша жизнь — игра и борьба за Россию. Мы потребуем гарантий нашей неприкосновенности, которая должна быть дана маршалом Василевским... В СССР пробраться трудно. Если представится возможность поехать в Харбин, мы встретим всех и увидим, кто остался крепким. То, что мы бросили их или, вернее, что они не поехали, а я уехал, гложет мою совесть тяжелым угрызением... Когда мы попадем в СССР, мы должны полгода, год, а то и два, в зависимости от обстоятельств и обстановки, казаться лояльными полностью, но иметь связь между собой и кулак... А там... А там предстанет большая возможность на месте начать революционную деятельность.[55])

Все эти неожиданные переходы можно отнести к натуре увлекающегося человека. Одному из людей, кому он доверял, он признавался в том, что «советский национальный патриотизм оказался для многих, включая его самого, западней».

> Поймите мое положение, моя семья там, и я не знаю на что готов, чтобы только увидеть ее. Это первое, а второе — я, как затравленный волк, вернее, заяц, попавший в капкан. Я писал тем, кого считал преданными и делу и мне, но ни на одно письмо не было ответа. Возможно, травля меня затихла, но она может возобновиться... могут натравить на меня китайцев, арестовать меня, подвергнуть пыткам... Да и материальная сторона более чем плачевна. Ни на какую работу меня не возьмут, здесь засилие моих врагов, в Шанхае будет не лучше, если не хуже... Покончить с собой... но откровено говоря, не хочется, а потом от всякого самоубийства отдает трусостью...[56])

---

[55]) Неделя, Конец русского фашизма, 15 мая 1955 г., Токио.
[56]) Неопубликованные записки Н. А. Мартынова.

У Родзаевского было два доверенных лица, Н. А. Мартынов и Г. И. Карнаух. В следующую минуту откровенности он говорил последнему:

> Вы понимаете, советчики ухаживают за нами. Сегодня был отличный обед с паюсной икрой, кавказскими винами, московскими конфетами... Они дали нам прекрасные отрезы на костюмы, деньги для всех беженцев... Сотрудники советского консульства заигрывают с нами...[57])

Однажды Родзаевский поведал Мартынову, что у него назрело решение съездить в Пекин и повидаться с главой православной миссии в Китае, архиепископом Виктором. Последний уже был своим человеком для советских властей и Родзаевский поэтому считал, что он, лучше чем кто либо другой, мог дать ему верный совет. Для этой поездки он решил взять с собой В. Гольцева, как одного из наиболее верных ему. Ясно было, что встреча с архиепископом была только предлогом для переговоров с Патрикеевым не в обстановке беженского общежития, а у него на дому, где можно было поговорить откровенно обо всем.

> Я от вас ничего не скрываю, хотя, сказать правду, Мигунов и Гольцев советуют мне воздержаться от откровенности с вами... Разговоры о моем возвращении и тех, кто поедет со мной, ведутся давно, но и я всего не знаю, так как думаю, что Гольцев и Мигунов не все мне говорят. Откровенно скажу вам, тоска по семье, травля, равнодушие тех, кто еще недавно были моими друзьями и соратниками по РФС, и кто теперь отвернулся от меня, все это чрезвычайно угнетает меня и я порой не нахожу себе места...[58])

Родзаевский вернулся из Пекина довольный своей поездкой. Архиепископ Виктор принял его сердечно, выразил свое сочувствие относительно разлуки с семьей и посоветовал ему ехать как можно дальше из Северного Китая, так как у него имелись сведения, что китайские власти собирались выдать его и его сотрудников советскому правительству. Родзаевский не решился спросить архиепископа Виктора о достоверности этих сведений и не мог решить, были ли они предупреждением или только приемом повлиять на него. В совет-

---

57) Неделя, 15 мая 1955 г.
58) Записки Мартынова.

ском посольстве, по его словам, он не был. Встретился в Пекине с некоторыми членами Фашистского Союза, но они поспешили отвернуться от него, так как уже взяли советские паспорта.

После Родзаевского в Пекин съездил Гольцев, но уже без всякой попытки скрыть истинную цель поездки. По возвращении в Тяньцзин он рассказал, что был совершенно очарован Патрикеевым и советовал Родзаевскому съездить еще раз в Пекин, чтобы наверняка повидаться с ним и обсудить все стороны возвращения в Харбин, а оттуда в Советский Союз.

В конце сентября Родзаевский снова съездил в Пекин, на этот раз вместе с Гольцевым, для личной встречи с Патрикеевым. По обстоятельствам этого дела можно судить, что Гольцев действовал не только с согласия, но и по поручению Патрикеева в привозе Родзаевского в Пекин. Позже это подтвердилось фактами.

В Пекине Гольцев первый посетил Патрикеева, чтобы подготовить его к встрече с Родзаевским. Патрикеев принял их любезно, но вначале Родзаевский чувствовал к себе некоторый холодок. Первая неловкость быстро рассеялась и все пошло гладко. Патрикеев произвел на Родзаевского впечатление хорошего русского человека. На обращение Родзаевского он осторожно заявил, что сам ничего не сможет сделать, хотя тут же обещал свое содействие. Это был верный психологический прием. Родзаевский пришел больше чем на половину подготовленным к переходу на советскую сторону, колебаясь только в самом малом. Заявление же Патрикеева невольно вызвало в нем реакцию, на которую рассчитывал ловец душ: нет более страстных желаний, чем желания о малодоступном или совсем недоступном.

В разговоре с Патрикеевым Родзаевский заявил, что готов был дать согласие вернуться на родину, если это возвращение будет оформлено на благоприятных для него и его группы условиях. Об условиях Патрикеев промолчал, но заметил, что такие люди, как Родзаевский нужны родине, и что преступление губить свою жизнь заграницей. Он заговорил о нарастающем расхождении между Советской Россией и ее западными союзниками, которые хотят ослабить ее мощь и свести ее до положения зависимой от них страны. Англо-американский блок, продолжал он, стал союзником Советской Рос-

сии с расчетом победить вначале фашистов, а потом броситься на советский народ, используя его тяжелое положение, огромный урон в людях и экономическую разруху в стране.

> Патрикеев указал мне на это, сказав, что он не может допустить, чтобы я, истинно русский патриот и националист, не разделял бы того же мнения, как и все остальные люди. А если так, заключил Патрикеев, то для вас только один путь, туда, на родину, где вы нужны и где ваши способности журналиста-агитатора дадут вам возможность выполнить свой долг перед родиной и русским народом.[59])

Тень Тухачевского

В конце сентября в помещении общежития неожиданно появился Левитин, уже известный по работе с группой генерала Власьевского, и, вызвав Гольцева, просил его передать Родзаевскому, чтобы тот срочно выехал в Пекин со всеми, кто собирается вернуться в Маньчжурию. До этого сдерживавший себя, Родзаевский пришел в крайнее волнение.

> — Если половина того, что мне обещал Патрикеев, будет выполнена, то я уверен, что мое возвращение окажется полезным для антикоммунистической работы.
> — Каким образом?
> — Патрикеев мне говорил, что мне дадут редактирование газеты под девизом «мир во всем мире». Дадут время на радио для пропаганды на ту же тему. Я буду совершенно свободен в передвижении и в выборе места жительства. То же самое они гарантируют всем, кто присоединится ко мне... Весьма возможно, что они, действительно, изменились... Если поверят мне хотя бы на половину, то тогда я смогу постепенно, известными приемами, добиться большого доверия, более высокого поста и ответственности, и кто знает, что при благоприятных условиях не повторится что либо в духе Тухачевского, только в ином, удачном варианте.[60])

День прошел в торопливых сборах, в которых принимали участие сотрудники Родзаевского — Мигунов, Гольцев, Сенжин и Вера Яньшина. Вечером Родзаевский обошел кое кого и попрощался с ними. О своем отъезде он говорил не всем. На вопрос тех, кто знал о его планах, почему он решил это сделать, он отвечал, что тоска по семье, особенно по больному сыну извели его, что были минуты, когда он готов был покончить с собой. Теперь он пришел к твердому решению из-

---

[59]) Записки Мартынова.
[60]) Там же.

бавить себя «от кошмара, травли и сознания, что его оставили те, кто еще недавно были его ближайшими и, как казалось ему, верными сотрудниками.»

Отъезд был назначен рано утром, не поездом, а на автомобиле, так как Патрикеев считал, что его надо было скрыть от других.

В первом часу ночи Родзаевский через Мигунова вызвал Мартынова и попросил его встретиться еще раз.

> Простите, что я вас побеспокоил, являются новые мысли, новые идеи. Я составил шифр, посредством которого при благоприятной обстановке мы сможем переписываться. Если что либо случится с нами, поднимите здесь такой шум, чтобы все узнали о коварстве советских властей.[61])

Он долго рассказывал о своих планах, разжигая свое воображение и представляя, как он подъезжает к Харбину, на перроне много народу, он выходит из вагона, все удивляются ему, расспрашивают его. На другой же день он уже целиком в новой работе, призывает весь мир по радио к миру, призывая эмигрантов к любви и возвращению на родину.

Родзаевский вернулся в свою комнату часа в четыре утра. О сне он не мог думать. Ему еще хотелось говорить о себе, делиться своими мыслями, проверяя себя, не сделал ли он ошибки, решив возвратиться в Маньчжурию, а затем — в Советский Союз. Он вызвал Г. И. Карнауха и попросил его выйти вместе с ним наружу.

> — Я хочу с вами попрощаться...
>
> — Вот так то лучше. Именно, попрощаться. Больше мы с вами не увидимся... На смерть едете.
>
> — Нет. Мы уезжаем в Шанхай. Недели через две вы получите известие, денежную поддержку и возможно, что мы прибудем сюда... На вашем лице написано недоверие. Вы не верите, что мы уезжаем в Шанхай через две недели... Мы хотим законспирировать дату нашего отъезда, а потому отсюда уедем сегодня.
>
> — Кого вы хотите обмануть? Я знаю, что вы едете в СССР и напрасны ваши упования обмануть бдительность советских стрелянных воробьев. Все последнее время вас обрабатывали и внушали к себе доверие, показывали вид, что вам верят... Я знаю преданность к вам тех, кто едет с вами, но меня удивляет действие двух лиц, окружающих вас сейчас.

---

[61]) Там же.

— Из советского консульства?

— Не знаю точно. Не хочу судить. Пока я знал их как верных как будто людей. Одному из них — Мигунову, никогда не доверял, хотя он был вашим адъютантом и вашим доверенным лицом... Я его ни в чем не обвиняю. У меня нет данных. Но чутье, как у вас, как вы говорили, в отношении Матковского. Не подходит он для вас. Вы добрый, отзывчивый, а он груб, знает ваши недостатки и использует их не в вашу пользу.

— Например?

— Например — вождизм. Разжигание ненависти к попутчикам, находящимся в других организациях. У вас этой ненависти нет. Вы быстро отходите. Вспылите и ... а он разжигает.

— Это ваша личная неприязнь... Ну, а второй?

— Второй? Скажите, неужели Мартынов тоже едет?

— Вы и ему не доверяете? Думаете, что и он работает у красных?

— Этого я не сказал. Я только спросил вас: едет ли он с вами. Мартынов вел большую работу в японских организациях, о чем и скрывать нельзя и бессмысленно, т. к. в Харбине об этом расскажут и русские и японцы, которых захватят красные. Расскажут судебные документы, если не свидетели и о судебном процессе... В последние дни он около вас, бывает с вами на ужинах с представителями власти... Что же он советует вам? Неужели он едет? А если нет, то почему он всюду с вами на заседаниях и знает точно обо всех переговорах...[62])

Начало конца

Около пяти часов утра из помещения газеты «Возрождение Азии» тихо вышла группа Родзаевского с вещами и направилась к Виктория Род, где их должен был ждать с автомобилем Левитин. Город постепенно просыпался, слышались еще редкие голоса, бежали разносчики газет, продавцы хлеба, молока, овощей везли свои тележки, выкрикивая названия своих товаров. В ожидании автомобиля маленькая группа прохаживалась нетерпеливо в переулке вблизи Виктории Род. Как обычно бывает при расставании, все чувствовали неловкость. Говорить было или не о чем, или сказать надо было так много, что на это уже не оставалось времени. Один из молодых людей, Сеньжин, вдруг решил отказаться ехать, сказав, что пока не спишется с отцом, никуда не уедет из Тяньцзиня. Родзаевский отнесся к этому совершенно равно-

---

[62]) Неделя, 5 июня 1955 г.

душно, его занимала только своя собственная судьба, на других же заявление Сеньжина произвело неприятное впечатление, казалось, что они сами готовы были изменить свое решение в последнюю минуту. Родзаевский нетерпеливо поглядывал на часы. Он все порывался заговорить о чем то важном, но только упомянул, что Левитин не хотел, чтобы другие знали об их отъезде.

Некоторое время спустя показался Левитин с автомобилем. Родзаевский поспешно распрощался с немногими провожавшими его и вышел из переулка на Виктория Род. Несколько прохожих китайцев остановились вдали, наблюдая, как в нерешительности и смущении, маленькая группа иностранцев возилась около автомобиля, укладывая небольшой багаж в его кузов, не зная, что здесь разыгрывался пролог одной трагедии, эпилогом которой будет показной суд в Москве и расстрел одного из ее участников.

Наконец все уселись. Родзаевский повернул голову, встретился глазами с Мартыновым и сделал движение головой, значение которого было, вероятно, понятно только ему самому. «Увидимся» сказал он Карнауху. Левитин завел мотор, автомобиль двинулся.

Двадцатилетнему существованию русского фашизма на Дальнем Востоке пришел конец.

VII

В СОВЕТСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ ПЕКИНА

Месяц спустя после отъезде Родзаевского и его группы в Пекин, в Тяньцзине опять появились Гольцев и Мигунов и сообщили Н. А. Мартынову о желании Родзаевского повидаться с ним. Они рассказали, что жили в советском посольстве, в хороших условиях и полной свободе, но по совету Патрикеева не появлялись в городе. Они связали Родзаевского по телефону с Мартыновым, и тот сам упросил последнего приехать в Пекин для совета, что ему делать. Мартынов согласился, но запросил о личной безопасности. Не прерывая телефонного разговора, Родзаевский поговорил об этом с одним из посольских служащих и заверил Мартынова в полной неприкосновенности и безопасности.

На следующий день Мартынов в сопровождении Мигунова и Гольцева прибыл к зданию советского посольства на Лигейшин в Пекине. Сквозь узорчатую решетку был виден просторный двор с прекрасным, но крайне запущенном домом. Они вошли в просторный вестюбиль и по веерообразной лестнице поднялись до первой площадки. Их встретил Родзаевский и проводил в большую комнату, в которой стоял большой обеденный стол, пианино, письменный стол с пишущей машинкой и две простые железные кровати.

Родзаевский обрадовался приезду Мартынова и поспешил рассказать ему все, что произошло с ним с того дня, как покинул Тяньцзин, как он очутился впервые в этой комнате после длительного ожидания у ворот, пока китаец привратник вызвал кого то по телефону. В этой комнате и произошла его пекинская встреча с Патрикеевым. Вначале тот был сдержан, вспомнив об их первой встрече и прося извинить, что не мог принять его сразу. Патрикеев расспрашивал его о том, что он

хотел бы делать на родине, чтобы помочь ей оправиться от разрушений войны. Родзаевский ответил, что хорошо знаком с газетным делом, был опытным журналистом, в Харбине считался одним из лучших ораторов, сотрудничал во многих периодических изданиях, редактировал газету «Наш Путь» и толстый журнал «Прибой». Он рассказал ему о притеснениях со стороны японских властей, как его «арестовали за патриотические статьи, защиту русских людей и духовенства».*) По словам Родзаевского, его рассказ тронул Патрикеева, он стал еще с большим интересом расспрашивать об эмигрантской жизни в Маньчжурии и о советских гражданах, включая служащих консульства и других советских учреждений. Родзаевский рассказал, что эмигранты и советские граждане жили в мире и дружбе, но что служащие советского консульства часто отталкивали от себя эмигрантов, когда те обращались к ним с какими либо просьбами.

— Больше он вас ни о чем не спрашивал?

— Нет. Были только случайные встречи и несколько слов приветствия.

— А можно выходить в город?

— Я выходил. Патрикев не запрещает, но не советует ходить во избежание возможных недоразумений. Я согласен с ним и все эти дни сидел вот в этой комнате. Пишу самую подробную исповедь, чтобы ничего, даже малейшего не забыть, чтобы быть перед ним совершенно чистым... Если бы я и хотел передумать ехать обратно и остаться здесь, я бы уже не мог. Это бы ухудшило положение моей семьи, отца и брата, а на подобный риск я пойти не смогу. Пусть будет, что будет... Я готов на любой суд. А если суждено умереть, ну, что же...

Голос у него дрогнул, он быстро замигал глазами, но слез удержать ему не удалось.[63])

Пока другие отдыхали после обеда, Мартынов осмотрел, насколько мог, смежные комнаты, затем вышел во двор, чтобы ознакомиться с местом и не заблудиться в случае необходимости быстро найти выход из посольства. При осмотре стены, он нашел в ней дверь, с американским замком изнутри, от-

---

*) Под «арестами» Родзаевский повидимому имел в виду вызовы его в японское жандармское управление за выпуск газеты без разрешения цензора. Об одном из таких случаев упомянуто в **«Финал в Китае»**, т. I, стр. 221.

[63]) Записки Н. А. Мартынова.

крывавшуюся в узкий переулок вблизи Лигейшина, тайный ход в посольство для тех, кто хотел быть незамеченным.

Вернувшись в комнату Родзаевского, Мартынов нашел в ней, кроме него, Мигунова и Гольцева. Родзаевский сказал ему, что Патрикеев просит их обоих съездить к архиепископу Виктору и попросить его ускорить оформление перехода пекинской православной миссии в лоно московского патриарха Алексея. На вопрос Мартынова, какое они имеют отношение к делу, которое касается только архиепископа Виктора, уже решившего перейти в юрисдикцию патриаршей церкви, Родзаевский ответил, что это была личная просьба Патрикеева, который, ожидая прибытия советской военной миссии, хочет покончить с этим делом немедленно. «Нужно выполнить эту просьбу, чтобы помочь моему положению. Раз я дал Патрикееву обещание, то должен выполнить его, иначе это отразится на моей судьбе и судьбе моей семьи.»

Родзаевский передумал ехать сам и попросил Гольцева съездить к Виктору и передать ему пожелание Патрикеева. Мартынов, вначале отговаривавший Родзаевского, вызвался сам съездить к архиепископу Виктору.

Вместе с Гольцевым они отправились в пекинскую православную миссию, расположенную на Войгунь. Еще издали они увидели высокий белый забор, широкие ворота, за которыми поднималось здание китайской архитектуры с высокой колокольней и православными крестами. Это была старинная, известная своими учеными монахами-китаеведами Российская Православная Духовная Миссия в Китае.

Архиепископ Виктор, человек богатырского телосложения, с приятным, открытым лицом, окаймленным густой черной бородой, принял их с радушием. Гольцев передал ему настойчивое пожелание Патрикеева сегодня же оформить переход в советское подданство и перевод православной миссии в лоно патриаршей церкви. Архиепископ Виктор ответил, что все формальности он закончил вчера и что Патрикеев уже должен иметь на руках его бумаги.

Неизвестно, от себя ли или со слов Патрикеева, Гольцев заявил, что эмигрантам необходимо перейти в советское гражданство, так как Америка готовит нападение на Советский Союз. Если разыграется война, она затронет Китай и Маньчжурию и положение эмигрантов тогда станет чрезвычайно тяжелым. Архиепископ Виктор согласился и заметил, что он

ценит заботу советского правительства об эмигрантах, желая предоставить им защиту и покровительство. На вопрос Мартынову, «почему он еще не определил своего положения», тот ответил, что хотел бы поговорить с ним с глазу на глаз. Когда Гольцев вышел, Мартынов спросил его, «чем вызвана перемена в вашем политическом мировоззрении?» Архиепископ Виктор заговорил о том, о чем часто твердили советские деятели, работавшие среди эмигрантов: «вчерашние союзники становятся сегодняшними врагами и стремятся расчленить Россию, как пытался сделать это Гитлер... что никакой русский националист допустить не может, в том числе и я.» После этих общих слов Архиепископ Виктор задумался и затем добавил:

> Я не отрицаю, что такому, как мне, грозит тяжелая участь, но надо все перенести. Передайте Родзаевскому, чтобы он был осторожен и не особенно увлекался всеми предложениями. Я понимаю, что у него нет другого выхода, кроме этого, хотя он может закончиться для него трагедией. Но на всем да будет воля Божия.[64])

Вечером в советском посольстве после ужина Родзаевский играл на пианино чижика, затем заиграл советский гимн. Обстановка казалась совершенно покойной и никаким образом не выдавала нарастающей трагедии. Затем Родзаевский начал читать свои записки. Исповедь — как он называл свои записки — оказалась пространной и еще более обнаженной чем его статья о «Перекованной душе», написанная в общежитии «Возрождение Азии» и письмо Сталину. Повествуя о политической деятельности, ища оправдания ее и в то же время заявляя об отречении от всего того, что недавно составляло для него полноценную жизнь, исповедь выдавала мучительную борьбу Родзаевского с самим собой и нарастание в нем глубочайших сомнений: как поступить, вернуться ли на родину или остаться на положении эмигранта, потерявшего много, но примирившегося с тем, что эти потери, как разлука с семьей, были потерями временными. Возможно, что он предчувствовал, что судьба его повернется не так, как говорил Патрикеев, что на родине его будет ждать не кипучая деятельность ради ее блага, а суд и в лучшем случае долголетнее заключение.

[64]) Там же.

В своей исповеди он искал ответа на свои сомнения, успокоения своим мучениям, веры в то, что с ним, так открыто обнажившим свою душу, не случится ничего дурного. Для предотвращения даже тени этого «дурного», он наполнил свою исповедь восхвалением большевизма и его вождей, переходя за пределы даже самого усердного и продажного советского панегирика в честь Сталина.

Разговор не клеился. Родзаевский был занят своими мыслями. Он чувствовал, что его исповедь была ненужной, надуманной, неискренней. Писал он ее по указанию Патрикеева, который пользовался этим испытанным приемом следователей и разведчиков деморализовать человека, оказавшегося в их руках, заставить его обнажиться и затем устыдиться не столько своей наготы, сколько степени своего старания в этом нарочито показном оголении.

Неожиданные гости

Было около девяти вечера. Родзаевский попрежнему сидел за столом, рассеянно перелистывая свою исповедь, делая поправки и дописывая ее конец. Неожиданно раскрылись двери и на пороге комнаты показалось несколько человек. Первым из них был Патрикеев, одетый в хороший штатский костюм, за ним вошел блондин лет 35-40, среднего роста с приятными чертами сухощавого лица, с небольшими усиками, серыми пронзительными глазами, на вид самоуверенный и даже властный, одетый в серый костюм, с брюками, заправленными в сапоги-бутылками времен Александра Третьего. За ним вошел брюнет выше среднего роста, с юркими глазами, с приветливой улыбкой на приятном лице. Он был в зеленой гимнастерке, в брюках того же цвета с красным кантом, с золотыми погонами старшего лейтенанта. Четвертым вошел другой офицер в такой же форме, блондин низкого роста. Они были подтянуты и производили вид хорошей строевой выучки.

Все находившиеся в комнате встали. Гости оказались слегка навеселе. Патрикеев сел у письменного стола, за которым Родзаевский только что дописывал свою исповедь. Человек в сером костюме и сапогах сел на стуле против Патрикеева, два офицера рядом с ним. Наступило неловкое молчание. Никто не решался заговорить первым.

Наконец, чтобы нарушить молчание, Мартынов задал вопрос:[65])

— Скажите, пожалуйста, как к вам обращаться: господа, товарищи или граждане?

— Называйте, как хотите, нам безразлично.

Человек в сером костюме и сапогах, оказавшийся майором Гусевым, сказал, что обращение не имеет никакого значения: если им нравится называть советских господами, пусть называют, как им будет удобно. Двое офицеров значительно переглянулись при этом.

Все замолчали опять. Разговор опять начал Мартынов: — Если кто либо предполагает вернуться на родину, то на каких условиях это может произойти, вернее, на каких основаниях?

— На основании приказа маршала Малиновского. В последнем его параграфе указано,что все, кто решит прийти к нам искренне, будет принят как свой человек, без всяких последствий за его прошлое. Родина широко открывает двери всем, кто хочет вернуться домой.

— Хорошо. Пока маршал Малиновский находится в Чанчуне, его приказ будет в силе. А отбудет он, и его заместитель возьмет и отменит его приказ, а то заменит его совершенно противоположным ему. Тогда что?

— Этого быть не может, — ответил Гусев.

— Было бы лучше, если вместо такого приказа было бы формальное постановление, закон, изданный высшим органом власти в СССР.

— Верховным Советом Союза Республик, вы хотите сказать? — заметил один из офицеров.

— Да. Но такое постановление не должно было бы носить оттенка амнистии, так как эмиграция не считает, что покинув родину, она совершила преступление. Если нет наличия преступления, не должно быть и амнистии. Это первое. Второе, для массового возвращения эмиграции на родину необходимы некоторые условия. Мы слышим о многих переменах происшедших в Советском Союзе. Какое практическое применение этих перемен?

— Что вы этим хотите сказать?

— Если произошли какие-то перемены, коснулись ли они таких вещей, как смена однопартийной системы на многопартийную, появилась ли печать кроме коммунистической; возможен ли свободный въезд и выезд для любого кто хотел бы сам удостовериться в переменах, о которых говорят так много? Если перемены произошли на самом деле, то в таком случае можно серьезно задуматься о возвращении на родину. В противном же случае на массовое возвращение эмигрантов расчитывать невозможно. Могут решиться ехать отдель-

---

[65]) Все цитаты до конца главы из записок Мартынова.

ные лица из за нужды или других причин или поедут такие, что их пускать не следовало бы.

Гусев сидел, передергиваясь, офицер брюнет хитро улыбался. Патрикеев смотрел глубокомысленно в воздух, словно там был ответ на все сказанное. Мигунов, Гольцев сидели молча. Родзаевский нервно ломал руки.

— Все это имеется в проекте, — сказал наконец Гусев, — и в скором времени вероятно будет опубликовано. Пока же это проводится на доверии русских людей, по ряду причин попавших заграницу, к советской власти, которая однако никого не неволит возвращаться на родину. Каждый волен поступать так, как ему велит его национальное сознание. Свобода — одно из основных условий жизни в СССР.

Гусев остановился, затем обратился к Родзаевскому:

— Каково было положение эмигрантов в Харбине и вообще в Маньчжурии?

— Оно было не всегда одинаково. В последние годы было особенно тяжело в моральном отношении. Японские власти шли на все, чтобы гасить всякое национальное русское движение. Мы неоднократно пытались войти в контакт с советскими властями в Харбине, но обычно безуспешно. Если и были контакты, то им не удавалось развиться до взаимного понимания и доверия. Служащие советского консульства не верили нам. Раз Мигунову удалось за свой страх и риск связаться с главой советской молодежи, но тот держался так осторожно, что через него не удалось связаться с ответственными работниками советского консульства. Нам при тех условиях это было крайне необходимо, мы были в полной темноте и не знали ничего, кроме того, что давала казенная японская информация.

— Какова была армия Маньчжуго? — спросил другой офицер. — Хороша или плоха? Каково было ее отношение к японской армии, к ее командованию?

— Армия была неважная, — ответил Гольцев, — у китайцев, даже при хорошем отношении к ним со стороны японцев, всегда враждебное чувство к последним.

— Что из себя представляли и какое положение в Маньчжуго играли воинские отряды и военные школы, составленные из эмигрантов? Каково было их назначение? Как они выполняли его?

— Воинские отряды, составленные из эмигрантов, и эмигрантские военные школы выполняли свои обязанности почти всегда удовлетворительно, — заметил осторожно Родзаевский, — иначе и не могло быть при наличии строгого японского контроля.

— Как эти русские отряды относились к СССР, будучи на стороне Японии в войне против него?

— Различно, но все же следует признать, что в большинстве лойяльно в отношении Японии.

— А как эти отряды могли относиться к СССР и его представителям в Харбине, когда последние нарочно компромети-

ровали людей из этих отрядов, что нередко кончалось для них смертной казнью. В доказательство приведу следующий пример, — сказал Мартынов. — Сын одного подрядчика со станции Шинтоуздецзы служил в отряде на станции Сунгари. Он дружил с неким Хомичуком, у которого были связи с советским консульством. Этот советский через Хомичука втянул молодого неопытного человека, запутал и заставил его дать ему какие то сведения о своем отряде. Этот советский служащий попался в каком то другом деле, и чтобы выпутаться из него предал японским властям этого молодого человека. Его судили военно-полевым судом и расстреляли за военный шпионаж. Когда об этом стало известно, эмигрантская масса, в особенности молодежь, настроилась крайне враждебно против советской власти и советской системы.

Гусев поморщился и заметил, что это нехорошо, но глупые и дурные люди имеются повсюду, и что иногда трудно разобраться в таких делах.

— Кроме того, — продолжал Мартынов, — служащие советского консульства, как резидент НКВД Дмитрий Пичунин и первый секретарь И. И. Кузнецов предавались пьянству и разгулу. Все это было достоянием молвы и не вызывало никакого доверия и уважения к харбинским представителям советской власти.

— Все это следует отнести к уродливостям быта в Маньчжурии, к которым сотрудники консульства должны были применяться, чтобы выполнять свои обязанности... С другой стороны, возможно, что и не так, и у меня нет оснований не верить вам, но лучше бросим этот разговор.

Другой офицер вмешался в разговор и заметил, что интересно услышать и узнать мнение другого, несоветского человека. Разговор перешел на другие темы. Советских офицеров интересовало, служили ли их собеседники в Белой Армии, и если они считают, что политическая рознь давно закончена, то что они думают о возвращении на родину. Разговор опять коснулся перемен в Советском Союзе, если они на самом деле произошли, чтобы дать возможность нормальной, свободной жизни. Тогда возвращение на родину «бездомных эмигрантов» будет иметь смысл. «Многого хотите», возразил Гусев. Более практичный Патрикеев заговорил о постепенном применении к советской жизни перемен и новых течений, но было видно, что они не интересовали советских гостей. Они явились посмотреть на Родзаевского и других, которых Патрикеев вовлек в свои сети, а совсем не для философских рассуждений. Гусев посмотрел пытливо на Родзаевского и спросил его, чем он занимался в Харбине. Родзаевский ответил, что

с 1925 года занимался журналистикой и политической деятельностью, главным образом агитационно-пропагандного характера против коммунизма, редактировал газету «Наш путь» и другие фашистские издания.

— Для вас найдется много работы на родине. На такой труд спрос у нас большой. К тому же вы вероятно хорошо знаете многих общественно-политических деятелей в Маньчжурии?

— Да, хорошо. Знаю всех.

— Это для нас особенно ценно, так как там идет сейчас такая неразбериха, что без людей, знающих хорошо обстановку, трудно разобраться. Вот вы нам и могли бы помочь в этом, чтобы поменьше произошло ошибок в оценке людей, в определении их качеств и недостатков.

Видимо было, что слова Гусева пришлись Родзаевскому по душе. Это как раз совпало с тем, о чем он писал в своей покаянной исповеди Сталину: использование его знаний и знакомств по прошлому политическому опыту. Мартынов осторожно заметил, что по слухам в Харбине идет усиленное разбирательство дел различных лиц, особенно тех, кто занимал ответственные посты в эмигрантских организациях и участвовал в политической деятельности. Если подобное разбирательство имеет целью в дальнейшем привлечение к ответственности, то трудно представить, что родина «открыла двери и зовет к себе блудных сынов». Патрикеев возразил, что если и происходит какое либо разбирательство, то оно совершенно не имеет целью наказание человека, а его применение в жизни, степень доверия и тому подобное. Разговор опять принял несколько острую форму. Гусев был настроен враждебно, Родзаевский заметно нервничал. Мартынов спросил Гусева об его отношении к атаману Семенову и что его может ждать в Советском Союзе.

— А, Семенов?— оживился Гусев. — Да, да, я его на своем самолете отвозил в Читу, где он был принят весьма хорошо. Сразу же по занятию нашими частями Дайрена и Какахаши он сам, как рассказывали мне, явился к нам и до моего приезда за ним пользовался полной свободой. Думаю, что с ним ничего не случилось. Нет никому оснований бояться, если он сам пожелал вернуться на родину.

— А что случилось с другими в Дайрене после занятия его частями Красной Армии? Меня особенно интересует судьба генерала Нечаева.

— В бытность мою в Дайрене он был жив и здоров. Что случилось с ним потом не знаю. Там ведь никого не тронули, только зарегистрировали, чтобы иметь представление об оставшихся.

— А можно выехать из Дайрена?

— Пока еще нет нормального сообщения, поэтому трудно сказать, можно или нет, — ответил Патрикеев.

— А как чувствовал себя атаман Семенов, когда вы везли его в Читу? Что с ним случилось, когда он прибыл в Читу?

— Чувствовал он себя неплохо, всю дорогу разговаривал, даже шутил, мечтал послужить родине по мере сил и возможности. Рассказывал, что хорошо знает Монголию, что он там свой человек, знает хорошо весь Дальний Восток, что весьма ценно и должно быть полностью использовано. Повторяю, в Советском Союзе всех принимают доброжелательно, всем дают возможность заняться полезным для родины делом по призванию и способностям.

Разговор коснулся роли эмигрантов, как они поступили бы, если бы им пришлось воевать против Красной Армии. Гусев спросил, что делали бы белые эмигранты в отношении мирного населения, захваченных ими городах и селениях, пленных. Ему ответили, что делали бы то же самое, что и красные, как это было в Гражданской войне, в которой происходили эксцессы одинаково на одной и на другой стороне. Разговор опять принял острую форму и чтобы прекратить его, Патрикеев встал и сказал, что время позднее и пора расходиться. Он спросил Гусева, когда он собирается вылетать. Гусев ответил, что на другой день до полудня и попросил Патрикеева связаться с властями на аэродроме. Сказав Родзаевскому быть готовым к отлету утром, он добавил: «я доволен, что мы так открыто и откровенно побеседовали сегодня, это поможет нам в будущем лучше понять друг друга и наладить общую работу против врагов Советского Союза.»

После ухода Патрикеева и советских офицеров в комнате Родзаевского начался спор относительно некоторых вопросов и замечаний, которые по мнению одних, могли казаться бестактными и даже опасными. Оставшись наедине с Родзаевским, Мартынов спросил его, нет ли у него в этот последний час решимости переменить свое решение. Родзаевский стал не в меру серьезным и сосредоточенным. «Нет, дверь захлопнулась, возврата нет. За мой опыт забежать вперед и опять назад может заплатить семья моя, а я этого никак не могу

допустить...» Он был в крайне тяжелом состоянии. Отговорившись тем, что ему надо дописать еще несколько страниц своей «исповеди», он поспешил остаться один.

Утро 25 октября было ясно и чисто. Пекин еще не проснулся. Лигейшин утопал в сверкающей осенней позолотой листве. Было еще задолго до шести, но в комнате Родзаевского уже все проснулись и занимались сборами вещей. Родзаевский продолжал пребывать в состоянии страшной тревоги. «Если что либо произойдет с нами, дайте знать об этом всему миру...» Мартынов еще раз спросил его, верит ли он полностью Патрикееву и Гусеву, и предложил ему окончательно передумать и остаться в Китае. Мигунов и Гольцев с неприязненностью посмотрели на Мартынова. «Решили ехать, так надо ехать». До этого оба они уговаривали Сеньжина снова согласиться ехать с ними, и теперь не хотели, чтобы в последнюю минуту изменил бы свое решение другой, в особенности Родзаевский. Несомненно, что принимая такое рвение в деле возвращения Родзаевского в Советский Союз, Мигунов и Гольцев действовали по инструкции Патрикеева. Родзаевский сказал, что изменить своего решения не может, но просит Мартынова позаботиться об его семье, если что либо случится с ним.

Родзаевский вынул иконку, поставил ее на стол, предложил перед расставанием помолиться. Прочел несколько молитв. Все сосредоточенно молчали, ни у кого не нашлось слов, чувствуя себя удрученными, предчувствуя, что они на пороге чего то страшного и непоправимого. Все стали добрее и деликатнее в отношении друг к другу, один у другого прося прощения за возможно причиненное зло. У каждого щекотало в горле и на глаза навертывались слезы. Каждый думал о том, что это настоящее расставание. Родзаевский отвернулся в сторону, чтобы скрыть слезы.

В это время в комнату вошел озабоченный майор Гусев. Он казался недовольным еще со вчерашнего разговора или сцена немого расставания показалась ему слишком сентиментальной. Он спросил готовы ли они к отъезду, так как скоро должны были прибыть автомобили для доставки их на аэродром, с которого они вылетят в Чанчунь, «где вас уже ждут, чтобы разобраться в путанице относительно лиц, о чем я вам говорил вчера вечером.»

Гусев вышел из комнаты взять бумаги для отъезжающих, которые он раздал им. Родзаевский получил удостоверение, что он лейтенант советского воздушного флота, Мигунов — борт-механик, Гольцев — наблюдатель, Сеньжин — радист. Гусев пояснил, что эти удостоверения необходимы на случай контроля со стороны союзнического командования, с которыми подобные полеты были согласованы под предлогом поиска и возвращения в свои части потерявшихся во время войны советских солдат и офицеров. «Если на борту самолета были бы обнаружены эмигранты, начались бы расспросы и возможные трения. И так много придирок со стороны американских властей, что мы, якобы, хозяйничаем в оккупированных зонах и вывозим оттуда нужных нам людей.»

Настал последний момент. Как ни тяжело было расставание в Тяньцзине, перед поездкой их в Пекин, все же тогда оставалась возможность выхода. Теперь это было окончательным и бесповоротным. Это чувствовали все, в особенности Родзаевский.

Патрикеев пришел попрощаться со всеми и пожелать счастливого пути и успеха на родине. Через некоторое время прибыли автомобили. В первый из них сели Родзаевский, Гусев, Мигунов и Гольцев, во второй Сеньжин, смуглоликий офицер и один из служащих посольства. Этот отъезд оказался еще более тягостным, чем отъезд из Тяньцзина в Пекин.

Через несколько дней прибыл советский самолет за другой группой эмигрантов — генералом Власьевским, его сыном, их женами, Гордеевым и Кудрявцевым. Так же как и с группой Родзаевского, их сперва доставили в Чанчунь, а там распределили по разным местам, одних в Хабаровск, других в Читу, для дальнейшего путешествия в Москву. Родзаевский надеялся, что его оставять на Дальнем Востоке. Еще в посольстве майор Гусев сказал, что его направят в Хабаровск или Владивосток, где он пробудет временно «для ознакомления с постановкой советского газетного дела», а затем предоставят право выбора местожительства. Но из Чанчуня его самолетом направили в Читу. Неизвестно проделал ли Родзаевский это путешествие один или вместе с Власьевским и другими, с которыми ему вскоре пришлось попасть во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

Таинственная авантюра

После отъезда группы Родзаевского у Мартынова, одного из его доверенных лиц, появилось желание остаться еще на одну ночь в советском посольстве, чтобы побеседовать наедине с Патрикеевым.*)

Проводив Родзаевского и его группу, Мартынов целый день провел в Пекине, разыскивая знакомых и блуждая по его улицам. К вечеру он явился в советское посольство. Надо полагать, что он был допущен туда привратником на том основании, что уже провел там первую ночь. В ожидании Патрикеева, он свободно ходил по комнатам нижнего этажа, знакомясь с книгами на полках и чуть ли не просматривая списки, уловленных Патрикеевым эмигрантских душ («пришлось воочию убедиться, что контингент советских граждан, набранных Патрикеевым, состоит на 90 процентов из мелко-уголовного элемента. . ., высланных в разное время из Харбина»). Здание советского посольства (вообще тщательно охраняемая и оберегаемая цитадель) казалось пустынным («заведующий зданием «был навеселе», и только наверху слышались чьи то шаги») После девяти часов вечера явился Патрикеев, также «навеселе и в разговорчивом состоянии». Он обрадовался увидя Мартынова, и спросил его о впечатлении, оставленном на него советскими офицерами, оговорившись, что в них нет «прежнего лоска, но вот скоро суворовские корпуса и старого типа военные училища будут выпускать офицеров не хуже офицеров царского времени». После обоюдного заверения говорить друг другу не только правду, но и не обижаться если она окажется неприятной, Патрикеев спросил Мартынова почему он не поехал вместе с Родзаевским, а остался здесь, «словно ожидая особого приглашения». Мартынов ответил, что он не придает никакой веры заявлениям советской власти, в частности декларации маршала Малиновского «о забвении прошлого», заверениям майора Гусева и даже его, Патрикеева. «Допускаю,

---

*) В своих записках (спешно написанных и поэтому местами весьма сумбурных), в пояснение своего решения он приводит случай, когда еще во время существования Дальневосточной Республики, он, по приглашению члена ЦК дальневосточной компартии И. Ф. Слинкина, прибыл в место расположения красных партизан, Три Камня, чтобы «убедиться в демократичности режима ДВР». Мартынов добавляет, что там было больше опасности для него, чем пребывание в советском посольстве.

что ваши сомнения естественны, но все же считаю, что вы ошибаетесь. Все, о чем заверяет в настоящее время советская власть, есть правда».

> — Обещания, данные Родзаевскому советской властью в лице вас и Гусева, жить свободно и работать свободно в качестве журналиста, с надежной со временем стать редактором газеты и выступать по радио с призывами к народам мира о мире, скажите, всерьез это или только прием?

Еще в начале разговора Патрикеев вызвал прислугу и попросил подать водки, вина, закуски. К этому времени он опъянел еще больше. На вопрос Мартынова он задумался и ответил: «раз дело идет на откровенность, не берусь ни отрицать, ни утверждать». Затем он перевел разговор на общую тему о возвращении российских эмигрантов в Советский Союз. «Чем объяснить нежелание многих из них принять советское гражданство и вернуться домой?» Заговорили о военнопленных, которых советское правительство считало за изменников родины и которым отказало в защите их прав во время нахождения в плену. «Не надо забывать», возразил Патрикеев, «что отношение таких людей к советской власти основано на их озлобленности». Патрикеев спросил Мартынова, не было ли у него связей с кем либо из сотрудников харбинского советского консульства. Мартынов рассказал, что в 1939 году один из них собирался перейти на положение невозвращенца после ссоры с резидентом НКВД Пичугиным. С этим служащим начались переговоры; выяснилось, что он готов был порвать с советским консульством, если ему дадут пять тысяч американских долларов и паспорт на фиктивное имя. Японские власти заинтересовались им и предложили маньчжурский паспорт и десять тысяч гоби, десятую часть того, что тот просил. Он отказался. Он хотел выехать в Дайрен с целью пробраться дальше, но ему не позволили взять детей. В Дайрене его и жену встретил советский консул Жуковский, человек типа Пичугина, который держал их все время под неусыпным наблюдением. После возвращения его в Харбин с ним снова связались относительно его разрыва с советским консульством. Но вероятно там уже знали об этом, так как его вскоре доставили на вокзал в сопровождении других служащих консульства и отправили в Москву. Там его судили и приговорили к нескольким годам тюремного заключения.

Патрикеев заинтересовался рассказом Мартынова и спросил его, насколько был полезен эмигрантской или японской разведке тот консульский служащий. Мартынов ответил, что был полезен, и заметил, что из белых эмигрантов никого вероятно не было на тайной советской службе. Патрикеев громко рассмеялся. «Да сколько хотите! Например в Пекине — Петров из полиции, Коробков из японской жандармерии, Варфоломеев из японской военной миссии, в Тяньцзине — Караев из знаменитого вашего Антикоммунистического Комитета.»

Разговор прервался. Каждый, казалось, был занят своими мыслями об особенностях нашего безвременья — и думал об этом спокойно и объективно — о частой, если ни неизбежной двойной игре «оплотов жандармских служб и разведывательных органов», о судьбе Родзаевского и других, только что ставших жертвами новой советской игры. Глядя на Патрикеева, Мартынов мог думать об этом спокойно и объективно. В свою очередь, Патрикеев, глядя на Мартынова, мог думать о том, почему в этот ночной час он так доверчиво и уверенно сидит в советском посольстве... Впрочем, это может быть только областью досужего воображения.

Было уже поздно около часа ночи, когда в комнату вошел заведующий зданием и вызвал Патрикеева. Через четверть часа Патрикеев вернулся и сказал, что майор Гусев благополучно доставил в Чанчунь, в штаб маршала Малиновского группу Родзаевского.

Патрикеев ушел. Китаец бой все убрал со стола. Заведующий зданием спросил Мартынова, что приготовить ему на завтрак. Мартынов приготовил постель, не переставая думать, что в Чанчуне уже возможно приступили к допросу Родзаевского, или еще продолжают обман, давая ему возможность строить радужные надежды на будущее.

Было четверть четвертого. Далеко до зари. Он погасил свет, стал смотреть в окно. В доме была полная тишина. Он встал, прислушиваясь, взял свои вещи, тихо вышел на двор. Осмотрелся, дошел до двери в каменной стене, открыл ее беззвучно, так же беззвучно прикрыл ее за собой. Переулок. Свобода. Тихая осенняя листва Лигейшина. Еще сонные улицы Пекина. Пекин — странный, увлекательный, неправдоподобный, как весь Китай.

Рассказ Мартынова о его таинственном похождении в советском посольстве в Пекине вызвал некоторые сомнения. По рассказам сторожей советского посольства, перешедших позже на положение эмигрантов, здание посольства внутри охранялось по ночам цепными собаками, кроме того вдоль стен были проведены провода с электрическим током. Дверь в стене, о которой упоминает Мартынов, по ночам была обычно закрыта двумя замками, ключи от которых находились у заведующего зданием.

Эта информация дает возможность утверждать, что Мартынов не мог выйти наружу через одну из этих двух дверей в стене без сопровождения коменданта здания, и его спас — если Мартынову вообще что либо угрожало — или комендант или допустим на минуту невероятное: калитку случайно не замкнули в этот вечер, ток не пустили и собак не было.[66])

---

[66]) Неделя, 68, 26 июня 1955 г., стр. 11.

Красный Поток

Плавая в огромном океане войны, военачальник должен стараться не только не потонуть, но доплыть путем размеренных размахов рук до противоположного берега. Стратегия и тактика, как законы, руководящие войной, составляют искусство плавания в океане войны.

Мао Цзе-дун, Избранные труды

I

ПОДГОТОВКА ПЛАЦДАРМА

С судьбой Китая неразрывно была связана судьба дальневосточной белой эмиграции. Проживая долгие годы на его гостеприимной земле, она делила его испытания и трагедию и, как он, надеялась, что после затяжного периода ненастья и бурь наступит хорошая погода.

В Токийской бухте на палубе американского дредноута Мизури представители японского правительства и верховного командования скрепили своими подписями капитуляцию Японии. Через неделю, в Нанкине, в подобной церемонии капитуляции, командование японской экспедиционной армии объявило, что «признавая полное военное поражение японских вооруженных сил силами союзников», оно сдает свои войска генералиссимусу Чан Кай-ши.

К сдаче подлежали все сухопутные, воздушные и военно-морские силы численностью в миллион с третью человек, военные склады, артиллерийские и автомобильные парки, военные корабли, самолеты, огромный инвентарь сложной современной машины войны. Оставалось навсегда покончить со страшными следами войны, перейти на мирный труд, распустить по домам многомиллионную армию, не допустить, чтобы оставшееся японское оружие, обильно обагренное кровью китайского народа, вновь стало бы орудием смерти.

Мир и благополучие Китая зависили от отношения к нему его соседей, главным образом Советского Союза; от доброго расположения к нему его западных союзников, главным образом Соединенных Штатов Америки; и внутреннего положения, т. е. от степени способности Гоминдана и китайской коммунистической партии ужиться вместе.

Казалось, что появлявшиеся повсюду благожелательные знаки подавали надежду на мир и спокойствие на земле древнего и благочестивого Китая.

Московские настроения

14 августа 1945 г. министры иностранных дел СССР и Китая Молотов и Сун подписали тридцатилетний договор дружбы. Первоначально Сталин собирался заключить его заблаговременно до вступления в войну против Японии, но взрывы атомных бомб над Хиросимо и Нагасаки заставили его внезапно изменить свое решение.

По тексту документа можно судить, что договор почти целиком написан московской рукой. Партнеры нового альянса обещали друг другу помощь в борьбе против Японии (кстати сказать, уже запросившей за несколько дней до этого о пощаде) и в предотвращении новой агрессии на Дальнем Востоке, (о которой советскому правительству не следовало бы говорить). Взаимные обещания касались уважения суверенности и невмешательства во внутренние дела. Вопрос о Внешней Монголии разрешался легко: она могла стать независимой или остаться частью Китая, если плебисцит покажет, что такова воля монгольского народа. Дайрен становился свободным портом, Порт Артур — совместной советско-китайской военно-морской базой. По окончании советских военных операций, в Маньчжурии восстанавливается власть центрального правительства. Совместное управление Чанчунской железной дорогой (бывшие КВжд и ЮМжд). Советский Союз еще раз торжественно обещал, что поддержка и помощь будут оказаны «исключительно национальному правительству как центральному правительству Китая».

С этой стороны казалось все было благополучно.

Вашингтонские надежды

Послевоенные проблемы Европы занимали американское правительство больше, чем проблемы Азии, среди которых наиболее важные касались судьбы побежденной Японии. Вопрос о Китае разрешался сравнительно легко: ничто больше не угрожало его целостности и суверенности, внутреннее положение стабилизировалось само по себе, по полюбовному сговору гоминдановцев и коммунистов разрешить свои разногласия мирным образом. Ялтинское совещание в теории уже разрешило все проблемы Китая, оставалось только провести их в жизнь.

Мысль о возможности слияния гоминдановцев с коммунистами стала занимать умы американских политических и во-

енных деятелей еще в то время, когда при генералиссимусе Чан Кай-ши пост военного советника занимал генерал Стилвэл. После Стилвэла ярым сторонником теории сближения стал американский посол в Чунцине Патрик Херли. Во время войны он сделал несколько попыток сблизить Чан Кай-ши с Мао Цзе-дуном, для чего несколько раз летал в ставку последнего в Яньань. Америка готова была сделать все ради мира в Китае. Казалось, что и на этой стороне все было хорошо.

Яньанская дорога к миру

Последний полет Херли в Яньань дал положительные результаты: Мао Цзе-дун согласился прибыть в Чунцин для послевоенной встречи с Чан Кай-ши.

Встреча произошла в день, когда одновременно Москва и Чунцин опубликовали советско-китайский договор дружбы, подписанный за две недели до этого.

В течение шести последовавших недель Чан Кай-ши и Мао Цзе-дун провели пять совещаний, касающихся национальной реконструкции Китая и «вечного содружества» всех его политических партий.

Переговоры происходили настолько успешно, что обе стороны признавали, что они были близки к разрешению двух третей проблемы Китая, не расходясь особенно в остальном. Оптимистическое заверение китайских политических вождей было принято, как подтверждение существовавшего мнения (заграницей и, особенно в Америке), что главные политические партии Китая в состоянии объединить страну мирным путем.

Так казалось считал и Мао Цзе-дун:

> Сегодня перед Китаем только одна дорога. Это — мир. Мир повсюду. Все остальные расчеты и предложения ошибочны. Работая вместе, Гоминдан, китайская коммунистическая партия и другие партии и группировки не должны страшиться трудностей — все они будут преодолены в условиях мира, демократии, солидарности и единства под руководством президента Чан Кай-ши на основе соблюдения Трех Народных Принципов.[67])

Казалось, что и на этой стороне не было особых затруднений.

---

[67]) Информационное Агентство Синхуа, 9 авг. 1945.

Географическое понятие

В действительности дорога к миру в Китае оказалась полна непреодолимых препятствий. Послевоенный Китай по выражению Гарри Трумана оставался «географическим понятием». В нем бок-о-бок существовали две враждебные друг к другу политические партии и два правительства. Под властью коммунистов находилась огромная часть северо-восточного Китая.

Гоминдан и коммунистическая партия были организациями тоталитарного порядка, но со значительным различием в применении партийной диктатуры. Гоминдан ограничивал ее периодом партийной опеки, которая должна была бы закончится в конце тридцатых годов, после завершения реконструкции, сорванной выходом Японии на материк. В новом, послевоенном положении гоминдановская опека должна была закончится после созыва Национального собрания и утверждения конституции. Коммунисты не ставили никаких ограничений, считая, что диктатура партии является незыблемой и незаменимой основой коммунистического строя. Китайский народ, с его темными, пассивными крестьянскими массами, жил вдали от политической жизни.

Анализируя политическое положение Китая, американский военный обозреватель отмечает, что «с существующими условиями отлично справился бы благоразумный и благожелательный деспот или военный диктатор, безразлично, коммунист или гоминдановец. Мое впечатление таково, что генералиссимус, как вождь, представляет наилучшую возможность для политической и экономической стабилизации страны».[68])

Пока в Чунцине продолжались с виду успешные переговоры, в политическо-военных делах наступило обострение, толкнувшее страну на путь к кризису.

К моменту окончания войны вооруженные силы центрального правительства находились вглубине Среднего и Южного Китая. Коммунистические же силы, по своему партизанскому характеру, оказались рассеянными по провинциям Северного и Центрального Китая, а некоторые из них даже в тылу японских войск. При сдаче японских войск оказалось, что в некоторых местах Северного Китая хозяевами положения оказались не правительственные, а коммунистические войска. В на-

---

[68]) Truman Harry S., Memoirs, Years of Trial and Hope, Doubleday & Co, New York, 1956, p. 63. Доклад ген. А. Ведемайера.

рушении порядка и приказа Верховного Главнокомандующего союзными вооруженными силами генерала МакАртура, командующий коммунистическими силами Чжу Дэ издал от имени яньаньского командования «семь приказов дня» по которым (не без согласованности с советским командованием) китайские коммунисты должны были занять стратегические пункты в провинциях Чахар и Жехоль, в Маньчжурии, Внешней и Внутренней Монголии, как и все железнодорожные и шоссейные пути, находившиеся в руках японского командования.

Попутно с этим Чжу Дэ предъявил центральному правительству требование относительно участия китайских коммунистов в церемонии капитуляции японского командования в Нанкине и в приеме японских военнопленных, их оружия, военного снаряжения и т. п. «Наши армии имеют право принимать сдающиеся японские войска, устанавливать контроль, наводить порядок и назначать особых комиссаров для ведения административных дел... Сопротивление этим мерам будет рассматриваться как измена».[69])

Несмотря на затруднения, чинимые коммунистами, правительственные войска обезоружили и репатриировали 1,200,000 японских офицеров и солдат. В территориях под своим контролем коммунисты обезоружили 30.000 японских военнопленных.*) Неудача с попыткой захватить оружие капитулировавшей японской экспедиционной армии в Китае особенно не тревожила коммунистов: в Маньчжурии находились огромные запасы военного снаряжения бывшей Квантунгской армии, которое советское командование хранило для них. Для получения его в Маньчжурию просочилась сто-тысячная невооруженная армия Лин Пиао. Оружия в Маньчжурии оказалось так много, что им можно было вооружить армию в несколько раз больше. Вопрос теперь стоял не в добыче оружия, а в бы-

---

[69]) Liu, F. F., A Military History of Modern China, Princeton University Press, N. J., 1956, p. 227.

*) Китайские коммунисты в зависимости от политических обстоятельств и выгод время от времени отправляли небольшое количество военнопленных в Японию, каждый раз получая соответствующее отступное. Японское правительство много раз запрашивало Пекин о судьбе нерепатриированных военнопленных, но не могло добиться никакого ответа.

stром увеличении людского состава. Пополнение коммунистических рядов шло отчасти от притока мобилизационных, отчасти от остатков армий Маньчжудиго и прояпонского правительства Ван Цзин-вея, к которым националистическое правительство необдуманно применило суровые карательные меры. В Маньчжурии таких влившихся поневоле в коммунистические отряды оказалось 75,000 человек.

Не теряя времени, китайские коммунисты усиленно развивали свою деятельность в так называемых «освобожденных областях». За короткое время они расширили свои территориальные владения от 70 до 200 с лишним уездов, установили контроль на стратегических пунктах на всей сети железнодорожных и шоссейных дорог в Центральном и Северном Китае и Маньчжурии. Все речные и морские порты от Ханькоу на юге до Шанхайгуаня на севере попали в руки китайских коммунистов.

Китайских коммунистов не смущало, что их подрывная деятельность причиняла Китаю огромный вред. Они прерывали коммуникационные связи, срубая телеграфные столбы, разбирали железнодорожные пути, по которым должны были следовать воинские эшелоны правительственных войск; взорвали плотину на Желтой реке, затопив огромную площадь в провинции Хонан; мобилизовали в своих областях всех способных носить оружие от 15 до 50 лет; выпустили ничем не подкрепленные деньги, так называемые «антияпонские банкноты» и «банкноты пограничного района», заставив население принимать их, подрывая этим национальную финансовую систему.

Положение в Маньчжурии

На московском совещании, перед заключением совето-китайского договора дружбы, Сталин заявил, что советские войска начнут эвакуацию Маньчжурии через три недели после завершения войны и закончат ее в трехмесячный срок. Таким образом, если полагаться на слова Сталина, эвакуация должна была закончиться во второй половине декабря.

В октябре центральное правительство известило советского посла, что Тринадцатая армия будет переброшена морем из Южного Китая в Дайрен для занятия мест, эвакуированных советскими войсками. Посол Петров снесся с Москвой, где нашли отговорку: по совето-китайскому соглашению Дайрен является коммерческим портом, поэтому высадка войск не может

быть допущена. Тогда было решено отправить войска по железной дороге и воздушным путем, но оказалось, что на аэродромах Мукдена и Чанчуня, столицы Маньчжурии, уже сидели коммунистические части в ожидании начала советской эвакуации. Важные железнодорожные узлы также были заняты ими.

В ноябре Петров известил министерство иностранных дел Китая, что советское командование согласно только на прибытие одних комендантских войск и военной полиции, но не ранее чем за три четыре дня до эвакуации советских войск. Возражение министерства, что за такой короткий срок нет возможности перекинуть эти части даже воздушным путем, осталось без ответа.

К этому времени начали происходить спорадические столкновения между правительственными отрядами и коммунистами.

Умышленное замедление

Советское командование под всяким благовидным предлогом откладывало эвакуацию войск. Причина была одна и та же: партизанские части Лин Пиао и других коммунистических военачальников еще не были готовы. Они проходили усиленную тренировку, и требовалось по крайней мере еще несколько месяцев, прежде чем они окажутся боеспособными частями, могущими потягаться с правительственными войсками.

Правительственные войска пребывали в выжидательном положении. Часть их находилась на военных транспортах в Лаодунском заливе, ожидая советской эвакуации портов Хулутао и Инкао. Другие находились в расположении Шанхайгуаня. Советское командование отказывалось допустить эти части на север за пределы Великой Стены на том основании, что эвакуация уже закончилась в этих районах. Оно умышленно скрывало даты отправки советских частей или сообщало о них за день или два, что было недостаточным сроком для переброски туда своих отрядов. В то же время эвакуированные места по согласованному плану немедленно занимались коммунистами.

В начале ноября советские части эвакуировались из портов Хулутао и Инкао, введя туда заранее отряды вооруженных коммунистов. Через две недели маршал Малиновский известил, что он согласен на прибытие в его ставку в Чанчунь ежедневно до 500 солдат из пекинского гарнизона, но заранее дал

возможность китайским коммунистам занять аэродром, чтобы не допустить посадки на нем правительственных самолетов.

К этому времени замыслы советского правительства на Маньчжурию определились с достаточной выпуклостью. Центральному правительству ничего не оставалось делать, как вывести свои отряды из Маньчжурии, оповестив посла Петрова и американское правительство. В обращении к президенту Труману центральное правительство указывало на ряд вопиющих нарушений, совершенных советскими властями в Маньчжурии, во вред национальным интересам Китая и мира и порядка в Азии. Для противодействия советским замыслам в Маньчжурии предлагалось предпринять совместные решительные действия. Труман ответил обещанием сделать все, что возможно.

Весть об отводе правительственных отрядов из Чаньчуня заставила советское правительство хотя бы внешне изменить свое отношение и заверить центральное правительство, что отныне советская эвакуация будет проходить в согласии с советско-китайским договором. Пока продолжались передвижения правительственных войск, маршал Малиновский заявил о желании связаться с их командованием.

Очередной сталинский зигзаг

В это время, неизвестно по каким соображениям, Сталин пригласил Чин-ку, сына Чан Кай-ши, посетить Москву.* Сталин виделся с Чин-ку дважды в конце декабря и в начале января 1946 г. Особых переговоров Сталин с ним не вел, но усиленно заверял его в своих лучших чувствах в отношении Китая, китайского народа и его отца, Чан Кай-ши. Сталин развивал мысль о «счастливом сотрудничестве» Китая, Советского Союза и Соединенных Штатов, но настаивал на самостоятельной политике первого, «не примыкая ни к одной, ни к другой стороне».

Чин-ку был нужен Сталину не столько для ориентации в китайских делах, о которых он знал не хуже того, сколько для попытки расположить к себе Чан Кай-ши. В этом проявилась степень озабоченности Сталина в связи с осложнением дальнейшего положения и развитием новой фазы китайско-амери-

---

*) Чин-ку, старший сын Чан Кай-ши, одно время учился в Институте Восточных Языков в Ленинграде и в Школе «Высшего Комсостава». Женат на русской. Говорит по-русски.

канских отношений. Через Чин-ку Сталин передал приглашение Чан Кай-ши встретиться с ним в Москве или в другом месте вблизи советско-китайской границы. «Счастливое сотрудничество», развивал дальше Сталин, не должно, однако, касаться Маньчжурии; он решительно был против «третьей силы» на ее территории, помня о недавнем владычестве там Японии и имевшихся осложнений между ею и Советским Союзом. Сталин советовал послевоенному Китаю принять прежнюю политику начала двадцатых годов, т. е. тесное сотрудничество китайской компартии с Гоминданом. Относительно же яньаньских коммунистов, у Сталина были свои соображения: он поведал Чин-ку, что не хотел пускать их отряды в Маньчжурию. Тут же Сталин оговорился, что советское правительство не имело никакого отношения к китайским коммунистам. Одно время советский представитель находился в Яньане, но в связи с развитием политических событий, продолжал Сталин, он решил отозвать его в Москву. Сталин продолжал подчеркивать, что он не собирался оказывать материальной или военной помощи китайским коммунистам. Если центральное правительство пожелало бы, советское правительство с готовностью приняло бы участие в разрешении споров и недоразумений Гоминдана с китайской компартией. Если нет — советское правительство воздержится от какого бы то ни было вмешательства. По мнению Сталина, обе стороны, Гоминдан и компартия, должны вступить «в соревнование в деле мира».[70])

От диктаторов не обязательно следует ожидать искренности, особенно от диктаторов коммунистических. Был ли Сталин хоть в малой доли искренен, развивая свои мысли о китайских коммунистах? Не тревожили ли его тогда опасения, что на Дальнем Востоке нарастает новая грозная сила, которая не только будет успешно соревноваться с Советским Союзом, но и затмит его могущество и влияние? В разговоре с вице-президентом Югославии, Сталин поведал, что он хотел точно выполнить свои обещания, данные им на Ялтинской конференции в отношении Китая, старался удержать китайских коммунистов от агрессивных действий и принудить их к примирению с Чан Кай-ши, но те стали действовать по своему.[71])

---

[70]) Chiang Kai-shek, Soviet Russia in China, Farrar, Straus & Cudahy, New York, 1957, pp. 147—151.

[71]) Dedijer, Vladimir, Tito, Simon & Schuster, New York, 1953, pp. 331—332.

Продолжение советских манипуляций

В декабре, когда должна была бы закончиться эвакуация войск в Маньчжурии, советское командование объявило о продлении пребывания их еще на один месяц. Правительственные войска стояли в 25 милях от Мукдена, ожидая окончания переговоров с маршалом Малиновским, начатых по его предложению. Пока они шли, его штаб умышленно скрывал подготовку эвакуации Мукдена, важного железнодорожного узла и промышленного центра, славившегося своим арсеналом. Эвакуация Мукдена была проведена настолько внезапно, что застала врасплох центральное правительство. Советские инженерные части разобрали большой участок железнодорожного пути, чтобы задержать продвижение правительственных войск к Мукдену, пока там накапливались коммунистические отряды Лин Пиао.

К концу 1945 года советские войска еще продолжали пребывать в Маньчжурии, около пяти месяцев со дня начала военных действий против Квантунгской армии. О сталинском обещании вывести их в течение трех месяцев было забыто. Советское командование было занято укреплением в Маньчжурии и смежных территориях Северного Китая коммунистических отрядов Чжу Дэ и Лин Пиао. Время от времени, когда требовали обстоятельства, советское командование упоминало о выводе своих войск, каждый раз откладывая срок окончательной эвакуации.

Во многих городах Китая тем временем стали происходить многочисленные демонстрации, требовавшие вывода советских войск из Маньчжурии и установления там власти центрального правительства. Особенно большие демонстрации китайских студентов, рабочих и служащих были устроены в Лигейшине, перед зданием советского посольства в Пекине и зданиями советских консульств в Тяньцзине и Шанхае. Тысячи резолюций, принятых по всей стране, требовали от советского правительства выполнения условий советско-китайского договора.

Еще в октябре центральное правительство подняло вопрос о создании правительственных отрядов по ограждению мира в Мукдене и Чанчуне. Генерал Павловский, глава советской военной миссии, ответил, что советское командование против создания таких отрядов на том основании, что они являются «подпольными силами». Как ни странно было объяснение Павлов-

ского, командование правительственных войск решило в целях поддержания добрых отношений не организовывать дальше такие силы и известило об этом генерала Тороченко, начальника штаба маршала Малиновского, заявив, что один отряд все же был сформирован и находится в Чанчуне. Возражений тогда никаких не последовало, но в середине января советские войска неожиданно окружили полк «особого назначения» («части по сохранению мира») и обезоружили его. Этот инцидент вызвал еще больше возмущения в стране и повторил волну массовых антисоветских демонстраций.

В конце марта Москва объявила об окончательном выводе советских войск из Маньчжурии до конца апреля. Центральное правительство, полагая, что оно полностью договорилось с советским командованием о порядке и сроках советской эвакуации, известило штаб маршала Малиновского о вводе в Маньчжурию своих войск. Генерал Тороченко ответил: «советские войска на север от Чанчуня не могут ждать прибытия китайских войск, поэтому принуждены передать власть воинским силам, уже находящимся на местах».

Воинскими силами, «находящимися на местах», были китайские коммунисты. Получив от советского командования японское оружие, которое по условию договора должно было быть переданным центральному правительству, коммунистические партизаны за девять месяцев пребывания советских войск в Маньчжурии превратились в отличные войска. Значительно возрасла и их численность.

Окрепнув при помощи Москвы, коммунистические власти в Яньане потребовали от центрального правительства установления совместного контроля в Маньчжурии и ограничения правительственных войск, посланных туда.

На этом первая фаза коммунизации Китая закончилась. Советские войска могли оставить Маньчжурию. Она стала прочным коммунистическим плацдармом для последовавших операций.

Встревоженное развитием событий в Маньчжурии, центральное правительство согласилось на ограничение своих войск в Маньчжурии, если коммунисты отведут свои отряды из Мукдена, очистят Мукден—Пекинскую железнодорожную линию и предоставят правительственным войскам занять Чан-

чунь и Харбин. Яньань ответил отказом. Через два часа после вывода советских войск из Чанчуня части Лин Пиао повели наступление на город и захватили три аэродрома. На следующий день, 17 апреля, коммунисты захватили Чанчунь. Первая армия центрального правительства вышла в район Сыпингая для операций за обладание Чанчунем.

Новая фаза гражданской войны началась в Китае.

Трофейное достояние

Советская оккупация Маньчжурии длилась девять месяцев, но влияние СССР продолжало оставаться вплоть до неожиданного для него завершения последствий Корейской войны.

Период советского пребывания в Маньчжурии оставил там тяжелый след. Создав там коммунистический плацдарм, советское правительство одновременно с этим разорило край. Еще за два года до вступления в Тихоокеанскую войну оно имело ясное представление о том, что хотело взять от Маньчжурии.

За четырнадцать лет своего пребывания в Маньчжурии Япония создала из отсталого края индустриальный потенциал, равный таким промышленным государствам, как Бельгия и Италия. К концу 1945 года капиталовложение Японии в Маньчжурии достигло 11 миллиардов золотых иен (около полмиллиарда английских фунтов, полтора миллиарда американских долларов). С 1931 по 1945 гг. железные дороги Маньчжурии возрасли с 11.000 до 100.000 километров. Были построены электрические станции и гидростанции, две из них наиболее крупные в Азии — на реке Ялу у Тахушиао, обслуживавшие Маньчжурию и Корею, и на реке Сунгари у Хсиао Фынгмен. Мукден с его 4 750 промышленными предприятиями и четырехстами тысячами рабочих, стал промышленным центром дальневосточного Рура.[72])

Еще в 1943 году литография заготовления денежных знаков в Иркутске выпустила оккупационные банкноты для обращения в Маньчжурии на случай появления там советских войск. Советские оккупационные денежные знаки назывались «юань» и номинально равнялись равнозначущим единицам маньчжур-

[72]) Jones, F. C., Manchuria in 1945—1946. United Kingdom Paper No. 3. The Royal Institute of International Affairs, London.

ских денежных знаков гоби. Они были хорошо отпечатаны на прочной бумаге, достоинством в 1, 3, 5, 10 и 100 юаней. Население Маньчжурии в период советской оккупации было обязано принимать советские юани, которые должны были заменить гоби.

С появлением советских войск, во всех городах Маньчжурии открылись отделения Дальбанка, которые вместе с военно-полевыми казначействами и кассами Управления Чанчунской железной дороги, стали распространять по стране советские денежные знаки.

С первых дней оккупации Маньчжурии советские власти принялись за планомерное экономическое обескровливание этого богатейшего края. Советские торговые учреждения, как Экспортхлеб, Центросоюз, закупали в огромном количестве сельскохозяйственные продукты Маньчжурии, зерно, бобы, мясо, сырье, лес, кожи для отправки в Советский Союз, платя за это ничего не стоящими оккупационными знаками. Этими же деньгами они платили за купленные ими здания или за аренду их, выплачивали жалование, открывали различные предприятия, вели пропаганду и т. д.

Пока советские власти проводили планомерное ограбление Маньчжурии и ее населения, чины советской армии действовали по своему. Особой приманкой были часы, золотые вещи, самопишущие ручки, одежда. У некоторых солдат на каждой руке было по несколько часов дешевого японского производства, доступных по цене японскому рабочему, мелкому служащему, но для красноармейцев представлявших предмет гордости, трофейную добычу.

Великодушное предложение

Наибольший же урон экономической жизни края был нанесен захватом советским правительством огромного индустриального имущества.

В октябре 1945 г. советское правительство заявило, что все промышленные предприятия в Маньчжурии, принадлежащие японским частным и правительственным учреждениям, являются трофейным достоянием Советского Союза. Предприятия, принадлежавшие маньчжурским и китайским компаниям, передавались Китаю; предприятия же принадлежавшие совместным японским и маньчжурским компаниям подлежали разделу между Советским Союзом и Китаем.

Предложение, с виду великодушное, было сделано с расчетом на выгоду только для Москвы. Основные промышленные предприятия в Маньчжурии были созданы японскими частными предпринимателями и правительственными монополиями. Среди таких были сталелитейные заводы, рудниковые оборудования, электростанции, железнодорожный подвижной инвентарь, фабрики, заводы, мельницы и т. д. В руках китайских и маньчжурских предпринимателей находились промышленные предприятия малого калибра, не представлявшие особого интереса для советских властей. Это имущество можно было уступить Китаю, вернее, китайским коммунистам.

В феврале 1946 г. маршал Малиновский, говоря о китайско-советском экономическом сотрудничестве, заявил, что все движимое японское имущество в Маньчжурии является трофейным достоянием Советского Союза, но в знак дружбы с Китаем советское правительство готово предоставить половину этого имущества (главным образом в шахтах, рудниках и электростанциях, т. е. то, что оно не могло вывезти) в совместное владение. Малиновский выразил надежду, что вопрос об экономическом сотрудничестве Советского Союза и Китая в Маньчжурии разрешится легко. Москва рассчитывала на такое сотрудничество, — продолжал Малиновский, — при котором в Маньчжурии не будет «третьей стороны» и она не станет вновь антисоветской базой. Советское предложение сводилось к простой формуле: установление экономического влияния в Маньчжурии и полное исключение иностранного капитала, который Китай мог бы привлечь.

В ответ на советское предложение китайское правительство заявило, что оно отказывается признать за Советским Союзом права на японское имущество, как трофейное достояние. Относительно «совместного владения» оно заявило, что таковое ни в коем случае не касается Южно-маньчжурской железной дороги и ее служб и предприятий, электрических гидростанций, Фушинских копей, Аншаньского сталелитейного комбината, авиационной промышленности и пароходства на реке Сунгари со всеми его службами.

Поднятый советским правительством вопрос о «третьей стороне» в Маньчжурии не остался без ответа. Ряд великих держав, включая Соединенные Штаты Америки, заявили протесты советскому правительству по поводу нарушения принципа Открытых Дверей и равноправного участия иностранного

капитала в развитии экономики Маньчжурии. Нота американского правительства, в дополнении к протесту, заявила советскому правительству, что окончательное распределение японского имущества в Маньчжурии должно быть утверждено Союзной репарационной комиссией.

Переговоры с советским правительством относительно самовольного захвата так называемого трофейного достояния не привели ни к чему. Американский представитель Репарационной комиссии Эдвин Поули отправился в Маньчжурию и в Северную Корею для расследования на месте вывоза в Советский Союз целых промышленных предприятий. Советские власти чинили всевозможные препятствия, чтобы не допустить Поули произвести детальное расследование. Китайское правительство направило в Маньчжурию своего представителя, который должен был исследовать техническое состояние Фушинских копей для приема их китайскими инженерами и техниками. В Мукдене он был убит китайскими коммунистами.

В отчете Союзной репарационной комиссии Поули сообщил о размерах самовольного захвата советскими властями промышленных предприятий. Они сняли с заводских установок огромное количество технического оборудования, машин, наспех вывезя их в Читу и Владивосток, где они были свалены под открытым небом.

Неизвестно, какую пользу Советскому Союзу принесли эти наспех снятые машины японского изготовления после продолжительного пребывания под дождем и снегом, без запасных частей, инструкций для сбора, и т. п. Потеря же для китайского народа оказалась огромной. По подсчету комиссии Поули эти потери выразились в следующих цифрах:

в электрической промышленности	—	201,000,000	ам. дол.
угольной	—	100,000,000	ам. дол.
чугун. и сталелит.	—	141,250,000	ам. дол.
железных дорогах и оборуд.	—	137,160,000	ам. дол.
металлург. предприятиях	—	150,000,000	ам. дол.
других отраслях и службах	—	132,680,000	ам. дол.
Всего на сумму		862,090,000	ам. дол.

Стоимость же восстановления разобранных и вывезенных заводов, фабрик и различных других промышленных предприятий и служб исчислялась в два миллиарда американских долларов.

II

НАРОСТАНИЕ ГНОЙНИКА

Курс американской политики в отношении Китая прокладывался по следующим вехам: Советский Союз — верный союзник, обещавший помочь Китаю подняться на ноги — готов выполнить все принятые им обязательства; китайские коммунисты ничего не имеют против улечься вместе с гоминдановцами в одно ложе, их только надо свести и убедить во взаимных выгодах.

Отправной точкой этого курса были Ялтинская (Крымская) конференция и секретный сговор Сталина с Рузвельтом. Гарри Труман при вступлении на пост президента после смерти Рузвельта обещал в точности выполнить все обязательства своего предшественника, не успев еще познакомиться с тем, что они представляли. В Государственном Департаменте блистала плеяда дальневосточных экспертов прокоммунистического толка, влияние которых на развитие американской внешней политики нанесло непоправимый вред в первую очередь самой Америке. Некоторые влиятельные круги американского общества и печать пребывали в святой уверенности, что одним евангельским пожеланием добра и благодати можно разрешить все-китайскую проблему. Само разрешение не отличалось оригинальностью (до этого уже произошел поучительный опыт с созданием коалиционного правительства в Польше): совместное гоминдано-коммунистическое правительство с вкрапленными в него прослойками меньших политических партий Китая; включение коммунистических партизанских отрядов в ряды регулярной армии; все трудятся на благо единого, праведного Китая.

В трезвых же правительственных кругах нарастала озабоченность, что Китай может быть очередной жертвой коммунизма.

В ноябре 1946 года из Китая стали приходить тревожные вести, что положение ухудшается настолько, что может дойти до междоусобицы.

В Вашингтоне в это время находился посол Херли, один из пылких защитников теории прочного гоминдано-коммунистического альянса. Он прибыл для консультации и практического осуществления идеи сближения крайних партий в Китае. В Вашингтоне, где он должен был встретить полную поддержку в благоприятных условиях превалировавшего тогда политического климата, Херли почему то решил, что все были против него и неожиданно подал в отставку. В средине декабря президент Труман назначил генерала Джорджа Маршалла на пост чрезвычайного посла в Китае. Назначение этого большого государственного и военного деятеля означало степень озабоченности и тревоги американского правительства о судьбе Китая.

В инструкции чрезвычайному послу Труман наметил главные вехи американской политики:

> Мое особое желание, чтобы вы взяли на себя задачу уговорить китайское правительство созвать национальную конференцию при участии всех главных политических партий для объединения Китая и, одновременно, добиться прекращения военных действий...
>
> . . . .
>
> В переговорах с Чан Кай-ши и другими китайскими вождями вы уполномочены говорить с наибольшей откровенностью. Особенно, в связи с их желанием получить у нас кредиты, техническую и военную помощь, вы в праве заявить, что разъединенный и охваченный междоусобицей Китай не может в практическом смысле быть признан, как подходящее место для оказания подобной помощи.[73])

Американское правительство, отдавая отчет, что Китаем правит однопартийная власть, считало, что «мир, единение и демократические реформы в Китае» могут быть установлены только, если другие политические партии будут привлечены к управлению страной. Оно ожидало, что в деле объединения и демократизации Китая центральное правительство примет более сговорчивый тон, охотнее пойдет на компромисс, чем и привлечет к себе другие большие и хорошо организованные политические группы, лишенные до этого голоса в деле управления страной. «Мы верим», говорилось в другом сопровожда-

---

[73]) Труман, Мемуары, т. II, стр. 67.

ющем документе Государственного Департамента, «что правительство генералиссимуса Чан Кай-ши является наиболее удовлетворительной базой для развития демократии». Все, что американские государственные деятели ожидали от Чан Кай-ши, это расширение «базы для развития демократии» и включение в нее «больших и хорошо организованных групп».

Из таких групп были китайские коммунисты, партия Молодого Китая и Демократическо-Социалистическая партия. Две последних сотрудничали с Гоминданом. Оставалось добиться от китайских коммунистов согласия на такое же сотрудничество, и тогда в Китае разрешались все его проблемы. Почему включение тоталитарных элементов китайской компартии в состав правительства превращало Китай в подлинно-демократическое государство, оставалось совершенно неизвестным. Во всяком случае, на эту, заранее обреченную на неудачу, миссию был послан заслуженный американский генерал, только что уволившийся в запас и мечтавший об отдыхе в приобретенной для этого ферме в Северной Каролине. Желание президента равносильно воинскому приказу и через несколько дней после своего назначения Маршалл вылетел в Китай.

Первые успехи

В связи с угрозой гражданской войны на севере Китая, в Чунцине резко изменился политический климат. Созданный еще во время переговоров Мао Цзе-дуна с Чан Кай-ши, Политический консультативный совет должен был собраться в конце ноября, но был отложен на неопределенное время, т. к. Чжоу Эн-лай, глава коммунистической делегации, отличавшийся капризными выходками, внезапно отбыл в Яньянь. На другой день за ним последовал его заместитель.

20 декабря в Чунцин прибыл генерал Маршалл. В первые же дни своего пребывания там ему удалось свести вновь коммунистов и гоминдановцев, заняв в их переговорах роль беспристрастного советника и посредника. Для гибкости и упрощения переговоров был создан «Комитет трех», по одному представителю от Гоминдана и компартии и генерала Маршалла.

В января переговоры достигли уровня, когда можно было ожидать соглашения гоминдановцев и коммунистов по ряду проблем. Одним из спорных оставался вопрос о передвижении правительственных и коммунистических войск в провин-

ции Жехоль и Чахар в ожидании начала советской эвакуации. Делегат коммунистической стороны считал, что правительственным частям совершенно не зачем быть в тех провинциях, т. к. коммунистические отряды успешно справлялись с заполнением эвакуируемых мест.

10 января на заседании Политического консультативного совета Маршалл добился большого успеха: согласия обеих сторон прекратить военные действия, в то время носившие пока еще спорадический характер. Для проведения в жизнь условий перемирия был создан «Исполнительный штаб» в Пекине. Для реорганизации всех вооруженных сил Китая в единую национальную армию была выделена особая комиссия из гоминдановцев и коммунистов, советником которой стал Маршалл.

Политический консультативный совет состоял из 38 человек, из которых девять были гоминдановцы, семь коммунистов, два представителя Демократической Лиги (прокоммунистической организации), остальные — представители различных политических группировок, профессиональных организаций и отдельные общественные деятели. Состав его представлял все слои китайского общества и в этом смысле был вполне демократичен. Выступая на нем, Чан Кай-ши заявил, что правительство будет считать себя связанным любой резолюцией, принятой Советом, если она будет способствовать делу национальной реконструкции, улучшению народного благосостояния и ускорению процесса демократизации страны. Центральное правительство было готово изменить свою структуру и расширить до созыва Национального собрания круг участия других политических партий и беспартийных группировок в Государственном Совете и Исполнительном Юане (кабинете), как шаг на пути к конституционному порядку.

На совещаниях Консультативного совета Маршалл делал все в его силах, чтобы не создать впечатление, что он, официальный представитель американского правительства, заинтересован в какой либо одной стороне или оказывает на кого либо политическое давление. Маршалл считал необходимым создать хотя бы шаткий мир между Гоминданом и китайской компартией, чтобы продолжать дальше совместные переговоры.

Первое впечатление у Маршалла от этих переговоров осталось таково, что коммунисты были более сговорчивы, чем го-

миндановцы, и сговорчивы больше в политических вопросах, считая себя в них более сильными, чем в военных. Идя на некоторые соглашения, коммунисты считали, что это временные меры и что в будущем они с лихвой покроют все уступки переходной фазы.

В феврале Маршалл известил президента Трумана, что «все идет хорошо». Совещания Консультативного совета подавали надежду, что Китай накануне крупных демократических реформ.

Начало кризиса

Через несколько дней после этого оптимистического доклада о положении дел в столице Китая, Маршалл сообщил о положении в Маньчжурии, которое он, в связи с затяжными действиями советского командования в деле эвакуации и ростом коммунистических отрядов, определил как «нарастающий гнойник». Маршалл советывал центральному правительству как можно скорее добиться объединения страны, чтобы оградить Китай от подрывных действий советского правительства, которое умело использовало в целях коммунизации Китая его расчлененное состояние.

«Я считаю», писал он президенту, «что мы должны сделать для Китая гораздо больше, чем только помощь советом».

Маршалл советовал покончить с «китайским театром операций» и вывести из Китая американскую морскую пехоту, переброшенную туда в помощь войскам центрального правительства для приема японских войск и их репатриации. Маршалл указывал на обвинения советского правительства по адресу Великобритании, что она держит свои войска в Греции, угадывая верно, что следующим объектом нападок коммунистической пропаганды будут американские войска в Китае.

Маршалл считал, что центральное правительство должно было послать свои оккупационные войска в Японию, наравне с другими союзническими оккупационными войсками. Таким образом Китай, приобретая престиж «великой державы», свободной от любых обвинений, что на его территории находятся американские войска, мог бы поставить перед Дальневосточной Совещательной Комиссией, высшем гражданском органе при ставке верховного командования в Токио, вопрос о незаконном пребывании советских войск в Маньчжурии.

В середине марта Маршалл вернулся в Вашингтон для личного доклада президенту и получения материальной помощи для Китая. В Вашингтоне ему удалось добиться передачи центральному правительству американских военных судов каботажного и речного плавания и различного технического оборудования, оставшегося после военных операций в зоне Тихого Океана. Ему также удалось выхлопотать для Китая финансовую помощь в размере 500 миллионов долларов на восстановление экономической жизни страны.

Разгром и перемирие

Не успел Маршалл вылететь в Вашингтон, как в Северном Китае и Маньчжурии опять вспыхнули вооруженные столкновения правительственных войск с коммунистическими отрядами.[74]) Накануне его отъезда «Комитет трех» согласовал порядок занятия правительственными войсками территорий, эвакуированных советскими частями. Чжоу Эн-лай внес в это соглашение свои поправки, которые были приняты гоминдановской стороной, но отвергнуты Яньанем. В целях сохранения мира правительственная сторона, по совету Маршалла, сделала несколько уступок. Последовавшие переговоры, уже без американского посредника, не дали никаких положительных результатов.

Еще в феврале, после эвакуации правительственными отрядами Чанчуня и занятия его коммунистами, Яньань заявил, что в Маньчжурии находится триста тысяч так называемых «демократических войск» (отряды Лин Пиао) и что поэтому правительственные войска должны быть сильно урезаны. Центральному правительству предлагалось реорганизовать «северо-восточный штаб», как коммунисты называли административное управление Маньчжурии, путем введения в него демо-

---

[74]) Там же, стр. 78—79.

Труман, не всегда справедливый в отношении Чан Кай-ши, утверждает, что причиной вооруженных столкновений послужили строгие ограничения действий и свободы передвижения контрольных групп, на обязанности которых было наблюдение за точностью выполнения условий «прекращения огня». Здесь же Труман говорит, что китайские коммунисты захватили ключевые позиции в Маньчжурии, эвакуированные советскими войсками, а в некоторых местах напали на части центрального правительства.

кратических лиц из коммунистической партии и Демократической Лиги.

В апреле отряды «демократических войск» сосредоточились у Сыпингая, ключевой позиции, откуда правительственные войска должны были выйти на Мукден. В течение недели шли ожесточенные бои, закончившиеся полным разгромом отрядов Лин Пиао.

Когда Маршалл вернулся в Китай, коммунисты предъявили ему обвинение, что американские военные самолеты обстреляли Сыпингай и этим помогли правительственным войскам одержать победу.

В апреле и мае произошли значительные передвижения правительственных и коммунистических войск, сопровождавшиеся боями, при чем каждая сторона считала себя победительницей. Окончательная победа все же осталась на стороне коммунистов. Правительственные войска потеряли Харбин и Чанчунь. В отношении последнего центральное правительство пыталось договориться с коммунистами относительно управления Чанчуня «группой трех», составленной из представителей Гоминдана, компартии и штаба Маршалла, но те не соглашались передать столицу Маньчжурии в руки нейтральной группы.

В июне Маршаллу удалось уговорить гоминдановцев и коммунистов заключить двухнедельное перемирие, но его расчеты установить более длительный мир не оправдались, так как ни одна из сторон не хотела связывать себя какими либо обязательствами. Каждая готовилась начать наступление, как только закончится срок перемирия.

Маршалл предостерегал командование правительственных сил не поддаваться уверенности, что оно может легко разбить в боях коммунистов. Если правительственные войска и одержат победу, говорил он, то на помощь коммунистам придут советские войска, что будет означать поражение их или американское выступление в таком широком масштабе, которое перейдет пределы гражданской войны и приведет к новой мировой войне.

Как только закончилось перемирие, коммунистические отряды повели ожесточенные бои в районе Кангсу и Тутанга; правительственные войска не остались в долгу, и начали вооруженные выступления на Шаньдунском полуострове и в Хупэй. Коммунистический отряд в районе Пекина устроил за-

саду взводу американской морской пехоты, убив трех и ранив семнадцать человек.

На смену весенним антисоветским выступлениям летом 1946 года начались массовые антиамериканские демонстрации. Одна из таких демонстраций была проведена в Нанкине, столице центрального Китая, в которой принимали участие студенты правительственных университетов. Антиамериканские выступления были организованы при тайном участии коммунистов и явном Демократической Лиги и других организаций, тесно связанных с компартией. В стране участились случаи нападений на лиц либеральных толков, спровоцированные враждебными центральному правительству элементами.

В августе в личном обращении к Чан Кай-ши президент Труман писал:

> Резко ухудшившееся за последние месяцы политическое положение в Китае глубоко тревожит американский народ. Хотя в Соединенных Штатах еще держится надежда в возможность создания крепкого и демократического Китая под вашим водительством, было бы не честно с моей стороны не заметить, что некоторые недавние развития заставляют меня прийти к убеждению, что себялюбивые интересы крайних элементов, одинаково в Гоминдане и коммунистической партии, разбивают лучшие надежды китайского народа.[75])

Труман извещал Чан Кай-ши, что общественное мнение Соединенных Штатов настаивает на пересмотре курса американской политики в отношении Китая, особенно вследствие углубившейся политической розни и тенденции задушить свободу печати и слова. Американское общественное мнение, продолжал Труман, считает недопустимым разрешение социальных вопросов в Китае путем применения «военной силы или секретной полиции, но не путем демократического процесса».

> Наша вера в мирные и демократические стремления китайского народа поколеблена, но не потеряна. Правительство и народ США попрежнему готовы оказать помощь Китаю в установлении вечного мира и прочной экономики под главенством подлинно демократического правительства. Тем не менее у нас нарастает чувство, что лучшие чаяния китайского народа попираются милитаристами и небольшими группами реакционеров, которые, отказываясь понять и признать

---

[75]) Там же, стр. 82—83.

либеральное направление нашего времени, препятствуют развитию общего благополучия нации. Такое положение вещей никак не совместимо с чувствами американского народа.[76])

Вопрос об ответственности

Обращение президента Трумана к Чан Кай-ши не могло не задеть последнего. Не было ли американское правительство, в лице президента Рузвельта, ответственно в значительной степени за положение в Китае? Не заявил ли президент Труман, еще не ознакомившись достаточно со всеми обязательствами своего предшественника, что он «свято и точно» выполнит их? Не делал ли Труман в своем обращении к Чан Кайши особого ударения на деятельность Гоминдана, почти не упоминая о китайских коммунистах?

Понятен поэтому сдержанный, но тем не менее ясный по тону ответ задетого Чан Кай-ши:

> ... желание мира должно быть взаимным и для коммунистов означает то, что они должны прекратить практику использования вооруженной силы для свержения правительства и установления тотального режима... Прекращение такой практики является минимальным условием для сохранения в стране мира...
>
> Конечно, ошибки были допущены некоторыми лицами и на правительственной стороне, но они незначительны по сравнению с вопиющими нарушениями, совершенными коммунистами... Я сотрудничаю с генералом Маршаллом всем сердцем. Наш успех зависит от искренности коммунистов в ответе на наш призыв к «миру и демократии».[77])

По возвращении в Китай, Маршалл начал переговоры о восстановлении мира в Маньчжурии. Чан Кай-ши вылетел в Мукден для личного ознакомления с военным положением. В письме из Мукдена Маршаллу Чан Кай-ши писал, что правительственные войска готовы на перемирие на условиях, если коммунисты дадут обещание выполнить все условия «прекращения огня», восстановят линии связи и согласятся на реорганизацию своих вооруженных сил и включение их в правительственную регулярную армию. По возвращении в Нанкин Чан Кай-ши продлил срок перемирия до 22 июня.

---

[76]) Там же, стр. 82—83.
[77]) Там же, стр. 84.

В июле 1946 года президент Труман назначил на пост посла в Китае доктора Дж. Лэйтона Стюарта, президента Йенчинского университета в Пекине. Стюарт, сын американского миссионера, родился в Китае и прожил там большую часть своей жизни; он свободно говорил по китайски и за свой двадцатипятилетний стаж на посту главы университета близко сжился с китайским народом. Лучшего представителя в Китае, чем Стюарт, американское правительство не могло найти.

Теперь в посредничестве между гоминдановцами и коммунистами принимали участие Маршалл и Стюарт. Со стороны коммунистов обычно выступал Чжоу Эн-лай, которого Стюарт считал одним из наиболее блестящих коммунистических деятелей. Для более упрощенного способа ведения переговоров Стюарт предложил создать неофициальный «Комитет пяти», по два человека с гоминдановской и коммунистической сторон и его самого в роли советника и посредника. Чжоу Эн-лай согласился, но медленно думавший и подозрительный Яньань забраковал стюартовское предложение.

Переговоры тем не менее продолжались и касались политическо-административных реформ, имевших целью установить основы для коалиционного правительства. В самом начале их определилась позиция коммунистов: они готовы вступить в коалиционное правительство, но только на своих условиях.

Пока шли эти переговоры, военные столкновения гоминдановцев с коммунистами принимали все большие размеры. Маршалл настаивал на заключении нового перемирия, но Чан Кай-ши считал, что сперва должно быть достигнуто политическое соглашение о созыве Национальной Ассамблеи. Коммунисты тем временем объявили всеобщую мобилизацию в областях под своим контролем, объяснив ее мерой самозащиты.

В конце августа Маршалл сообщал Труману:

> На каждую сторону имеются военачальники, которые придерживаются своеобразного китайского взгляда, что для приемлемого соглашения необходимой процедурой является несколько месяцев военных действий. Что случится тем временем с сотнями миллионов угнетенного народа, не принимается во внимание. И что случится с открытой или скрытой советской интервенцией, также не принимается во внимание или замалчивается.[78])

---

[78]) Там же, стр. 85.

В середине сентября Маршалл признавался, что «доктор Стюарт и он попали в тупик». Единственно на что можно было надеятся, что коммунисты признают военное положение неудачным для себя и пойдут на уступки. Правительственные войска успешно развивали наступление на Калган.

В начале октября наступил критический момент и миссии генерала Маршалла оставалось только признать, что никаких надежд на успех не осталось. Чжоу Эн-лай прервал переговоры и демонстративно покинул Нанкин. Маршаллу одновременно пришлось уговаривать Чан Кай-ши пойти на уступки, а Чжоу Эн-лая вернуться из Шанхая в Нанкин. Чан Кай-ши настаивал, что правительственные войска должны взять Калган. Коммунисты обвиняли гоминдановцев в том, что Калган нужен им только для того, чтобы бросить страну в гражданскую войну; они никак не могли примириться с тем, что центральное правительство за три месяца до этого согласилось оставить Калган в руках коммунистов, а теперь внезапно изменило свое решение.

Для американского правительства было ясно, что расчеты на сближение двух влиятельных политических партий Китая не оправдали надежд. Оставалось признать неудачу и отозвать Маршалла. В меморандуме президенту Чан Кай-ши Маршалл откровенно изложил свой взгляд на расхождения гоминдановцев и коммунистов, заявив, что если не будет найдено базиса для прекращения военных действий, его миссия в Китае больше бесполезна. Коммунистам Маршалл заявил, что если они не прекратят своих нападок на него в печати и пропагандных выступлениях, он откажется от роли посредника между ними и гоминдановцами.

Чан Кай-ши заверил Маршалла, что он готов объявить о десятидневном перемирии в районе Калгана, чтобы дать возможность возобновить переговоры с коммунистами. Последние готовы были согласиться с предложением Чан Кай-ши на своих условиях: срок перемирия неопределенный, а возобновленные переговоры должны вестись без ограничения тем обсуждений. Первое условие оказалось неприемлемым для гоминдановцев; второе — для Маршалла, т. к. он предугадывал, что если переговоры не будут ограничены военными и политическими вопросами, то коммунисты обязательно затронут вопрос об американском участии в китайском конфликте и обязательно придадут ему характер пристрастности.

Маршалл сделал еще одну попытку выправить положение. Он отправился в Шанхай, чтобы лично уговорить Чжоу Энлая вернуться в Нанкин, но тот заупрямился, считая, что Чан Кай-ши пытается провести его. На заявление Чжоу Эн-лая, что он считает американскую поддержку центрального правительства вредной для интересов китайского народа, Маршалл ответил, что если его не считают больше беспристрастным арбитром, он немедленно прекратит свою посредническую деятельность.

Когда Чжоу Эн-лай вернулся в Нанкин, оказалось, что Чан Кай-ши, не ожидая его прибытия, вылетел накануне для инспекции на о. Тайвань. Подозрительный Чжоу принял это, как преднамеренный шаг и подчеркнутое нежелание встретиться с ним. Правительственные войска тем временем развивали успешные операции в Маньчжурии против Антуна и на Шаньдунском полуострове против Чифу.

Временные удачи на фронте давали уверенность Чан Кайши, что он справится с коммунистическим вооруженным выступлением и что победа останется за центральным правительством. Маршалл не разделял этого взгляда, представляя Чан Кай-ши свои доводы, что коммунисты в состоянии вести затяжную войну «на измор», прерывать пути снабжения и коммуникационные связи правительственных войск, имея в своем тылу помощь и военное снабжение Советского Союза.

Американские войска в Китае

По окончании войны американская морская пехота в количестве 60,000 человек (100,000 по советским источникам) высадилась в Шанхае, Циндао, Тяньцзине, Хулутао и Инкуа. Небольшой американский отряд вошел в Пекин, в котором уже находились правительственные войска. Американские части были посланы в Северный и Центральный Китай для помощи правительственным войскам в принятии сдающихся японских войск и отправки их в Японию.

Присутствие американских войск в Китае дало основание коммунистической пропаганде повести против них яростную кампанию и обвинить их во вмешательстве в жизнь Китая. Советские войска еще не собирались эвакуировать, но коммунистическая пропаганда выходила из себя в неистовстве, что американские войска приближаются к Маньчжурии, чтобы за-

хватить ее и передать денежным американским тузам, делая только вид, что они помогают гоминдановским войскам. В этом была попытка настроить одновременно американский и китайский народы против пребывания в Китае американских войск.

Летом 1946 года, после завершения эвакуации Советской армии из Маньчжурии, советское радио в Шанхае подняло истерическую кампанию, требуя немедленного вывода американских войск. От американского правительства требовалось прекращение всякой помощи гоминдановскому правительству. На массовой антиамериканской демонстрации в Шанхае запестрели плакаты: «коммунисты желают мира — Америке нужна война». «Если бы ни реакционная программа Америки «помочь Китаю», Китай давно бы уже был демократичным». «Американцы, хотели бы вы развязать у себя гражданскую войну?»

Главным заданием американских войск в Китае была помощь своему военному союзнику в приеме японских войск, репатриации их и наблюдении за общим порядком во время переходного периода. Американские морские транспорты участвовали в перевозке правительственных войск в порты Северного Китая для следования в Маньчжурию и установления там власти центрального правительства, что было в полном согласии с ялтинским постановлением, московским совещанием 1945 года и советско-китайским договором. В вооруженных столкновениях коммунистов с гоминдановцами американские войска соблюдали абсолютный нейтралитет, хотя их вмешательство могло бы предотвратить развитие Гражданской войны.

Президент Труман соглашался с мнением генерала Маршалла, что пребывание американских войск в Китае не являлось больше необходимым и что поэтому следовало покончить с «китайским театром операций», оставив там небольшую группу американских военных экспертов.

Американская военная миссия

Сформированная в сентябре 1945 г. американская военная совещательная группа состояла из армейских, воздушных и военно-морских офицеров и солдат, численностью около одной тысячи. Ее деятельность в общем курсе американской политики была строго регламентирована. Главным заданием ее деятельности должно было быть техническое руководство и под-

готовка в деле реорганизации национальной военной системы, о чем велись переговоры в Политическом консультативном совете. В течение всего 1946 года американская военная группа была занята только этой подготовительной работой. Когда же стало очевидно, что переговоры гоминдановцев с коммунистами не приведут ни к каким положительным результатам, американская военная группа прекратила свою деятельность, но продолжала оставаться в Китае, т. к. отзыв ее поставил бы правительство Чан Кай-ши в неловкое положение.

Положение американской военной группы в Китае было более чем двусмысленно. С одной стороны она была создана для помощи центральному правительству, военному союзнику США, в наиболее ответственный период его существования, с другой стороны она была опутана политическими соображениями недальновидного характера, что перед лицом новой опасности Китай оправится самостоятельно и что всякая действительная помощь извне будет только во вред его существованию. Пребывая в Китае и видя борьбу китайского народа за свое существование, американская военная группа не имела права давать советы командованию правительственных войск относительно их вооружения и военной тренировки. После многих лет помощи во время Тихоокеанской войны, огромных денежных трат, больших жертв в американских жизнях, теперь, когда над Китаем нависла неменее страшная угроза, американское правительство заняло нейтральную, если не примиренческую, позицию.

Главы Генеральных Штабов США (армейского, военно-морского и воздушного), установившие программу действия для американской военной миссии в Китае, руководствовались указаниями Государственного Департамента, который основывал свои решения на докладах и рекомендациях американских дипломатических представителей, политические взгляды которых нередко расходились с интересами Соединенных Штатов.

Попытки политичекого устройства

На первой сессии Политического консультативного совета были приняты широкие решения по ряду государственных реформ, как созыв Национального собрания, утверждение конституции, выборы в парламент и создание коалиционного правительства.

Созыв Национального собрания, сперва намеченный на 12 ноября 1945 г., был перенесен на май 1946 г., но апрельское развитие военных событий в Маньчжурии поставило под сомнение вопрос о возможности соглашения между гоминдановцами и коммунистами. Созыв собрания был перенесен еще раз.

При всем желании ответственных государственных деятелей Китая добиться практического содружества всех политических партий для объединения страны, такое разрешение его проблемы не представлялось возможным. Крайние элементы, одинаково в гоминдановском и коммунистическом станах, если и шли на подобное содружество, то только с заведомым расчетом, при первой же возможности взять верх.

Внутренние разногласия не составляли главных затруднений. Большая опасность для Китая таилась в скрытом участии советского правительства в его политических распрях. Новая фаза советского вмешательства в делах Китая явилась продолжением планомерной политики в целях советизации китайского народа. Сорванный в 1927 году, этот курс Москвы в послевоенное время принял большее заострение. Совместные манипуляции советского военного командования в Маньчжурии и китайских коммунистов толкнули Китай в пропасть новой гражданской междоусобицы, ответственность за которую мировой коммунизм приписывал действиям центрального правительства. Последнее считало себя в праве, как любое законное, полномочное правительство, подавить всеми мерами провокационные выступления и вооруженные бунты ради сохранения порядка и законности в стране.

Нет сомнений в том, что Чан Кай-ши стремился к демократизации Китая, что он желал широких государственных реформ, задуманных им еще в первые годы возглавления Гоминданом. Но «широкие государственные реформы» совершенно не означали сдачу гоминдановских позиций коммунистам и коммунизацию Китая. Чан Кай-ши рассчитывал на моральную поддержку влиятельных иностранных держав, он хотел, чтобы они знали о подлинном положении вещей в Китае, что центральное правительство было вынуждено выступить против китайских коммунистов в интересах китайского народа.

...Интернациональный коммунизм представлял все это в виде гражданской войны, карательных экспедиций со сто-

> роны «фашистско-настроенного» правительства. С другой стороны заграничные большевиствующие либеральные круги считали, что выступления китайских коммунистов мотивировались исключительно желанием демократических и земельных реформ.[79])

Еще задолго до кризиса послевоенных лет руководители Гоминдана думали о времени, когда будет возможно отказаться от партийной опеки и гоминдановского руководства, и включить в государственный аппарат все политические и общественные группировки. Объявив в ноябре о созыве Национального собрания, Чан Кай-ши рассчитывал на самое быстрое окончание гоминдановской опеки, как только оно утвердит конституцию и создаст коалиционное правительство.

Чан Кай-ши старался прислушаться к голосу из Америки и готов был идти на все, чтобы добрые чувства и пожелания американского правительства и его представителей успешно привились на китайской почве. Не его была вина, что эти «благие пожелания» не отражали действительности, не исходили из практических соображений, а выдавали желаемое за действительное. Чан Кай-ши был вправе считать, что компромиссная, соглашательская политика американского правительства — из каких высоких побуждений она бы ни исходила — давала китайским коммунистам новое и более сильное оружие, чем то, которое они получили в Маньчжурии.

Реорганизация вооруженных сил.

Если реформы политическо-административного характера находились пока еще в области теоретических рассуждений и горячих дебатов, то реорганизация вооруженных сил — по крайней мере для центрального правительства — была делом реальным. Нельзя поставить в вину президенту Чан Кай-ши слишком стремительное движение в переходе на мирное строительство. Об этом он мечтал в короткий период затишья в Китае, между концом советских интриг в 1927 году и началом японской континентальной агрессии десятью годами позже. В день японской капитуляции, в обращении к китайскому народу, Чан Кай-ши заявил, что в Китае не должно быть отдельных армий, принадлежащих политическим партиям, что все вооруженные силы страны должны быть подчинены одному центральному правительству.

---

[79]) Чан Кай-ши, стр. 152—153.

Реорганизация вооруженных сил Китая, условно принятая Политическим консультативным советом, не являлась целиком той мерой, на которую рассчитывало гоминдановское руководство, так как в ней признавалось существование отдельных коммунистических единиц.

Еще в тридцатых годах немецкий генерал Ганс фон Сеект, военный советник при Чан Кай-ши, давал ему добрый совет:

> Для реорганизации армии прежде всего необходим мир на наружных границах в течение нескольких лет и состояние политического спокойствия... Если нет этих условий, удачная военная реорганизация не выполнима в короткое время.[80])

Таких условий не было. Не было покоя ни на наружных, советских, границах, ни внутри страны. Экономическое положение продолжало оставаться критическим. Демобилизованные, занятые в течение ряда лет только военным ремеслом, не могли найти себе применения. Они увеличили ряды безработных, что было само по себе плохо — или коммунистические отряды, что было еще хуже.

Оснований для реорганизации правительственных вооруженных сил было много и оснований весьма веских. Американские военные эксперты, генералы Ведемайер и Маршалл, указывали центральному правительству на громоздкость военного аппарата, на отсутствие точно распределенных функций между различными службами и координации действий между отдельными строениями вооруженных сил. В Национальном Военном Совете было около 60 различных отделов и секций, выполнявших почти одни и те же функции. Реорганизация вооруженных сил Китая была необходима, но не в критический для него 1946 год.

На совещании Политического консультативного совета было решено, что все вооруженные силы должны быть слиты и подчинены центральному правительству. Политические партии обязывались не вести скрытой или открытой деятельности среди войск. Национальный Военный Совет преобразовался в Министерство обороны. Коммунистические вооруженные силы должны были влиться в правительственную армию, численность которой за первое полугодие сводилась до 90 дивизий, а по окончании процесса интеграции — до 50-60 дивизий.

---

80) Seeckt, H. von, „Denkerschrift für Marschall Chiang Kai-shek“. Potsdam, p. 1.

Особый комитет по военным делам выработал формулу для реорганизации и интеграции китайских коммунистов в армию. Последние еще в соглашении 10 октября и на совещаниях Консультативного Совета соглашались на реорганизацию коммунистических сил и сведение их до 20 дивизий. В результате демобилизации правительственной армии число ее дивизий с 354 должно было быть сведено до 90. За этот же период число коммунистических дивизий должно было быть урезано до 18. За второй период в шесть месяцев, правительственные войска должны были быть сокращены до 50 дивизий и коммунистические — до десяти. Таким образом устанавливалось соотношение правительственных и коммунистичесих сил пяти к одному.

Для слияния правительственных и коммунистических войск предполагалось создать групповые армии, составленные частью из смешанных войск. Из двадцати правительственных армий шесть должно было быть смешанного характера.

Размещение этих войск предполагалось следующим образом: в Северном Китае, в дополнение к четырем групповым армиям смешанных войск — три армии правительственных войск; в Маньчжурии — пять правительственных и одна коммунистическая армии; в Центральном Китае — девять правительственных и одна коммунистическая армия. Во втором периоде реорганизации вооруженных сил соотношение должно было измениться следующим образом: Маньчжурии — четырнадцать правительственных и одна коммунистическая дивизии; в Северном Китае — десять правительственных и семь коммунистических дивизий; в Центральном Китае — десять правительственных и три коммунистических дивизии.

Окончательная дислокация войск отмечала два положения: невольное признание дележа Китая на две части — антикоммунистическую и коммунистическую, и озабоченность центрального правительства относительно Маньчжурии, чтобы она не стала бы вновь ареной империалистических замыслов, на этот раз со стороны Советского Союза. Кроме того численное соотношение сил правительственных войск в отношении коммунистических определяло стремление центрального правительства ограничить сферу военного влияния Яньана только областями Северного Китая, в коридоре между Маньчжурией и Центральным Китаем. Согласие Яньаня на подобную дислокацию войск определяло с другой стороны уверенность комму-

нистов, что это только временная мера, на которую можно было пойти как на маневр, как на отсрочку времени, пока шло стихийное накопление их войск.

С установлением перемирия, соглашением о реорганизации всех вооруженных сил и другими соглашениями, касающимися правительственно-административных реформ казалось, что Китай вышел на путь мирной реконструкции.

Можно допустить, что коалиционное правительство могло бы существовать в Китае, хотя откровенные заявления коммунистов, что конечной целью их деятельности является коммунизация страны, ставило эту возможность под большой вопрос. Существование же двух военных единиц различной идеологической окраски сеяло семена неминуемого раздора.

В согласии с принятыми реформами, центральное правительство демобилизовало полтора миллиона солдат и перевело в запас двести с лишним тысяч офицеров. Коммунисты же под всякими предлогами уклонялись от реорганизации своих вооруженных сил и неуклонно накапливая их в расчете на успех своих планов.

На совещаниях Политического консультативного совета много внимания было уделено Национальному собранию, времени его созыва, его состава и рамкам его деятельности.

Вначале было решено созвать Национальное собрание 12 ноября 1945 г., но вследствие оппозиции делегатов Яньаня и Демократической Лиги оно было отложено на полгода.

Весной, когда в Маньчжурии вспыхнули вооруженные столкновения между правительственными войсками и коммунистами, Чан Кай-ши предложил перенести открытие Национального собрания еще на полгода в надежде, что за это время удастся восстановить мир. Коммунисты обвинили Чан Кай-ши в политических махинациях и отказались участвовать в национальном съезде. Главной же причиной их отказа было требование реорганизовать до созыва Нацонального собрания правительственный аппарат. Они настаивали на предоставлении им и Демократической Лиге четырнадцати мест из сорока в Государственном Совете, на один голос больше трети голосов, что было равносильно предоставления им право вето. До удовлетворения этих требований они отказались предоставить список своих делегатов Национального собрания, как этого требовало раннее соглашение.

Центральное правительство считало, что в первую очередь должно быть разрешено военное положение и проведены в жизнь согласованные еще в декабре и январе планы по реорганизации всех вооруженных сил Китая, и только затем перейти к политической фазе правительственных реформ. Не желая идти на реорганизацию своих вооруженных сил, хотя условно и согласившись на нее, коммунисты выдвинули незначительный вопрос о местном самоуправлении в одной из северных провинций и настаивали на его разрешении вместе с важным военным вопросом.

В середине августа, предлагая созвать Национальное собрание в ноябре, Чан Кай-ши заявил, что центральное правительство считает себя обязанным выполнить все соглашения, достигнутые Политическим консультативным советом. «Что больше всего нужно китайскому народу в данный момент — это возможность жить и работать в мире. Правительство поэтому готово сделать все, чтобы отвести любую опасность, грозящую жизни и благосостоянию народа, и выполнить свой долг по отношению к нему».

Военные действия и переговоры продолжались своим чередом. В конце сентября коммунисты заставили нейтральную группу, наблюдавшую за соблюдением условий перемирия, оставить Калган, в районе которого происходило сосредоточение коммунистических сил. Правительственные войска усмотрели в этом нарушение условий перемирия и подготовку к захвату Калгана, важного центра, откуда открывается путь на Пекин и Тяньцзин.

За месяц до созыва Национального собрания должно было быть формально объявлено о вызове на него делегатов. Этот день совпал со днем, когда правительственные войска отбили от коммунистов Калган. Последние увидели в этом не случайное совпадение, а умышленный расчет и наотрез отказались принять участие в съезде.

Начало съезда было перенесено с 12 на 15 ноября, чтобы дать возможность коммунистическим делегатам и их попутчикам из Демократической Лиги успеть прибыть на него. Они не только не прибыли на съезд, но и отказались принять участие в президиуме, в котором из 55 мест коммунистам в пропорциональном отношении было выделено девять мест.

Национальное собрание, составленное из 2,045 делегатов, кроме коммунистов и их попутчиков, приняло проект консти-

туции, представленный президентом Чан Кай-ши. Конституция давала китайскому народу все условия и основания для демократического строя. Она включала все параграфы, на которых настаивали коммунисты, и все равно, они отказались принять участие в Национальном собрании.

За несколько дней до созыва Национального собрания Чжоу Эн-лай заявил генералу Маршаллу: «Будет ли отложено Национальное собрание или оно соберется без участия коммунистических делегатов, в любом случае не будет места для будущих политических переговоров».[81])

В это время уже было ясно всем, что китайские коммунисты преследовали только одну цель. Мао Цзе-дун и Чжоу Эн-лай открыто заявляли, что ультимативной целью их деятельности является коммунизация Китая, хотя они и признавали, что китайский народ должен сначала пройти через период «элементарной индоктринации». Все их полужелания сотрудничества и участия в коалиционном правительстве исходили из этой позиции. Вопрос был только времени.

1 января 1947 г. была провозглашена конституция, принятая Национальным собранием. Преобразования в правительстве коснулись Государственного Совета и Исполнительного Юаня, в которых теперь принимали участие другие политические партии как Партия Молодого Китая, Демократическо-Социалистическая партия и другие менее значительные политические группировки. Китайские коммунисты и Демократическая Лига своим отказом войти в коалиционное правительство подчеркнули, что они не заинтересованы в развитии демократического Китая, а преследуют только свои цели.

---

[81]) Чан Кай-ши, стр. 179.

III

В НЕДРАХ ШАНХАЯ

Тихоокеанская война закончилась. В Шанхае приближение ее катастрофического финала шло незаметно, поэтому известие о капитуляции Японии ошеломило всех своей неожиданностью. Война принесла много суровых испытаний иностранной колонии Шанхая, включая тридцать с лишним тысяч российских эмигрантов, успевших к началу ее создать благоприятные для себя экономические условия. Но энергия этого тяжелого двадцатилетия оказались затраченной напрасно: то, что было достигнуто, стало быстро терять свое значение и ценность под властью японских военных сил. Для российской дальневосточной эмиграции период японской оккупации оказался наиболее трудным и суровым. Она подпала в условия тоталитарного режима, не менее отвратительного, чем условия коммунистического режима, из за которого она ушла в Зарубежье. В годы Тихоокеанской войны вся общественная, культурная, политическая жизнь дальневосточной эмиграции превратились в малозначительную вотчину, в которой самовольничали и самодурствовали майоры, капитаны и лейтенанты японской жандармской службы с небольшим числом помощников сомнительной верности из оппортунистической среды эмиграции.

Годы войны для русского Шанхая оказались годами безработицы, лишений, голода и холода, зависимости и унижения. Все иностранные предприятия, за исключением небольшого числа нацистско-германских фирм, были закрыты, как принадлежащие враждебным Японии силам. Тысячи русских, обслуживавших эти предприятия, оказались без службы и куска хлеба. Попав в зависимое положение от японских оккупационных властей, российская дальневосточная эмиграция, включая русскую колонию Шанхая, невольно попала в условия колла-

борации термин, принимающий в эпоху тоталитарных диктатур крайне неприятный, зловещий характер. Как бывает обычно в периоды безвременья, на поверхность его всплыли безответственные лица, которые, под покровительством неразборчивых в людях и методах работы японских властей, нашли широкое применение своим сомнительным по качествам силам и дарованиям.

За годы Тихоокеанской войны немало российских эмигрантов познакомилось на личном опыте с внутренней жизнью японских лагерей и тюрем, включая зловещей памяти Бридж-Хауз, тюрьмы при японской жандармерии в Шанхае, одни как заключенные, другие как «свои люди» при следствиях, допросах и истязаниях, соревнуясь успешно в жестокости и садизме с японскими и корейскими жандармскими чинами.

Трудность нового периода

Избавление русской колонии Шанхая от опеки японских оккупационных сил отнюдь не означило освобождение ее от других влияний и давлений. Как только правительство Национального Китая вновь перебралось из далекого Чунцина в жизненные центры страны — Нанкин и Шанхай, оно начало оказывать давление на дальневосточную эмиграцию. Другим оказалось давление со стороны советских властей, посольства, консульств, ТАССа и других учреждений, почувствовавших себя хозяевами положения в торричелевой пустоте послевоенного Шанхая.

По восстановлении в Шанхае власти гоминдановского правительства немедленно началась чистка в муниципалитете, полиции, в различных других официальных учреждениях и общественных службах. Увольнению, а нередко и аресту, подвергались лица, назначенные туда японскими оккупационными властями, члены и сторонники прояпонского правительства Ван Цзин-вея, иностранцы, включая русских эмигрантов.

Всего 6 месяцев с небольшим до этого Советский Союз, вступив в последнюю минуту в Тихоокеанскую войну, неожиданно оказался военным союзником Китая. Этот скороспелительный мезальянс создал обстановку, чреватую самыми тяжкими последствиями для национального Китая, не говоря уже о дальневосточной эмиграции. В памяти китайского правительства не вытравились воспоминания о советских замыслах и интригах Бородина-Грузенберга, Иоффе, Карахана, Кисанко-Буб-

нова, приведших Китай к первой фазе гражданской войны в средине двадцатых годов. Теперь, не без медвежьей услуги западных союзников, у Китая оказался новый военный союзник, с которым — по стечению трагических обстоятельств — ему приходилось считаться.

Никакой перемены в чувствах китайского народа и правительства к правителям Советского Союза не произошло; эти чувства по прежнему отмечались крайним недоверием и подозрительностью. В отношении же эмигрантской массы прежнее благожелательное настроение китайского правительства резко изменилось к худшему. В его представлении она, в особенности русская колония в Шанхае, была добровольной армией японских наймитов, работавших во вред интересов китайского народа. Это представление было ложно и крайне несправедливо. Большинство русской эмиграции всегда было на стороне гоминдановского Китая. Оно не входило в его внутреннюю жизнь, не занималось политикой, не чувствовало на себе никакого давления с его стороны и было глубоко признательно ему за гостеприимство и предоставление возможности процветать на его почве. Немало русских эмигрантов участвовало в борьбе гоминдановского правительства против Японии. Достаточно вспомнить полковника И. А. Мрачковского, командовавшего одним из бронепоездов маршала Чан Кай-ши против японских войск во время их ранней авантюры под Шанхаем в 1932 году. Десятью годами позже, уже во время настоящей войны, у Мрачковского была секретная радио-станция для информации националистического правительства, тогда находившегося в Чунцине, о передвижении и численности японских войск, планах японского командования и т. д. После долгих поисков, японской жандармерии (не без участия русских осведомителей, как говорили об этом широко в Шанхае) удалось обнаружить секретное местонахождение радио станции. Мрачковский застрелился при появлении в его доме японских жандармов.

Спутниками японских оккупационных властей в Китае были отдельные лица тоталитарного мышления, ставившие в разряд высшей добродетели нарукавные знаки, шагистику и прочие атрибуты нацистско-японского «нового порядка». Таких было сравнительно мало в среде дальневосточной российской эмиграции. Они никак не представляли ее, и, как правило, были в ней разлагающим и вредным элементом.

В период понятного возбуждения трудно было ожидать от китайского правительства рационального отношения к дальневосточной эмиграции и беспристрастного учета ее положения, все еще продолжавшего пребывать «между наковальней и молотом», вне зависимости от смены тех или иных сил.

Усиление враждебных настроений китайского правительства следует отнести к систематическим и упорным стараниям советских властей вернуть себе то руководящее положение, которое было у них четверть века тому назад. К этому времени число советских граждан Шанхая возрасло, не столь за счет прибывших из Советского Союза, сколько за счет новоиспеченных советских патриотов из вчерашних эмигрантов. Советские власти в лице посла и консулов упорно стремились играть решающую роль в Китае. Под руководством их и сотрудников таких учреждений, как ТАСС (усиленного составом журналистов из закрытых эмигрантских и прояпонских газет и журналов), советская колония Шанхая начала оказывать прямое и косвенное влияние на шанхайские власти, в результате чего усилилось давление последних на остатки дальневосточной эмиграции. Последние неизменно выставлялись как враги не только Советского Союза, но и Китая, яростные защитники Японии, мечтавшие о восстановлении ее доминирующего положения в Азии.

Главный удар китайского правительства обрушился на русские организации политического и общественного характера и остатки некогда большой эмигрантской печати. Еще во время войны закончили свое существование либеральная газета «Слово» и несколько литературно-политических журналов. После окончания войны уцелели только две газеты, «официальный орган» русской шанхайской колонии «Русское Время» (до этого известный как «Дальневосточное Время»), и одна из самых старых газет — «Шанхайская Заря», обслуживавшая в течение двадцати с лишним лет широкие слои русского Шанхая. Она была закрыта на том основании, что тесно сотрудничала с японскими оккупационными властями. В ультра-правых прояпонских и пронацистских кругах ее считали «органом евреев и масонов», служащим англо-американским интересам. Закрытие последней русской газеты произвело удручающее впечатление на русскую колонию Шанхая: в этом необоснованном акте китайских властей она увидела последствие советского давления.

Аресты среди русской колонии

«Союз Советских Граждан», организация составленная из лиц из Советского Союза и вчерашних эмигрантов и руководимая надзирателями из советского генерального консульства, приготовил обширный доклад новым китайским властям, в котором в преувеличенных подробностях сообщалось о деятельности отдельных членов русской колонии Шанхая, ее политических и общественных руководителей. К докладу был приложен черный список лиц, в той или иной степени неугодных советским властям. В нем к именам явных преступников войны были приписаны имена эмигрантов, о которых было известно, что они не перейдут на сторону советов: таких надо было опорочить. По этим же соображениям, имена тех лиц, которые на самом деле должны были украсить черный список, не попали в него.

Через три месяца после окончания войны по распоряжению китайского правительства начались аресты. Одним из первых был арестован А. Бурцев, «японский агент, прославившийся своей работой в Бридж-Хауз и отличавшийся зверским отношением к русским, попавшим в его руки». Затем были арестованы братья Сергей и Борис Тауб, служившие при японском «штабе 76 на Джесфильд род». «Во всех расправах, которые устраивал этот штаб, братья Тауб принимали самое деятельное участие».[82])

В феврале 1946 года китайские власти арестовали инспектора французской полиции Ю. А. Емельянова в связи с арестом Р. Сарли, помощника комиссара и главы ее политического отдела, по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Емельянов был вызван якобы для осмотра недвижимого имущества: когда он сел в присланный за ним автомобиль, он был схвачен находившимися в нем чинами китайской полиции. Арест Емельянова, похожий на похищение, взволновал эмигрантские и французские круги Шанхая.

Одновременно с арестом Емельянова был арестован П. П. Унтербергер, русский эмигрант, принявший во время войны германское подданство и служивший диктором на нацистской радио станции. Имя Унтербергера стояло высоко на советском черном списке.[83])

---

[82]) Новости Дня, 31 дек. 1945 — 2 янв. 1946.
[83]) Из архива Ю. А. Черемшанского, Шанхай.

Летом того же года муниципальная полиция арестовала известного журналиста и политического деятеля М. М. Спасовского-Гротт, б. редактора фашистского журнала «Наш Путь».

Года за два до этого Спасовский подвергался яростным нападкам одинаково со стороны нацистских и советских кругов из за статьи, в которой он заявил, что Германия никогда не победит России и русский народ, если будет вести борьбу против них, а не против коммунистической власти. Германские власти в Шанхае обвинили Спасовского в шпионаже в пользу Советского Союза. Японские власти не придали этому значения, но были настроены против Спасовского за его выступления против А. Г. Чибуновского, которого поддерживал майор Канио и капитан Куроки в кампании по овладению эмигрантским имуществом, Русским Клубом и Русским Банком, созданным на средства эмигрантов. (Тогда еще не было известно, что Чибуновский уже был тайно связан с советскими властями. После окончания Тихоокеанской войны, Чибуновский оказался влиятельной фигурой в советских кругах).

Незадолго до ареста Спасовского советская газета «Новая Жизнь» подняла яростную антиэмигрантскую кампанию, выделив объектами исключительно злостных нападений архиепископа Иоанна Шанхайского, священника М. Медведева, Спасовского и других. Травля, поднятая «Новой Жизнью», ознаменовала начало советского похода за овладение церковным и другим эмигрантским имуществом, которое по тем же политическим целям незадолго до этого интересовало Канио и Куроки.

Спасовский никогда не был связан с японской, германской или советской службой, его фашистские убеждения носили идейный характер и основывались на искренней вере в то, что при смене правящего режима в России, умеренный, рациональный фашизм окажется наиболее приемлемой государственной формой.

Одновременно с арестом Спасовского был арестован некто Окуловский по обвинению в участии в фашистской организации в коллаборации с японскими властями. Сотрудничество Окуловского с последними заключалось в том, что они пытались заставить продать им за бесценок его дом в Тяньцзине. За отказ он был арестован и обвинен в шпионаже в пользу националистического Китая на том основании, что был связан с неким Ваном из Министерства Иностранных дел Китая, же-

на которого, русская по рождению, была подругой жены Окуловского. После непродолжительного заключения его освободили и выслали в Тяньцзин, принудив жену продать им дом. Восемь лет спустя, начав ходатайство о возвращении ему дома, Окуловский получил извещение, что по прошествии такого то срока его имущество будет передано ему. Затем, совершенно неожиданно для него, последовал его арест, как японского коллаборанта.

Арестовали Спасовского и Окуловского инспектора муниципальной полиции П. Коновалов и В. Куржанский, бывшие эмигранты, ставшие советскими гражданами. Это обстоятельство еще более задело русскую колонию. В добавление ко всему в просоветской газете «Новости Дня» появилась заметка, что Спасовского и Окуловского будет судить не районный суд, а китайский военный трибунал как преступников войны.

Судьба эмигрантских организаций

Сразу же после окончания войны правительство националистического Китая отдало приказ о закрытии ряда эмигрантских организаций на основании их сотрудничества с японскими властями и нацистскими органами Шанхая. Среди организаций, подпавших под этот приказ, оказались Российская Фашистская Партия, Идеологический Центр и Русский Эмигрантский Комитет.

Фактически мера китайского правительства не означала ничего. За год с лишним до этого японские власти разгромили фашистскую организацию, рассеяв по ветру ее разрозненные и деморализованные группы. В день же, когда китайское правительство издало свой приказ, в Тяньцзине глава РФП К. В. Родзаевский дописывал последние страницы своего покаянного обращения к Сталину и готовился передать себя и остатки партии в руки советских властей. Его правая рука, руководитель фашистов в Шанхае, Г. В. Тараданов, уже ходил по улицам Шанхая с советским паспортом в кармане. Другие фашисты, вчерашние «бескомпромиссные антикоммунисты», терпеливо стояли в очереди у дверей советских консульств с заявкой в руках о желании перехода в советское подданство и репатриации в Советский Союз.

Идеологический Центр, равнявшийся по нацистско-гестаповскому органу в Шанхае, с разгромом гитлеровской Германии потерял то малое значение, которое он имел.

Русский Эмигрантский Центр продолжал существовать по инерции; его руководители, отдавая отчет о своем примерном послушании и прислужничестве японским властям, не поднимали своих голосов, дабы не обратить на себя внимание новых властей.

Прежняя деятельность Российского Эмигрантского Комитета не для кого не составляла тайны. Среди некоторых эмигрантских кругов существовало убеждение, что РЭК целиком подпал под контроль японских властей, когда председателем его стал генерал Глебов. Еще задолго до этого, когда председателем еще был К. Э. Мецлер, японские власти, в лице капитана Куроки, создали в районе своего расположения на Вэйсайде самостоятельный комитет во главе с Н. К. Сережниковым.

Этот японский орган просуществовал около года, когда, после убийства председателя РЭК Н. А. Иванова, Куроки перевел его в помещение Российского Эмигрантского Комитета на Мулмейн Род, влив целиком в существовавшую организацию. С этого момента в РЭК не оказалось никого, кто мог бы оказать сопротивление упорному насаждению в эмигрантских недрах «нового порядка». Сережников, слабохарактерный, больной человек, был связан с японской жандармерией еще задолго до навязанной ему политической деятельности. Всеми делами шанхайской эмигрантской колонии ведал Куроки с небольшой группой русских помощников. Это было время наибольшего давления японских властей на российскую дальневосточную эмиграцию.

> Время было тяжелое... РЭК придавил гнетом русскую колонию... несмотря на все препятствия и угрозы, вместо нарукавных повязок и шагания во славу японского оружия по улицам Шанхая, как это имело место в ~~Харбине~~ и Тяньцзине, и как хотели местные руководители РЭК, у дверей советского консульства образовались очереди.[84])

Это положение встревожило японских властей, хотя в нем не было ничего нового. Они должны были знать, что переход многих русских эмигрантов Тяньцзина в советское подданство еще до окончания войны происходил по возраставшей линии в прямой зависимости от развития политической деятельности Антикоммунистического Комитета. В Шанхае японские вла-

---

[84]) Новости Дня, Письмо в редакцию, 26 дек. 1945.

сти, хотя и поздно, учли это обстоятельство и решили обновить состав правления РЭК в надежде, что под главенством авторитетного лица, признанного всей русской колонией, сократятся очереди эмигрантов у дверей советского консульства.

При объявлении о перевыборах впервые была выставлена кандидатура Г. К. Бологова в председатели РЭК, но как было с другими кандидатами, выставленными японскими властями на предыдущих выборах (генералы Кузьмин и Цюманенко), эта кандидатура оказалась неприемлемой. Тогда была выставлена кандидатура Глебова, при чем Куроки настоял на кандидатуре Сережникова и Г. К. Бологова на посты первого и второго вице-председателей.

В таком составе РЭК просуществовал до конца Тихоокеанской войны. В последние месяцы своей жизни Комитет не проявлял никакой деятельности, да и японские власти, переживавшие агонию своей страны, оставили его в покое. Глебов и Сережников умерли. Пост председателя РЭК автоматически занял Бологов.

На перепутье

В русской колонии Шанхая продолжало царить состояние полной растерянности. Ее зависимое существование под властью японских оккупационных сил ставило ее теперь объектом административных мер китайского правительства. Рост советской колонии за счет колонии эмигрантской отодвигал последнюю на задний план. Общественные и политические руководители ее предпочитали оставаться в тени. Советские власти, ее казенная и попутническая печать требовали от китайского правительства ареста ряда видных эмигрантских деятелей.

Дальневосточная эмиграция оказалась на перепутье. Советские власти усиленно действовали в ее толще, отрывая от нее тысячи и тысячи новых советских граждан. За первые дни советской оккупации Харбина свыше тысячи эмигрантов перешло в советское гражданство. Тысяча с лишним перешла в Тяньцзине. Три тысячи на ст. и в г. Маньчжурия. Тысячи других эмигрантов и старожил на линии КВжд выбрали советские паспорта. В Шанхае, где не было советской оккупации и где еще сильно было влияние свободного мира, десять с лишним тысяч дальневосточных эмигрантов подали заявление о переходе в советское подданство.

Эмигрантские центры, недавно еще большие и по своему влиятельные как Харбин и Тяньцзин, перестали существовать. Только один русский Шанхай продолжал сохранять видимость самостоятельной, организованной жизни.

Некоторые слои русского Шанхая открыто обвиняли общественных и политических деятелей в нерешительности и пассивности, в предоставлении неустойчивых эмигрантских масс самим себе, в подведении их под прямые удары советских властей, в результате чего увеличивалось число новых советских граждан.

Усиленным нападкам — одинаково обоснованным и необоснованным — подвергся Г. К. Бологов. Хотя Русского Эмигрантского Комитета, как руководящего органа эмигрантских организаций, фактически не существовало, Бологова продолжали считать председателем его и, следовательно, главой русского Шанхая. Бологов, кроме того, был председателем Казачьего Союза, наиболее сплоченной и большой организации.

Возврат к общественной жизни

В деятельной части русского Шанхая появилось настойчивое стремление воссоздать общественно-политическую жизнь и вновь образовать авторитетную организацию, которая взяла бы на себя представительство колонии и защиту ее интересов.

Запрос китайских властей по этому поводу неожиданно дал положительные результаты. Если дальневосточная эмиграция нашла себя на перепутье, то не в лучшем положении оказался и гоминдановский Китай. Он надеялся, что после завершения войны вновь возьмется за прерванное ею мирное строительство и переустройство национальной жизни страны. Поражение Японии еще не приблизило начало этого долгожданного времени. Теперь он начинал сознавать со все-возраставшей ясностью, что с исчезновением одной угрозы появилась другая, угроза неменее страшная и фатальная, на этот раз со стороны Советского Союза и китайских коммунистов.

Вполне возможно, что эти соображения привели китайских властей Шанхая к решению допустить создание эмигрантской организации типа Русского Эмигрантского Комитета, который они закрыли за несколько месяцев до этого.

Весной 1946 года было создано собрание учредителей для обсуждения вопроса о реорганизации призрачного Российско-

го Эмигрантского Комитета в Российскую Эмигрантскую Ассоциацию.

Реорганизационная работа проходила в затруднительных условиях. Отсутствие своей печати не давало возможности широко оповещать русскую колонию о ходе деятельности Организационного Комитета. Советская печать представляла деятельность этого Комитета в извращенном виде, стараясь сбить с толку эмигрантов и отвлечь их от участия в регистрации в новой организации. Советские власти верно учитывали отрицательное отношение эмигрантских масс к реорганизации и перерегистрации, которые еще в недавнем прошлом неизменно связывались с новыми неприятностями и осложнениями. В газетах «Новая Жизнь» и «Новости Дня» появились лживые статьи о том, что эмигранты не идут в новое общество, что объявленная регистрация дала плачевные результаты и т. д. В действительности, в первый месяц деятельности Комитета в нем зарегистрировались свыше четырех тысяч эмигрантов.

В конце марта Организационный Комитет оповестил через иностранную печать Шанхая, что в согласии с законом Китайской Республики об общественных организациях Российский Эмигрантский Комитет, «руководящий и центральный орган российской эмигрантской колонии Шанхая в порядке перерегистрации» переименовывается с разрешения Бюро Социальных Дел Шанхайского муниципалитета в Российскую Эмигрантскую Ассоциацию.

В конце мая было назначено общее собрание членов Российской Эмигрантской Ассоциации, на которое были приглашены лица, зарегистрированные Комитетом. В извещении было подчеркнуто, что на собрание будут допущены только те, кто зарегистрировался и у кого имеются при себе удостоверения личности, чтобы оградить собрание от проникновения на него нежелательных лиц просоветского уклона и явных советских агентов.

На общее собрание Российской Эмигрантской Ассоциации явилось свыше двух тысяч человек, половина всех зарегистрировавшихся в ней. Собрание открыл Г. К. Бологов. В своем обращении к собравшимся, среди которых присутствовали представители Бюро Социальных Дел шанхайского муниципалитета и других правительственных органов, Бологов подчеркнул лояльность Ассоциации правительству националистического Китая и выразил от лица русского Шанхая глу-

бокую признательность и наилучшие пожелания китайскому народу. Отмечая отсутствие политической работы в Ассоциации, Бологов повторил заявление, сделанное еще в печатном обращении к русской колонии, что

> Наше единственное желание быть объединенными, устроить и наладить нашу общественную жизнь так, чтобы не быть никому в тягость... и попрежнему неустанно трудиться над созданием культурных ценностей и развитием материального благоустройства Шанхая, ставшего нам родным городом.[85])

Общее собрание приняло Устав новой Ассоциации, мало отличавшийся от Устава прежнего РЭК, за исключением того, что из последнего были изъяты параграфы, вписанные в него в период японской оккупации Шанхая. В руководители Ассоциации были избраны: Г. К. Бологов на пост председателя; В. В. Федуленко — вице-председателем, членами правления: В. В. Диго, А. С. Пономарев, Б. И. Попов, Н. Н. Еманов и другие.

После выборов в РЭА в русской колонии возникли споры относительно их законности. Многие считали, что список должностных лиц был приготовлен заранее и согласован с правлением Казачьего Союза, члены которого провели кандидатуру своего председателя Г. К. Бологова и лиц, выбранных им. Последующие перевыборы неизменно вызывали подобные замечания и споры.

В недрах жизни без перемен

К весне 1948 года политическое положение в Китае резко изменилось к худшему. Гражданская война приняла угрожающие размеры. Бои правительственных войск с китайскими коммунистами шли в тяжелых условиях для первых. Гоминдановский Китай цепенел в фатальной апатии. До предсмертной агонии было еще сравнительно далеко, но воля к самозащите и отстаиванию национальных интересов была парализована. В стане националистических войск участились случаи массового перехода на сторону коммунистов. Феодальные военные губернаторы-самодуры в решительные моменты борьбы объявляли о своем нейтралитете и обрекали верные войска на неудачи и поражения. В конце сороковых годов Китаю

---

[85]) Из архива Ю. А. Черемшанского.

суждено было пройти через такую же фатально-трагическую фазу, через которую треть века тому назад прошли Россия и Сибирь.

В русском Шанхае, в неглубоких его недрах, жизнь шла своим чередом. Заведующий общественной столовой ссорился с представителями ИРО (Международная Организация Помощи), которая снабжала его продуктами, настаивая на самостоятельном учете этих продуктов. В эту ссору втянулись представители РЭА, включая ее председателя Г. К. Бологова. Гордеев — по своему рачительный хозяин — воспылал желанием отремонтировать помещение столовой и приюта, который также находился в его ведении, и представил ИРО смету на 1.500.000.000 шанхайских долларов — деньги к тому времени достигли астрономических высот. В ИРО узнали, что Гордеев сам хочет взять подряд на ремонт и проверили состояние постройки и смету. Оказалось, что помещение приюта было в хорошем состоянии, а ремонт столовой обошелся бы всего в незначительную сумму в четыреста миллионов долларов.

Ряд подобных фактов служил иллюстрацией того, что несмотря на крайне тревожное положение, за несколько месяцев до фатального краха националистического Китая, русская колония пребывала в мелочах жизни, словно над нею еще не нависла угроза, заставившая ее меньше чем через год спешно бросить Шанхай.

Последние выборы

В мае 1948 года перед общими выборами в РЭА состоялось несколько предварительных совещаний — практика, ставшая обычаем в общественной жизни Шанхая. На этих совещаниях небольшие, но влиятельные группы обсуждали пригодность или непригодность тех или иных кандидатов, предрешая этим исход выборов. Если на общем собрании появлялось неутвержденное заранее имя кандидата, его обычно проваливали, даже если он и был приемлем для всей колонии Шанхая. В некоторых случаях такой своеобразный порядок мог казаться целесообразным, как, например, отстранение кандидатура некоего Еманова на должность заведующего Переселенческим отделом РЭА, которого некоторые иностранные консульства считали «персона нон грата» и у которого австралийское консульство отобрало визу, выданную ему для выезда в Австралию. Чаще же всего играли значение слухи,

как например в случае с Купером, кандидатура которого пост заведующего Благотворительным отделом РЭА была отстранена на том основании, что он якобы советовал русским беженцам из Синкианга не рассказывать о совершенных там советских зверствах.

На одном из предварительных совещаний перед последними выборами в РЭА было принято предложение избрать главу ее не на один, а на три года. Предложение это мотивировалось желанием дать председателю РЭА более устойчивое положение в его общественно-политической деятельности и возможность лучшей связи с китайскими властями и различными иностранными органами, включая армейское и военно-морское командование Соединенных Штатов Америки, штабы которых находились в Шанхае.

Переизбрание Т. К. Бологова в третий раз на пост главы РЭА было согласовано и утверждено заранее и поэтому прошло гладко. Предложение же о продлении срока вызвало много возражений. Большинство было против, считая, что подобное положение создавало «нового фюрера» в то время, когда гоминдановский Китай боролся за демократические идеалы. По мнению некоторых, Бологов был не уверен в своем переизбрании в будущем, поэтому сам решил продлить срок своего пребывания главой РЭА с одного на три года.

На собрании представителей эмигрантских организаций из семидесяти четырех представителей сорок было из Казачьего Союза, что не вызывало никаких сомнений в проведении кандидатского списка во главе с К. Г. Бологовым.

Несмотря на массовое преобладание одной группы, на собрании заговорили о том, что кандидатский список был утвержден заранее и что выборы поэтому представляли из себя фикцию. Представители таких организаций, как Русская Торговая Палата, Лига Русских Женщин, Союз «Вочманов и Бодигардов», Общество Бухгалтеров, опротестовали выборы лиц, выставленных Казачьим Союзом из своего состава. Возражения последовали и по поводу отдельных кандидатов: один из них поступил в РЭА за несколько недель до выборов, до этого всегда был в стороне от общественной жизни; брат другого играл активную роль в отделении Советского Клуба на Вэйсайде; родственник третьего перешел на советскую сторону, а он сам и его дети, французские граждане, никакого отношения к жизни русского Шанхая не имели.

На собрании выяснилось также, что на предварительном совещании форсированным образом была проведена резолюция Казачьего Союза, запрещавшая критическое обсуждение деятельности правления РЭА и его главы. Несмотря на шумные протесты и возражения, кандидатский список и все предложения Казачьего Союза были проведены подавляющим большинством его представителей. Бологов был переизбран не на годовой, а на трехлетний срок.

Выборы прошли, но китайские власти отказались утвердить их. «Бологов собирался посылать своего представителя в Нанкин с жалобой на Янга, главу Бюро Социальных Дел Шанхая, от которого зависило утверждение».[86])

В Казачьем Союзе

Попутно с возобновлением деятельности главенствующей организации русского Шанхая оживилась и деятельность других организаций, в том числе и Казачьего Союза.

В начале 1944 года, в разгар деятельности японских опекунов, Бологов вновь занял пост председателя Казачьего Союза, который он занимал в конце двадцатых и начале тридцатых годов. Во время японской оккупации все выборы и назначения должностных лиц в общественно-политической жизни русского Шанхая утверждались его наместником капитаном Куроки.

После окончания войны и по возвращении китайских властей в Шанхай, Казачий Союз не проявлял особой деятельности, пока китайские власти не дали разрешение организовать Русскую Эмигрантскую Ассоциацию.

В феврале 1946 г. состоялось первое послевоенное собрание Казачьего Союза, на котором присутствовало около двухсот человек. Председатель собрания, известный шанхайский адвокат И. Н. Щендриков, в своем слове подчеркнул, что казаки не должны порывать со своими традициями и устоями, основанными на демократических принципах, и не идти на обман советской пропаганды. Вопреки многим заверениям, советское правительство нарушило свои обещания прекратить расправу с эмигрантами, так как только что были получены сведения о приговоре генерала Шубина, бывшего начальника штаба атамана Семенова, к двадцати пяти годам заключения за борьбу против большевиков в Гражданскую войну. Угроза советских

---

[86]) Из того же источника, док. 21 дек. 1948.

властей, что китайское правительство репатриирует насильно всех русских эмигрантов, является грубой попыткой принудить их к переходу в советское подданство. В Китае, пояснил Щедриков, действуют международные законы, защищающие политических эмигрантов от преследования и насильственной отправки на родину.

«Казаки радуются победе российского народа в борьбе против Германии», сказал в своем слове Г. К. Бологов, «но российский народ не добился еще своей собственной свободы и поэтому казаки не имеют права признавать советское правительство и переходить в советское подданство».

На этом собрании были отменены все параграфы Устава Казачьего Союза, вписанные в него в период японской оккупации.

На другой день в газете «Новая Жизнь» появилось сообщение, что Щендриков и Бологов призывали казаков перейти в советское подданство и вернуться в Россию. «Новая Жизнь» отказалась поместить письмо Бологова, опровергающее ее сообщение.

Когда от частного лица было получено известие, что канадское правительство собирается предложить казакам переселиться в Канаду, предприимчивое правление Казачьего Союза широко оповестило об этом, добавив, что оно начало хлопотать о внеочередном допуске туда «казаков-хлеборобов». Слухи о казачьем переселении в Канаду наэлектризовали русский Шанхай, уже предвидевший приближение трагических сроков и в силу этого лихорадочно озабоченный поисками новой гостеприимной страны. В короткое время состав Казачьего Союза из четырехсот человек увеличился втрое. Затем появились слухи, что организации казаков в Америке предоставляют шанхайским казакам визы и бесплатный переезд. Слухи оказались вздорными, но численность Казачьего Союза возрасла в несколько раз за счет легковерных людей.

Несмотря на протесты казаков о «разжижении казачьих масс» и «расказачивание» Союза, правление его считало себя в выигрыше: при большом численном составе можно было играть главную роль в жизни русского Шанхая и в его руководящем органе — Российской Эмигрантской Ассоциации.

Внутри Казачьего Союза большим влиянием пользовался вице-председатель, атаман Забайкальской станицы В. В. По-

номаренко, правая рука Г. К. Бологова. На собраниях Пономаренко беспощадно подавлял любую оппозицию, не стесняясь в методах расправы с нею, вплоть до клеветнических обвинений ее в просоветских симпатиях.[87])

В подобной практике не было ничего особенного и ничего нового: еще не так давно на поверхности русской колонии плавали самовластно оперировавшие «опекуны и гастролеры» из прояпонского стана, и такие лица, как забайкальский коновал Третьяков, охотно брались за исцеление эмиграции от многих политических недугов, как «социализм, либерализм и демократизм». Пономаренко продолжал только то, что было испытано раньше и что давало возможность небольшому числу людей вершать судьбами русского Шанхая. Он добивался исключения из Казачьего Союза всех, кто отваживался выступать против Бологова и него самого.

Пономаренко был известен не только своей общественно-политической деятельностью. В 1923 г. с пятью другими забайкальскими казаками он был арестован китайскими властями за грабеж скота в Монголии. Китайский суд приговорил его к пяти годам заключения. По рассказам самого Пономаренко, «он оперировал не в грабительской шайке, а в боевой группе Братства Русской Правды».[88])

Частичное возрождение эмигрантской печати

Отсутствие эмигрантской печати ставило в тяжелое положение русскую колонию Шанхая. За исключением английских газет, негде было поместить опровержение, отразить клевету советских газет, вскрыть их лживость, разоблачить деятельность людей, стоящих позади них из состава советского генерального консульства и ТАССа.

Измышления о массовом переходе в советское подданство, о призывах эмигрантских вождей вернуться на родину, увлекательные повествования о необыкновенной жизни в Советском Союзе, распростершем объятия для своих потерянных сынов, сбивали с толку эмигрантов и вносили в их и без того смятенную жизнь лишнюю сумятицу. Многие эмигранты, особенно из таких организаций, как Казачий Союз, Союз «Бодигардов» и т. п., не читали английских газет и целиком полагались на «Новую Жизнь» и «Новости Дня».

---

[87]) Из того же источника, док. 8 апр. 1948.
[88]) Из того же документа.

Много говорилось о выпуске хотя бы еженедельного бюллетеня мимиографическим способом, в котором помещалась бы верная информация, но даже для такого кустарного издания нужно было добиться разрешения от китайских властей. Последние еще продолжали быть враждебно настроенными в отношении русской эмигрантской печати, огульно сводя ее к уровню курокинского «официоза русской колонии Шанхая».

Дальневосточная эмиграция продолжала чувствовать себя одинокой и растерянной. Она чувствовала враждебность со стороны новоявленных советских граждан, ставших — как обычно бывает с неофитами — не в меру ревностными патриотами. Китайские власти относились к ним если не с явной враждебностью, то с заметным недоверием и подозрением. С такими же чувствами относились к ним американские власти в лице армейского и военно-морского командования, в тот период считавшие японскими коллаборантами всех, кто во время войны жил вне лагеря для военнопленных и интернированных. Недоверчиво относилась к ним организация помощи беженцам и пострадавшим от войны, УНРРА, агентство Организации Объединенных Наций, что можно было объяснить тем, что в ее составе находились люди с советскими симпатиями, которым в каждом эмигранте мерещились фашисты и сотрудники японской жандармерии.

С другой стороны, советский паспорт давал определенные преимущества. Он оказывал защиту и покровительство — если оставить в стороне подоплеку этой защиты и покровительства — и открывал двери различных организаций и служб, включая УНРРА.

Нельзя сказать с какой-либо степенью убедительности, что новоявленные советские граждане чувствовали себя в лучшем положении, чем в прежнем положении эмигранта. Если вначале, в пору эмоционального, послевоенного угара, происходили массовые переходы в советское гражданство, то с течением времени, когда наступила возможность здраво разобраться в обстановке, начался массовый, если не стихийный отлив и переход в первобытное эмигрантское состояние.

Отсутствие эмигрантской печати чувствовалось все острее по мере того, как возрастали лживые измышления советской пропаганды и тяжелей становилось давление советской стороны. Отказ китайских властей разрешить издание эмигрант-

ской печати связывали с происками советского консульства. Было ли это так на самом деле, трудно судить, но легко допустить готовность русского Шанхая найти подобное объяснение. Не арестовывали ли эмигрантских общественно-политических деятелей советские граждане, инспектора Муниципальной полиции? Не стояли ли позади церковного вопроса и спора из-за церковного имущества «религиозные подвижники» из советских консульств? Не устраивали ли эмигрантам всевозможные затруднения советские служащие в таких учреждениях, как УНРРА?

Несмотря на все затруднения и препятствия со стороны одинаково китайских и советских властей, эмигрантские круги, мечтавшие о создании своей газеты, нашли выход. В правящей партии Гоминдана оказались друзья и помощники. Ухудшение совето-китайских взаимоотношений отразилось на перемене отношения к эмигрантам. Ходатайство перед властями взял на себя дьякон шанхайского кафедрального собора Елисей Чжао, китайский гражданин. Здесь был верный расчет: если китайские власти, все еще считавшиеся с советким правительством в лице генерального консула в Шанхае, откажут русским эмигрантам, то не откажут китайскому гражданину. Так вышло на самом деле. Несмотря на шумные протесты советского консульства, китайские власти выдали разрешение, мотивируя его тем, что китайский гражданин имеет право издавать газету на каком угодно языке.

Новому газетному начинанию было дано соответствующее название: «Китайско-Русская Газета». Номинальным редактором ее стал Елисей Чжоу, но фактически ею руководила группа, представлявшая различные политические направления, но объединенная одной целью — борьбой с коммунистической пропагандой. В состав этой группы вошли И. Н. Щендриков, А. П. Воробчук-Загорский, М. М. Спасовский-Гротт, Мих. Лидин и другие.

В короткий срок «Китайско-Русская Газета» завоевала популярность среди русской колонии, давая ей верную информацию, обслуживая ее интересы и защищая их. Отражая удары советской пропаганды, она вскрывала ее ложь и обман, взывала к новоявленным советским гражданам опомниться и вновь перейти на свободное положение эмигрантов. Особое значение «Китайско-Русская Газета» приобрела позже, в период массовой эвакуации русского Шанхая.

Появление другой газеты

С начала открытия «Китайско-Русской Газеты» Российская Эмигрантская Ассоциация стремилась превратить ее в свой официоз. Газета предложила самое тесное сотрудничество во всех делах, касающихся эмигрантской жизни, но стояла твердо на позиции независимости. Такое положение видимо не удовлетворяло руководителей РЭА; начались разговоры о создании другой газеты. Если китайские власти разрешили издание одной эмигрантской газеты, почему они должны отказать Российской Эмигрантской Ассоциации в создании собственного органа?

В апреле 1947 г. на имя председателя РЭА Г. К. Бологова поступила жалоба от заведующего типографией «Китайско-Русской Газеты», что один из членов Исполнительного Комитета Ассоциации пытался сманить наборщиков газеты в типографию, которая должна была обслуживать газету РЭА. В жалобе были обстоятельно описаны действия «против 'Китайско-Русской Газеты', созданной для борьбы с коммунизмом и защиты интересов национального Китая и русской эмиграции».

В согласии с практикой тогдашнего времени, копии письменной жалобы председателю РЭА были направлены начальнику шанхайской полиции, начальнику жандармерии, министерству Обороны, в шанхайский отдел Гоминдана и в Министерство Иностранных Дел.

Дело заключалось не только в наборщиках, которых в русской колонии Шанхая, с его еще недавно процветавшими издательствами и несколькими ежедневными газетами было немало, а в попытке одновременно с открытием органа РЭА подорвать «Китайско-Русскую Газету».

Правление РЭА постановило выделить новой газете ежемесячную ссуду в размере 25.000 шанхайских долларов и открыть предварительную подписку с настойчивым обращением к членам Ассоциации внести в счет платы за первые три месяца. Правление РЭА, объявляя об открытии своего органа «Русского Слова», призывало русскую колонию широко поддержать новую газету и оказать ей всяческую помощь, включая пожертвования. Были выпущены подписные листы на шестимесячную подписку и листы пожертвований.

Газета «Русское Слово» просуществовала недолго. На десятом номере, три месяца после своего довольно беспокойного рождения, она была закрыта китайскими властями.

Неизвестно, почему китайские власти закрыли «Русское Слово». Возможно допустить, что некоторые лица, связанные с Гоминданом через его разведывательные органы (некоторые из них перебрались туда из соответствующих японских учреждений), способствовали этому, тем более, что они стояли позади «Китайско-Русской Газеты». Если это так, то заявление редактора «Русского Слова» Апрелева, сделанное им в интервью с корреспондентом американской газеты «Ивнинг Пост», что «газета 'Русское Слово' антикоммунистическая, но не антисоветская и что она стоит за Россию», явилось только удобным предлогом для ее закрытия.

Затем вскрылись некоторые материальные недочеты. Заведующий газетой сдал дела газеты Ревизионной Комиссии РЭА только через два месяца после ее закрытия. Расследование обнаружило ряд неточностей и отсутствие записей в приходной книге около 60.000 шанхайских долларов, что по курсу того времени составляло около 2.000 американских долларов. Из выпущенных подписных листов не все были пришиты к делам, что не позволяло выяснить, сколько всего денег было собрано.

Ожидалось рассмотрение дела на общем собрании РЭА, но такого не последовало. Г. К. Бологов не раз заявлял, что РЭА не имеет никакого отношения к «Русскому Слову», и что газета издавалась частным порядком некоторыми ее членами.

Вскоре после закрытия «Русского Слова» редакция «Китайско-Русской Газеты» получила письмо, которое она по своим соображениям решила не опубликовывать, но которое, однако, получило широкое распространение, переходя из рук в руки в нескольких копиях. В этом письме сообщались сведения относительно газеты РЭА, о которых могло быть известно только в тесном кругу ее руководителей. В эмигрантских кругах Шанхая считали, что эти сведения были даны автору письма (об этом не сообщается, но повидимому анониму) вице-председателем РЭА В. В. Федуленко, «одним из сподвижников Бологова, но в этом деле выступавшим против него».[89])

Заявление Бологова о том, что РЭА не имела отношения к газете «Русское Слово» и что она была частным изданием, не соответствовало действительности. В выпущенной по этому случаю листовке «Для сведения Российских Эмигрантов» за

---

[89]) Из того же источника, док. 12 мая 1948.

его подписью говорилось, что «с чувством глубокой душевной боли приходится принять известие о прекращении выхода Русского Слова, единственной местной газеты на русском языке, честно и бескорыстно обслуживавшей наши эмигрантские нужды». Считая своим официальным долгом поблагодарить редактора, издателя и сотрудников газеты, Бологов даже впал в тон гражданской скорби:

> Они сделали все, что было в их силах. Была короткая, но славная пора. Дышалось так свободно и легко, и верилось, что страшное осталось позади.[90])

Попытки создания других организаций

Послевоенное положение русского Шанхая попрежнему продолжал оставаться неизменным: увеличение роста советской колонии за счет вчерашних эмигрантов; недоверчивое отношение китайских властей; состояние растерянности и смятения в связи с быстро ухудшавшимся политическим и военным положением гоминдановского Китая.

Общественные деятели и руководители русского Шанхая всегда были объектами обостренного и не всегда справедливого критицизма. Если в годы японской оккупации не всегда было возможно высказывать свои мысли вслух, то в до-оккупационный период подобному недовольству давалась полная воля. Общественно-политических деятелей и руководителей колонии открыто обвиняли в различных политических уклонах, повышенном честолюбии, вождизме, самовластии и т. д.

Одно время объектом таких нападков был ген. Ф. Л. Глебов. После же его смерти осенью 1945 г., в новый, еще более острый период эмигрантского существования в Шанхае — а следовательно и в Китае — вспоминали о нем, как о человеке решительном, волевом, могущем удержать эмигрантские массы от необдуманного перехода в советское подданство.

Г. К. Бологов, как председатель Российской Эмигрантской Ассоциации и глава по своему влиятельного Казачьего Союза, не вызывал таких чувств в русской колонии Шанхая. Ему ставили в вину нерешительность и бездеятельность в период послевоенного угара и массового перехода эмигрантов в советское гражданство, не учитывая того, что резкий переход из-под японской опеки в китайскую не мог не вызвать замешательства и растерянности.

---

[90]) Листовка от 21 авг. 1947, Шанхай.

В некоторых кругах русского Шанхая поэтому решено было создать новую организацию, которая, если и не явилась бы параллельной организацией РЭА, стремилась бы разделить основные функции последней. В создании параллельного органа ничего не было нового. В Шанхае это было обычным явлением за все время существования в нем русской колонии, что не являлось исключением в общественно-политической практике всего российского Зарубежья.

В мае 1947 г. группа эмигрантов, хлопотавших о переезде в Аргентину, организовала Российскую Культурно-благотворительную Ассоциацию. Новая организация была включена как особый отдел в Евангелическое Общество, которое было зарегистрировано в Бюро Социальных Дел Шанхая — маневр, давший ей право на существование. Новой ассоциации, насчитывавшей в своем составе около двухсот пятидесяти человек, удалось достать от Международного Комитета Красного Креста паспорта для своих членов, т. к. аргентинское консульство отказывалось признавать эмигрантские документы, выданные китайскими властями.

Новая Ассоциация группировалась вокруг «Китайско-Русской Газеты», которая оставалась единственным эмигрантским органом не только в Шанхае, но и во всем Китае.

Возникновение новой эмигрантской организации вызвало резкую реакцию со стороны советских властей и печати. Ее немедленно причислили к разряду ультра-правых организаций, назвав ее нео-фашистским органом, стремившимся восстановить милитаристическую Японию и настроенным против демократических и национальных интересов Китая.

По мере развития своей деятельности, Российская Культурно-благотворительная Ассоциация (про нее говорили, что ее не столь занимали культурно-благотворительные цели, сколь соревнование с РЭА) не осталась в стороне от обычной игры эмигрантских организаций. Вопрос о массовом переезде в Аргентину также сошел на-нет, как и вопрос о переселении Казачьего Союза в Канаду. Связь с Евангелическим Обществом была чисто условной. К этому времени в Российской Эмигрантской Ассоциации все больше нарастало недовольство ее руководителями и роли в ней не столько Казачьего Союза, сколько отдельных его деятелей. В новой ассоциации поднялся вопрос о выходе на широкую дорогу и, прежде всего, самостоятельной регистрации у китайских властей. Последние также были не-

довольны РЭА, особенно проведением выборов по утвержденному заранее списку и продлением срока председателя ее до трех лет. Руководители новой ассоциации считали, что время наступило для решительных действий и прежде всего для отторжения от РЭА недовольных и включения их в свой состав. Некоторые общественные деятели, стоявшие позади «Китайско-Русской Газеты» и связанные с политическими органами гоминдановского Китая, утверждали, что китайские власти поддержат новую ассоциацию во всех ее общественно-политических начинаниях.

Это было летом 1948 года. Время в Китае шло учащенным темпом. Слишком учащенным, чтобы можно было замышлять о продолжении внутриэмигрантской игры.

IV

ЦЕРКОВНЫЕ ПОДВИЖНИКИ

За советскими властями в Китае, возобновившими свою деятельность после провала сталинской политики двадцатых и тридцатых годов, следует признать множество самых различных и зачастую самых неожиданных действий, за исключением религиозного горения и подвига. Тем не менее именно на этом поприще они проявили себя с отменным старанием и рвением. Дело касалось огромного церковного имущества, созданного в Китае попечением императорской России, а затем, позднее, трудами и жертвенностью белой дальневосточной эмиграции. Советское правительство предъявило свои права на это имущество и повело за него упорную борьбу.

Советское правительство преследовало свои цели. Оно, разумеется, не шло по стопам апостола Павла, строившего Христианскую Церковь; не собиралось разбирать по камням и кирпичам здания Пекинской Миссии и несколько десятков православных соборов, церквей и часовен, построенных в Китае, чтобы воссоздать их на «святых Суздальских землях»; не подбирало это церковное имущество к своим рукам, чтобы удовлетворить духовные нужды своих посольских и консульских служащих.

Борьба за церковное имущество являлась таким образом только внешним действием, маневром. Настоящей же ее целью было нанесение удара по всей дальневосточной эмиграции, попытка деморализовать ее, обезволить и целиком принудить к переходу в Советский Союз.

В отвоевывании церковного имущества советские деятели были не одни; они оставались в тени, руководя общими операциями. Впереди же открыто действовали вчерашние эмигранты, миряне и десятка два священников и несколько епископов, также из состава вчерашних эмигрантов.

Князь Церкви

Архиепископ Виктор, сын священника Евграфа Святина, окончил Казанскую семинарию и Тифлисское военное училище. Участвовал в Первой Великой и Гражданской войне. В 1919 г. с остатками армии генерала Бакича прибыл в Китайский Туркестан. В числе нескольких человек прошел пешком через пустыню Гоби и добрался до Ханькоу. В 1921 г. был рукоположен в сан священника, а еще через год переведен настоятелем церкви в Тяньцзин, где сразу же завоевал себе привязанность и любовь за заботу о нуждавшихся эмигрантах. В течение шести лет жил в подвале, деля его с бездомными бедняками. Этот подвал долго назывался «Отель Виктор».

Молодой священник Виктор Святин быстро пошел в гору, благодаря своей энергии и работе в церковных делах. В короткое время он основал убежище для нуждавшихся при церковном доме, открыл школу, преобразованную позже в гимназию, создал библиотеку, госпиталь, начал издавать журнал «Китайский Вестник».

В 1932 году, после смерти главы Пекинской Миссии архиепископа Иннокентия и перевода в Пекин епископа Симона Шанхайского, священник Виктор Святин был хиротонизирован и назначен митрополитом Анастасием в Карловцах на пост епископа Шанхайского. Через год умер престарелый архиепископ Симон и Виктор стал главою Пекинской Миссии и епископом Китайским. Оставалось только посвятить себя одной деятельности и прибавить свое имя к именам тех, кто сделал Миссию знаменитой. Но вышло не так.

В 1937 году, с начала необъявленной войны Японии против Китая, Виктор, к этому времени уже ставший архиепископом, полностью выявил свои прояпонские симпатии. В числе его друзей появились офицеры японских военных миссий и жандармских отделов. В Тяньцзине он стал духовным главою Антикоммунистическкого Комитета Северного Китая и к числу его друзей прибавились Пастухин, Караев и другие руководители его. В Шанхае его личными друзьями были капитан Куроки, наместник русской колонии и другие офицеры японской жандармской службы.

В своих проповедях и статьях Виктор призывал русских эмигрантов к преданности Японии и единодушной поддержке «нового порядка».

Первую годовщину Антикоммунистического Комитета Северного Китая Виктор отметил следующим образом:[91])

> При поддержке и под руководством Великого Ниппона основан союз, главной задачей которого является объединение эмигрантских душ под знаменем борьбы против коммунизма... Честь и слава тем, кто сделал возможным для нас, беззащитных эмигрантов, создать такой союз. Нигде в мире, с возможным исключением только Германии, нашим братьям не даны такие права и возможности. Наш долг проявить величайшую благодарность Великому Ниппону и его представителям в Северном Китае... Когда придет час освобождения и падет безбожная власть под могучим ударом антикоммунистического фронта императорского Ниппона, национально-социалистической Германии Гитлера и фашистской Италии Бенито Муссолини, опять засияет слава извечного идеала Святой Руси, Веры, Царя и Отечества...

Архиепископ Виктор тогда не мог не знать, что в подвале «Белого Дома», главной квартиры Антикоммунистического Комитета, и в тяньцзинском отделе японской жандармерии содержались русские эмигранты. Одного из них, генерала Г. И. Клерже, он должен быть знать очень хорошо. Должен был знать и полковника семеновских войск В. С. Слуцкого. Не мог он не знать и Л. Гутмана, Левицкого и других садистов, пытавших русских людей в подвале «Белого Дома» в Тяньцзине и в застенках особой японской железнодорожной полиции в Пекине, и об их участии в тупом и бессмысленном убийстве Клерже, Слуцкого и других жертв Антикоммунистического Комитета.

Архиепископ Виктор неизменно появлялся на всех торжествах и парадах, устраиваемых в честь японских властей. Он благословлял японских солдат, служил молебны их военачальникам, выступал с восторженными речами и провозглашал громкие тосты за доблесть японской армии в ее операциях в Китае. Его старания в пользу Японии — видимо искренние и невынужденные никаким давлением — были отмечены японским правительством, наградившим его высоким орденом «Восходящего Солнца», а его не менее ревностного помощника, о. М. Рогожина — орденом меньшей степени.

В 1942 году Виктор сдал в аренду японской компании часть миссионерского имущества в Пекине под фабрику изготовления сухого молока. На следующий год он передал в распоря-

---

[91]) «Возрождение Азии», «На пути к Родине», 1939, Тяньцзин.

жение японских военных властей трехэтажное здание Пекинской Миссии якобы для устройства в нем завода. «Завод» был огорожен двойным рядом колючей проволоки и у входа его были поставлены часовые. На самом деле это стал дом заключения для китайских военнопленных и других арестованных. Жившие вблизи него временами слышали ружейные залпы и отдельные выстрелы. Перед сдачей японскими властями этого здания, Виктор освятил его и благословил японцев «на работу».

Начало нового времени

После капитуляции Японии войска националистического Китая заняли Пекин, а попутно и Пекинскую Православную Миссию. Архиепископ Виктор был заметной фигурой в Китае и его добровольное сотрудничество с японскими военными властями во время оккупационного периода не могло не быть отмеченным правительственными и военными кругами гоминдановского Китая. В связи с этим вероятно и было занятие — в сущности, совершенно не нужное — китайскими войсками Пекинской Духовной Миссии. Их поведение там было настолько грубым и нетерпимым, что архиепископ Виктор обратился к советскому посольству за защитой. Он встретился с Патрикеевым и другими служащими советского посольства; тогда и начались переговоры с ним о присоединении Пекинской Духовной Миссии и всех православных церквей в Китае к лону Патриаршей Московской Церкви и о массовом переходе священнослужителей и прихожан в советское подданство.

В эмигрантских кругах считали, что Виктор только воспользовался предлогом, что в его Миссии стояли китайские солдаты, чтобы связаться с советским посольством. Еще до разгрома Японии, в предвидении его, Виктор должен был подвести итог своей не столько церковной, сколько политической деятельности за последние восемь лет — годы наибольшего его влияния на дальневосточную эмиграцию. Он не мог не знать об опасности, которая грозила ему со стороны гоминдановского Китая за его добровольное, ревностное сотрудничество с японскими оккупационными властями. Не мог он не знать и об отношении советского правительства к эмиграции вообще, а к японским коллаборантам в частности. Надеяться на покровительство со стороны правительства националистического Китая он не мог. По всей стране шли аресты лиц, сторонников Японии и, следовательно, врагов Китая. Готовились судебные процессы над

преступниками войны, японскими генералами за преступления, совершенные солдатами и офицерами их армий; над членами марионеточного правительства Ван Цзин-вея; над русскими эмигрантами, сделавшими рискованную ставку на Японию и проигравшими вместе с нею; над сотрудниками японских разведывательных органов и жандармских служб и работниками японских застенков, среди которых были японцы, китайцы, корейцы и русские эмигранты.

Время не ждало, это хорошо знал Виктор. Вины перед советским правительством он не чувствовал. Говорили о новых веяниях на родине, о перерождении советской власти, о национальном возрождении родины, о необходимости для всех ее сынов, рассеянных по всему миру, вернуться в материнское лоно. Что можно было бы поставить ему в вину? Его дружеские чувства к Японии? Во первых, это могло быть только на поверхности, во вторых, приходилось учитывать реальность обстановки и поступать в соответствии с нею. Поставить ему в вину духовное возглавление Антикоммунистического Комитета Северного Китая? Но это было больше антиэмигрантское, нежели антикоммунистическое учреждение. Никто, лучше его, духовного главы этого подсобного органа японской жандармерии, не мог свидетельствовать о том, как много сделало это учреждение в деле перехода эмигрантов в советское подданство еще в то время, когда советские власти не могли и мечтать о начале широкой кампании по переманиванию их на свою сторону.

Решение о переходе на советскую сторону не вызывало особого раздумья у Виктора, человека признававшего силу, в каком непривлекательном виде она ни была бы. Кроме того, у него не было выхода; со всей беспристрастностью и объективностью нельзя не отметить, что роль Виктора как человека и как священнослужителя при японских оккупационных властях была весьма неблаговидна. Больше времени ему пришлось отвести раздумью о том, каким образом и с какой наибольшей выгодой для себя и своей безопасности оформить переход на советскую сторону.

Советское правительство в лице пекинского посольства и особых работников по эмигрантским делам, как Патрикеева, не столько были заинтересованы Виктором, сколько дальневосточной эмиграцией, в то время еще внушительной многотысячной массы. Это хорошо понимал Виктор, раздумывая

об этом долгими вечерами у себя на Вэйгуане. Патрикеев торопил его с оформлением бумаг и торопил довольно бесцеремонно.

В конце октября 1945 года состоялся формальный переход ерхиепископа Виктора в лоно Патриаршей Московской Церкви. Оставалось только передать церковное имущество и с ним — эмигрантские души. Но здесь оказались почти непреодолимые трудности.

Начало борьбы за церковное имущество

Никаких осложнений не последовало в передаче советским властями церковного имущества в Пекине и Тяньцзине. В этих городах уже не оставалось влиятельных эмигрантских групп. Большинство перешло на советскую сторону, а те, кто попрежнему оставались на эмигрантском положении, уже перебрались в Циндао и, главным образом, в Шанхай. В Маньчжурии, с появлением в ней советских войск, вопрос о церковном имуществе отпал сам по себе в связи с почти массовым переходом православного духовенства на советскую сторону. Таким образом борьба за церковное имущество — и за эмигрантские души — была сосредоточена в Шанхае и до некоторой степени в Циндао.

В конце мая 1946 года в Шанхай спешно на аэроплане из Пекина прилетел архиепископ Виктор. За два дня до этого на «Смольном» из Владивостока в Шанхай прибыл один из ближайших сотрудников Лозовского, заместителя министра иностранных дел Молотова, — Ф. П. Халин. Между этими двумя приездами была согласованная связь: начало борьбы за овладение церковным имуществом, созданным русской колонией Шанхая. Первым объектом этой борьбы оказался величественный собор «Пресвятые Богородицы-Споручницы грешных» на Рю-Лафайет. Собор, напоминавший Храм Христа Спасителя в Москве, был выстроен по проекту архитектора Я. Л. Лихоносова на средства, полученные от крупных частных жертвователей и сбора среди дальневосточной эмиграции. Это было одно из величественных зданий на Французской концессии, вмещавшей в себе около двух с половиной тысяч молящихся. Он был выстроен на участке земли, пожертвованном Е. Н. Литвиновой, вдовой одного из крупнейших русских чаеторговцев.

После перехода архиепископа Виктора в лоно Московской Церкви, Шанхай по распоряжению митрополита Анастасия был выделен в отдельную епархию под главенством архиепископа Иоанна Шанхайского (Михаила Максимовича). Священником Богородицкого собора был о. Михаил Рогожин, правая рука архиепископа Виктора в период тесного сотрудничества с японскими оккупационными властями. После перехода Виктора на советскую сторону архиепископ Иоанн отстранил о. М. Рогожина и другого священника, о. А. Филимонова. Последний был выслан из Харбина в 1934 году японскими властями по подозрению в тайной связи с советскими властями.

В день приезда Виктора в Шанхай у Богородицкого собора собралось две группы, эмигранты и новоявленные советские граждане. Первые, прихожане собора, не собирались без борьбы уступить собор.

После совещания с советскими властями в генеральном консульстве архиепископ Виктор выехал в Нанкин для переговоров с правительством националистического Китая о переводе российского церковного имущества под юрисдикцию Московской церкви. Виктора сопровождал советский вице-консул Н. С. Ананьев и юристконсульт советского генерального консульства Пенкози-Пентковский. Одновременно в Нанкин выехал настоятель Богородицкого собора, китайский гражданин, как представитель архиепископа Иоанна Шанхайского. В Шанхае прихожане собора подали мэру города петицию об охране Богородицкого собора от возможных насильственных вторжений советских граждан, как это произошло до этого, когда пользуясь приездом Виктора в Шанхай, они взломали замок и самовольно проникли внутрь.

В Нанкине, кроме переговоров с китайскими властями, архиепископ Виктор встретился с советским послом А. А. Петровым. В результате этой встречи было решено использовать все методы борьбы за церковное эмигрантское имущество, какие только имелись в распоряжении советских властей.

В середине июня в советской прессе Шанхая было помещено сообщение архиепископа Виктора о запрете архиепископу Иоанну служить в церквах вследствие его неподчинения главе православной церкви в Китае и отказа покинуть занимаемый им церковный дом. На его место Виктор назначил хар-

бинского епископа Ювеналия. В той же газете появилось извещение М. Рогожина о созыве общего собрания прихожан для быстрого разрешения вопроса о присоединении к Патриаршей Церкви.

Оповещение Виктора, сделанное им сразу же по возвращении из Нанкина, имело в виду создать впечатление, что оно было согласовано с китайским правительством и их решением признать Патриаршую Церковь единой главой всех православных церквей в Китае. В обращении к Иоанну, Виктор называл его епископом, не признавая, что Заграничная Церковь возвела его в сан архиепископа и поставила во главе особо выделенной шанхайской епархии. Виктор также отказался признать, что его самого Заграничная Церковь возвела в сан митрополита — вынужденная и запоздалая мера, которой она надеялась удержать при себе честолюбивого человека и отвлечь его от советской стороны.

Одновременно с оповещением Виктора появилось извещение мэра Шанхая, в котором подтверждались законные права главы шанхайской епархии на церковное имущество. По распоряжению мэра около собора были поставлены китайские полисмены для охраны его от дальнейших поползновений со стороны советских властей через архиепископа Виктора.

Советские власти были задеты выступлением мэра Шанхая, но ничего не могли поделать. Предполагаемое собрание советских прихожан собора, о чем объявил М. Рогожин, было отложено на неопределенное время. Местная советская печать была вынуждена поместить сообщение об этом и этим признать провал первого выступления советской стороны.

Советская печать не ограничилась этим. Газеты «Новая Жизнь» и «Новости Дня» подняли яростную кампанию по очернению сторонников Иоанна, обвиняя их в приверженности к фашизму и нацизму и в коллаборации с японскими военными властями. В этой кампании особенно старались перебежчики, еще вчерашние сотрудники «Дальневосточного», а затем «Русского Времени» Куроки и других ультра-правых, фашистских и прояпонских газет. Им нужно было обелить себя перед новыми хозяевами и они поэтому старались во всю. Они выделили священника Матвея Медведева, назначенного настоятелем Николаевской церкви вместо отстраненного А. Филимонова, объектом особо яростных нападок. Несколько лет до этого о. М. Медведев бежал из советского кон-

центрационного лагеря и теперь, в разгар борьбы за церковное имущество явился одним из самых рьяных обличителей советской власти.

Широкие эмигрантские круги, сторонники архиепископа Иоанна Шанхайского, не оставались пассивными в этой борьбе. Во время служб во всех церквах русской колонии распространялись листовки с еще недавними проповедями и речами архиепископа Виктора и его правой руки о. Рогожина, в которых они воспевали славу японскому оружию, преклоняясь перед японскими военными властями и возносили до небес деятельность Антикоммунистического Комитета и его «священной борьбы» против коммунизма и Третьего Интернационала.

Советские власти должны были признать неудачу и перейти к другому способу захвата церковного имущества. В августе того же года вице-консул Н. С. Ананьев посетил архиепископа Иоанна Шанхайского в попытке убедить его перейти в лоно Патриаршей Церкви. Ананьев впервые встретился с архиепископом Иоанном за шесть месяцев до этого, когда он пригласил его, архиепископа Виктора и ряд церковных и общественных деятелей посмотреть советский фильм «Святейший Синод и избрание Патриарха Алексия». Хотя делами церкви в созданном советским правительством «Совете Русской Православной Церкви в Шанхае» ведал секретарь советского генерального консульства Борисов, Ананьев решил сам начать переговоры с архиепископом Иоанном. На прямое предложение Ананьева перейти в лоно Московской Церкви, архиепископ Иоанн ответил, что он находится под юрисдикцией Заграничной Церкви, возглавляемой митрополитом Анастасием. Ананьев на это возразил, что СССР не признает Заграничную Церковь и что между Китаем и СССР существует соглашение относительно православного церковного имущества и что китайское правительство в связи с этим готовит распоряжение, которое он, Ананьев, получит лично по прибытии в Нанкин, после чего он заберет Богородицкий собор и епископский дом.

Архиепископ Иоанн ответил, что Русская Православная Миссия существует в Китае свыше двухсот лет и что в 1924 г. Верховный китайский суд признал за нею право на церковное имущество, созданное императорской Россией и затем увеличенное дальневосточной белой эмиграцией. Архиепи-

скоп Иоанн напомнил Ананьеву, что еще в то время, когда в Пекине находился посол Карахан, советское правительство безуспешно пыталось отторгнуть церковное имущество.

Ответы архиепископа Иоанна не могли не вывести из себя Ананьева. Поскольку в начале он старался быть любезным и приятным, постольку с развитием разговора он становился нетерпеливым и нетерпимым, зайдя так далеко, что потребовал ответа, почему были отстранены от службы священники Рогожин и Филимонов без его, Ананьева, ведома, т. к. все перемены в церковном составе должны решаться советским посольством и Пекинской Миссией. Архиепикоп Иоанн ответил, что Китай не Советский Союз, что советская власть не имеет никакого отношения к церковным делам и что все изменения в составе и назначения делаются им, архиепископом Иоанном, как главой Шанхайской епархии.

Арест архиепископа Виктора

Борьба за церковное эмигрантское имущество не могла не привлечь внимание широкого общественного мнения. Иностранная печать Шанхая не без иронии отметила неожиданное пробуждение религиозного рвения у советских властей. Китайские власти возобновили интерес к архиепископу Виктору и, пока шла борьба советского генерального консульства за шанхайское церковное имущество, успели накопить обширный материал в добавление к тому, что у них уже был собран заранее.

В октябре 1946 года шанхайская полиция по распоряжению главного прокурора арестовала Виктора и препроводила в Бридж-Хауз, зловещая память о котором сохранилась еще со времени японской оккупации. Обвинительный акт оказался весьма пространным: коллаборация с японскими властями с самого начала японской оккупации Китая; коллаборация с марионеточным правительством Ван Цзин-вея; духовное возглавление Антикоммунистического Комитета Северного Китая и тесное сотрудничество с главой его Пастухиным, жандармским капитаном Таки и другими лицами, служащими тяньцзинской и пекинской военными японскими миссиями и жандармскими отделами; усиленная деятельность по внедрению путем проповедей, докладов, лекций, речей, воззваний в толщу дальневосточной эмиграции «нового порядка»; сдача в аренду православного миссионерского имущества японским

военным властям для устройства в нем концентрационного лагеря для китайских военнопленных и других лиц, и т. д.

Весть об аресте Виктора произвела на Шанхай впечатление неожиданно разорвавшейся бомбы. Новоиспеченные советские граждане не могли представить, как китайские власти решились арестовать главного представителя Московской Церкви, за которым — с определенным расчетом — стояло советское правительство. Весть эта встревожила те слои вчерашних эмигрантов, которые на подобие Виктора принятием советского подданства и ревностной работой для новых хозяев старались затушевать свои прежние политические увлечения. Если китайские власти отважились арестовать архиепископа Виктора и уготовить ему обвинительный акт в тридцать с лишним страниц, то, следовательно, от них можно ожидать всего. Советское генеральное консульство совсем не является уж таким надежным и верным защитником!

Советская сторона распространяла слухи, что Виктор будет освобожден немедленно, как только советский посол Петров выберет время и лично снесется с китайским правительством. Говорили, что Москва на арест Виктора ответила арестом китайского посла. Шанхайская советская печать настойчиво требовала освобождения Виктора и ареста видных деятелей эмиграции за коллаборацию с японскими властями. Она обвиняла широкие круги российской эмиграции в умышленном создании обстановки, которая побудила китайское правительство арестовать Виктора. В своих абсурдных обвинениях советская печать дошла до утверждения, что некоторые лица, особенно враждебно настроенные к Виктору, проникли в его комнату и там запрятали опорочивавший его материал. В подобном действии не было никакой необходимости. Для лишнего ознакомления с его еще недавней деятельностью нужно было только перелистать некоторые эмигрантские издания, как «Луч Азии», «Возрождение Азии», «Дальневосточное Время», и сделать из них выборки. Для дальневосточной эмиграции, не поддавшейся на советские уговоры и уговоры лиц, подобных Виктору, да и для китайских властей, недавние увлечения главы Пекинской Духовной Миссии были достаточно памятны, чтобы прибегать к каким-либо уловкам.

В своем обращении к консулу Халину с просьбой о быстром освобождении архиепископа Виктора группа новоявленных советских граждан руководствовалась больше личными сооб-

ражениями, нежели симпатиями к своему духовному пастырю. Халин принял их обращение, сделав при этом евангельское замечание, что Виктор, де, принял мучение за христианскую веру, будучи загубленным врагами, противившимися его желание передать церковное имущество Патриаршей Церкви.

Через неделю после ареста архиепископ Виктор был освобожден и передан на поруки вице-консула Ананьева и советского Комитета Русской Православной Церкви. При выходе из тюрьмы он сделал патетическое заявление: «если за мной не было бы советского правительства, меня не выпустили бы на свободу». Советская печать отметила освобождение Виктора таким выспренным славословием, словно это касалось освобождения из темниц христиан-мучеников первого века. Михаил Рогожин, приветствуя Виктора с амвона Николаевской церкви, не преминул приумножить свой политический капитал:

> Принимая вас, Ваше Высокопреосвященство, выпущенного из темницы благодаря заступничеству представителя нашего советского правительства Николая Степановича Ананьева, не забудем его слова: скажите всем русским людям, чтобы они берегли и слушались архиепископа Виктора как своего духовного главу и слились с ним вместе во славу православной церкви и родины.[92])

Сотрудники архиепископа Виктора.

Ближайшими сотрудниками Виктора были св. Михаил Рогожин, доктор Е. А. Насонов, В. В. Кларин-Турин, б. помощник редактора газеты «Слово» и секретарь шанхайского отдела Младороссов, ставший сотрудником газеты «Новости Дня»; ее редактор-издатель В. А. Чиликин, и некто И. Е. Крупенин, расстриженный монах, ставший сектантом, затем вновь перешедший в православие.

Как и Виктор, Михаил Рогожин после окончания семинарии попал на военную службу, участвовал офицером в Великой и гражданской войнах. В Харбин прибыл с волной беженцев и там вскоре принял сан священника. Был настоятелем церквей сперва в Затоне, затем в Модягоу, одновременно преподавал Закон Божий в одной из средних школ Харбина. В 1937 году переехал в Шанхай на место настоятеля св. Николаевской церкви, пока не был переведен в Тяньцзин.

---

[92]) Глава «Церковные подвижники» в основном написана по материалам и исследованиям Ю. А. Черемшанского.

Ход церковно-общественной и политической деятельности М. Рогожина близко походил на деятельность Виктора. Как и последний, Рогожин оказался отличным церковным и общественным деятелем. Он быстро завоевал себе привязанность и любовь своих прихожан заботами об улучшении церковной жизни и быта эмигрантов. Здесь также широко развернулась его политическая деятельность и тесное сотрудничество с архиепископом Виктором.

В Тяньцзине Рогожин стал главой Культурно-просветительного отдела Антикоммунистического Комитета Северного Китая и одним из рьяных проводников японского «нового порядка». Он сотрудничал в печати Фашистского Союза и прояпонских изданиях, восхвалял японское оружие, этот, по его словам, «священный меч борьбы против коммунизма».

М. Рогожину, как и архиепископу Виктору, приписывают помощь в вербовке русских эмигрантов в японские отряды железнодорожной охраны.

В 1941 году Рогожин вернулся в Шанхай, где стал настоятелем собора Св. Гавриила на Рут Пол Анри. Продолжая свою политическую деятельность, он тесно связался с Российским Эмигрантским Комитетом, уже подпавшим целиком под контроль японских оккупационных властей в лице Куроки. В этот период его известность как ревностного защитника Японии и яростного врага коммунизма дошла до апогея. Как ни странно, этому немало способствовал его исключительный проповеднический дар.

Затем наступил резкий поворот. В мае 1946 года Михаил Рогожин признал московского патриарха Алексея. Это совпало с приездом в Шанхай его наставника архиепископа Виктора. Оставаясь священником при соборе и пользуясь большим влиянием среди прихожан, М. Рогожин способствовал переходу многих из них в советское гражданство. У него появились новые друзья и связи в генеральном консульстве и других советских учреждениях, которые умело использовали его таланты и влияние. Среди последних находились вице-консул Н. С. Ананьев и Е. А. Насонов.

Насонов, как Виктор и Рогожин, попал на Дальний Восток как политический эмигрант, офицер белоповстанческих войск. В Харбине он начал службу в железнодорожной полиции КВжд, затем поступил в школу зубных техников, после окончания которой стал именовать себя доктором.

В 1924 г. Насонов к своей технической профессии приурочил профессию секретного агента при японской разведке. В его кабинете, вместе с матералами по зубоврачебной технике, появились химические средства для проверки чернил, приспособления для невидимого снятия с писем сургучных печатей и прочая техника для перлюстрации писем. В дополнение к этой кабинетной работе, Насонов занялся сбором информаций среди советских служащих на КВжд, для чего привлек некого Задорожного. Последний поставлял отличную информацию, документы и т. д., которые фактически шли от Козловского, резидента НКВД в Харбине. Через Задорожного же Козловский узнал о деятельности насоновского «зубоврачебного» кабинета и под угрозой раскрытия его поставил вопрос о работе для советской стороны. Так шло до 1929 года, когда японская разведка установила связь Насонова с советскими агентами. Японские власти еще не были в силе в Маньчжурии и Насонов пока еще находился на свободе. Когда Маньчжурия перешла в японские руки, Насонов был арестован и заключен в тюрьму. После нескольких месяцев заключения он был освобожден и выслан за пределы Маньчжурии.

Насонов перебрался в Шанхай, открыл там кабинет зубоврачебной техники и попытался вновь связаться с японскими разведовательными органами, но о его харбинском провале было хорошо известно. Огорченный неудачей, Насонов принял деятельное участие в церковной работе при соборе на Рут Пол Анри.

После капитуляции Японии Насонов, перейдя в советское подданство, вошел в состав Совета Православной Церкви в Китае, главной двигательной силой которого были Ананьев и Борисов из советского генерального консульства. В борьбе за обладание церковным эмигрантским имуществом Насонов — в недавнем прошлом мелкий японский агент — явился одним из наиболее деятельных помощников архиепископа Виктора.

Попытка избежать суда.

Арест архиепископа Виктора и твердая позиция китайского правительства в ограждении церковного имущества в Китае от захвата заставили советские власти изменить тактику. На совещании консульских церковных поборников и Совета Православной Церкви было решено временно прекратить нападки на архиепископа и его сторонников и отойти от откры-

той защиты архиепископа, суд над которым ожидался со дня на день.

В конце ноября 1946 г. прокурор китайского суда известил Виктора о назначении дня судебного процесса по его делу о коллаборации с японскими оккупационными властями. Не теряя времени, Виктор посетил Халина. За два дня до начала судебного разбирательства советские врачи нашли, что у Виктора случился сердечный припадок и его немедленно отправили в госпиталь. На этот счет имеется две версии. По первой у Виктора не было никакого припадка, но Халин решил, что для избежания — хотя бы временно — суда, Виктор должен был лечь в госпиталь. По второй версии, Халин довел перепуганного пастыря на самом деле до сердечного припадка. Человек грубый, нетерпимый, Халин, не долюбливал духовных лиц, особенно такого типа, как Виктор. Он не мог ему простить неудачи с переводом церковного имущества и дальневосточной эмиграции в лоно Московской церкви и советское подданство. Архиепископ Виктор должен был принять двойной удар: китайский суд собирался судить его за громкое поведение во время японской оккупации, Халин судил его за тихие успехи в делах дальневосточной эмиграции.

Накануне судебного процесса Виктора в госпитале посетил помощник прокурора. Китайские власти подозревали, что Виктор готовился спешно отбыть на пароходе «Смольный», стоявший под парами на Вангпу. При Викторе находился советский врач, не столько для лечения его, сколько на тот случай, если советские власти решат симулировать его болезнь дальше и довести до разрыва сердца. Появление архиепископа Виктора, главы новоявленной Московской церкви в Китае на китайском суде по делу о коллаборации с японскими военными властями явилось бы большим уроном для престижа советского правительства и его политики в Китае. Смерть же архиепископа Виктора накануне суда была бы принята как смерть мученика за «веру и отечество», жертвы «китайского произвола и террора».

Шанхайская прокуратура потребовала от старшего врача письменной гарантии, что Виктор не покинет госпиталя.

Пока Виктор продолжал отлеживаться в госпитале, в Нанкине советское посольство начало давить на китайское правительство. У последнего были свои проблемы значительно большей важности, чем личность Виктора и его прошлые по-

литические грехи. В то время, год с небольшим после окончания Тихоокеанской войны, еще не выкристаллизировалась трагическая судьба Китая и еще были основания верить, что сбудутся благие пожелания участников Ялтинского совещания, включая коварного Сталина, в отношении их азиатского союзника.

Когда стало известно, что правительство националистического Китая под давлением веских политических причин готово отложить суд над главой Московской церкви в Китае на неопределенное время, а то и совершенно замять его, от сердечного припадка Виктора не осталось и следа.

Освобождение Виктора было отмечено пышным банкетом, на котором присутствовали генерал Н. В. Рощин, военный атташе, в недалеком будущем занявший пост посла в Нанкине; ответственные сотрудники генерального консульства во главе с Халиным, знатные советские граждане, включая большое количество новоиспеченных компатриотов. Гремели речи, провозглашались тосты за Сталина, Молотова, Рощина, Халина, архиепископа Виктора. В своем слове Рощин сказал, что Виктор стал жертвой эмигрантских интриг, врагов Советского Союза и русской православной церкви. В ответном слове Виктор сказал, что его «освобождение из темницы стало возможным только благодаря доброму заступничество советского правительства и его представителей в Китае, всегда защищавших верных советских граждан».

Продолжение борьбы.

После освобождения Виктора из тюрьмы советская кампания за отторжение церковного имущества на время потеряла свою остроту и напористость. Все же систематический нажим на эмигрантов и продолжавшееся увеличение советской колонии Шанхая за счет эмиграции привели к тому, что некоторые отдельные церкви перешли под юрисдикцию Московской Патриархальной Церкви. Таким оказался Св. Николаевский собор. В переходе его на советскую сторону решающую роль сыграл новый советский посол генерал Рощин.

В шанхайском консульстве произошли за это время перемены. Церковные дела перешли в ведение вице-консула П. А. Сергеева, сочетавшго одноврменно их со службой резидента МВД. Внешним ядром борьбы за обладание церковным эми-

грантским имуществом попрежнему оставался Совет Православной Церкви. В отношении архиепископа Иоанна Шанхайского был принят новый прием, подсказанный Сергеевым: устно и через советскую печать усиленно говорилось о его особо дружеских чувствах к католической церкви, особенно в отношении архиепископа Юн Пына в Нанкине, в котором «он не только ищет защиту, но и готов передать ему православное имущество, чтобы только не допустить перехода его в лоно Патриаршей церкви».

В начале осени 1948 года центр борьбы временно передвинулся из Шанхая в Циндао. Советские власти оказались озабочены поездкой туда архиепископа Иоанна Шанхайского. Вопрос шел относительно единственной там православной церкви, обслуживавшей небольшую русскую колонию.

Церковь в Циндао была построена в 1927 году на земле, пожертвованной китайским правительством, и на средства, собранные среди дальневосточной эмиграции. Накануне японо-китайской войны она была зарегистрирована как собственность Русского Христианского Православного Общества.

На второй год, после оккупации японскими войсками значительной части Китая, в Циндао прибыл ерхиепископ Виктор с майором Таки, главой русского отдела японской военной миссии в Северном Китае. В присутствии майора Виктор объявил Русское Православное Общество не существующим, а церковь включил в общее имущество Пекинской Духовной Миссии. Вместо распущенного общества Виктор организовал Свято-Софийское Православное Братство. Майор Таки был заинтересован только в политических делах и его мало трогало, что сделает Виктор в отношении церкви, постольку, поскольку переход ее под прямой контроль Пекина ознаменовал и установление японского контроля над ее прихожанами.

После капитуляции Японии и перехода Виктора на службу к новым хозяевам (прежние методы установления контроля над эмигрантской церковью и ее прихожанами от этого нисколько не изменились), старые прихожане церкви решили остаться в стороне от форсированного перевода церковного эмигрантского имущества под главенство Патриаршей Церкви.

В связи с этим в Циндао и прибыл глава отдела Зарубежной Церкви в Китае архиепископ Иоанн. Он распустил Свято-Софийское Братство и предложил первоначальному Общест-

ву взять церковь в свои руки и, признав юрисдикцию Заграничной Церкви предотвратить ее переход в руки Виктора. На выборах было утверждено восстановленное общество, которое немедленно возбудило ходатайство перед китайским правительством о формальной передаче ему церкви. В ходатайстве было указано, на чьей земле и на чьи средства была построена церковь и что поэтому она не имела никакого отношения ни к Виктору японского, ни к Виктору советского периода.

Новоиспеченные советские граждане русской колонии Циндао по распоряжению советских властей из Нанкина и Шанхая старались сделать все, чтобы помешать восстановленному Обществу сохранить свое церковное имущество. Они пытались держать церковь под замком и не допускать в ней ведение служб. Обществу пришлось обратиться к китайским властям у церкви была поставлена китайская полиция, чтобы держать ее открытой в часы богослужений.

Вопрос о церковном имуществе продолжал тревожить дальневосточную эмиграцию. На стороне советских властей находились сила, влияние, средства. Китайские власти хотя и продолжали оказывать некоторую защиту дальневосточной эмиграции и признавать за нею права на церковное имущество, но политическая игра оставалась политической игрой и никто не был уверен в том, что в отчаянной борьбе за существование националистического Китая его вожди не пойдут на компромисс с советским правительством, двигающей силой китайских коммунистов.

У эмиграции не было средств борьбы, было только страстное тяготение к тому, что она создала. У нее не было человека, типа советского посла Рощина, который мог бы давить на Нанкин простым намеком, что советское правительство еще может удержать китайских коммунистов, что не все еще потеряно, даже если Китай окажется прототипом будущих расколотых государств, как Корея и Вьетнам.

Время стремительно приближалось к фатальной черте, за которой не оставалось ничего, кроме спасения остатков некогда огромной эмигрантской массы. События надвигались, и осенью 1948 г. уже полностью определился их грозный характер.

Дальнейшая судьба Виктора не известна. Некоторое время он еще был в Китае, пока завершалась трагедия дальневосточной эмиграции. Затем сведения о нем прекратились. Так было и с другим высоким священнослужителем, архиепископом Нестором Харбинским, которого чтили в Маньчжурии за его просветительную деятельность и заботы о нуждающихся, пока к концу Тихоокеанской войны от него не стали отходить его приверженцы. Его отношение к японским военным властям хотя и не походило на отношения Виктора, но во время войны, подчиняясь настоянию их, он заговорил о необходимости поклонения богине Аматерасу в благодарность японцам за их отношение к эмигрантам. Позже эту мысль приписывали некому Л. Черных, бывшему заведующему Школьным отделом Бюро по делам Российских Эмигрантов и начальнику учебного округа Харбинского округа, который подал ее японским военным властям, заверив их, что архиепископ Нестор поддержит их. Говорили также о том, что Черных был связан с чинами советского консульства и сделал это по их предложению, которое имело целью внести раскол в среде эмиграции и настроить ее против Японии.

Неизвестно, был ли Нестор связан с советскими властями — как об этом говорили позже — или нет, но во время семидневной войны в Маньчжурии он уже был на их стороне.

Во время занятия советскими войсками Харбина Нестор на соборной площади служил благодарственный молебен, провозглашал «многие лета» советской армии, ее полководцам и «поборнику православия Иосифу Виссарионовичу». Советские власти вначале щедро отплатили ему, обласкали его, подарили автомобиль. В 1948 году они предоставили для него специальный вагон для торжественного следования в Москву на Церковный Съезд. В день предполагаемого отъезда китайский Ревком неожиданно арестовал его. Сделано это было с ведома и согласия советских властей, т. к. Нестор был посажен на пароход на Сунгари и доставлен в Хабаровск. Специальный вагон явился бутафорией, но китайские власти ничего не могли сделать без шума и, таким образом, инсценировка с поездкой на Церковный Съезд провалилась.

В Хабаровске следы Нестора затерялись. Были слухи, что он умер, но через семь-восемь лет пришло известие, что отбыв срок заключения в концлагере, он доживает последние дни в Ижевске на Урале.

V

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ЦЕНТРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

После окончания войны Шанхай стал одним из главных центров деятельности советских властей в Китае. Это объяснялось тем, что, не будучи столицей Китая, Шанхай играл важную роль в политической и экономической жизни страны. Кроме этого в Шанхае находился главный штаб американских армейских, воздушных и морских сил, оперировавших в Китае. Шанхай еще продолжал оставаться главным центром дальневосточной эмиграции.

Советское генеральное консульство возглавлялось сперва Н. С. Ананьевым, затем Ф. П. Халиным; оно состояло из двух вице-консулов, одного первого секретаря, двух вторых секретарей, одного третьего секретаря и десятка с лишним лиц, включая смотрителя и сторожей здания, обычно являвшихся сотрудниками НКВД/КГБ.

Шанхайский отдел советского посольства, переведенного из Пекина в Нанкин, возглавлялся А. М. Макиным и состоял из его помощника, одного советника, одного атташе и трех секретарей.

В Шанхае находились большие отделы Торгпредства, Экспортхлеба, Интуриста, Московского Народного Банка, советской кино-промышленности (Прокат Советских Фильмов) и т. п. Эти учреждения обслуживались большими штатами служащих, из которых немало было сотрудников НКВД/КГБ, как, например, В. Д. Размадзе, ведавший, для видимости, отделом по закупке чая в Торгпредстве, в действительности же являвшийся специалистом по устройству демонстраций и уличных боев; М. В. Михеев, один из управляющих Московского Народного Банка, в действительности шанхайский резидент НКВД/КГБ, и другие.

Советская военная миссия

Вскоре после окончания Тихоокеанской войны в Шанхай из Чунцина прибыла советская военная миссия в составе помощника военного атташе полковника П. П. Воронина, полковника С. П. Андреева и капитана М. В. Медведева. Прибытие в Шанхай советской военной миссии до прибытия в Китай полного состава дипломатических представителей связывалось с озабоченностью советского правительства в отношении военного и политического положения в Китае, роли в нем американских вооруженных сил, и неуверенностью Москвы в исходе уже начавшейся борьбы между китайскими коммунистическими властями и центральным правительством. Пребывание советской военной миссии в Шанхае объяснялось также тем, что в нем находился штаб американского армейского командования и военно-морского флота. Советское правительство было заинтересовано в сведениях о подготовке и размере американской помощи центральному правительству.

Через два месяца после прибытия первой группы офицеров в Шанхай из Северного Китая прибыл полковник М. Горев, старший помощник генерала Н. В. Рощина, главы советской военной миссии в Китае. Полковник Горев возглавил шанхайский отдел миссии, где его деятельность вместе с майором Константиновым была направлена на работу среди американских вооруженных сил. В. Н. Константинов официально занимал пост главы шанхайского отдела Интурист, в действительности же ведал военной разведкой в Шанхае.

В апреле 1946 года в Шанхай прибыл ген. майор Н. В. Рощин со своим помощником полковником А. И. Орищенко, и адъютантом ст. лейт. А. Г. Путилиным. По пути в Шанхай Рощин посетил Нанкин, куда в то время переводилась столица из Чунцина. В Нанкине Рощин учредил отдел военного атташе с подотделом в Шанхае, основав себе резиденции в этих двух городах.

Незадолго до этого на Киангванском аэродроме в Шанхае был арестован некто Джозеф Плот, при котором были обнаружены секретные документы, выкраденные им из отделов Военно-морского флота США. Арест Плота раскрыл успешно начатую деятельность советской военной разведки, после чего ей пришлось сменить некоторых агентов.[93])

---

[93]) Из архива Ю. А. Черемшанского.

Сотрудники советской военной миссии усиленно действовали среди русской колонии Шанхая, одинаково среди эмигрантов и новоявленных советских граждан. Они устраивали приемы, на которые приглашали известных в эмиграции лиц, щеголяя на этих приемах и других выступлениях своей формой, близко напоминавшей форму старой российской императорской армии. Попутно с этим насаждались агенты в транспортных отделениях, пароходных компаниях, на железнодорожных, телефонных и телеграфных станциях для сбора информаций относительно передвижения китайских и американских войск на территории Китая, состояния военного снаряжения, местонахождения военных складов, артиллерийских, автомобильных парков, авиационных баз и т. п.

Антиамериканские выступления

Все советские учреждения, включая военную миссию, ТАСС и т. п., сосредоточили свою деятельность на создании в Китае антиамериканских настроений. Этот период совпал с периодом пребывания в Китае чрезвычайного посла генерала Маршалла и затем с назначением доктора Стюарта американским послом.

Вскоре после окончания войны в одной из английских газет Шанхая появилось интервью с Чен Ли-фу, одним из министров центрального правительства, в котором был изложен взгляд правительственной партии (Гоминдана) на взаимоотношения Китая с Советским Союзом. Вследствие важности вопроса интервью получило широкую огласку, но было замолчено советской печатью. Советское правительство этим фактом как бы хотело подчеркнуть, что оно совершенно не заинтересовано во внутренних делах Китая.

Советские власти должны были признать, что это интервью явилось поворотным камнем в политике националистического Китая. Вскоре после него последовало сообщение генерала Маршалла и посла Стюарта о том, что переговоры центрального правительства с китайскими коммунистами зашли в тупик. Советским властям оставалось свести воедино интервью китайского министра и заявления американских представителей Вашингтона и сделать вывод, что как интервью, так и эти заявления являются выражением воли китайско-американских реакционных кругов не только не допустить возможности сговора Гоминдана с яньаньскими коммунистами, но и

уничтожить в самом зародыше стремление последних установить свое влияние в Китае.

Из этого вывода советским властям легко было сделать и следующий, неменее произвольный, вывод, что интервью министра и заявление Маршалла и Стюарта явилось заранее рассчитанным и хорошо согласованным дайствием, чтобы оказать давление на американское общественное мнение и убедить его в том, что только путем вооруженного вмешательства американской армии можно добиться объединения Китая, что в представлении Москвы и Яньаня было синонимом уничтожения китайской компартии.

Советская пропагандная машина получила задание заговорить на всевозможные лады, что «американские правящие круги» готовят захват Маньчжурии для превращения ее в арену войны с китайскими коммунистами и с Советским Союзом, «этим покровителем угнетенных народов». С другой же стороны, присутствие советских войск в Маньчжурии, после освобождения ее от японского владычества, объяснялось стремлением сохранить этот край для передачи его китайскому народу. Советской пропагандной машине оставалось еще доказать, что американские власти стремятся раздуть в Китае гражданскую войну и готовы использовать американские военные силы, находящиеся на территории и в водах Китая.

В антиамериканскую кампанию, кроме советских учреждений официального и неофициального характера, были втянуты различные китайские и иностранные организации и учреждения. Одной из них была Китайская Демократическая Лига, организация прокоммунистического толка, многие члены которой состояли в Китайско-советской Ассоциации Культурных Взаимоотношений. Лига располагала большими средствами, частью собранными среди своих членов, частью пожертвованными богатыми китайцами в расчете на страховку и покровительство, если политическое положение изменится к худшему; частью отпущенными через ТАСС советским правительством.

В связи с развитием антиамериканской кампании, в Шанхай из Владивостока был направлен Знаменский, член китайского отдела Профинтерна, (профессионального трудового союзе) занимавшего функции Коминтерна. Прибытие Знаменского было особо засекречено, его имя не числилось в списках пассажиров парохода «Смольный», он сошел с него не в Шанхае,

а в Вузунге, а затем был доставлен в город. Знаменский, считавшийся экспертом своего дела, прибыл для подрывной деятельности и усиления антиамериканской кампании среди китайских рабочих.

Летом 1946 года китайские студенческие организации и коммунистическая организация, известная под названием «Движение за Мир», провели в ряде китайских городов грандиозные антиамериканские демонстрации, требуя немедленного вывода американских и других иностранных вооруженных сил из Китая. Эти демонстрации были проведены под руководством пропагандистов и агитаторов из Китайской Демократической Лиги, Китайско-советской Ассоциации Культурных Взаимоотношений и других коммунистических организаций. В Шанхае общее руководство демонстрациями находилось в руках Размадзе, Михеева, Знаменского и других советских агентов.

За несколько недель до массовых демонстраций ТАСС и другие советские учреждения получили из Москвы приказ усилить в печати, по радио и различными другими способами антиамериканские выступления. Появились вымышленные сведения о том, что американские войска, совместно с войсками центрального правительства, повели наступление на ряд городов и стратегических пунктов в Северном Китае, занятых Восьмой полевой армией и другими единицами «Народного Освободительного Фронта».

В связи с антиамериканской кампанией увеличились случаи нападения на американские отряды и отдельных солдат и матросов. Эти нападения были спровоцированы коммунистами и их московскими наставниками и шли под лозунгом «Прочь руки от Китая», хотя этот лозунг скорее относился к последним, чем к группам американских солдат и матросов, искавших легких авантюр в кабаках и барах Шанхая и других китайских портовых городов. Обычно нападения на солдат и матросов начинались после того, как рикши, получив щедрую плату, требовали от них еще больше денег. В Китае хорошо было известно, что если иностранец, не знавший порядков, платил рикше один доллар, то рикша немедленно требовал больше. Нужно было забрать доллар и дать ему десять центов, действительную стоимость проезда, и тогда он благодарил и убирался во свояси. В послевоенный, искусственно обостренный период даже рикши, обычно лучше зарабаты-

вавшие от иностранцев, чем от китайцев, были настроены против американцев. Недоразумения с рикшами вызывали возбужденное участие толпы, среди которых всегда находились зачинщики скандала. В толпе раздавались крики «тай-тай» («бей их, бей»). Китайская полиция обычно оставалась вcтороне, боясь оказать помощь американцам, чтобы не обрушить на себя ярость толпы.

Как в отношении массовых демонстраций, так и в отношении отдельных нападений на американцев центральное правительство было не в состоянии сделать что либо. Американские власти делали все в их силах, чтобы затушевать отдельные антиамериканские выступления и не придавать им никакого значения. Совершенно иначе поступали советские власти. Они всеми способами, вплоть до грубых подтасовок и фальсификаций, раздували все, что относилось к антиамериканским выступлениям, стремясь придать им характер неприязненных чувств и враждебности, — которых на самом деле не было у китайского народа. Так, например, за три месяца до массовых антиамериканских демонстраций в Китае происходили такие же массовые антисоветские демонстрации. У демонстрантов были плакаты с требованием освободить Маньчжурию от советских войск. Эти демонстрации были сняты советскими кино-операторами. Снимки затем были «отредактированы», с них исчезли антисоветские плакаты, появились антиамериканские, и в таком виде они предстали перед кино-зрителями и в печати как свидетельства антиамериканского движения в Китае.

В период этих массовых демонстраций в Москву был отозван генерал Рощин. Вначале его отзыв объясняли недовольством его деятельностью в связи с недостаточным развитием антиамериканской кампании. На самом же деле он был вызван для подготовки к посту советского посла в Нанкине.

Весной 1948 года Рощин вновь появился в Китае, на этот раз в качестве посла. Прежний посол, А. А. Петров, был смещен за мягкость и нерешительность в отношении центрального правительства, особенно в таких делах, как введение особого, привилегированного для Советского Союза положения в Порт Артуре и Дальнем, поддержка коммунистических отрядов, укрепление советского влияния в Маньчжурии. Со своей стороны Петров опасался, что раскрытие внутренней

связи советского правительства с китайскими коммунистами повредит международному положению Советского Союза, настроит против него мировое общественное мнение и умалит его престиж в Организации Объединенных Наций.

С занятием поста московского посла в Нанкине Рощин провел большие изменения в составе посольства и консульств. К этому времени политика советского правительства в отношении Китая определилась полностью. Не оставалось особых сомнений в том, что в Гражданской войне Китая победителями окажутся коммунисты. Оставалось только дождаться заключительного акта. В этом отношении назначение Рощина явилось поворотным камнем. Одной из его задач было улучшение (нужное Москве только на поверхности) взаимоотношений с центральным правительством Китая и направление его против «прояпонской» политики Соединенных Штатов, корая де «стремилась к укреплению в Азии не Китая, а его врага Японии».

Главной же задачей нового советского посла в Нанкине было ускорение процесса советизации Китая, что имело прямое и непосредственное отношение к судьбе российской дальневосточной эмиграции.

Советская пропаганда

Хотя Москва не поддерживала сношений с Нанкином, столицей марионеточного режима Ван Цзин-вея, она чувствовала себя свободной в ведении на его территории почти неограниченной ничем советской пропаганды. Этому в значительной степени способствовали японские оккупационные власти, настоящие хозяева положения, которые вели себя с крайней осторожностью в отношении Советского Союза, не желая никаких с ним осложнений, чтобы не поколебать и без того шаткое положение советского нейтралитета. Со своей стороны, и советское правительство платило им тем же, стараясь не затронуть их, и проявляя сугубую осторожность в выборе пропагандных мишеней. Недостатка в последних не было: гоминдановские вожди, военачальники, дальневосточные эмигранты, их вожди, политические и общественные деятели, западные союзники антигитлеровской коалиции — все они в той или иной степени делили внимание советской пропаганды.

Только позже, к концу 1944 года, Япония решила сократить советскую пропаганду, заставив нанкинское правительство запретить ее деятельность в радиопередачах и печати на всех иностранных языках, за исключением русского.

После окончания семидневной совето-японской войны советская пропаганда, заглохнувшая на это время, возобновила с новым рвением свою деятельность. Советский Союз стал теперь военным союзником Китая, победителем Японии, врага китайского народа, его другом и защитником. Это положение не изменило сущности и устремленности советской пропаганды. Наоборот, она стала еще более напористой, расширив намного свою деятельность. Освобожденная от необходимости считаться с кем-либо (как это было с Японией) и подчиняться требованиям цензуры со стороны центрального правительства Китая, советская пропаганда быстро перешла границы сдержанности и пристойности. Еще больше увеличилось число объектов ее нападений, еще более резким и враждебным стал ее характер.

Центром советской пропаганды и другой враждебной деятельности стал Шанхай. Еще во время войны, в период японской оккупации издательские фирмы Шанхая, попавшие в советские руки, выпускали множество изданий на русском, китайском и английском языках. Советская радио-станция «Голос Родины» передавала программы пропагандного характера кроме этих языков и по немецки.

Общей пропагандной деятельностью ведало Телеграфное Агентство Советского Союза. ТАСС разделялся на два отдела: информационный и пропагандный. Первый отдел выпускал ежедневно для местной печати бюллетень на русском, английском и китайском языках. Этот отдел был официальной стороной ТАССа, его лицом. Пропагандный отдел был поставлен шире, самостоятельнее и более скрытным образом. В его ведении находились радио Голос Родины, кинематографическая секция, отделение Госиздата, несколько книжных магазинов и библиотек, секция пропаганды среди иностранных армий и флотов; Славянский Союз при Ассоциации Советских Граждан, составленный из различных славянских народностей; отдел, имевший название «Друзья Советского Союза»; «свободные кружки немцев, австралийцев, венгров, скандинавцев» и т. д.; Общество Китайско-Советской Культуры; отделы китайских рабочих профсоюзов и т. д.

В последние годы Тихоокеанской войны во главе ТАССа стоял М. И. Швецов. Он прибыл в Шанхай из Японии еще в 1941 году, когда деятельностью ТАССа ведал В. Н. Рогов. После отъезда последнего в Москву Швецов занял его место. Его заместителем и управляющим шанхайским отделом ТАССа был М. Ф. Якшамин, занимавший одно время пост представителя ТАССа в Чунцине, столице националистического Китая.

Другим видным деятелем ТАССа был В. Н. Рогов. Впервые в Шанхай он прибыл в конце 1937 года. После смерти А. Сатова, главы шанхайского отдела ТАСС (незадолго до этого его жена была арестована китайскими властями после налета на один из книжных магазинов, отделений ТАССа, при котором было найдено большое количество коммунистической литературы) Рогов был назначен главой ТАССа. В 1942 году он был отозван в Советский Союз и направлен для особой деятельности в Северную Америку и Канаду. В ранние годы своей деятельности Рогов был связан с ЧЕКА. Летом 1944 года он вновь вернулся в Шанхай, где повел энергичную деятельность среди дальневосточных эмигрантов в самый разгар кампании советского правительства по принуждению их вернуться на родину. Вместе с генеральным консулом Ф. П. Халиным он ввел в Шанхае практику выборки «справок», временных свидетельств, удостоверявших желание данного лица перейти в советское подданство. Горячее участие Рогов принимал и в кампании по захвату церковного имущества, принадлежавшего дальневосточной эмиграции. В своей работе среди эмигрантов Рогов широко пользовался услугами новоявленных советских граждан.

ТАСС вел свою деятельность широко, не стесняясь в средствах. На содержание главы ТАССа в Шанхае шло жалование в размере трех тысяч американских долларов в месяц и десять тысяч долларов на безотчетную работу.

Издательская деятельность ТАССа

ТАСС вело широкую издательскую деятельность. Кроме издания бесплатных бюллетеней («Ежедневные военные новости» — в связи с развитием военных операций в Маньчжурии и ходом Китайской Гражданской войны, и «Ежедневные Новости») ТАСС содержал ряд издательств и финансировал некоторые эмигрантские издания. Одним из издательств, обслуживавших пропагандные нужды ТАССа, было издательство

Эпоха, которое номинально принадлежало Е. Закхейму, бывшему эмигранту, перешедшему в советское гражданство еще во время Тихоокеанской войны. Через Закхейма ТАСС приобрел большое китайское издательство Ван Ли, где издавалась пропагандная литература на китайском языке. ТАСС втянул в свою орбиту газету В. А. Чиликина «Новости Дня» представлявшую яркий образец желтой прессы. Переход под советский контроль Чиликина произошел в первые годы Тихоокеанской войны, но его газета еще несколько лет носила свой индивидуальный характер — сенсационные статьи, громкие заголовки, неряшливую печать. Незадолго до окончания эмигрантской жизни в Шанхае газета «Новости Дня» изменила свой вид и обрела типичный бесцветный шаблон советских газет.

ТАСС был заинтересован в других эмигрантских изданиях, как журнал «Сегодня», основанный Ю. фон Штраусом-Маршуковым, бывшим сотрудником «Дальневосточного Времени», и газета «Шанхай Вечером», основанная эмигрантским журналистом Г. Егоровым. ТАСС субсидировал эти издания и контролировал их редакционную деятельность.

Состав сотрудников ТАССа насчитывался в сотнях, среди которых значительная часть была бывших эмигрантов. В полуофициальном органе ТАССа «Новая Жизнь» было свыше двадцати сотрудников. В газете Чиликина «Новости Дня» работало на советских окладах свыше десяти человек. В издательстве Эпоха насчитывалось тридцать служащих, среди которых свыше половины были вчерашние эмигранты. В русском отделе радиостанции «Голос Родины» было десять человек, почти все вчерашние эмигранты.

Советские радиостанции

Советские радиостанции оперировали в Шанхае еще во время Тихоокеанской войны. Радио Голос Родины существовало легально, но кроме него были секретные станции, находившиеся под ведением шанхайского резидента КГБ М. В. Михеева. Две секретные советские радиостанции были обнаружены японскими жандармами, лица оперировавшие их были арестованы. Советские власти в Шанхае отреклись от какой бы то ни было связи с ними.

Радиостанция Голос Родины состояла из ряда отделов и вела передачи на нескольких языках. С окончанием войны уси-

лились передачи на русском языке. К этому времени значительно увеличился состав ее служащих из бывших эмигрантов. Одним из них был Н. П. Меди, одно время сотрудничавший в русских фашистских периодических изданиях и японских газетах на русском языке. Другим был Л. В. Гроссе, сын последнего российского генерального консула в Шанхае. Во главе группы бывших эмигрантов, обслуживавших радиостанцию Голос Родины, стоял В. Е. Валин-Кате, хорошо известный русскому Шанхаю в течение многих лет по своей театральной деятельности. Во главе китайской секции находился Владимир А. Ли (Ли Па-тын), китаец, окончивший до революции Политехнический Институт в Петрограде. Особым китайским отделом секции Голоса Родины ведал советский служащий В. Н. Клименко, знавший хорошо китайский язык и считавшийся экспертом в китайских вопросах.

Направление советской пропаганды

Деятельность советской пропаганды развивалась по различным линиям. В отношении китайского народа она ставила перед собой задачу убедить его, что советская государственная структура наиболее подходит Китаю, и что Китай, так же как и Россия — одно время отсталая страна — может стать передовой державой с мощной промышленностью и экономикой. Советская пропаганда настаивала на выводе иностранных войск из Китая, обходя умело вопрос о затянувшемся пребывании советских войск в Маньчжурии или приводя его в пример того, как последние стараются сохранить единство территории и передать ее целиком китайскому народу. В добавление к этим основным линиям пропаганды усиленная деятельность ее была направлена в сторону завоевания симпатий китайского народа к Советскому Союзу, как «освободителю порабощенных народов и главному карателю Германии и Японии».

В отношении политического положения в Китае и развития Гражданской войны советская пропаганда стремилась показать, что Советский Союз искренно борется за освобождение народов Азии от колониального рабства. Китайские коммунистические войска, твердила она, были единственными войсками в Китае, оказавшими сопротивление японским оккупантам и нераз наносившими им тяжелые удары. С другой стороны, повторяла она, гоминдановские войска отсиживались в глубоком тылу, где занимались грабежом населения и накаплива-

ли свои силы, чтобы уничтожить «народную освободительную армию» китайских коммунистов; и что гоминдановские власти были насквозь проедены лихоимством и взяточничеством, а во время японской оккупации вели предательскую деятельность в отношении китайского народа.

В отношении Соединенных Штатов и других западных союзников советская пропаганда преследовала другие цели. Она всеми способами старалась представить в непривлекательном свете американские и британские вооруженные силы, раздувая и искажая отдельные случаи предосудительного поведения их солдат и матросов. В отношении внутренней борьбы Китая она твердила, что американские и британские военные силы не должны вмешиваться во внутренние дела, которые касаются только китайских коммунистов и Гоминдана. Советская пропаганда настаивала, что иностранные солдаты должны немедленно возвратиться домой, т. к. война с агрессорами закончена и поэтому нет необходимости становиться самим агрессорами. Если иностранные войска останутся в Китае, они обязательно будут замешаны в китайской междоусобице, что будет одинаково плохо для всех. Особой мишенью яростных нападений советская пропаганда выделила генерала МакАртура, верховного главнокомандующего союзными войсками в Тихом Океане. Она обвиняла его в диктаторских замашках, в том, что он не допустил советские и китайские (коммунистические) войска к участию в оккупации Японии, что он противится установлению демократических основ в Японии, т. е., укреплению коммунистических и прокоммунистических организаций.

Методы пропаганды

Советская пропаганда использовала все средства ради достижения своих целей. Она привлекала к своей работе лиц, которые могли оказаться ей полезными способностями или именем. Так, например, создав Общество Китайско-Советской Культуры для обработки китайской интеллигенции, руководители советской пропаганды привлекли к возглавлению его Сун Фо, председателя Законодательного Юаня, сына Сун Ятьсена. Советские пропагандисты установили своих людей в таких организациях, как Ассоциация китайских врачей, Китайская консерватория и т. п.

К пропаганде были привлечены все советские средства, как торговые и другие учреждения, комсомольская организация, Ассоциация советских женщин, все отделения Советского Клуба и т. п.

Эти организации делились на бригады и ячейки. Во главе бригад находились политические руководители, которыми ведал В. В. Рублев из ТАССа, один из доверенных лиц Швецова и Рогова.

Особо тренированные лица вели пропаганду частным образом среди американских и британских солдат и матросов, настраивая против правительств их стран и представляя эти правительства в виде поджигателей войны, защитников колониального быта, врагов демократии. Эта работа велась в кабаках и барах, где собирались иностранные солдаты и матросы; велась она осторожно, умело, за кружкой пива или стаканом виски. Владельцы этих баров, если они были советские граждане, были обязаны содействовать работе пропагандных агентов.

Так произошло перемещение центра советской деятельности из Маньчжурии в Шанхай. Для советской стороны в Маньчжурии все уже было благополучно, влияние установлено, экономическая и политическая жизнь подчинена московскому контролю. Тогда никто еще не предполагал, что в результате необдуманно начатой ими Корейской войны, кремлевским правителям придется отказаться от всего, что они отвоевали себе не столько на маньчжурских полях, сколько за столом Ялтинской конференции.

На очереди оставался Шанхай и с ним весь Китай. Действуя планомерно и систематически и преследуя свои цели, кремлевские правители помогали китайским коммунистам доплывать в океане войны до другого берега.

VI

РАСТЕРЯННЫЙ МИР

Вскоре после окончания Тихоокеанской войны и появления советских войск в Маньчжурии Верховный Совет СССР издал указ о восстановлении советского гражданства для лиц, покинувших Россию после развала Белого Движения. В Чанчуне, в ставке главнокомандующего всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке маршала Малиновского последовало за его подписью обращение к дальневосточным эмигрантам о том, что двери широко открыты для всех, кто желает вернуться на родину и работать для ее блага. Советские консульства от Сахаляна на Амуре до Кантона на Жемчужной реке заработали усиленным темпом. В Маньчжурии и Северном Китае, еще до окончания войны уже были советские колонии, выросшие за счет эмиграции в результате деятельности японских и прояпонских организаций вроде Антикоммунистического Комитета. Во время японской оккупации советское подданство являлось единственной защитой от всевозможных притеснений. Вопрос о репатриации тогда еще не возникал, и большинство из новых советских граждан совершенно не ожидало, что советские власти появятся так быстро и близко и заполнят пустоту, созданную капитуляцией Японии. Для большинства советское гражданство являлось лишь мерой защиты, и мерой к тому же временной. Все думали, что по окончании войны Китай останется таким, каким он был до нее, когда можно было свободно устраивать свою жизнь на его гостеприимной почве.

Появление советских войск и реальной силы в виде карательных отрядов и различной аппаратуры нажима и принуждения изменило положение и представило одинаково перед новыми советскими гражданами и эмигрантами перспективы далеко нерадостного характера: полную зависимость от них, точный учет, форсированную репатриацию.

Игра на страхе

Советские консульства зажили деловой жизнью. У их дверей появились тысячи людей, одни доверчиво обольщенные рассказами о новой России, другие в состоянии угара, третьи в поисках выхода, четвертые в стремлении избежать наказание за свою деятельность во время японской оккупации. Советские власти не стеснялись никакими средствами для принуждения дальневосточной эмиграции к быстрому и массовому переходу в советское подданство. Они распускали всевозможные слухи, что лица, не зарегистрировавшиеся в течение трехмесячного срока в консульствах и, следовательно, не подавших заявку о желании перехода в советское подданство, будут выданы китайским властям и насильственным образом депортированы в Советский Союз. Они указывали на русских эмигрантов, проживавших в Египте, которые предпочли взять советское гражданство, что давало им возможность оставаться там и продолжать беспрепятственно жить и работать. Те же эмигранты, кто не взял советского гражданства, были депортированы египетским правительством в Советский Союз. Пример с Египтом хотя и был мало убедительным, т. к. в нем жило незначительное количество эмигрантов по сравнению с Китаем, все же заставил призадуматься дальневосточных эмигрантов, желавших сочетать возможность жизни в Китае с защитой великой страны. Для зрительного внушения советские власти применяли другой прием: путем различных уловок они заставляли людей, уже взявших советские бумаги или только зарегистрировавшихся, снова стоять в очередях перед дверями советских консульств, чтобы произвести впечатление массового наплыва.

В конце марта 1946 г. в советских газетах Шанхая появилось извещение генерального консульства о продлении на неопределенное время срока регистрации для перехода в советское подданство. Эта мера была вызвана тем, что Организационный Комитет Русской Эмигрантской Ассоциации, объявил о регистрации эмигрантов и советские власти заволновались, что она отвлечет от них большую часть эмиграции. Одновременно с началом регистрации в эмигрантской организации появилось сообщение в одной из английских газет Шанхая, что «русские эмигранты не подлежат депортации, как об этом распространяются слухи из советского консульства».

Новоиспеченные советские граждане

Через полгода после окончания войны, советские власти подвели первый итог своей деятельности среди дальневосточной эмиграции. Итог оказался внушительным не только в зонах непосредственного советского влияния, как в Маньчжурии, но и в таких независимых еще местах, как Шанхай.

В феврале 1946 г. в помещении шанхайского Советского Клуба было созвано первое общее собрание новых советских граждан и лиц, только подавших заявление о желании перехода в советское гражданство. На собрание явилось свыше двух тысяч человек. Перед началом его оркестр клуба проиграл гимн Советского Союза, после чего председатель собрания произнес приветственную речь и представил временно исполняющего обязанности генерального консула Н. С. Ананьева. Последний в своем обращении к собравшимся поздравил их с переходом в советское гражданство, заявив, что «акт Верховного Совета СССР, даровавший им его, является одним из туманнейших государственных актов». Затем он перешел к рассказу о новой жизни в Советском Союзе, не похожей ни на жизнь в старой России, ни на жизнь в других странах, «такая она стала замечательной и радостной». После вступления Ананьев перешел к делу: в Советском Союзе установлена строжайшая дисциплина, которой безоговорочно следует подчиняться и новым советским гражданам в Шанхае, а пока же, не теряя времени, они должны взяться за изучение сталинской конституции.

После официальных речей последовали ответные речи новоиспеченных советских граждан, еще не опытных в практике советского словообмена: они говорили, что рады найти защиту советского правительства, оставаясь жить в Китае. Ананьев не стал слушать их, прервал и сказал, что они должны немедленно взяться за курс политической подготовки при Советском Клубе.

Как ни странно отметить, первое место в очереди у дверей советских консульств заняли видные фигуры в общественной жизни дальневосточной эмиграции, старые кадровые офицеры, лица ультра-правых взглядов, недавние еще яростные поклонники «нового порядка» нацистского и японского вариантов, бывшие служащие японских разведывательных органов, полиции и жандармерии и других служб, журналисты,

газетчики, сотрудники эмигрантской печати от либерального до самого крайнего, антисемитского и погромного направления. К последним надо прибавить и сотрудников японских газет на русском языке, издаваемых японскими военными миссиями и жандармскими отделами.

Каждая их этих групп имела свои особые причины и побуждения, чтобы, опережая других, очутиться во главе очередей у советских консульств. Старых кадровых офицеров, неискушенных в политике, все годы эмиграции веривших в возвращение старого порядка и теперь увидевших советских офицеров и солдат почти в той же самой форме, с которой они так тяжело расстались после крушения Белого Движения, привела на советскую сторону непоколебимая уверенность, что в России наступило национальное возрождение. Позади этого трагического ослепления легко проследить наличие добрых и благородных чувств, как патриотизм, национальную гордость, желание служить родине, «выздоровевшей после мучительной затяжной болезни». Среди лидеров общественной и политической жизни, перешедших на советскую сторону, одной из главных двигающих сил было честолюбие, непреодолимое желание продолжать видную руководящую роль. Эта группа также заблуждалась, как и первая, и ее заблуждение вполне простительно. К этой группе примыкали некоторые писатели, поэты, журналисты из эмигрантского стана, поверившие, что в Новой России они найдут Россию своей юности, которой они посвятили страницы прозы и строки поэзии.

Для некоторых переход в советское гражданство был следствием прямого расчета и выбора меньшего зла. Это не означало, что в представлении этих лиц советский концлагерь выгоднее выделялся по сравнению с китайской тюрьмой. Здесь, на этом конце, концлагерь представлялся чем то отдаленным, понятием отвлеченным, поэтому вероятие попасть в него казалось сравнительно ничтожным. Китайская же тюрьма с предварительным заключением, следствием и судом, в котором правили пристрастность и озлобленность, была реальностью и почти обязательным уделом. Это взвешивание, выбор меньшего зла, изворотливость в выходе сухим из воды занимали тех, кто службой в японских разведывательных и других учреждениях нажили себе множество врагов среди дальневосточной эмиграции и правительственных кругов Ки-

тая. Для них советская сторона была не только убежищем, но зачастую и новым поприщем, на котором можно применить свое старое занятие. Переход из одного крайнего лагеря в другой их не смущал. Крайности сходятся, никогда эта истина не оправдывается лучше, чем в политике. В конце концов оба строя — нацистско-японский и коммунистический — кровные братья, близнецы.

Не смущал этот легковесный переход из одного лагеря в другой и советских властей. Им совсем уже нельзя приписать щепетильность в политических делах. Люди тоталитарного мышления и привычек для них более приемлемы, чем люди других политических течений. Принимая их и избавляя их от опасности расплаты за деятельность во время японской оккупации в Китае, советские власти ставили их в полную зависимость от себя и превращали их в своих верных и преданных слуг.

> Рядовая эмигрантская масса с каким-то тайным ужасом наблюдала, как «столпы» эмигрантской общественности, журналисты, писатели и поэты выбирали советские паспорта, как общественные деятели монархического и фашистского направления становились советскими гражданами, заполняя тощий до того Клуб Советских Граждан, где говорились патриотические речи, где шла провокация об эволюции и где уже стала вестись запись на возвращение на родину.[94])

Эмигрантские вожди, политические и общественные деятели, бросившиеся по различным соображениям в советские консульства, потянули за собою рядовые эмигрантские массы. Списки лиц, заявивших о желании перехода в советское подданство с каждым днем украшались хорошо известными именами: бывший российский консул в Ханькоу Токмаков, полковник Астафьев, бывший при ставке Государя во время Первой мировой войны; гвардейский полковник Н. М. Яковлев, полковник В. П. Яковлев, видный деятель Казачьего Союза; глава Союза Младоросов лейтенант Императорского флота Н. А. Вильгельминин; атаман Донской станицы Степанов; атаман Забайкальской станицы Х. Попов; правая рука Родзаевского по работе в Фашистском Союзе Г. В. Тараданов; секретарь Украинской Громады А. Н. Вансович. Эти списки можно продолжить до

---

[94]) Фомичев-Лидин, Мих. Правда о Тубабао. Неопубликованные записки, стр. 2. Русский музей, Сан Франциско.

бесконечности. За ними пошли кадровые офицеры, генералы, полковники, капитаны, участники и герои Первой мировой войны и Гражданской войны. В церковном мире переход на советскую сторону начал архиепископ Виктор, за ним потянулись другие священнослужители из эмигрантского стана, в котором осталось малое число священников, верных Заграничной Церкви и ее главе в Китае архиепископу Иоанну Шанхайскому. В литературно-публицистическом мире на советскую сторону перешли за малым исключением все эмигранты писатели, и журналисты: Л. В. Арнольдов, редактор газеты «Шанхайская Заря»; К. А. Лобачев, редактор «Шанхайской Вечерней Зари»; Н. П. Кобцев, редактор «Харбинского Времени», японской газеты на русском языке; П. А. Савинцев, редактор «Дальневосточного Времени», японской газеты на русском языке, правая рука капитана Куроки, один из верных деятелей его «кабинета» и один из первых прояпонских деятелей, бросившихся спасать свое положение на советской стороне; Б. С. Румянцев, один из основателей Фашистского Союза в Харбине вместе с К. Родзаевским. В 1936 г. Румянцев был назначен в особую комиссию по расследованию деятельности маньчжурской боевой организации ВКП(б); перейдя в советское гражданство, Румянцев стал деятельно сотрудничать в советских организациях, был избран на пост вице-председателя Ассоциации Советских Граждан. Его ранняя тренировка в качестве фашистского оратора оказалась весьма полезной, но его доклады теперь были о Сталинской конституции, советском правосудии, идеальной форме советского варианта демократии и т. д.; Ю. А. фон Штраус, занимавший в правительстве адмирала Колчака большой пост, в Шанхае сотрудничавший во многих газетах, включая «Дальневосточное Время», основатель журнала «Сегодня». Штраус установил связь с ТАСС еще во время войны. А. И. Вейс, известный на Дальнем Востоке журналист, бывший секретарь иркутского губернатора по отделу печати, сотрудник многих эмигрантских газет. В. С. Валь-Присяжников, сотрудник газеты «Слово», редактировал журнал «Прожектор». М. А. Галкин, сотрудник ряда газет, включая «Дальневосточное Время», и др.

За исключением немногих, они были еще недавно в антикоммунистическом стане и могли остаться в нем и затем расселиться по другим местам российского рассеяния, но предпочли перейти на советскую сторону.

Фильмы, панихиды, знамена

Рост заявлений о желательности перехода в советское гражданство шел вверх, и можно было ожидать, что в ближайшие месяцы половина русской колонии перейдет на советскую сторону. Так оно вышло на самом деле: к концу 1947 года свыше двенадцати тысяч русских шанхайцев стали советскими гражданами.

Советские власти повели широкое примиренческое движение. На приглашение консула Н. С. Ананьева посмотреть советский фильм «Святейший Синод и избрание патриарха Алексия» явилось свыше ста человек, включая архиепископов Виктора и Иоанна Шанхайского и видных церковных и общественно-политических деятелей. Гости были встречены с отменным радушием. Им был предложен чай с холодными закусками, после чего их пригласили в другое помещение, где перед демонстрированием фильма был исполнен гимн СССР. Некоторые из гостей, включая архиепископа Иоанна, поднялись, чтобы покинуть помещение, но Ананьев уговорил их остаться.

Советская игра на религиозном впечатлении возымела свое действие: многие из гостей приняли фильм как доказательство свободы религии, «одной из первых побед советского народа, отвоеванных у партии и правительства».

Неизвестно, по чьему почину была отслужена торжественная панихида на кладбище на Бабблинг Уэлл Род над братской могилой русских офицеров и солдат, умерших в Шанхае во время Русско-японской войны. Возможно допустить, что мысль была подана советскими властями и подхвачена ретивыми деятелями из сменовеховцев.

Советские власти воспользовались этим, чтобы подчеркнуть эмигрантам, насколько им дорого прошлое России и насколько они близки к ним в проявлении патриотических чувств.

Торжественную панихиду служил архиепископ Иоанн Шанхайский. Среди многих эмигрантов присутствовали руководители общественно-политической жизни, как Г. К. Бологов и другие. Не менее полно была представлена и советская сторона: архиепископ Виктор, и. о. генерального консула Ананьев, заместитель военного атташе капитан Медведев. Последний был центром внимания и объектом восхищения бывших военнослужащих старшего возраста, так как был облачен в парадную форму, почти не отличимую от императорской фор-

мы, с настоящими золотыми погонами. Советская сторона сделала две ставки и обе выиграла: подчеркнула память и заботу советского правительства о прошлом России и заставила лишний раз поверить в возвращение Советского Союза на «старый самодержавный путь». Особой ловкости в этом приеме не требовалось, но успех был полный.

«Примиренческие» движения советской стороны находили готовый отклик в той части эмиграции, которая еще не так давно говорила о своей непримиримости к коммунизму. Если поступательные движения советской стороны имели обоснованную цель, то подобные движения со стороны правых эмигрантских группировок мало объяснить следствием разыгравшихся эмоций, а скорее следует найти в них хорошо продуманный расчет на приумножение своего политического капитала. Иначе для чего нужно было молодому Сычеву (сыну генерала Е. Г. Сычева, перешедшего на советскую сторону после начала Германо-советской войны) передать в торжественной обстановке консулу Ананьеву полковое знамя Амурского Казачьего полка, а фон Дрейеру, бывшему старшему лейтенанту с корабля Магнит, — корабельный Андреевский флаг.[95]

Советский Клуб Шанхая

Из маленькой организации, созданной небольшой группой советских граждан, служащих различных советских учреждений, вскоре после примирения Советского Союза с Китаем и начала японских военных действий на материке, к концу войны вырос большой Советский Клуб. Он объединял советских граждан и эмигрантов, готовых перейти в советское гражданство. Первые назывались действительными членами клуба, вторые — постоянными гостями. В первые месяцы после окончания войны действительных членов было около семисот человек, а постоянных гостей — две с половиной тысячи. Первые были распределены по бригадам, отделам и ячейкам. Во главе бригад находились политические руководители.

Впервые Советский Клуб повел усиленную работу среди эмигрантов, когда Германия напала на Советский Союз, играя на патриотических чувствах и стараясь привлечь их на советскую сторону. Советский Клуб также работал среди ино-

[95]) Из архива Ю. А. Черемшанского.

странцев и китайской интеллигенции. Богатые китайские круги жертвовали большие средства на советский Красный Крест и Красную Армию. Часть этих средств шла по назначению, часть оставалась в Шанхае для развития пропагандной деятельности Советского Клуба и других советских открытых и скрытых учреждений. Свою деятельность в отношении Германии клуб вел открыто, но в отношении Японии проявлял крайнюю осторожность.

Вначале председателем Советского Клуба или как его стали официально называть после реорганизации — Ассоциация Граждан СССР, был Н. С. Зефиров, одно время занимавший ответственный пост в правительстве Колчака. Несмотря на то, что он был одним из первых, ставших советским гражданином, в глазах консульских надзирателей Советского Клуба, Халина, Ананьева и других, Зефиров считался мало надежным человеком, которого нужно было заменить настоящим советским гражданином или человеком, ставшим таковым позже, но добившимся своей работой их особого доверия. После отъезда Зефирова в Советский Союз, его место занял А. Г. Чибуновский, человек, вполне отвечавший требованиям советского консульства.

Опекуны и опекаемые

Советский Клуб представлял типичное советское учреждение, соответствующее полностью подобному учреждению в Советском Союзе: в нем были различные политические секции, кружки по изучению марксизма, политграмоты, истории коммунистической партии, изречений вождей коммунизма, стенная газета. Была и внутренняя работа: присмотр за малоустойчивым элементом (составлявшим подавляющее большинство), деятельность среди эмигрантов, выполнение особых поручений надзирателей из советского консульства.

В период активной деятельности Советский Клуб разросся так успешно, что руководители его мечтали о покупке Канидрома, большого здания на французской концессии, для перевода туда всей клубной деятельности и его непомерно расбухшихся секций. О стоимости его — три миллиона американских долларов — не было и разговора. Предполагалось, что Московский Народный Банк внесет через свое шанхайское отделение 60 процентов, а остальные будут собраны форсированным способом среди советских эмигрантов.

В Советский Клуб были втянуты бывшие эмигрантские организации, как Научно-техническое Общество, Общество счетоводов (ставшее здесь Обществом советских счетоводов), Шахматный Кружок и т. п. Некоторые эмигрантские организации, как Союз Русских Служащих в Шанхае, еще не состоявшие в Ассоциации Граждан СССР, после проверки своего состава нашли, что большинство их членов уже владели советскими паспортами или должны были получить их в ближайшее время. На первых же после войны собраниях такие организации — не без нажима извне ставили вопрос о регистрации в советском консульстве и вступлении в Ассоциацию Советских Граждан.

Наставники Советского Клуба строго следили за политическим развитием своих опекаемых. В Клубе еженедельно давались лекции на различные темы, целью которых было стремление парализовать любое внешнее антисоветское влияние. Присутствие на этих собраниях было обязательным. В докладах говорилось о причинах напряжения между Советским Союзом и Соединенными Штатами, при чем роль первого обычно выставлялась в образе долготерпеливого поборника мира и порядка; о различии между западной — гнилой — демократией и «подлинной советской демократией»; о новых «демократических, народных» правительствах в странах Восточной Европы, на Балканах и в Северной Корее; о Маршальском Плане, как «об агрессивном замысле американских капиталистов из Уолл Стрит подобрать растерянные после войны народы западной Европы»; о Соединенных Штатах, их «правящем классе и планах мирового владычества»; о «правовом государственном устройстве СССР, великой Сталинской конституции», и прочих порождениях воспаленного советского воображения.

Эти темы затем освещались в Живой газете. Как среди докладчиков, так и участников Живой газеты преобладали имена вчерашних эмигрантов, ставших в короткое время экспертами по советским вопросам и вопросам международного характера в выгодном для советского правительства освещении. Всего несколько месяцев тому назад большинство этих докладчиков под присмотром японских наставников упражнялось с таким же рвением в докладах, но темы их затрагивали коммунизм, как мировое зло, советское правительство как зачинщика смут и вражды и т. д.

Гибкость подобной игры вскрывалась сама по себе: советские наставники прислушивались к докладам, как к испытаниям на своеобразную политическую зрелость и остроту политического чутья; слушатели принимали эти выступления, как необходимый взнос по страховому полису; сами докладчики прислушивались к себе и к тону своих докладов, беспокоясь о том, звучат ли они достаточно искренно и убедительно. Все являлись заговорщиками, все знали, что происходит надуманная, фальшивая игра, через которую нужно пройти как через неприятный, но необходимый ритуал.

Обратная сторона медали.

В Советском Клубе не все шло гладко, как казалось. Консульские руководители учитывали, что новоиспеченные граждане не могли в короткое время освоить советские пути и относились по своему терпеливо к ним, настаивая лишь на обязательном посещении докладов и политучебы о марксизме, которые по их мнению должны были сделать из них достойных людей. Им хотелось верить, что раз сыны изгнания вернутся в материнское лоно, они останутся в нем, порвут со своим прошлым и особенностями эмигрантской жизни и станут законопослушными, покорными советскими гражданами.

Трения стали возникать рано. Если советский паспорт, как эмблема защиты и покровительства на бесправном фоне дальневосточной эмигрантской жизни и представлял нечто положительное, то насильственное политическое натаскивание, регистрация с заполнением душуобнажающих анкет, выколачивание членских взносов и других обязательных поборов, учет для форсированной репатриации — все это тягостно действовало на большинство новоявленных советских и принималось ими как явление отрицательного характера.

Районные представители Советского Клуба были обязаны обходить свои участки для выяснения общественного, финансового и политического положения опекаемых, что попросту являлось гласным и негласным надзором. На обязанности их была проверка данных, заполненных в анкетах, общее наблюдение, сбор членских взносов и других денежных поборов.

Консульские руководители Клуба были особенно недовольны теми зажиточными новоявленными советскими гражданами, которые под всякими предлогами уклонялись от уплаты членских взносов и других поборов и в то же время поддер-

живали несоветские организации. Они обвиняли зажиточных евреев в подобном двойном страховании, пользовавшихся советскими паспортами для временного удобства, но жертвовавших средства на развитие Израиля.

В самом Клубе также не все шло гладко. Участились случаи краж и растрат, в которых были замешаны не вчерашние эмигранты, а настоящие советские граждане, прибывшие из Советского Союза и успевшие устроится у таких хлебных мест, как заведующий клубом, его хозяйством и т. д. Ананьев производил расследования, грозил виновным строгими мерами, но старался не предавать гласности хищения своих людей.

Бунтарские настроения

Летом 1946 г. произошла реорганизация Советского Клуба. Новоизбранная Ассоциация приняла на себя все функции Клуба и включила в себя все его отделы и секции. При Ассоциации было открыто Бюро Труда не столько ради подыскивания работы в Шанхае, сколько для учета безработных и отправки их на работы на Камчатку и Курильские острова, где воздвигались фортификационные сооружения.

Ассоциация Советских Граждан открыла отделение на Вэйсайде, где еще не так давно процветала деятельность прояпонских организаций и где существовал «кабинет» Куроки. Царившие там настроения мало воодушевляли консульских попечителей и надзирателей. Вэйсайдская колония резко отличалась от колоний эмигрантов и новоявленных советских граждан во Французском городе и на Сеттльменте; она была попроще и посерее; в ней было меньше оппортунистов, ловких политиканов, старавшихся выиграть в ставке на советскую игру. Среди вэйсайдского населения царило бо́льшее равнодушие. Многие раскаивались в поспешности, с какой они бросились в советское консульство и все чаще подумывали об отказе от советского подданства и переходе вновь на эмигрантское положение. Большинство взяло советские паспорта в страхе перед неизвестностью, по советам других, под давлением зазываний и угроз со стороны советских властей. Теперь они убедились, что их насильственно репатриировать не будут. В добавлении к этому, из Маньчжурии шли тревожные слухи об арестах эмигрантов, политическом гонении; другие слухи говорили о возможности войны между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Эти — по мнению советских властей — бунтарские чувства постепенно начали охватывать все большие круги новоявленных советских граждан. Чем больше ухудшалось политическое и военное положение гоминдановского Китая и улучшалось положение китайских коммунистов и их руководителей из Советского Союза, тем больше крепли антисоветские настроения в среде новых советских граждан.

Охота за эмигрантским имуществом

Одна сторона деятельности Советского Клуба-Ассоциации Советских Граждан была направлена на выгодное приобретение эмигрантского имущества. Объектом особого интереса были старый Русский Клуб и Русский Банк.

В 1933 году группа эмигрантов организовала Русское Общество Взаимного Кредита. С первых дней своего существования Общество стало процветать, встретив широкую поддержку среди русского Шанхая. Кроме банковских операций, Общество занималось благотворительной деятельностью, выделяя часть своего прихода на содержание эмигрантских школ, приютов и т. д.

Во время японской оккупации в число пайщиков Общества Кредита вступило много русских предпринимателей и торговцев, членов Русской Торговой Палаты. Одновременно с этим началась форсированная реорганизация Общества Кредита, предпринятая по предложению Куроки в связи с общим стремлением японских властей подчинить своему контролю все эмигрантские организации и предприятия. Правая рука Куроки, редактор «Дальневосточного Времени» П. Савинцев, рядом агитационных статей начал кампанию за немедленную реорганизацию Общества Кредита. Он дважды посетил правление Общества и его директора Г. П. Ларина, которому прямо пригрозил репрессивными мерами, если тот не согласится на реорганизацию Общества, т. е. подчинение Общества японскому контролю.

После нескольких собраний пайщики Общества решили произвести реорганизацию, так как другого выхода у них не было. Единственным спорным вопросом оставался руководящий аппарат. В результате столкновения различных интересов образовалось четыре группы, претендовавших на возглавление Русского Банка: основные пайщики Общества Кредита; члены Русской Торговой Палаты; русские служащие Китайской

Таможни, поместившие большие вклады в банк и меньшинство, возглавляемое Чибуновским.

Последний был близко связан с майором Кание, главой русского отдела японской военной миссии в Шанхае, и капитаном Куроки. Он устраивал им приемы, на покрытие которых шли средства из Банка, которыми он свободно распоряжался. Чибуновский также тесно был связан с генералом Глебовым, который будучи главой Русского Эмигрантского Комитета, в согласии с желанием Кание и Куроки, утвердил Чибуновского на посту президента, а его группу — как правление Русского Банка.

После окончания Тихоокеанской войны Чибуновский и трое его ближайших сотрудников перешли в советское подданство. Трое других членов правления остались на положении эмигрантов; от них зависел созыв общего собрания пайщиков Банка для выборов нового правления, но они ничего не предпринимали, охваченные колебаниями политического характера. Ничего не предпринимал и Г. К. Бологов, глава Российской Эмигрантской Ассоциации, хотя он не раз обещал очистить эмигрантские организации и предприятия от советских граждан.

По Уставу Банка правление должно было назначить выборы в ноябре 1946 г., но ничего не было сделано. В Русском Банке в то время было восемьсот пайщиков, из них триста эмигрантов, 150,000 акций и капитал на сумму 15,000,000 шанхайских долларов.

Не состоялись выборы и в следующем году, и правление находясь всецело в руках Чибуновского, не давало никаких отчетов о банковских операциях и финансовом положении Банка.

В иностранной печати и в «Китайско-Русской Газете» появились статьи, спрашивающие, почему группа Чибуновского, одно время поддерживаемая японскими, а теперь советскими властями, до сих пор не созывает собрание пайщиков, не снимает своих самозванно продленных полномочий и продолжает вести банковские операции, несмотря на распоряжение китайского правительства о немедленной реорганизации банка или его ликвидации. Последнюю можно было еще предотвратить, и председатель РЭА Бологов просил мэра Шанхая не предпринимать ничего, пока пайщики Банка не обсудят положение и не придут к какому-либо решению.

Прежние пайщики настаивали на превращении Банка в первобытное состояние на том основании, что Русский Банк был зарегистрирован в нанкинском правительстве Ван Цзинвея и, следовательно, является предприятием, обслуживающим интересы врага Националистического Китая. Общество же Взаимного Кредита было зарегистрировано в законном китайском правительстве и поэтому должно быть сохранено для обслуживания интересов эмигрантской колонии. Советская колония Шанхая имела отделение Московского Банка.

Вопрос о ликвидации

Еще в мае 1947 года китайские власти издали распоряжение о ликвидации Русского Банка на том основании, что он оперирует нелегально, не будучи зарегистрированным.

Никто из пайщиков-эмигрантов не хотел форсированной ликвидации банка. Давление на Чибуновского не оказывало никакого впечатления: он знал, что он сидел твердо на месте, пока за ним стояли советские власти. Последние были безразличны к делам банка, будучи заинтересованы в нем по тем же причинам, что и в церковных делах: ослабление эмиграции, деморализация, еще одно давление на них, еще один способ принуждения для перехода на советскую сторону.

Китайские власти, объявив о ликвидации Русского Банка, не решались привести ее в исполнение. Их взаимоотношения с Советским Союзом и его представителями в Китае строились не на основах легальности, права и сознания суверенности, а на ложной предпосылке, что в борьбе националистического Китая против Китая коммунистического можно было выпросить или выторговать расположение советского правительства. Этим объясняются уступки, жертвы, нерешительность, боязнь не задеть и не обидеть сильных мира сего — порочная, ведущая к трагедии политика националистического Китая в отношении своего бесцеремонного, расчетливого соседа. Его нельзя обвинить целиком, наоборот, есть даже основания оправдать его: политика компромисса, уступок, а зачастую и потворства была навязана ему извне, его высокими советниками, вольными или невольными соучастниками трагедии Китая. Зарожденная наспех в угарной обстановке Ялтинской конференции, эта политика — вопреки здравомыслию и реальности — должна была привести Китай к апостольскому разрешению вопроса «о лане, легшей подле льва».

Вопрос о Русском Клубе

Другим объектом интереса советских властей был Русский Клуб или Русское Общественное Собрание, основанное еще в ранние годы существования русского Шанхая.

Кампания за овладение Русским Клубом началась с первых дней открытой советской деятельности в Шанхае. В первые месяцы после окончания войны советские власти распустили слухи, что китайское правительство собирается ликвидировать Русский Клуб, предложив членам его продать свои паи надежным учреждениям, которые могли бы отстоять его от всевозможных поползновений. «Надежные учреждения» не называли себя, но представителем их был, как и главным скупщиком эмигрантских паев, А. Г. Чибуновский. В короткое время под влиянием различных слухов и страхов в советских руках оказалось больше половины паев Русского Клуба.

Позади программы по захвату эмигрантского имущества стояли видные служащие советского генерального консульства, вице-консула П. А. Сергеев и Г. В. Крюков, секретарь Борисов и другие. Они оставались позади и только руководили ходом операций. Главными же действующими лицами были вчерашние эмигранты, недавно тесно связанные с японскими властями. Теперь попав в положение новоявленных советских граждан в неменее жесткие руки консульских надзирателей и опекунов, они проявляли пример исключительного рвения в работе против дальневосточной эмиграции. Новые их опекуны пользовались этим старанием и выдвигали вперед таких людей, как Чибуновского, Б. С. Румянцева, одного из ранних сподвижников Родзаевского, теперь вице-председателя Ассоциации Советских Граждан, В. В. Кларина-Турина и других.

В конце июня 1946 года, закончив подготовительную операцию, они созвали общее собрание пайщиков Русского Общественного Собрания. К этому времени больше половины паев было уже в советских руках. Председателем собрания был избран А. Г. Чибуновский. Перед пайщиками-эмигрантами был поставлен прямой вопрос: не желают ли они перейти в советское подданство и этим спасти Клуб от ликвидации. Они предпочли ликвидировать Клуб, чтобы не делить его с советскими гражданами и не подпасть под контроль советских властей. На собрании было решено ликвидировать Клуб.[96])

---

[96]) Из того же источника.

Репатриация советских граждан

То, что пугало многих новоявленных советских граждан, нависая над ними угрожающим призраком, стало реальностью: летом 1947 года советские власти объявили о начале репатриации. В объявлении советского консульства в газете «Новая Жизнь» было сказано, что «советское правительство, зная о желании советских граждан вернуться на Родину, решило перевезти три тысячи человек и сто пятьдесят детей-сирот в Советский Союз». Дальше говорилось, что репатрианты будут устроены на родине согласно их профессии и наклонностям, что им будет оказана помощь, предоставлены квартиры, питание и т. д. Репатриантам предлагалось брать с собой личное имущество в неограниченном количестве без всяких таможенных поборов. Все расходы по перевозке репатриантов и их имущества советское правительство брало на себя.

«Новости Дня» вышли с соответствовавшими случаю статьями. «По случаю этого счастливого дня», объявлялось в газете, состоялись массовые митинги «восторженных советских граждан» для обсуждения объявленного решения советского правительства.

Обсуждали это решение не только советские граждане — многие из них с тяжелым чувством, но и эмигранты. Решение советского правительства о массовой репатриации связывалось с решением правительства националистического Китая не признавать новых советских граждан на том основании, что они прибыли в Китай не как советские граждане по визам китайских властей, а как эмигранты, и что как таковые зарегистрированные в китайских учреждениях, они не получили разрешение на изменение их статута. Китайское правительство таким образом не признавало их как советских граждан, что давало им возможность легко переходить в первобытное эмигрантское положение.

В объявлении о начале репатриации, советские власти учитывали, что отказ китайского правительства признать за новыми советскими гражданами право на пребывание в Китае поставил бы невольно для многих из них вопрос об отказе от советского подданства. Вначале советские власти предполагали репатриировать небольшое число людей, главным образом безработных и молодежь, которая хотела учиться в Со-

ветском Союзе. Теперь же они заговорили о массовой репатриации трех тысяч советских семейств, около девяти тысяч мужчин, женщин и детей, т. е. всех лиц, перешедших в советское подданство.

Реакция среди советских и несоветских людей

Как и следовало ожидать, объявление советского консульства явилось ударом для многих лиц, рассчитывавших запастись советским паспортом только ради защиты. Весть о репатриации привела многих в состояние уныния, а наиболее деятельных — к поискам выхода. Среди последних были преимущественно зажиточные, предприимчивые люди, создавшие себе независимое положение и даже состояние, и мечтавшие или остаться жить в прежних условиях довоенного Шанхая или иммигрировать в Америку, Австралию или другие гостеприимные страны.

Как обычно, появились различные слухи. Говорили, что первую группу репатриантов повезут не в Советский Союз, а в Маньчжурию для расселения там по тем местам, где раньше жили русские железнодорожники на КВжд. По этим слухам получалось так, что националистические войска покидают Маньчжурию, предоставляя ее китайским коммунистам, для того, чтобы удержать за собой Северный Китай. Расселение же новых советских граждан по Маньчжурии должно было сохранить там влияние Советского Союза и не допустить китайских коммунистов полностью хозяйничать в ней.

Несмотря на всю их нелепость, подобным слухам охотно верили. Новоиспеченные советские граждане, как и эмигранты, жили в таких случайных, тревожных условиях, что легко верили всему. Слухи о переселении в Маньчжурию особенно пугали тех, кто годами в Шанхае промышляли легким трудом, сдачей комнат, комиссионными сделками, маклерскими операциями. Переселение в Россию казалось иным делом: там представлялось больше возможностей, шире выбор труда, лучшее применение своих способностей. Хотя многие и запомнили слова Ананьева: «всем придется потрудиться для родины, а многим и дать отчет перед ней», полностью они не осознавали их зловещего смысла.

Весть о репатриации советских граждан вызвала у эмигрантов смешанные чувства, в которых преобладало злорадство. С другой стороны было и сожаление: расставались вче-

рашние друзья, «боевые товарищи», как они любили называть себя, братья, отцы и сыновья, раскалывались семьи.

Опасаясь перехода советских граждан в первобытное эмигрантское состояние, советские власти оказали давление на Нанкин и принудили его объявить о решении китайского правительства не выдавать разрешения на право жительства в Китае тем, кто желал бы изменить свой статут. Это было явной уступкой Нанкина в расчете на возможную уступку советского правительства, которая могла быть обещана, но не обязательно исполнена. Для «спасения лица», китайские власти объявили, что эта мера установлена только на шесть месяцев, после чего снова будут выдаваться разрешения на право жительства тем, кто желал оставаться в Китае. За эти шесть месяцев советские власти рассчитывали вывезти из Шанхая всех советских граждан, не допустив таким образом обратного потока их в первобытное эмигрантское состояние.

Решение китайского правительства не ограничилось отказом в выдаче свидетельств на право жительства. В интервью по этому вопросу директор Информационного отдела китайского правительства, Холлингтон Тон заявил, что «китайские власти окажут полное содействие в деле репатриации советских граждан», вплоть до мер китайской полиции по вылавливанию тех, кто пытался бы избежать ее.

Для проведения планов по репатриации советские власти создали Комитет помощи репатриируемым. Главой Комитета был поставлен Н. С. Зефиров, бывший председатель Советского Клуба, один из первых добровольных репатриантов. На обязанности Комитета лежали организация перевозки, снабжение питанием репатриантов, забота о медицинской помощи, о детях, сиротах, престарелых, больных и т. п.

Кроме того был создан Культурно-просветительный Комитет, который, в отличие от первого, должен был подготовить репатриантов с психологической стороны для встречи с родиной. Родина в представлении советских властей — это прежде всего партия и ее руководство. Комитет поэтому должен был провести ряд лекций и докладов о Сталинской конституции, по истории коммунистической партии, советским пятилетним планам и т. п. На руководящих постах Комитета находились бывшие эмигранты, как В. Е. Валин-Кате, С. Н. Рудин-Донченко, В. А. Серебряков, Ю. А. Орлов, А. Ф. Румянцев и другие.

По сообщения советского консульства около восьми тысяч новых советских граждан заявили о желании репатриироваться, что увеличило на 45 процентов шанхайскую квоту на репатриацию. На вопрос о сроке репатриации, большинство советских граждан заявило о готовности выехать не раньше ноября или декабря. Меньше одной трети выразило желание репатриироваться с первым советским пароходом.

Составляя списки репатриантов, советское консульство стремилось в первую очередь отослать в Советский Союз всех служивших в японских и других иностранных разведывательных органах, которые на месте должны были способствовать советским органам НКВД/МВД в вылавливании «иностранных агентов», которые по его расчету обязательно должны попасть в Советский Союз под видом репатриантов.

По общим делам репатриации был создан Особый Главный Комитет, составленный из Ф. П. Халина, генерального консула; вице-консулов В. М. Федяева и А. А. Сергеева; секретарей И. Р. Шарикова и Г. В. Крюкова; и прибывшего из Владивостока В. М. Маткова; В. Т. Силина, председателя Ассоциации Советских Граждан; В. Н. Рогова, главы ТАСС'а; капитана М. В. Медведева. Подготовительной работой по репатриации ведал В. М. Матков, видный сотрудник владивостокского отдела НКВД, специально присланный в Шанхай на помощь Особому Комитету.

Несмотря на объявление генерального консульства, что советское правительство берет на себя все расходы по репатриации и первой помощи нуждающимся репатриантам, Советский Клуб по поручению Особого Комитета устроил парадный обед, на который было приглашено около трехсот зажиточных шанхайцев-советских граждан. За обедом генерал Н. В. Рощин, тогда военный атташе в Китае, рассказывал о жертвах, принесенных советским народом во время Отечественной войны, о разорении страны, на восстановление которой репатрианты должны отдать свои силы и способности. Рощин сказал, что несколько сот нуждающихся советских граждан возвращаются на родину, что долг каждого советского гражданина, находящегося в лучших условиях, пойти навстречу и помочь им. На обращение Рощина откликнулся Н. М. Яковлев, бывший гвардейский полковник, заявив, что он жертвует на бедных репатриантов 300 миллионов шанхайских долларов. После не-

го встал другой новоиспеченный советский гражданин и заявил, что он жертвует 50 миллионов. На другой день его пригласили в генеральное консульство и заставили подписать не 50, а 500 миллионов шанхайских долларов.

Первая группа репатриантов покинула Шанхай в августе 1947 года на пароходе «Ильич». Советские власти, опасаясь возможных неприятностей с первой группой репатриантов, не давали никаких сведений иностранной печати и наложили запрет на свои газеты не печатать ничего о репатриации. Репатриантам было предложено — в форме предостережения — одеться как можно проще, чтобы не выделяться из советской толпы. Перед отходом «Ильича» было получено известие, что репатрианты будут направлены в бухту Находку, а не во Владивосток, т. к. в последнем «нет достаточно технических средств для высадки тысячи с лишним эмигрантов и их багажа». Владивосток всегда был большим портом, в котором разгружались большие океанские корабли, теперь же почему то «Ильич» должен идти в небольшую бухту Находка, в ста с лишним милях от Владивостока, и там разгружать шанхайцев и их имущество.

Слух об этом не на шутку встревожил репатриантов. Некто Жигалин, бежавший из бухты Находка и пробравшийся в Шанхай, рассказал, что вблизи ее находится трудовой лагерь Номер 17 дальневосточного лесного треста ДАЛЬЛЕС, и что в самой Находке устроен Распределительный лагерь, где содержались дальневосточные эмигранты, арестованные в Маньчжурии, после оккупации ее советскими войсками.

Вторая группа репатриантов была отправлена в начале сентября на том же пароходе. Она состояла из 1100 советских граждан и одного чехословака. Как и с первой группой, советские власти старались не предавать гласности отъезд репатриантов.

Советские власти имели основание не распространяться относительно отправки советских граждан на родину. Из первой группы репатриантов девять человек успели сойти с корабля во время его краткой остановки в Вузунге перед выходом в открытое море. Двое других бросились в воду и вплавь добрались до берега. Во второй группе таких драматических случаев не было, но одинадцать человек простые явились на пароход перед его отправкой.

Для последующей отправки репатриантов вместо «Ильича» прибыли пароходы «Гоголь» и «Восток». Китайские власти отказались впустить в порт Шанхай пароход «Ильич» на том основании, что он зашел без разрешения в Тяньцзин, погрузил там самовольно группу репатриантов и оставил некоторое количество оружия для китайских коммунистов.

Третья группа репатриантов, числом в 1040 человек, отбыла в конце сентября. Среди этой группы находились В. М. и М. В. Ханжины, сын и внук известного генерала Ханжина, арестованного советскими агентами в Мукдене после появления там Советской армии. В этой же группе были Л. Покровский, недавно еще церковный староста Св. Николаевского Собора, которому было поручено отстаивать церковное имущество от посягательства на него советских властей; и В. В. Кларин-Турин, недавно еще состоявший в рядах Младороссов и бывший осведомителем японских властей, работая для них вместе с небезызвестным Ховансом.

Четвертая и пятая группы репатриантов отбыли в ноябре на пароходе «Гоголь». Численность обеих групп — 1130 человек, среди них 32 цыган. Среди отбывших были Г. В. Тараданов, бывший член центрального комитета Всероссийской Партии Фашистов, автор «Азбуки Фашизма», перешедший после окончания войны сотрудничать прямо из фашистской и прояпонской прессы в советскую; Ирина Вертинская, жена известного певца, который уже находился в Москве.

Этими пятью группами пока и ограничилась репатриация новоиспеченных советских граждан. Через год временный генеральный консул Н. И. Чернонебов запросил посла Рощина о необходимости возобновления репатриации советских граждан из Шанхая. В первую очередь он хотел отправить около четырехсот безработных, которые жили на средства Ассоциации Советских Граждан.

В ноябре 1948 года Рощин прибыл в Шанхай, встревоженный массовым отказом русских шанхайцев от советского подданства и переходом в прежнее эмигрантское состояние. Китайские власти, одно время отказывавшиеся выдавать советским гражданам свидетельства на право жительства, необходимые для перехода в первобытное эмигрантское состояние, к этому времени возобновили выдачу их. Все, что требовалось советскому гражданину, это заявить в печати — английской, рус-

ской или китайской — об отказе от советского паспорта, и он вновь переходил на положение человека без страны и подданства.

Летом 1948 года, после отъезда в Советский Союз последней группы возвращенцев, в Шанхае еще оставалось около пяти тысяч советских граждан из бывших эмигрантов. Положение националистического Китая к этому времени ухудшилось настолько, что иностранная колония Шанхая оказалась под угрозой захвата коммунистическими войсками. Многие официальные и частные иностранные учреждения и организации, включая благотворительные, уже начинали думать о подготовке к эвакуации тех, кто не мог выехать на собственные средства. Особенно встревожились оставшиеся советские граждане, избежавшие под тем или иным основанием репатриации. Они опасались, что с прибытием в Шанхай китайских коммунистов они будут насильственным образом высланы в СССР, как были высланы многие эмигрантские группы из Маньчжурии. Начавшийся за несколько месяцев до этого отлив принял теперь стихийный характер. Тысячи новых советских граждан отказались от советского подданства и вернулись в первобытное состояние бесподданных граждан.

Одним из обстоятельств, способствовавших этому отливу, оказалось возвращение одного из репатриантов.

Дело вернувшегося репатрианта

Осенью 1948 года в Шанхае появился некто Приморцев, советский гражданин из эмигрантов, репатриировавшийся с одной из первых групп. Он рассказал, что побыв некоторое время в Советском Союзе и найдя там условия непосильными, он с женой перебрался в Маньчжурию, затем в Южную Корею, откуда вылетел на самолете в Шанхай.

Местная пресса заговорила о нем, что заставило советские власти, сперва пытавшиеся замолчать это дело, представить свои объяснения. По советской версии, Приморцев не явился к отходу парохода с репатриантами, а выехал в Северный Китай, где был арестован китайскими властями за какое то преступление и присужден к тюремному заключению на год. По другой версии, Приморцев скрывался в Мукдене, а затем, когда исчезла угроза выдачи его китайскими властями, он вернулся в Шанхай. Советские власти назвали похождения При-

морцева «белогвардейскими досужими измышлениями» и дали ему понять, в форме недвусмысленного предупреждения, что его рассказы о Советском Союзе могут отыграться на нем.

Дело Приморцева встревожило советских граждан, не желавших репатриироваться, и заинтересовало эмигрантов, которые решили использовать его случай, как показатель того, как расходятся заверения советских вождей с действительностью. Заинтересовалась его делом и иностранная печать, а советские власти немедленно пустили слух, что Приморцев тайный советский агент, надеясь этим отпугнуть от него одинаково советских граждан и эмигрантов.

«Китайско-Русская Газета» вышла в увеличенном тираже. Под большим заголовком: «Побег Приморцева с женой из советского рая» было рассказано об его одиссее. За год до этого в числе двух тысяч советских граждан Приморцев был репатриирован. В бухте Находка возвращенцы были размещены в военных бараках вблизи лагеря для русских заключенных и японских военнопленных. Все они были на общем пайке, состоящем из супа, хлеба, чая и молока. Хотя они и были зарегистрированы по роду занятия и избранному местожительству, ни то, ни другое не имело никакого значения. По прибытии в Находку, у них были отобраны газеты, журналы, книги. Все они были отправлены гуртом в Свердловск. В Иркутске была тщательная проверка, т. к. все пассажиры, передвигавшиеся из Советского Союза на Дальний Восток и оттуда возвращавшиеся на запад, обязаны были представлять особые пропускные свидетельства от МВД.

Приморцев встретил в Свердловске и его окрестностях несколько шанхайских знакомых из первой группы репатриантов, которым советские власти сулили большие возможности в Советском Союзе. Один из таких был В. Е. Валин-Кате, б. директор советского радио в Шанхае, подвизавшийся на маленькой сцене уральского заводского предприятия. Н. Зефиров, б. глава Советского Клуба, держался за место мелкого конторского служащего, чтобы не попасть на лесозаготовки. Приморцев вначале попал на лесные работы, но после шанхайской жизни работа показалась ему непосильной, он бросил ее и стал жить продажей привезенных с собой вещей.

Делом Приморцева заинтересовалась шанхайская полиция, на которую советские власти через своих людей оказали влияние и заставили замять это неприятное для них дело.

VII

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

С приближением коммунистических войск к Нанкину и Шанхаю возрасли слухи о готовившемся коммунистическом перевороте. В Шанхай контрабандным образом шло оружие из Владивостока и северных портов Китая, продолжали прибывать советские специалисты по ведению пропаганды и подрывной деятельности.

Город был разделен на секторы, в которых должны были оперировать отдельные партизанские отряды. Были приготовлены планы по захвату стратегических зданий, как почта, телеграф, полиция, составлены черные списки с именами видных гоминдановских деятелей, ответственных правительственных служащих, чинов полиции, офицеров армии, богатых китайцев и иностранцев.

В студенческих общежитиях университета Фу Тын было найдено оружие. В шанхайском порту таможенная полиция захватила шаланды с грузом оружия и горючего, предназначенного для партизанских отрядов, уже оперировавших в предместьях Шанхая.

Советские власти, вдохновители и руководители коммунистического движения, предвидевшие на этот раз успех многолетних планов по советизации Китая, считали, что даже временный захват партизанами Шанхая послужит вдохновляющим примером для китайского коммунистического движения.

Осенью 1948 года положение в Китае определилось настолько ясно, что не оставалось больше никаких сомнений в том, что остаткам белой эмиграции грозила новая опасность.

Призывы о помощи

Руководители Российской Эмигрантской Ассоциации к этому времени успели прийти в себя и освободиться от апатии и бездеятельности первых послевоенных лет. Сознание опасности не исключало надежд, что положение еще может выправиться и тогда не к чему принимать никаких решительных мер по спасению дальневосточной эмиграции. В шанхайском отделе Международной Организации Помощи Беженцам (ИРО) существовало убеждение, что в Китае в последнюю минуту создастся коалиционное правительство с Мао Цзе-дуном в роли премъер-министра и тогда все разрешится само собой и Шанхаю не будет угрожать никакая опасность. Некоторые круги русского Шанхая хотели верить в такую возможность, как эмигранты в Маньчжурии хотели верить в изменение советского строя и в появление новой возрожденной России.

Время не ждало. С каждым днем оставалось все меньше места необоснованным надеждам. Надо было не медля обращаться за помощью.

Призывы о помощи из Шанхая были направлены во все зарубежные эмигрантские организации. На них, в первую очередь, откликнулись влиятельные эмигрантские организации Северной Америки. Из Нью Йорка, Сан Франциско, Лос Анжелеса, Вашингтона, Сиаттля и других американских городов с большим русским населением, потекли потоки обращений к президенту Соединенных Штатов, Государственному Секретарю, главам Военного, Военно-морского, Военно-воздушного департаментов, к сенаторам, конгрессменам, в Главный отдел ИРО, к Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, редакторам влиятельных газет, американским клубам, известным по широкой гуманитарной деятельности, отдельным общественным, политическим и церковным деятелям. В этих обращениях сообщалось о трагическом положении дальневосточных эмигрантов, очутившихся перед грозной опасностью захвата коммунистическими войсками.

Одной из наиболее деятельных организаций был Комитет Русских Благотворительных Организаций Северной Калифорнии. В течение ноября и декабря — двух критических месяцев в жизни русского Шанхая — он разослал сотни и сотни писем, обращаясь ко всем, кто мог помочь. Комитет сознавал, что одних обращений, как страстны и убедительны они бы

ни были, было недостаточно. Надо было непосредственно, лицом к лицу, обратиться к американской общественности и представить перед нею во всей полноте трагический вопрос о спасении тысяч и тысяч людей.

В декабре Комитет устроил в Сан Франциско грандиозное собрание, на котором присутствовали представители влиятельных американских организаций, клубов, представители города, видные общественные и церковные деятели, перед которыми было обрисовано положение в Китае и поднят вопрос о быстрой помощи остаткам дальневосточной эмиграции.

В середине декабря стали приходить ободряющие вести из Вашингтона, от Государственного Департамента, членов Конгресса и других лиц и организаций. В них сообщалось о готовности помощи в вывозе из Китая всех русских. Открытым пока еще оставался вопрос о том, куда вывезти их, какая страна примет новую волну политических беженцев.

Заботы ИРО

С развитием Гражданской войны в Китае Шанхай стал центром устремления политических беженцев. Проблема с накоплением их в Шанхае принимала с каждым днем все большую остроту. Летом 1947 года на попечении ИРО находилось 26 436 человек, из них девять с лишним тысяч русских эмигрантов. К концу 1948 года, с переходом новоявленных советских граждан вновь в эмигрантское состояние и прибытием беженских групп из других городов, число их возрасло до 10 433 человек. Администрации ИРО, если она собиралась эвакуировать всех беженцев, предстояла огромная работа. Остается неизвестным почему было решено эвакуировать только от четырех до пяти тысяч русских эмигрантов, предоставив остальных заботам будущего.

На запросы ИРО о предоставлении временного или постоянного убежища для эвакуируемых эмигрантов откликнулось только филиппинское правительство. Оно соглашалось допустить на Филиппины шесть тысяч беженцев на условии, что ИРО возьмет на себя все заботы о их содержании и что пребывание их не продлится больше четырех месяцев. Лагерь для беженцев предполагалось устроить в южной части острова Самар. Филиппинское правительство обещало помощь в деле устройства лагеря. Помощь также можно было ждать от аме-

риканского армейского командования, в распоряжении которого находился различный инвентарь и материалы на Филиппинских островах, могущие быть пригодными для устройства лагеря.

Еще до начала эвакуации дальневосточных эмигрантов Исполнительный Комитет ИРО на своих совещаниях обсуждал различные стороны этого большого предприятия. Одним из главных предметов обсуждения было предложение филиппинского правительства. Экономическое положение Филиппин было крайне тяжелым. Из двадцати двух миллионов населения около полутора миллиона было безработных. В стране хозяйничали шайки бандитов, грабя население. Политическое положение было неустойчиво. Филиппинское правительство естественно опасалось, что пребывание нескольких тысяч беженцев может плохо отразиться на жизни страны и что среди этих беженцев могут оказаться нежелательные лица. Сделав свое предложение, оно ожидало от ИРО, что она освободит его от каких либо осложнений и затруднений, могущих возникнуть во время пребывания дальневосточных эмигрантов на Филиппинах.

Делегат китайского правительства советовал придерживаться крайней осторожности в переселении большого количества беженцев из Китая, прежде чем будет найдено для них постоянное местопребывание. Подобное опасение высказал и американский делегат, настаивая на крайней осторожности в принятии условий филиппинского правительства, особенно ограничение пребывания беженцев таким коротким сроком. Бельгийский делегат настаивал на тщательной проверке дальневосточных эмигрантов относительно их прав на помощь ИРО. Среди них было много лиц, принявших советское гражданство и затем отказавшихся от него, поэтому бельгийский делегат настаивал на необходимости самой точной проверки, что отказ от советских паспортов был вызван исключительно политическими, идеологическими причинами, а не материальными соображениями. Возражение выставил главный директор ИРО, заявив, что массовый переход в советское гражданство после окончания войны был следствием многих понятных причин, включая эмоциональные переживания эмигрантов, но что наступил период разочарования и сознание совершенной ошибки, после чего многие отказались от советского гражданства.

Возвращение этих паспортов таким образом явилось доказательством того, что эти лица не искали защиты и поддержки советского правительства.[97])

В январе 1949 года конгрессман Селле заявил в Вашингтоне, что 13 тысяч русских эмигрантов и евреев беженцев будут эвакуированы из Шанхая. Эвакуация будет проведена «по указанию из Белого Дома, но что ни Государственный Департамент, ни американские военные и морские власти не будут иметь к этому никакого отношения».[98])

Одновременно с этим из Женевы поступило извещение, что, несмотря на возражения китайского представителя, Исполнительный Комитет ИРО решил эвакуировать из Шанхая 6 000 русских эмигрантов. Ву Нан-жу, делегат Китая, продолжал настаивать, что русским в Шанхае не грозит никакая опасность со стороны китайских коммунистов, поэтому они должны оставаться в Китае. «Нет никаких указаний на преследование русских эмигрантов в городах Китая, уже находящихся под коммунистическим контролем».

Заявление китайского представителя ИРО вызвало недоумение и тревогу в русской колонии Шанхая. Не пострадали ли эмигранты Харбина и других маньчжурских городов, одинаково от присутствия там советских и китайских коммунистических войск? Не являлось ли заявление Ву связанным с каким-то решением, о котором еще не знали эмигранты? Не представляло ли оно антиэмигрантские настроения некоторой части шанхайского отдела ИРО, который должен был провести эвакуацию?

Несмотря на стремительное продвижение коммунистических войск, осенью и ранней зимой 1948 года еще имелась возможность эвакуировать в Шанхай русских эмигрантов из других городов.

В Шанхае были получены тревожные сведения из Тяньцзина и Пекина и настойчивые призывы представителей эмигрантских организаций оказать немедленную помощь в вывозе эмигрантов в более безопасные места.

---

[97]) Holborn, Loise W. The International Refugee Organization, Its History and Work, 1946—1952. Oxford University Press, London, pp. 424—426.

[98]) New York Times, 11. Jan. 1949.

Г. К. Бологов запросил председателя Российской Эмигрантской Ассоциации Циндао, В. П. Камкина, о возможности при посредстве американского военно-морского флота вывезти русских эмигрантов из Пекина и Тяньцзина.

> Местное ИРО как будто согласилось эвакуировать их, но этим господам верить нельзя. Они начали успокаивать, что может образоваться коалиционное правительство с премьер-министром Мао Цзе-дуном и «по их просвещенному мнению» опасность минует. Эти сволочи и циники, мне кажется, ведут предательскую политику, а посему я им не верю.[99])

В. П. Камкин обратился к командующему американским Тихоокеанским флотом с просьбой об оказании помощи в эвакуации русских эмигрантов из тех районов, которым угрожал захват коммунистическими войсками. В своем ответе американский адмирал предложил РЭА обратиться к американскому консулу для направления запроса в Государственный Департамент, и объяснить ему положение, и если этот вопрос будет рассмотрен с надлежащей точки зрения, то Военно-морской флот США окажет всяческое содействие.[100])

Государственный Департамент вынес положительное решение и вся русская колония Циндао с некоторым числом жителей, пробравшихся туда из Тяньцзина и Пекина, была перевезена американским флотом в Шанхай.

Эвакуация дальневосточных эмигрантов из Шанхая на Филиппины началась 13 января 1949 года.

Дурные вести

Эмигрантские организации Северной Америки продолжали интенсивную кампанию по заручению помощи американского правительства и общественности. В разгар шанхайской эвакуации были получены дополнительные ответы из Государственного Департамента, от генерала Вуда, главы ИРО, от ряда сенаторов и конгрессменов. В них еще раз подтверждалась готовность содействовать облегчению судьбы русских эмигрантов в Китае и уверенность, что все они будут вывезены, что-

---

[99]) Из письма Г. К. Бологова В. П. Камкину, 10 янв. 1948 г.

[100]) Из письма ком. Америк. Тихоок. Флотом В. П. Камкину, 21 ноября 1948, Циндао.

бы не попасть в руки коммунистических войск. Генерал Вуд сообщал о благоприятных условиях, в которых прошла эвакуация из Циндао.

Все казалось хорошо, успех завершения эвакуации казалось был полностью гарантирован. В феврале же пришло неожиданное известие из Женевы о прекращении эвакуации на том основании, что Шанхаю не угрожает опасность захвата коммунистами и что демократические страны мира не склонны открыть своих дверей для дальневосточных эмигрантов.

Часть русского Шанхая уже была переброшена на Филиппины. Часть сидела на чемоданах, ожидая отъезда. Другие толпились в убежище ИРО в неизвестности и тревоге. Женевская весть потрясла всех. Семьи были расколоты, одни члены их были на Филиппинах, другие еще оставались в Шанхае. С прежней жизнью были пресечены все связи. Возврата к ней не было, вне зависимости, возьмут коммунистические войска Шанхай теперь или позже. Русская общественность Шанхая насторожилась в крайней тревоге. Ее негодующие чувства были выразительно переданы единственной русской газетой.[101])

> Учитывая создавшуюся обстановку, руководство нашей газеты отклоняет предложение китайского национального правительства о нашем переезде из Шанхая на юг. Мы остаемся на своем посту защиты интересов антикоммунистической эмиграции и призываем лидерствующие круги российской эмиграции оценить наш поступок, который, верим, найдет себе подражателей.
>
> Имея также моральную поддержку ряда антикоммунистических кругов, мы полны бодрости и оптимизма в том, что скоропалительно решенный в кабинетах Женевы вопрос будет пересмотрен и найдет свое благоприятное для российской эмиграции разрешение.
>
> **Вся эмиграция должна быть и будет эвакуирована!**
>
> Путь к этой цели — жертвенность, единство и энергия, которые призваны поставить вопрос о судьбах российской дальневосточной эмиграции на повестку мирового общественного мнения.
>
> Рядовые массы, желающие эвакуироваться, мы призываем к выдержке и спокойствию, ибо в этом кроется главная из причин общего успеха. *(Выделено в оригинале, прим. ред.)*

Основная масса бездомных русских шанхайцев и беженцев, прибывших из других городов Китая, включая группу эвакуированных из Циндао, была размещена во французских ка-

---

[101]) «Китайско-Русская Газета», 26 февраля 1949 г.

зармах на Рю Фрелюпт на Французской концессии. Они находились на попечении и иждевении ИРО. При казармах были кухни, различные службы, столовые.

Настроение этих беженцев было крайне напряженным. Было много толков об эвакуации, но мало действия, за исключением таких, как регистрация, опросы, проверки, испытания, оббивание порогов.

Как будет сделан отбор

Шанхайский отдел ИРО передал Российской Эмигрантской Ассоциации регистрацию и учет лиц, желающих эвакуироваться. ИРО отчасти поступила правильно, так как у РЭА был налаженный аппарат для подобной работы; отчасти нет, так как это решение вызвало крайнюю реакцию среди эмигрантов и создало в них еще большую тревогу. Вопрос был не в желании эвакуироваться; оно было у всех, т. к. не оставалось никакого другого выбора. Вопрос был в том, что правление РЭА не пользовалось всеобщим доверием русской колонии и не представляло ее полностью. В течение нескольких последних лет оно почти неизменно, в том же самом составе, стояло во главе Ассоциации, опираясь целиком на одну из самых больших и влиятельных групп русского Шанхая — Казачий Союз. Как происходили выборы в правление РЭА, было известно всем. Если в нормальное время на практику подобных выборов смотрели сквозь пальцы, то теперь, в наиболее критический момент в жизни русского Шанхая, невольно приходилось платить за прежнее безучастие и попустительство. Сам по себе возникал вопрос о сторонниках и противниках, о своих и чужих. Этот вопрос ничего особенного не означал бы, если бы не шла лихорадочная подготовка к эвакуации и не пугало бы простое арифметическое вычисление: из десяти с лишним тысяч скопившихся в Шанхае лиц ИРО готовилась эвакуировать четыре, пять и в лучшем случае шесть тысяч человек. Как будет сделан отбор, кто попадет в число счастливчиков и кто будет брошен на произвол судьбы? «Списки имен» в наше время стали синонимом чего то тревожного, фатального, зачастую страшного. Теперь составление этих списков, разделение по признаку «смерти или живота», поручалось Российской Эмигрантской Ассоциации, нескольким лицам у ее кормила, в руках которых оказалась судьба тысяч человек. Было ли у этих лиц достаточно гражданского мужества, беспристрастности,

чувства ответственности и долга? Найдется ли у них решимость остаться на своих постах до последнего момента, как у капитанов тонущих кораблей, или они первые, расталкивая женщин и детей, бросятся в спасательные шлюпки?

Ни у кого не оставалось сомнения, что как в деле выборов, так и в деле составления списков, будут допущены грубейшие нарушения и произвол, что кумовство будет играть еще большую роль. Если ИРО в последнюю минуту решит эвакуировать всех, то в Шанхае может не оказаться средств передвижения, так как все пароходы, оставшиеся в порту, захватывались для эвакуации центрального правительства, гоминдановского аппарата, администрации города, семейств этих лиц, остатков армии.

На основе вѐры и надежды

Действия администрации ИРО и правления РЭА в тот критический для дальневосточной эмиграции период подвергались критике и осуждению не только среди русского населения Шанхая; принимали в них участие и общественное мнение и иностранная печать. Для критики, упреков и осуждений были веские основания, хотя общее состояние растерянности, граничащей с паникой, могло служить некоторым смягчающим обстоятельством.

Упреки по адресу администрации ИРО касались, главным образом, того разлада, который существовал между словом и делом, между обещанием и исполнением. Разговор об эвакуации касался большого числа эмигрантов, жителей Шанхая, и тех, кто в последнюю минуту перебрался туда из других городов. Многие из них в ожидании эвакуации распродали все, что могли, бросили свои занятия, службы, работы. Затем выяснилось, что ИРО в состоянии эвакуировать не больше пяти-шести тысяч человек из десяти с лишним тысяч, скопившихся в Шанхае. Несколько тысяч таким образом обрекалось на произвол судьбы или предоставлялось своим собственным заботам и изощрениям вовремя, до прибытия туда коммунистов, выбраться из Шанхая.

> Нет сомнений в том, что ИРО действует на основе слитых вместе веры и надежды, веры в то, что что-то будет сделано для этих несчастных людей и надежды, что кто-то это сделает для нее. Нет никакой уверенности в том, что эти беженцы будут приняты какой-либо страной. Те, кто уже до-

стигли острова Самара, могут быть уверены в четырех месяцах жизни там, после чего они должны поддерживать в себе надежды на то, что их переотправят в другие места. Те же 2500 человек, которые сделали все в расчете на отъезд и которые принесли в жертву так много, остались за бортом с весьма слабыми надеждами на то, что какое-то чудо произойдет в отношении их.

Лучшее, что можно сказать, — в основе всего лежали добрые намерения. Перебравшиеся на Самар, спрашивают себя: теперь куда? Оставшиеся в Шанхае теряют надежду даже попасть на Самар. Остается полагать, что предприятие провалилось из-за того, что вначале его не было никой уверенности в том, что оно увенчается успехом. Нет смысла выяснять, каким образом была допущена грубая, непростительная ошибка. Факт остается фактом, что она была совершена и что большое количество людей, поверивших в заверения ИРО, попали в положение, в какое они никоим образом не должны были попасть...

Остается рассчитывать на то — и в этих расчетах нет ничего чрезмерного, что ИРО сделает все в ее силах, чтобы возместить любым образом тот ущерб, который она нанесла, и предпринять все нужное для выполнения дела, которое она задумала поспешно и слишком плохо провела в жизнь.[102])

Откровенное заявление английской газеты вызвало комментарии.

...Я с полным уважением отношусь к ИРО и Русской Эмигрантской Ассоциации, но они должны простить мне мою откровенность, если я скажу, что эвакуация была предпринята и проведена самым беспорядочным образом, без всякого элементарного порядка.

Прежде всего, нужно было это или нет, и являлось ли логическим избрание лагеря на Самаре, как места для переотправки беженцев в другие места?

«Досье» большинства белых русских остались здесь и после их отбытия на Самар должны были бы быть переотправлены туда... кем? Я не думаю, что американское, британское или австралийское консульства собираются открывать на Самаре свои отделения с исключительной целью обслуживания эвакуированных.

Почему оказалась необходимой такая спешка, когда коммунистическая опасность должна была быть признанной заранее, в более хладнокровной обстановке? Я предвижу возражение: «эвакуация не принудительна».

Но это не оправдание для устроителей эвакуации, хотя бы и не принудительного характера.

Работать на основе «слияния веры с надеждой», как работала ИРО, означает быть бездумным. Отсутствие предвидения является серьезной погрешностью.

---

[102]) North China Daily News, Editorial, 2 March 1949.

> Что же касается ущерба, причиненного администрацией ИРО, я согласен с тем, что нечего рассчитывать, что оно будет возмещено: ИРО не подчинена обычным законам, так как когда она была создана, все считали, что она всегда будет творить добро, никогда никого не обидит и не допустит никакой ошибки.
>
> ...ИРО взяла на себя большую моральную ответственность в отношении белых русских и других лиц, не имеющих национальности. Лица, возглавляющие эту организацию, без промедления времени должны выправить поспешное зарождение и плохое выполнение их задания.[103]

Кто виноват?

Критические замечания и упреки по адресу шанхайского отдела ИРО и правления Российской Эмигрантской Ассоциации продолжались долго после того, как закончилась эвакуация части русского Шанхая и беженцев из других китайских городов. Шанхай уже был захвачен коммунистическими войсками, был отрезанным от остального мира, но оттуда продолжали раздаваться упреки и обвинения дальневосточных эмигрантов, оставленных за бортом.

> Кто виноват в том, что такое большое число русских осталось в Шанхае и обречено на жалкое существование, концлагерь или смерть? Ответ прост: Эмигрантская Ассоциация, но, главным образом, шанхайское представительство ИРО.[104]

Даже накануне захвата Шанхая в него продолжали проникать отдельные русские эмигранты. В правлении РЭА не осталось почти никого, кто мог бы зарегистрировать их, даже не для того, чтобы попасть в число эвакуируемых (эвакуация к тому времени уже закончилась), а хотя бы для того, чтобы попасть в число опекаемых ИРО. На их отчаянные просьбы, им отвечали, что «Регистрационного комитета уже нет, он весь перебрался на о. Самар».

У некоторых еще оставались надежды, что по примеру Циндао их вывезет американский флот. «Ни один европеец или американец не будет оставлен в Китае, все будут эвакуированы», заявил незадолго до этого командующий американским Военно-морским флотом. Но американский флот ушел из вод Китая в конце апреля, за месяц до прибытия в Шанхай коммунистических войск.

---

103) Там же. Письмо в редакцию, 4 марта 1949.

104) Башков, И. «Знамя России», 11 сентября 1949, Нью-Йорк.

> ...к сожалению с ИРО не вели должной твердой линии представители остатков правления Российской Эмигрантской Ассоциации. Когда непосредственная угроза нависла над Шанхаем и начал эвакуироваться военный флот, у ИРО в распоряжении были зафрахтованы пароходы, но она не отправляла их, заявив, что «еще успеем, еще нет распоряжений из центра». В Шанхае сидели и нервничали тысячи эмигрантов. Наконец выбрали имена и составили одну группу. Несправедливый отбор вызвал чуть ли не бунт, но сделать ничего нельзя было. 400 эмигрантов было отправлено, а свыше 600 осталось.[105])

Упреки по адресу шанхайского отдела ИРО касались и его отношения к беженцам, находившимся на его попечении или старавшихся найти убежище и паек. ИРО отказывалась выдавать документы или помощь тем, кого обвиняли в сотрудничестве с японскими властями. Достаточно было просоветской газете «Новости Дня» назвать любого эмигранта японским коллаборантом, как ИРО снимала его со своих списков. Был случай, когда ИРО отказала одному эмигранту в бумагах на основании обвинения газетой «Новости Дня», которая к тому же потребовала суда над ним. Суд состоялся и китайский судья оправдал эмигранта. ИРО принуждена была выдать ему бумаги, но отказалась включить его в списки эвакуируемых. Он был оставлен за бортом. Часто ИРО полагалась на аттестации, выдаваемые тем или иным лицам правлением Российской Эмигрантской Ассоциации. В зависимости от отношения этих лиц к руководителям РЭА составлялся и характер этих аттестаций. На некоторых из них были пометки: «Не подлежит эвакуации». ИРО не разбиралась в том, что в подобных аттестациях или приписках легко можно было проследить самовольные действия, сведения личных счетов, отместку за что либо. Получивший такую неблагожелательную аттестацию снимался со списков эвакуируемых.

В русской колонии считали не без основания, что некоторые служащие ИРО с коммунистическими симпатиями оказывали свое давление, когда составлялись списки для эвакуации. Одну из таких служащих, Апприл, открыто обвиняли в связи с коммунистами, что подтвердилось позже и ей пришлось уйти со службы. Не скрывала своих коммунистических симпатий и другая служащая О. Кормилова. От ее решения зави-

---

[105]) Там же.

села судьба многих эмигрантов. Часть ее семьи выехала в Советский Союз, сама же она собиралась выехать в Америку. Другим служащим, оказывавшим влияние при составлении списков, был Корнилов. Он был советским гражданином и играл заметную роль в советских кругах.

Нет причин волноваться

Упреки и обвинения по адресу руководителей Российской Эмигрантской Ассоциации носили иной характер. Пристрастность, кумовство, «своя рука владыка» как это было проявлено во время регистрации, были только частичными основаниями для них. Дело шло гораздо глубже.

Еще задолго до начала эвакуации Г. К. Бологов, председатель РЭА, заверял русскую колонию Шанхая, что все меры к спасению остатков дальневосточной эмиграции приняты и поэтому нет никаких оснований беспокоиться. Все будет разрешено самым положительным образом. Вполне возможно, что он не верил в особую необходимость эвакуации из Шанхая, надеясь, что иностранные державы, вложившие так много в Шанхай, не допустят сдачи этого баснословно богатого города. Вполне вероятно, что он не так уж недоверчиво относился к заверениям шанхайского отдела ИРО о возможности создании в Китае коалиционного, коммунистически-гоминдановского правительства.

Осенью 1948 года ему удалось взять в свои руки «Китайско-Русскую Газету», из за которой в свое время у него были разлады с некоторой частью русской колонии. Редакционная коллегия ушла и вместо нее Бологов поставил своего человека. Газета стала официозом РЭА.

Одним из первых его официальных выступлений в газете явилось обращение к русской колонии, которое крайне озадачило и смутило многих.

> Вопрос о планомерной эвакуации всех российских эмигрантов, всех «стайтлес» разных национальностей и китайских подданных русского происхождения разрешен, наконец, положительно.
>
> В настоящее время создается необходимый аппарат для проведения всей организационной работы в связи с предстоящей эвакуацией.
>
> Естественно, что эта эвакуация носит исключительно добровольный характер, никто никого не запугивает и не уго-

варивает, каждый может поступить по собственному усмотрению и желанию.

Никаких причин для волнения нет, они остались позади.[106])

Если речь шла о «планомерной эвакуации всех эмигрантов и других лиц», то каким образом она могла носить «исключительно добровольный характер?» И почему тогда каждый мог «поступать по собственному усмотрению и желанию?» Почему, наконец, «нет никаких причин для волнений» и на каком основании «они остались позади?» Все говорило о том, что настоящие волнения еще впереди, что непосредственное будущее чревато самыми неожиданными и тяжкими последствиями, что через полтора-два месяца начнется паническая борьба за маленькое место на пароходе или самолете, увозивших остатки дальневосточной эмиграции в джунгли на острове Тубабао. Не остается сомнения, что глава РЭА мог иметь в виду только себя и некоторых из своего окружения, говоря о том, что «никаких причин для волнения нет».

Блюстители белизны

Особое недовольство, раздражение и даже озлобление среди русского Шанхая вызвала практика, которуе РЭА применяла в подготовительной работе и регистрации. Здесь небольшая группа, правящая судьбами русской колонии, взяла на себя ответственную функцию деления на «чистых» и «нечистых», «политически благонадежных» и «неблагонадежных». Такое деление шло по чрезвычайно упрощенному признаку и сводилось к простой форме — «угодных» и «неугодных», «своих» и «чужих».

РЭА проводила регистрацию, но окончательные списки эвакуируемых составлялись в шанхайском отделе ИРО. К именам зарегистрированных прибавлялись аттестации, которыми в той или иной степени руководствовались служащие ИРО.

Но этого было еще мало. Самостоятельно, но в какой то связи с руководителями РЭА, действовали особо ретивые лица, порожденные особенностями дальневосточной эмиграции, основным занятием которых казалось было строчить доносы. Эти лица также взяли на себя миссию деления на «чистых» и «нечистых», на «безупречных антикоммунистов» и «коммунистов». Среди этих блюстителей политической белизны на-

[106]) «Русско-Китайская Газета», 15 декабря 1948.

ходились представители различных политических толков, которыми была так богата дальневосточная эмиграция, бывшие полицейские, сотрудники японских жандармерий, мелкие информаторы, эмигрантские разновидности фашистов и нацистов, перебежчики из одного лагеря в другой, из одной иностранной разведки в другую, перелетные эмигрантские птицы, выбравшие страха ради советские паспорта и позже, по тому же импульсу, отказавшиеся от них. Несмотря на внешние различия, эти блюстители были кровно связаны внутренним требованием своего ремесла и трудились, не покладая рук, в заваливании канцелярских столов ИРО своими донесениями.

Узаконение доносов

Служащие ИРО рассматривали эти доносы и если не разбирались в них, то обращались к своим экспертам по русским делам, лицам с прокоммунистическими симпатиями, или переотправляли их для проверки в РЭА. Советы «экспертов» и проверка в РЭА придавали вес и законность доносам; терялась их пустопорожняя сущность, имена несчастных людей, стремившихся вырваться за пределы опасности, принимали зловещий характер тайных советских агентов.

В РЭА с особой зоркостью и бдительностью приглядывались к этим доносам и с готовностью составляли «аттестации» и набрасывали спешной рукой приписки: «нуждается в дополнительной проверке», «не подлежит эвакуации» и т. п.

В соответствии с этим в ИРО менялись списки, снимались лица с учета. С одного парохода в последнюю минуту сняли четырех эмигрантов. Группа эмигрантов в 170 человек, «одиозов», вычеркнутая из списков ИРО с трудом нашла себе убежище в ночлежных домах Армии Спасения. Подобные случаи имели прямое отношение к тесно связанной деятельности верхов РЭА и профессиональных доносчиков.

В этом отношении упреки и обвинения по адресу РЭА и его немногих руководителей (Бологов, Федуленко и другие) имеют полное основание. Но следует еще познакомиться с жизнью эмигрантской массы на маленьком островке Тубабао, чтобы ужаснуться от того размера, который, под покровительством и при поощрении уже знакомых лиц, приняло там доносительство. Но об этом позже, в последней главе этого повествования.

Оставаться на посту

В предэвакуационный период на эмигрантских совещаниях председатель РЭА Бологов повторял, что все будет сделано для остатков дальневосточной эмиграции, чтобы спасти ее от опасности попасть в руки коммунистов. На них рассказывалось о работе, которую вела Ассоциация среди различных иностранных и зарубежных эмигрантских организаций для ускорения и успешного проведения всеобщей эвакуации. Пространно упоминалось и о руководителях Ассоциации, об их четком представлении об ответственности и высоком долге. О параллели с потерпевшим аварию кораблем и роли на нем отважного капитана, правда, не упоминалось, но оставалось ясным, что в заверениях эмигрантских руководителей она подсознательно имелась в виду.

Председатель Ассоциации говорил о том, что он не покинет Шанхай до тех пор, пока не закончится всеобщая эвакуация. Его заверениям вторили другие руководители Ассоциации. Еще в ноябре, за два месяца до начала эвакуации, в сравнительно еще спокойный период, Бологов писал: «Лично я мог бы выйти из положения очень легко, но уходить с поста в такой момент, сам понимаешь, нельзя.[107])

В конце февраля, в самый тревожный период, когда было получено извещение из Женевы о прекращении дальнейшей эвакуации, и когда особенно требовалось присутствие на ответственных местах руководителей дальневосточной эмиграции, их, увы, за исключением одного человека, не оказалось.

Напрасно раздавались страстные призывы, обращения к чувству долга среди остатков брошенной на произвол судьбы русской колонии Шанхая!

> ...наш призыв к руководству российской эмиграции оставаться на своих местах до тех пор, пока вопрос о **всеобщей эвакуации** не будет разрешен положительно, и мы клеймим **дезертирами** ту часть этого руководства, которая покинет Шанхай раньше благоприятного разрешения этого вопроса.[108])

Когда появился в печати этот призыв, председатель РЭА уже две с половиной недели как загорал под тропическим солнцем Тубабао.

---

[107]) Из письма Г. К. Бологова В. П. Камкину, 10 ноября 1948.
[108]) «Китайско-Русская Газета», 26 февраля 1949.

Защищать, как Сталинград

Начавшаяся 13 января эвакуация, закончилась к концу марта. Пять с половиной тысяч русских беженцев были эвакуированы пароходами и самолетами на остров Самар. Небольшая группа особо привилегированных попала из Шанхая на остров Тайвань (Формозу). Группа в 150 человек была перевезена в Японию. Некоторое количество перебралось на юг, в Кантон и оттуда в различные страны юго-восточной Азии. Отдельным эмигрантам, связанным с англичанами, удалось вырваться в Гонконг. В Шанхае продолжало оставаться еще большое число эмигрантов, беженцев в полном смысле этого слова. Большая часть из них продолжала сидеть на чемоданах во французских казармах на Рю Фрелюпт. Другие влачили самое жалкое существование в ночлежных домах Армии Спасения или пробивались путем собственных ухищрений.

Положение оставшихся становилось отчаянным. С недобрым чувством вспоминали они заверения руководителей РЭА о том, что беспокоиться нечего, что вся дальневосточная эмиграция будет вывезена из Шанхая до прихода туда коммунистических войск.

Несмотря на то, что пал Нанкин, и что из Шанхая на Формозу перебирались члены центрального правительства, служащие, их семьи, все, кто мог, командующий китайским гарнизоном объявил, что он будет защищать город, по примеру Сталинграда, и бороться за каждую улицу, за каждый дом. Заявление китайского генерала, сделанное несомненно накануне его побега, внесло еще большую панику.

> В апреле создалось настолько тревожное и нервное настроение среди беженцев, живущих в казармах, что было устроено общее собрание, где среди слез, истерик, ругани и диких криков по адресу Бологова и администрации ИРО, было принято обращение в США и были выбраны уполномоченные для подписи на этом обращении.[109])

Вопрос касался судьбы тысячи с лишним человек, с которыми администрация ИРО видимо не знала, что сделать. Обращение представителей этих беженцев было направлено ряду влиятельных в Америке лиц, включая Митрополита Феофила и А. Л. Толстую.

---

[109]) Фомичев-Лидин, Мих. Правда о Тубабао, стр. 8.

> В результате медлительности и непринятия нужных и срочных мер администрацией ИРО по эвакуации из Шанхая русских эмигрантов и «стайтлес», в настоящее время этим лицам, в количестве более тысячи человек, угрожает прямая и непосредственная опасность.
>
> От имени этих русских эмигрантов и «стэйтлес» мы обращаемся к вам, а через вас к русской и американской демократии, к Американскому Красному Кресту и ко всем американским гражданам.
>
> Не дайте совершиться черному и античеловеческому делу, во имя гуманности, человеколюбия и справедливости примите все зависящие меры к эвакуации русских, воздействуйте на ИРО.[110])

В Америке на обращение беженцев отозвались немедленно. Влиятельные русские эмигрантские организации и газеты направили обращения президенту Труману, Государственному Секретарю Ачисону, и другим лицам с призывом принять немед-
кретарю Ачисону и други лицам с призывом п ринять немедленно срочные меры для спасения брошенной на произвол судьбы эмигрантской группы. Эмигрантские организации и отдельные лица перепечатывали обращение шанхайской группы беженцев, собирали под ним подписи и отправляли в Вашингтон отдельным сенаторам и контрессменам своих штатов.

Попутно с этим обращением беженская группа выделила своих представителей для переговоров с директором шанхайского отдела ИРО Андрьюсом, прося его сделать все возможное, чтобы только вывезти оставшихся.

Оказалось, что в распоряжении ИРО еще оставался «Хвалиен», пароход, переправивший в Тубабао главную массу беженцев, но китайские военные власти требовали передачи его им для эвакуации китайских солдат на Формозу.

На следующий день выяснилось, что отделу ИРО удалось отвоевать пароход, но что на него может погрузиться только четыреста человек. Среди беженцев опять поднялась паника: кто попадет на него и что случится с теми, кто будет оставлен окончательно за бортом. Никаких сомнений не оставалось в том, что «Хвалиен» с избранными счастливцами совершал свой последний рейс.

Шанхай замирал. Заколачивались витрины еще недавно богатых магазинов, многие из них результат упорного труда и предприимчивости русского человека. Улицы были заполнены сплошной китайской толпой, среди которой редко попада-

---

[110]) «Новое Русское Слово», май 1949 г., Нью-Йорк.

лись иностранцы. В предместьях Шанхая сидели партизанские отряды, ожидая подступа коммунистической армии, незадолго до этого захватившей столицу Китая Нанкин и ряд других городов на пути к Шанхаю. Кольцо быстро сжималось.

В этой судорожной обреченности наспех составлялся последний список эвакуируемых. В беженском общежитии лихорадочно заталкивали пожитки в чемоданы, в надежде попасть в число спасаемых. Доведенные до отчаяния, одни требовали, не взирая ни на что, включить их в список. Другие требовали соблюдения очереди, так как их имена остались не включенными в прежние списки и они считали, что в последнем списке их имена должны быть впереди других. Третьи не могли найти своих бумаг в канцелярии РЭА, которые были переданы задолго до этого в Регистрационный комитет. В беженских казармах в истерике метались люди, многие с детьми, с семьями, умоляя не бросать их. Те, чьи имена уже находились в списках, не будучи еще уверенными, что они попадут на пароход, стояли в очереди для сдачи тяжелого багажа. Когда началась отправка людей на пристань, «тяжелые сцены прощания не поддались описанию . . . »

«Хвалиен» стоял в порту четыре дня, пока шел торг между ИРО и новым китайским генералом, требовавшим его для отправки своих солдат. Наконец все было улажено и пароход медленно тронулся вниз по реке. Когда в январе он совершал свой первый рейс с беженцами, на пристани было много провожающих, играл эмигрантский духовой оркестр, были цветы, фрукты, чуть ли не серпантин, приветственные заверения о быстрой встрече. Когда пароход проходил мимо здания Британско-Американской Табачной Компании, где работало много русских, управляющий фирмы, эмигрант, развернул российский национальный флаг.

Теперь, в последний рейс «Хвалиена» ничего подобного не было. Для брошенных на произвол судьбы провожать отплывавших — было бы еще большим растравлением своей горечи, доведением отчаяния до крайних пределов, после чего можно было только наложить на себя руки.

> . . .Проплыл Банд, здания Путунга, вот таможни и Вузунгский карантин. . . Многие плакали и об оставшихся в Шанхае, и о прожитых годах в нем, у многих остались и дорогие могилки на шанхайских кладбищах. . .

Прощай добрый и человеколюбивый Китай... Десятки и десятки тысяч русских эмигрантов нашли в тебе приют, защиту и мирный труд... Не спрашивал Национальный Китай от русских эмигрантов ни жизни, ни пропусков. Если кто выбрался из СССР в Китай, мог жить свободно, свободно веровать, свободно трудиться. Не было никаких препятствий для передвижения по всей стране. За ошибки своего правительства, за преступную близорукость свободного мира надето ярмо на шею китайского народа...

Эти мрачные мысли отвлекались хоровым пением на пароходе — Христос Воскресе из мертвых... Была пасхальная неделя... ехавшие на последнем пароходе... чувствовали себя воскресшими...[111])

Дальневосточная фаза российской белой эмиграции закончилась трагедией. Осталось только сохранить о ней память и отдать должное ее мужеству, с каким дальневосточная эмиграция переносила суровые испытания, выпавшие на ее долю. Осталось еще подвести итог, сделать соответствующие выводы и кстати упомянуть о тех, кто по тем или иным причинам были оставлены позади.

Эвакуацию российских эмигрантов из Шанхая надо считать законченной. Всем, кто хотел выехать, предоставлялась возможность. Если есть оставшиеся, то таковые являются людьми, не желавшими уезжать или оставшимися по разным причинам. Всего оставшихся русской национальности, включая отказавшихся от советского подданства, наберется не более 800 человек, а я думаю и того меньше. В большинстве случаев это глубокие старики, больные или лица, ожидающие виз на выезд в разные страны.[112])

Это противоречащее самому себе заявление главы РЭА не соответствует действительности. В Шанхае было брошено значительно больше, чем говорится в заявлении. По официальным данным из 9.000 русских эмигрантов на Филиппины было эвакуировано 5.500. Из оставшихся около тысячи больных были приняты различными странами. Из 2.500 оставшихся — 1.539 нуждались в госпитальном уходе. Из них только 450 были размещены по различным странам. 41 репатриированы, 67 переданы благотворительным обществам.[113])

Судьба остальных неизвестна.

---

[111]) Фомичев-Лидин, Правда о Тубабао, стр. 11.

[112]) Из письма Г. К. Бологова А. Л. Толстой, «Русская жизнь».

[113]) Holborn, L. W., The International Refugee Organization, p. 490.

Поиски
Обетованной Земли

Синее море, коралловый остров,
И новый Миклуха Маклай.
Полвека прошло с той далекой эпохи,
Когда он покинул Шанхай...

Из стихотворения одного
из тубабаоских поселенцев.

I

ТУБАБАО

Остров Самар, один из семи островов Филиппинского Архипелага, лежит между большими островами Люзон на севере и Минданао на юге. На юго-западной стороне его порт Гюйиан, а против него — коралловый островок Тубабао, «изумруд с жилками топаза в лапис-лазурной оправе океана». Одно время он был соединен с Гюйианом мостом, пока тот не был уничтожен одним из частых тайфунов.

Площадь Гюйиана около десяти квадратных миль, окруженная джунглями. Островок Тубабао — сплошное море зелени, буйное переплетение лиан, над которыми высятся кокосовые пальмы.

В этих местах Архипелага Тихий Океан отличается длинными и узкими углублениями дна вдоль островной цепи. Особенно глубокие океанические впадины находятся у острова Минданао, где достигают глубины в шесть миль. Эти глубины — рассадники частых землетрясений.

Воздушная поверхность этой части Тихого Океана является проторенным путем для страшных по разрушительной силе тайфунов. Каждой осенью, в обычный свой период, тайфуны, один грознее другого, проносятся над этими местами, причиняя огромные разрушения. Один из таких тайфунов, налетевших на Минданао и Самар в конце прошлого столетия, до сих пор памятен населению. Он смел с лица земли все постройки в Гюйиане и огромной волной затопил береговые селения. Люди, как листья, носились по воздуху.

Среди жителей тех мест существует убеждение, что тайфуны подобной, исключительной по разрушительности силы появляются каждые сорок пять-пятьдесят лет.

Проливные дожди льют каждый день. Шквалы сменяются каждые три-четыре часа нестерпимой жарой, достигающей в тени температуры в 110-115 градусов по Фаренгейту.

На Тубабао еще со времени Тихоокеанской войны остались некоторые армейские постройки, среди них деревянный дом — резиденция генерала МакАртура в те дни, когда он вел операции по овладению Филиппинских островов. В прибрежной полосе находится один из многочисленных на Филиппинах лагерь для прокаженных.

Гюийан и Тубабао были избраны для поселения на том основании, что жители его будут вдали от местного населения и что над ними будет легко установить наблюдение и контроль. Вполне возможно, что в представлении местных властей лагерь шанхайских переселенцев мало отличался от лагеря прокаженных.

Основанный на четыре месяца существования с расчетов на помощь в снабжении его Американской армией из продовольственных запасов, накопившихся за годы Тихоокеанской войны, лагерь в Тубабао не подходил даже для самых примитивных условий жизни. В нем не было ни воды, ни простейших санитарных условий, ни дорог, ни электричества. Климат был тяжелый чрезмерно сырой и знойный, непроходимые заросли были населены змеями и крысами, в воздухе витали мириады насекомых, рассадники многих накожных заболеваний.

Устройство полотняного города

В середине января на аэроплане прибыла первая группа во главе с инженером О. В. Мирам. За ней на другой день прибыла вторая группа, в которой находились женщины и дети. Это были технические группы, на обязанности которых было произвести подготовительные работы, расчистить джунгли, наметить место для пятитысячного полотняного города. На первое время пришлось устраиваться в пустых американских бараках, на цементном полу, без кроватей, даже без обычных в Азии цыновок. Не было питьевой воды, собирали дождевую, не было продуктов, кроме тех, что привезли с собой запасливые люди. Купить ничего нельзя было, т. к. филиппинская полиция не допускала общение с местными жителями.

Работа по подготовке места для лагеря оказалась трудной из за отсутствия необходимых инструментов и простых технических средств. Работать пришлось почти голыми руками, в изнуряющих условиях. Лагерь надо было приготовить, так как из Шанхая шел пароход с первой большой группой беженцев.

«Хва-лиен» с группой беженцев в 490 человек, вышел из Шанхая в январе. Во главе беженцев был Е. И. Клуге, на которого ИРО возложила обязанность подготовить лагерь и принять на себя заведывание им. По прибытии в порт Гюийан у Клуге произошел конфликт с филиппинскими властями, оставивший неприятное впечатление на всех и омрачивший то светлое настроение, с которым беженцы хотели сойти на новую землю.

Столкновение произошло из за незначительного вопроса о порядке высадки людей на берег. Капитана парохода и беженцев представлял Клуге, как старший в группе. Представителем филиппинского правительства оказался не в меру вспыльчивый чиновник. К пароходу было выслано несколько барж для высадки на берег пассажиров и разгрузки багажа и привезенного лагерного оборудования. Клуге хотел сперва выгрузить технический инвентарь и лагерное оборудование и, затем, когда лагерь примет более жилой вид и будут поставлены палатки и кухни, высадить людей. Вопрос одного или двух лишних дней пребывания на пароходе.

Разумные доводы Клуге не понравились филиппинцу, который хотел проделать всю операцию сразу. Клуге отказался. Задетый отказом филиппинец заявил, что постольку, поскольку пароход с шанхайскими беженцами находится в территориальных водах Филиппин, они, включая его старшего, беспрекословно должны подчиняться приказам филиппинского правительства, которое он здесь представляет. Клуге возразил, что русские эмигранты находятся на иностранном пароходе в море и что в силу этого они вне компетенции филиппинского правительства. Заявление Клуге окончательно взорвало горячего чиновника, который приказал немедленно прекратить погрузочные операции и отвести баржи к пристани. Он заявил, что немедленно отправляется в Манилу для доклада правительству и настойчивого совета прекратить передвижение русских беженцев на Филиппины. По его распоряжению была удвоена полицейская охрана лагеря и парохода, что приняло характер технического ареста переселенцев.

На другой день представитель ИРО посетил горячего филиппинца и отговорил его от поездки в Манилу. На этом инцидент был закончен. Разгрузочные операции пошли своим ходом. Пострадал Клуге, которому было отказано в праве высадки на филиппинскую землю.

В начале февраля «Хва-лиен» захватил в Шанхае вторую группу в 489 человек, среди которых было много беженцев из Тяньцзина, Пекина и Циндао. В Маниле на него погрузили дополнительный инвентарь, палатки, походные кухни, оборудование для электрической станции, холодильники и т. п.

Вслед за «Хва-лиеном» из Шанхая вышел «Кристобол», с третьей группой беженцев. Старый греческий пароход, не приспособленный для большого числа пассажиров и далеких путешествий, с трудом добрался до Манилы, где чинился трое суток. Через несколько часов после выхода в море «Кристобол» вернулся в манильский порт для дополнительной починки, которая затянулась на двое суток.

На Тубабао с нетерпением ожидали прибытия «Кристобола», так как он вез кровати и другой необходимый инвентарь. Из-за медлительности с «Кристоболом» задерживалась разгрузка «Хва-лиена». После истории с Клуге филиппинские чиновники больше не вмешивались в распоряжения беженских руководителей.

Взору переселенцев, доставленных в лагерь, представилась яркая тропическая зелень, переплетенная густо лианами, кокосовые пальмы, склоненные в одну сторону от превалирующих ветров; овраг, за которым местность подымалась в гору, и за которым дорога шла к морю. Перед спуском к берегу, на границе лагеря, стояла будка с филиппинским полицейским; за будкой, вдали, несколько хороших деревянных домов, занятых администрацией ИРО. Около берега, отведенного для купающихся, несколько типичных домов островитян на высоких сваях, за ними вывеска — «Запретная зона», окружавшая кольцом лагерь, чтобы не допустить общения поселенцев его с немногими аборигенами, проживающими вблизи. В «Запретной зоне» — поселение прокаженных. Для многих эта расчищенная часть джунглей и небольшой кусок берега стали местожительством на два-три года.

Тубабаоским жителям пришлось самим взяться за создание сносных, терпимых условий лагерной жизни. За первые месяцы, почти без инструментов, голыми руками, был создан палаточный город на пять с половиной тысяч человек. Были вырублены джунгли, проведены и утрамбованы камнем дороги, расчищены ключи для питьевой воды и налажено временное снабжение водой, пока не был проведен водопровод. Оставшее-

ся от американских войск оборудование было использовано для постройки электрической станции, продовольственных кладовых, холодильников, кипятилок, кухонь, больницы, санатории для туберкулезных, школ, детского сада, аптеки, зубоврачебного кабинета. Появились три православных и одна католическая церкви и несколько молитвенных домов для других вероисповеданий. Позже, после устройства самого необходимого, в лагере был создан театр, балет, появились классы по изучению иностранных языков, бухгалтерии, стенографии, машинописи. По вечерам на площади играли духовой и струнный оркестры. Появились частные предприятия, вначале запрещенные администрацией ИРО, как фотографии, мастерские по ремонту, починке обуви, шитью, парикмахерские, портняжьи и т. д.

> Все это было сделано не за плату и не из-под палки, а добровольно, за одну только дырявую мокрую крышу над головой, грязное месиво под ногами и полуголодный паек; сделано только в благодарность за спасение от красной опасности и в надежде быть вывезенными туда, где они смогли бы наконец зажить спокойной жизнью.
>
> При этом ИРО все это ничего не стоило, так как одни вещи, более солидные, как материалы для мебели, она получила за бесценок с баз, оставленных филиппинцам американскими войсками; труд был даровой — эмигрантский; разное оборудование, как, например, для водопровода, электрической станции, санитарного отдела, большей частью откапывалось среди брошенного американцами имущества и приводилось в порядок своими силами. Зубоврачебный кабинет был всецело создан врачами-эмигрантами, предоставившими в общественное пользование все собственное оборудование, вплоть до зубоврачебных кресел.[114])

Несмотря на многие тяжелые стороны лагерной жизни, жители Тубабао, с присущей российскому народу выносливостью и долготерпением, юмором и жизнерадостностью, делали все возможное, чтобы скрасить ее. Лагерные улицы, приведенные в сносный порядок, несмотря на частые дожди, получили громкие названия — «Невский Проспект», «Адмиральский Проспект», «Светланка», «Тверская». Открытое место с громадной, никогда невысыхающей лужой, перед большой па-

---

[114]) Морозова, О. А. Дневник «Тубабао», Записки о лагере для белых русских эмигрантов. Остров Самар, Филиппины, 1949—1950. Стр. 117. Русский музей, Сан Франциско.

латкой, в которой устраивались представления, получило название «Театральной площади». На одной из палаток, населенной неунывающими людьми, красовалась вывеска — «Гусарский Монастырь».

Лагерная жизнь продолжала быть тяжелой. Жителей лагеря долго кормили американскими консервами из запасов четырехлетней давности. Консервные банки приходили ржавыми и вспухшими, малопригодными для питания. Несмотря на жаркий климат и частые дожди, которые должны бы способствовать выращиванию овощей, они, по крайней мере в свежем виде, редко появлялись в лагере. Женщины, работавшие по очереди в кухнях, требовали проверять провизию, прежде чем принимать ее; иногда она была настолько плоха, гнила и червива, что значительную часть ее приходилось выбрасывать, что отражалось на размере пайка.

Жалобы на недостаточное питание шли заведующему лагеря и в главный отдел ИРО. О недостаточном питании знали и представители филиппинского правительства в Гиюиане. Они были заинтересованы в благополучии беженцев настолько, что даже предложили администрации ИРО увеличить продовольственный паек с 35 амер. центов, отпускаемых в день на человека, и довести его хотя бы до 43 центов, что составляло прожиточный минимум. По распоряжению филиппинских властей в лагере было уничтожено большое количество испорченных консервов.

На жалобы о недостаточном питании один из первых директоров лагеря, Прайс, заявил, что ИРО считает питание достаточным, что население тубабаоского лагеря получает его в два раза больше, чем население беженских лагерей в Германии. Заявление Прайса, что в лагере убивают в день по тричетыре головы скота, тратят на содержание его 122.000 пезо в месяц, и что лагерные холодильники забиты свежими продуктами и зеленью, не изменило положение и вопрос с питанием продолжал оставаться острым долгое время.

С однообразным или недостаточным питанием еще можно было как-то мириться, но не с некоторыми отвратительными сторонами лагерной жизни. Одной из таких была постановка почтового дела. Неизвестно, по чьему распоряжению был заведен этот порядок, филиппинскими ли властями, опасавшимися проникновения нежелательных элементов на Филиппи-

ны, администрацией ли ИРО, у которой могли быть какие-то свои соображения, или к нему имели отношение «блюстители политической белизны», продолжавшие свою добровольную деятельность на Тубабао. Письма, отправляемые лагерниками, должны были быть написаны по английски и сдаваться на лагерную почту в незапечатанном виде. В таком виде они проходили через руки заведующего почтой (М. Кац, бывший советский гражданин[115]), затем переотправлялись для более подробного просмотра цензорам, назначенным для этого дела из среды жителей лагеря по рекомендации РЭА (одним из таких цензоров называли девятнадцатилетнего сына Бологова). Для отправки писем следовало приложить 40 или 80 центов — по усмотрению помощницы Каца, которая должна была наклеить марки и отправить их. На беженском жаргоне эти письма назывались «смертниками», так как большинству их суждено было остаться погребенными на Тубабао. Позже, по мере развития лагерной жизни, в свалках было найдено несколько сот оплаченных, но не отправленных писем.

Когда был открыт арбитражный суд, то одним из первых разбирательств было дело помощницы Каца. Все ранние подозрения подтвердились. Собранные ею деньги на марки она присваивала, а письма уничтожала.

Позже попал в историю и Кац. Около его стола были найдены вскрытые конверты и порванные письма. Сообщили филиппинскому чиновнику. Тот призвал Каца, потребовал ответа. Кац отрекся от всего; только когда ему пригрозили судом и заключением в тюрьму на срок до 12 лет, перепуганный Кац раскрыл историю с перлюстрацией писем, назвав несколько имен, замешанных в ней.[116]

Не лучше была поставлена доставка посылок. Жители лагеря получали уведомления об отправленных им посылках, но это еще не означало, что посылки могли дойти в сохранности. Если они и доходили до лагеря, то могли легко затеряться в почтовом отделении при том порядке, который существовал там.

Из Америки на Тубабао было отправлено несколько больших тюков с одеждой, одеялами, бельем для распределения среди беженцев. Кое-что было роздано, остальное попало в

---

115) Там же, стр. 84.
116) Там же, стр. 170.

Манилу и другие места, где продавалось с лотков. В лагере шли разговоры, расло недовольство. Обсуждали подобные истории на все лады, искали виновных — и еще больше чувствовали гнет полуправового существования, свою горькую зависимость от безответственных, бесчестных людей.

По прибытии на Тубабао все проходили через «исповедь», как назывались нудные опросы и докучливое заполнение длиннейших анкет для филиппинского правительства. В них пестрели вопросы об отцах, дедах, прадедах, о том, кто чем занимался, чем болел и от чего умер. К анкетам прилагались фотографии, которые снимались тут же на месте.

> Сцена с фотографом. Старого человека поставили у столба, дали в руки номер, приказав держать крепко у груди. У того от волнения дрожат руки и номер прыгает во все стороны. «Крепче держите», говорит фотограф. «Да не двигайте же номером», грубо кричит он. «У него руки дрожат, он же не нарочно», раздаются голоса в толпе. После того, как его сняли, он, продолжая держать номер у груди, обращается к фотографу: «Ну, что же, теперь надо еще и на спину! Ведь каторжан всегда так клеймят!» И в его дрожащем голосе слышится столько затаенной горечи, что все разговоры в очереди сразу смолкают.[117])

Среди пяти с половиной тысяч человек, вывезенных из Шанхая на Тубабао, находились представители почти всех народностей, населяющих Россию, великороссы, украинцы, поляки, белорусы, эстонцы, латыши, армяне, грузины, евреи и т. п. Все они были эмигрантами и проживали в Китае в течение многих лет. Среди них было около двух тысяч человек, перешедших в первые годы после окончания войны в советское гражданство и затем, под давлением многих причин, отказавшихся от него. Несмотря на то, что всем обитателям пришлось одинаково делить трудности лагерной жизни и жить бок-о бок, эти лица продолжали вызывать к себе недоброжелательное отношение со стороны тех, кто не менял своего положения.

Администрация ИРО по-своему классифицировала беженскую массу из Шанхая, насчитав среди них полторы сотни проституток, несколько десятков наркоманов, алкоголиков и преступников.[118])

---

[117]) Там же, стр. 31.

[118]) Holborn, L. W. The International Refugee Organization, p. 424.

Нездоровые течения

Несмотря на то, что шанхайские беженцы были тщательно проверены в политическом отношении перед отправкой их на остров Самар, филиппинское правительство придерживалось крайней и излишней осторожности в отношении их, устраивало периодические проверки и без личных пропусков, выданных полицейским бюро при лагере, не выпускало никого за пределы его.

Позже оно стало выдавать особые разрешения для поездки в Манилу для свидания с иностранными консулами. Когда ИРО наладила посещение лагеря особыми комиссиями по отбору поселенцев в различные страны, отпала необходимость поездок в Манилу.

Вследствие тяжелых экономических условий на Филиппинах, оказалось невозможным уговорить филиппинское правительство разрешить некоторым из беженцев остаться в стране на постоянное жительство; среди них было много лиц высоких профессий и специальностей, которые, при подобных разрешениях, помогли бы развитию экономической и культурной жизни Филиппин. Эти просьбы, даже если касались одного или двух лиц, вызывали отказ на том основании, что если позволить одному, то другие будут настаивать на предоставлении им подобной привилегии. По этим же соображениям переселенцам Тубабаоского лагеря не разрешалось, даже временно, работать на Филиппинах.

К моменту прибытия шанхайских беженцев на Тубабао главным представителем ИРО на Филиппинах был англичанин Джерард Прайс. На его ответственности было создание лагеря, улучшение условий жизни, расселение беженцев по различным странам.

Отношение Прайса к населению лагеря было своеобразным. Трудности и невзгоды лагерной жизни он объяснял недовольством беженцев. По его мнению, среди беженцев на Тубабао находилось несколько десятков советских агентов-провокаторов, которые, ради своих целей, раздували недовольство среди жителей лагеря. Прайс считал, что в лагере все было благополучно, что вопрос с питанием и снабжением был поставлен на должную высоту. Он не хотел касаться лагерной жизни и проверить действительное положение, чтобы лично убедиться, насколько основательны были жалобы беженцев.

Нездоровые течения лагерной жизни поэтому продолжали существовать, пока на смену его и ему подобных не являлись другие лица. На ответственности его была жизнь и здоровье пяти с половиной тысяч человек, которые продолжали находиться на попечении ИРО. Как служащий этой организации, он должен был, в первую очередь, проверить деятельность лагерного врача, доктора Хана, на которого поступили жалобы, как на «некомпетентного и грубого врача, не понимающего, что врач служит людям, а не подвергает их отчаянию». В ответ на жалобы лагерных жителей, основательность которых подтвердилась полностью немного позже, Прайс, не утруждая себя проверкой действительного положения, возражал, что «если доктор Хан не компетентен, то ИРО в Женеве не понимает, что такое врач и его назначение».[119])

У Прайса были нелады с Бологовым. Несмотря на наличие в лагере ряда различных национальностей и большой группы оппозиционеров, образовавшейся еще во время расцвета общественно-политической жизни русского Шанхая, считалось, что Бологов, как глава Российской Эмигрантской Ассоциации, был главой тубабаоских беженцев. Прайс, ревниво оберегая свои полномочия, не считал Бологова сколь-либо ответственным лицом, имевшим право распоряжаться лагерными обитателями, которые должны были принимать только его, Прайса, как своего начальника, и во всем слушаться его. С ходом развития лагерной жизни происходили постоянные недоразумения между ним, администрацией ИРО с одной стороны, и Бологовым и РЭА с другой.

Разногласия Прайса и Бологова происходили не только на почве внутреннего распорядка лагерной жизни и соревнования в отношении командных высот, но касались и тех сторон, разрешение которых способствовало бы улучшению участи беженцев. Так, например, было с необходимостью перенести лагерь в другое место, лучше защищенное от внезапных налетов тайфунов. Неподалеку находился остров, на котором сохранились прочные сооружения казарменного типа, которые можно было приспособить для житья вместо палаток. На острове еще оставались кухни, прачешная, рефрижиратор, пекарни, водопровод, все еще в сравнительно пригодном виде. Прайс и Бо-

---

119) Manila Bulletin, 12 Sep. 1949, Manila.

логов ездили для осмотра острова. Бологов настаивал на переводе туда лагеря, как на более удобное и безопасное расположение его. Хотя Прайс и признавал полную обоснованность этих доводов, но только потому, что они исходили от другого лица, а не от него самого, не соглашался на перевод туда лагеря, мотивируя свой отказ тем, что это потребует новых затрат, не предусмотренных в смете расходов ИРО. Позже, когда наступил сезон тайфунов, и лагерь на Тубабао подвергся опасности полного уничтожения, Прайса уже не было на Филлипинах. Пострадал не он, а обитатели лагеря.

Летом 1949 года, когда было получено извещение из Женевы о прекращении всех работ в лагере, т. к. в конце июня истекал обусловленный филиппинским правительством четырехмесячный срок, тревога приняла крайние размеры. Появились сразу же слухи о переводе лагеря в Германию и слиянии его с другими лагерями, где в течение нескольких лет жили беженцы, или как их называли ДиПи, без какой либо надежды на переселение в другие страны. Такая возможность пугала остатки дальневосточной эмиграции, т. к. еще памятна была насильственная выдача власовцев и невозвращенцев советским властям. Бологов послал телеграмму в Женеву, главному директору ИРО. Копия телеграммы была вывешена на доске у канцелярии РЭА, хотя и без этого содержание ее было известно администрации ИРО и филиппинским властям.

> Нас уведомили, что срок нашего пребывания на о. Самар заканчивается 30 июня. Будущее размещение наше неизвестно. Возможность переселения в Германию в лагеря ИРО создало панику среди эмигрантов. Люди предпочитают смерть, чем ехать в Германию или Италию. Требуется срочное выяснение этого вопроса.[120])

Телеграмма Бологова вызвала переполох в Женеве и в Маниле, где продолжал сидеть Прайс. «Почему», запрашивала Женева, «люди предпочитают смерть, чем ехать в Германию?», требуя пояснения от Прайса, который, в свою очередь, потребовал отчета от Бологова, на каком основании он сносится непосредственно с Женевой, обходя главного представителя ИРО на Филиппинских островах.

---

[120]) Там же, 28 мая 1949.

Одним из первых директоров лагеря был Компс, бывший капитан американской армии. Многие помнили его еще по Шанхаю, знали его доброе отношение к ним. Весть о приезде его порадовала многих.

Вскоре после приезда Компса у Прайса начались шероховатости с ним. Последний был недоволен тем, что Компс ближе принимал участие в лагерной жизни, что он, на свой почин, улучшил питание, перерасходовав средства, отпущенные администрацией ИРО. В результате начавшихся трений Компсу пришлось покинуть лагерь. Перед его отъездом в лагере собирали подписи под прощальным адресом.

> ... подписался, кажется, весь лагерь: вечером он прощался с нами на площади. Начал было говорить речь, но от волнения не мог продолжать и заплакал. Сказал, что сделал все что мог, для улучшения нашей жизни и что ему нас очень жаль. До сих пор Компс был единственным из начальства, который видел в нас людей, а не рабов или скотину.[121])

От каждой перемены начальствующих лиц ожидалось изменение в лучшую сторону лагерного быта, ускорения процесса расселения по другим странам не на временное, а постоянное жительство. Однообразная жизнь тяготила всех. Между администрацией ИРО и обитателями лагеря стояла китайская стена. В силу ли особых условий или других причин обе стороны относились друг к другу с некоторой отчужденностью, если не враждебностью. Для администрации ИРО, тубабаоской аристократии, последние были типичными беженцами, наделенными обычными особенностями серой беженской массы, подобием человеческого стада, которое надо пасти в условиях рациональной, но бездушной, лишенной человечности системы.

> По своему составу и прежнему положению они были наиболее трудной группой, которой когда либо пришлось руководить ИРО. Редко кто из них желал помочь содержать лагерь в порядке без платы. Психологически они оставались беженцами; условия в Китае не позволяли им ассимилироваться с толщей национальной жизни. Старшие из них все еще лелеяли надежды на победоносное возвращение в Россию; они считали, что весь мир был чем то обязан им, т. к. они стали первыми жертвами большевизма.[122]).

---

[121]) Морозова, О. Дневник, стр. 149.
[122]) Хольборн, ИРО, стр. 425—426.

В ИРО, наряду с достойными людьми, служили лица, никоим образом не подходившие для работы в подобных гуманитарных организациях. Это были не только сухие, бездарные чиновники, но лица, вообще мало приспособленные к какой либо полезной деятельности, лица мелкого калибра, преисполненные тщеславием и сознанием своей важности и значительности.

Упреки по адресу служащих ИРО в Маниле и на Тубабао имели все основания. Дело касалось пяти с лишним тысяч человек, жаждавших вырваться из стадных условий жизни, от неизвестности и элемента случайности, игравшего в лагере непомерно большую роль, от опеки и присмотра к нормальной человеческой жизни. Наиболее острым вопросом было расселение лагерников по различным странам: куда можно переселиться, какая страна примет их, каковы будут условия жизни, возможность работы, заработка. Филиппинское правительство настойчиво напоминало, что оно предоставило убежище только на четыре месяца, хотя оно и откладывало срок, как только он приближался, еще на четыре месяца.

Расселением беженцев ведал особый Переселенческий отдел. В зависимости от того, кто находился во главе его, продвигалось или тормозилось дело переселения на постоянное жительство. Документы лагерников могли лежать без всякого продвижения и накапливаться до такой степени, что оставалось только махнуть на все руками, сменить заведующего и надеяться, что новый окажется более усидчивым и трудолюбивым человеком. Понятно, что жители Тубабао относились с повышенной чувствительностью ко всему сказанному относительно их судьбы. Уговаривая лагерников принять любые, даже самые неблагоприятные условия для въезда в ту или иную страну, Прайс однажды саркастически заметил: «все равно никто другой вас не возьмет».

После отъезда Компса должность директора лагеря временно занимал униатский священник о. Вилкок, говоривший свободно по русски и хорошо известный русской колонии Шанхая.

Осенью 1949 года произошли другие перемены. Прибывший еще летом шотландец Томас Джонсон заменил в Маниле Прайса, а на должность директора лагеря был назначен некто Диллон. Были перемещения и других служащих ИРО. Вначале

общее впечатление осталось благоприятным. Поднялись надежды, что появится скорая возможность расстаться с Тубабао. Никому не хотелось верить, что расселение беженцев зависит не столько от ИРО, сколько от множества других причин.

Впечатление о Джонсоне изменилось, когда стало известно, что он был против вывоза на Тубабао двадцати с лишним детей от смешанных русско-китайских браков, питомцев приюта имени Тихона Задонского. Джонсон боялся, что ни одна из стран, готовых пустить русских эмигрантов, не примет детей с монгольской кровью. Многие настроились против него за его заявление, что рассматриваемый в американском Конгрессе билль о внеквотном допуске иммигрантов в Америку, на который так рассчитывали в лагере, не пройдет так легко, что потребуется время, месяцы, если не годы, прежде чем он будет принят, «поэтому лагерники должны соглашаться ехать в Австралию. Ни одна другая страна не хочет вас пускать, да и не на чем вас вывозить, т. к. у ИРО нет для вас пароходов».[123])

Первый год существования лагеря ознаменовался прибытием на Тубабао нового главы Переселенческого отдела, Молли Рул. Своей простотой, внимательностью и искренним желанием помочь каждому она быстро завоевала симпатии большинства.

По ознакомлении с лагерным порядком М. Рул отправилась в Манилу, где она разобрала бумаги Томпсона и выяснила ряд заторможенных дел с американским консульством. В Тубабао она привезла добытые ею визы для поездки в Америку и благоприятные сведения для нескольких десятков других беженцев, что визы для них обеспечены, как только будут выправлены нужные документы. На Тубабао она принялась разбирать дела своих предшественников и нашла много затерявшихся бумаг, из-за которых задерживалась отправка людей.

> Большинство прежнего ировского начальства так сумело настроить против себя лагерь с самого начала, что люди уже как то по привычке не замечают новых представителей и проходят мимо них как мимо пустого места. Но когда по улице бежит Молли Рул, то у каждого встречного невольно на лице появляется радостная улыбка, перед нею склоняют

---

[123]) Дневник, стр. 127.

голову, ее приветствуют не шаблонным «халло», а словами глубокого уважения.

Если бы Рул была с нами с самого начала образования лагеря, то все мы уже давным давно были бы по местам, и репутация лагеря не была бы запачкана. Она воплощенная репутация лагеря не была бы запачкана.[124])

Когда впервые по лагерю прошла стройная пожилая дама, прибывшая к нам из далекой Африки, никто не обратил на нее особенного внимания, ибо и до этого появлялось много представителей ИРО, ничем особенно не ознаменовавших своего пребывания. На другой день о г-же Рул заговорили, но по поводу совершено постороннего, а именно, что она оказалась превосходным пловцом и проплыла в оба конца через пролив, отделявший Тубабао от другого острова.

Однако через несколько дней о г-же Рул заговорили уже в отношении ее деятельности, как заведующей переселением. Прежде всего обратили внимание, что молодые люди и барышни, работавшие в ее отделе, стали гораздо более скорыми и внимательными к своей работе. Кроме того, поразило публику то обстоятельство, что г-жа Рул, как только к ней обращался кто нибудь за советом или с просьбой, тотчас же доставала его дело и сама немедленно начинала на машинке излагать его просьбу в соответствующее консульство и немедленно отправляла по назначению.

Через небольшой промежуток времени, после нескольких ее поездок в Манилу, замерший лед на реке ожиданий стал вскрываться и начали приходить визы.

У жителей лагеря появилась вера в г-жу Рул и вера в ее слова, чем не могли похвастаться ее предшественники. Эта вера была формулирована всеобщим убеждением, скоро сложившимся, что если бы г-жа Рул была бы с самого начала в лагере, то он начал бы разгружаться раньше. Все поняли и почувствовали, что приехал друг и друг самоотверженный... В ее лице к нам в лагерь прибыл друг человечества, воплощенный символ тех высоких идеалов гуманности, которые несомненно двигали людьми, создавшими ИРО... Молли Рул примирила население лагеря на Тубабао с ИРО, в которой очень многие готовы были разочароваться. В этом ее огромная заслуга перед пославшей ее организацией...[125])

Директора Диллона сменил Шапиро, который произвел несколько перемен в лагерной жизни, включая более справедливую оплату труда. До этого были жалобы, что люди, попавшие по знакомству на легкие места, получали больше тех, кто делал тяжелую, грязную работу, как санитары. Улучшения были в отношении питания, общего распорядка лагерной жизни.

---

124) Там же, стр. 266.

125) Головачев, М., профессор. Русская Жизнь, 4 марта 1952.

II

РАССЕЛЕНИЕ

Вопрос с расселением тубабаоских жителей стоял остро за все время существования лагеря. У немногих нашлись родственники и друзья в Америке, которые могли помочь им выехать в Соединенные Штаты. Все требовало хлопот, переписки, времени, забот. В джунглях Тубабао и городке Гюйиане не было никого, с кем можно было бы вести переговоры о выезде в другие страны. Ближайшим местом, где были иностранные консульства, была столица Филиппин Манила. Не всем удавалось выхлопотать себе разрешение на поездку туда, да не все могли позволить себе трату на такое путешествие, не будучи уверенным в успехе. Оставалось действовать только через лагерный Переселенческий отдел, который не всегда действовал достаточно деловито.

Всех манила Америка с ее возможностью хорошего заработка, прочной жизнью, с большими колониями русских эмигрантов и американских граждан русского происхождения. Но попасть туда было трудно. Американские иммиграционные законы ежегодно допускали сравнительно небольшое количество иммигрантов по установленной на каждую страну квоте. В этом законе было много ограничений. Политическое кредо иммигранта, его моральные устои, здоровье подвергались тщательному исследованию, прежде чем он получал визу на въезд в Соединенные Штаты.

За первые четыре месяца существования лагеря уехали из него только отдельные лица, у которых оказались в Америке родственники и друзья.

Одна из первых стран, заговоривших о массовом допуске шанхайских беженцев, была Австралия. Австралийское правительство отдавало себе отчет, что население Австралии, не превышавшее население Токио, было слишком ничтожно для развития огромного материка. Приток иммигрантов из Англии

и Ирландии был ограниченный, и как австралийские власти ни хотели бы сохранить «англо-саксонскую чистоту» своей страны, им невольно пришлось открыть двери для иммиграции из Италии, Греции и т. д. Теперь дошла очередь и для иммиграции славянской.

Вскоре после открытия лагеря было вывешено оповещение, что Австралия готова принять большое количество дальневосточных эмигрантов. Требовались пары, мужчины не старше 50 и женщины 35 лет, на черные работы по контракту на два года. Мужья и жены не должны рассчитывать жить вместе до истечения контракта; возможно что им придется жить не только в различных местах, но и в различных городах.

Набор в Австралию

Австралийское приглашение вызвало много обсуждений. Затем из Австралии приехал иммигрантский чиновник по имени Леру набирать переселенцев. Его выступление на Театральной площади еще больше углубило чувство сомнения относительно приемлемости австралийского предложения. Говорил он высокомерно, с чувством своего превосходства.

Невыгодное настроение решил выправить Прайс. Он сказал, что все, кто подходит к предложенным условиям, должны принять их и ехать в Австралию, не надеясь на Америку и на все разговоры о каком то иммигрантском билле, в котором никто не уверен, что он пройдет. В конце своего обращения Прайс, видимо для убедительности, прибавил, что он сам был когда то иммигрантом, ДиПи, т. к. девятнадцатилетним юношей перебрался из Англии в Канаду. «В толпе раздался смех и кто-то крикнул: «так это не ДиПи, а путешествующий со всеми удобствами свободного человека в свободном мире».

Никого не смущало условие австралийского правительства отработать на черной работе два года по контракту по усмотрению местных властей и только затем получить право на выбор труда и занятия по своему желанию. Смущало то, что оно ограничивало возраст иммигрантов и не разрешало брать с собой своих родителей. Было еще одно положение: первые два года были испытательными. Если австралийские власти решали, что данный иммигрант подходит к стране, что он добросовестно и старательно прошел испытание, то тогда и только тогда предоставлялось ему право на постоянное жительство.

Выбора другого не было. В первую очередь на Австралию стали записываться те, у кого не было возможности рассчитывать на другие страны и у кого не было родителей. Запись стала расти и у Леру оказалось много работы. «Отбирает людей, сортирует их как лошадей на ярмарке, обращая главным образом внимание только на возраст и мускулы, только что еще зубов во рту не считает».

Вслед за австралийскими предложениями пришли предложения из Франции и Парагвая. Франция готова была принять сто человек для переселения на остров Мадагаскар. Требовались одинокие мужчины не старше 35 лет, крепкого телосложения и здоровья, имеющие техническое образование. Предпочтение оказывалось тем, кто служил в муниципалитете или в полиции на Французской концессии Шанхая. Записалось пятьдесят человек, но затем стало известно, что набранных людей собирались направить в такие места Мадагаскара, откуда из за невозможных климатических и жизненных условий разбегаются все.

После заявления Прайса, что у них нет выбора, «так как все равно никто другой вас к себе не возьмет», тубабаовцы поняли, что должны не только защищать себя и отстаивать свои права, но и рассеять то впечатление, которое повидимому создавалось у администрации ИРО. Через главу Российской Эмигрантской Ассоциации они подали официальное заявление по поводу возможных обвинений ИРО в саботаже и злостном использовании ее помощи, в нежелании принимать любые условия, предлагаемые им, вроде тех, что были сделаны французами для поездки на Мадагаскар. «За это нам угрожают высылкой в Китай. Наша вина заключается в том, что среди нас много старых людей, которых никуда не берут и которых взрослые сыновья и дочери не хотят бросить одних, отказываясь из за этого ехать самим». Возраст каждого был известен ИРО еще в Шанхае, когда заполнялись анкеты и в которых было заявлено о желании и предпочтении его ехать в такую то страну из за родственных и других связей.

> По приезде на Тубабао мы попали в заколдованный круг: нас лишили возможности принимать самостоятельно какие-либо меры в деле устройства нашей дальнейшей судьбы, так как этот вопрос перешел всецело в ведение Переселенческого отдела ИРО, который, не интересуясь нашими желания-

> ми и возможностями, указывает нам, куда мы должны записываться, и в случае отказа угрожает нам репрессиями. Что же делать тем, кому больше сорока лет? Куда они могут рассчитывать переселиться?[126])

Справедливый запрос, подписанных главами двухсот с лишним семей, так и остался без ответа. При условиях, созданных обстоятельствами, т. е., малой заинтересованности свободного мира взять на себя лишнюю обузу, которой, в действительности, не было, и слишком большой произвольности со стороны уполномоченных ИРО, благоприятный и вообще какой либо другой ответ на такой трепещущий вопрос и не мог быть.

Тубабаовцев безмерно пугало и другое обстоятельство: если расселение их по других странам будет идти слишком медленно и если филиппинское правительство решит не давать им больше отсрочки, то ИРО будет поставлена в необходимость влить их в какой либо другой лагерь, вроде тех, что находились в Австрии и Западной Германии. На тревожный запрос через русские эмигрантские организации Северной Америки они получили заверение из Вашингтона, что «касательно беспокойства среди беженцев на острове Самар в связи со слухами, что они в ближайшее время переводятся в беженские лагери Европы... Государственный Департамент обсуждал эти планы с официальными лицами ИРО и получил заверение, что никаких намерений перевезти беженцев в Европу нет».[127])

Когда в самый разгар набора людей для Австралии в лагере пронесся слух, что на днях приезжает миссия из Парагвая набирать туда иммигрантов, настроение поднялось немедленно. В короткое время записалось свыше двух тысяч человек, хотя по сведениям Переселенческого отдела требовалось только пятьсот человек.

Слухи оказались верными: Парагвай готов был предоставить желающим заняться сельским хозяйством возможность переселиться туда. Правительство отводило 30-50 гектаров земли на семью, часть пахотной земли, часть леса, сельскохозяйственный инвентарь, жилой дом или материал для постройки, мула и единовременную денежную помощь в размере 15 000 гуаранис, что составляло около 5 000 амер. долларов, беспроцентной ссуды на срок в 15-20 лет.

---

[126]) Дневник, стр. 106.
[127]) Нью-Йорк Таймс, 31 августа 1949.

Парагвайская миссия встретила прием, который повидимому не ожидала. Около барака, где она устроилась, стояла тысячная толпа желающих перекочевать в Парагвай. Не ожидала она и другого: она была уверена в том, что беженский лагерь состоит из одних крестьян-фермеров, на самом же деле увидела перед собой горожан, проживших в Шанхае и в других городах Китая десятки лет и не имевших никакого отношения к сельскому хозяйству. Все же парагвайская миссия выбрала 275 человек для поселения в Парагвае.

Вслед за парагвайской на Тубабао прибыла миссия из Доминиканской Республики в составе одного министра и одного врача. На их заявление, что могут ехать все, кто желает, записалось 1500 человек. Оказалось, что они готовы были взять только 800. Как и парагвайская миссия, она была заинтересована в людях, могущих работать на земле. Среди записавшихся большинство оказалось лиц с техническими знаниями, в которых миссия не была заинтересована. Всего было набрано в Доминиканскую Республику двести человек, среди них несколько агрономов, животноводов, один барабанщик оркестра и с десяток зарегистрированных проституток.

Расселение дальневосточных эмигрантов шло медленнее, чем ожидалось вначале. К концу четырехмесячного срока существования лагеря из него перебралось в другие страны только четыреста человек. Филиппинское правительство продлило срок пребывания беженцев на Тубабао еще на четыре месяца, до 1 октября 1949 года, с условием, что ИРО будет расселять их ежемесячно по 1200 человек. Этого обязательства ИРО не могла выполнить и к концу 1949 года из 5 431 беженцев Тубабао покинуло только 2 041 человек. За это же время в лагере умерло 27 человек и родилось 33 младенца.

Подымайте сполох

Г. К. Бологов считал нужным обратиться если не от имени всего лагеря, то от той части, которая продолжала состоять в Российской Эмигрантской Ассоциации и признавала его главой, к различным иностранным консульствам. Для этого нужно было съездить в Манилу, т. е. то, что по своим соображениям не хотела допустить администрация ИРО в лице Прайса. Бологов обратился к местным филиппинским властям, которые тотчас же дали ему разрешение. Прайс об этом узнал и не-

медленно снесся с директором лагеря не давать пропуска Бологову и задержать его в Тубабао. Из стараний Прайса ничего не вышло, т. к. филиппинская полиция, выдавшая Бологову пропуск, не позволила вмешаться в ее распоряжение.

По возвращении Бологова на Тубабао администрация ИРО не позволила ему рассказать о результатах поездки в Манилу на Театральной площади на том основании, что она предназначалась для выступления только должностных лиц. Причина была другая: ИРО неуклонно проводила свою линию, что только она одна решала судьбу беженцев, что только она могла вести переговоры с иностранными консулами и по своему усмотрению расселять людей.

Доклад Бологова о поездке в Манилу тем не менее состоялся. Собрание лагерников было устроено около филиппинского базара, вблизи отделения местной полиции. Бологов рассказал, что ему удалось повидать многих иностранных консулов и рассказать им о жизни в лагере и его обитателях, чтобы рассеять то неверное впечатление, которое могло создаться у них.

Одной поездки в Манилу было мало. Надо было настойчиво стучать в двери, которые оставались закрытыми наглухо.

> Положение ухудшается с каждым днем ввиду приближения сезона тайфунов и дождей. Люди в панике, и наше единственное упование на покровительство и защиту Всевышнего. Если не произойдет благоприятного изменения в нашем положении в ближайшем будущем, наша судьба может оказаться трагичной.
>
> Нужны героические меры для спасения остающихся здесь трех тысяч человек, включая меньшинства... Наконец мне удалось побывать в Маниле при содействии филиппинского правительства...
>
> ...Во время управления лагерем произведены попытки лишить нас самоуправления, но в этом отношении представители филиппинских властей воспротивились и мы надеемся, что все останется по старому.[128])

Положение ухудшалось на самом деле. Жизнь в ветхих дырявых палатках становилась постылее с каждым днем. Жители со страхом ожидали сезона ливней, когда площадь лагеря покрывалась водой на два фута. Опять вспыхнула эпидемия «ослиной лихорадки» и накожных заболеваний.

---

[128]) Из письма Г. К. Бологова архиепископу Иоанну Шанхайскому, Русская Жизнь, 1 окт. 1949.

Обращаясь с призывом к Иоанну, архиепископу Шанхайскому, Бологов писал: «Дорогой Владыко! Среди сильных мира Америки подымайте всполох. На это только наша надежда».

Запись в Австралию продолжалась, несмотря на отказ старым родителям уже принятых лиц. Один случай, связанный с таким отказом, оставил на всех тягостное впечатление. Леру принял одного беженца, но матери его, 58-ми лет, отказал. Тогда беженец попросил у Леру один доллар. «На что?» — спросил удивленный австралиец. «Купить стрихнин и отравить мать!» — последовал ответ.

Волнения и проводы

В середине сентября 1949 года пришел первый пароход забирать беженцев для перевозки в Австралию, Парагвай и Доминиканскую Республику. На нем прибыл тот же Леру с новыми распоряжениями: на пароход не допускались женщины беременные свыше шести месяцев и матери с младенцами до шестимесячного возраста; все отъезжающие должны снова пройти через просвечивание легких; на пароходе мужьям и женам отводились различные помещения, поэтому они должны разделить ручной багаж.

Распоряжения Леру вызвали растерянность и новые осложнения. Что делать с беременными женщинами и теми, у кого грудные младенцы? Оставить их в лагере, разлучив с мужьями и семьями, послать их в Австралию воздушным путем или оставить в лагере всю семью? Как быть с багажем таких пассажиров, который уже был готов к погрузке? Что делать с теми, кто попав на лист для отправки, распродал или раздал свои вещи, и теперь в силу распоряжений Леру, оставались за бортом.

Лагерь устроил проводы отъезжавшим. Глава Переселенческого отдела Боген не позволил Бологову подняться на пароход, и тот с некоторыми другими провожавшими сидел три часа в лодке, разговаривая с отъезжавшими. Он также не позволил лагерному духовому оркестру воспользоваться катером, принадлежавшим ИРО, и музыкантам пришлось добраться к пароходу на баркасе, за который заплатил один из служащих ИРО, у которого оказалось больше сердца и такта. Несмотря на эту досадную мелочность со стороны некоторого лагерного начальства, проводы вышли теплые и сердечные.

С воодушевлением играл оркестр. Провожавшие радовались, что с постылой землей лагеря навсегда прощались люди, с которыми они вместе делили горести и теперь делят радость.

Леру вернулся через месяц для нового набора. Перед лагерниками выступил новый директор Диллон, Боген и Леру. Разговор был об Австралии, о последних пассажирах, забравших с собой «тряпье, годное только для мышей». В добавление к своим словам Боген сказал, что при следующей отправке пассажирам не будет разрешаться брать с собой вещей свыше положенного веса, и что следить за новым порядком назначается М. Кац. Слушатели переглянулись между собой, как бы спрашивая: «Почему именно Кац? Не на основании ли его большого опыта в просматривании чужих писем, когда он ведал лагерной почтой?»

На сборище выступал и Леру, иронически отзываясь о тех, кто отказался ехать в Австралию без своих родителей и упрекая последних в эгоизме, что они не дают дорогу своим детям. Его обращение время от времени прерывалось свистом и гневными криками «долой»!

Отправка в Америку

В августе 1950 года на Тубабао прибыла американская консульская миссия в составе консула, врача и представителя Иммиграционного отдела. Комиссия принялась энергично за работу, вызывая по пятьдесят человек в день для интервью. В лагере еще оставалось около трех тысяч человек. Первая большая партия для отправки в Америку была собрана в течение первого месяца работы консульской миссии. Деятельность миссии несколько тормозилась тем обстоятельством, что на Тубабао, в Маниле и Вашингтоне скопилось огромное количество дел на беженцев, из них большинство невероятно искаженных, раздутых, высосанных из пальца, фантастических по замыслу, результат доносительского рвения блюстителей политической белизны. Несмотря на сумбурный и фантастический характер этих измышлений, консульская миссия должна была расчистить этот заслон, образовавшийся между беженцами и американской землей. В некоторых случаях кое кому не следовало самим рассчитывать на переселение в Америку. Одному из таких лиц, бывшему секретарю Антикоммунистического Комитета в Тяньцзине, подписавшему вместе с

председателем Пастухиным от имени всей дальневосточной эмиграции объявление войны Соединенным Штатам Америки и Великобритании, американский консул заметил: «нам с вами не приходится разговаривать, мы все еще находимся в состоянии войны».

Замедление с переселением в Америку было связано и с физическим состоянием беженцев. Американские иммиграционные власти обращали особое внимание на туберкулез и азиатские накожные заболевания. Тщательно проверялись рентгеновские снимки, чтобы выяснить наличие легочных пятен, были ли они очагами заболевания, или только следами залеченного туберкулеза. Лицам с туберкулезом в различной стадии процесса отсрочка на год, с обязательной проверкой рентгеновских снимков каждые три месяца.

Американская консульская миссия провела на Тубабао около семи месяцев, работая помногу часов в день, чтобы пропустить большое число шанхайских беженцев и дать им возможность переселиться в Америку.

> Твердо можно сказать, что никто из двух с половиной тысяч тубабаовцев не может пожаловаться, не кривя душой, что на проверочном испытании в консульстве, вне зависимости, кто ты и что из себя представляешь, в отношении его были допущены несправедливость или предвзятость. Опрос всех был совершенно объективный.
>
> А если принять во внимание тысячи доносов, поступавших, как из рога изобилия, в консульство от бесплатных стукачей-добровольцев, делавших из розового белым, а из белого розовым, то легко себе представить ту трудность работы консульских чинов, которая на них лежала. Но во всем они разобрались, все поняли, все выполнили с честью.
>
> ...осталась еще небольшая группа русских эмигрантов, которая удостоилась каких-то особых заслуг от стукачей, написавших о них столько былей с тысячами небылиц, что консульство не стало рассматривать их дела, а отправило для решения в Вашингтон. Они ждут оттуда окончательного для себя ответа.[129])

Выжидание погоды

Расселение тубабаовцев по различным странам шло медленно, но все же за первые десять месяцев существования лагеря в Тубабао около двух тысяч человек покинуло его. В ноябре 1949 года в лагере осталось 3 462 человека, из них около ста

---

[129]) Волжанин, Д., Русская Жизнь, 21 марта 1951 г.

пятидесяти родителей, дети которых уехали в Австралию и у которых имелась возможность поехать туда самим. Около двухсот человек ожидали визы от своих родственников и друзей в Америке. Остальным предстояло только ждать у моря погоды. Австралия мало влекла к себе из за ряда ограничений, которые ставили австралийские иммиграционные власти к беженцам. Вопрос с Южной Америкой оставался неясным. Эквадор, Аргентина, Чили отказывались принимать славянские народы. Расчеты на Бразилию мало оправдывали себя. В Канаду было трудно попасть. О Европе думали меньше всего, представляя там экономические трудности и большое количество послевоенных советских беженцев. Обетованной землей по прежнему оставалась Северная Америка, где разбирался вопрос о внеквотном допуске большого количества «перемещенных лиц» (ДиПи).

Кампания по проведению закона

В конце января 1950 года Сенатская Юридическая Комиссия после длительных дебатов одобрила билль о допуске в Америку 320 000 ДиПи, 5 000 сирот, родители которых погибли во время войны, и 5 000 детей, усыновленных заграницей американцами. Из этого числа 124 000 уже находились в Америке, будучи допущенными туда по Иммиграционному закону 1948 года. По новому закону еще 205 000 внеквотных иммигрантов могло въехать в Америку до конца июня 1950 года. В число этих лиц могли быть включены 4 000 дальневосточных эмигрантов, находившихся на Тубабао.

Принятию окончательного закона о внеквотном допуске в Америку «перемещенных лиц» предшествовала длительная борьба. Сенатор МакКэрран, председатель Юридической комиссии, настаивал на ряде ограничений. По первой версии билля 30 процентов допущенных в Америку лиц должны быть фермерами и 40 процентов — беженцами из стран советского блока. МакКэрран требовал крайних ограничений и тщательной проверки, так как по его заявлению по либеральному закону 1948 года в Америку под видом «перемещенных лиц» въехало много нежелательных элементов, на задании которых было ведение подрывной деятельности, что «преступные меры, обман и лжесвидетельства» широко использовались при отборе лиц для въезда в Америку. Особый Комитет по делам

«перемещенных лиц» отверг обвинения МакКэррана и представил доказательства, что «прибывшие в Америку лица по закону 1948 года были достойными стать гражданами Соединенных Штатов».

Возлюбите пришельца

Как за год с небольшим до этого в деле с массовой эвакуацией дальневосточных эмигрантов, так и теперь, русские эмигрантские общественные и благотворительные организации и отдельные политические, общественные и церковные деятели, подняли энергичную кампанию по проведению американским Конгрессом билля о допуске трехсот с лишним тысяч внеквотных иммигрантов.

Русские эмигрантские организации собрали тысячи подписей под петициями президенту Труману, членам конгрессных комиссий по иммиграционным делам, всем, кто мог содействовать принятию законопроэкта. Епархиальный Съезд Американской и Канадской Архиепископии Русской Православной Церкви обратился с воззванием к президенту Соединенных Штатов, американскому Конгрессу, ряду влиятельных лиц допустить на постоянное жительство в Америку тех, кого война лишила родины и крова. Подобные воззвания были направлены и правительствам других стран свободного мира, подкрепленные текстом из Второзакония: «возлюбите пришельца».

Федерация Русских Благотворительных Организаций в Соединенных Штатах (числом около сорока) попутно с подачей петиций о принятии билля, призывала русских американцев высылать беженцам «аффидэвиты» и «ашурансы» — формальные обязательства помощи иммигрантам в первые годы их жизни на новой земле. Ни у кого не оставалось сомнений, что билль о внеквотном допуске иммигрантов из Европы и Азии будет принят Конгрессом и утвержден президентом.

В сентябре 1949 года перед Сенатской Юридической комиссией выступил шанхайский архиепископ Иоанн. Он описал трагическое положение дальневосточных эмигрантов на Тубабао и передал комиссии петицию с пятью тысячами подписей о допуске в Америку шанхайских беженцев.

Отвечая на замечание сенатора МакКэррона о «нежелательных элементах», сенатор Калифорнии Ноуланд, лично познакомившийся с лагерниками Тубабао, заявил, что русские эми-

гранты, граждане Калифорнии, зарекомендовали себя с самой лучшей стороны и что у него нет никаких сомнений, что так же будет и с лицами, прибывшими туда из Тубабао. В защиту русских эмигрантов высказался Б. МакАртур, племянник известного генерала, главнокомандующего вооруженными союзническими силами в Тихоокеанской Войне, заявив, что по примеру русской эмиграции, осевшей в Америке, можно быть уверенным в том, что и новые русские эмигранты окажутся таким же положительным и желательным материалом.

В начале апреля 1950 года Сенат принял билль о ДиПи. Он отклонил версию МакКэррона и принял версию сенатора Килгора, по которой допускалось в Америку 359 000 внеквотных иммигрантов вместо 205 000 и срок прибытия их переносился с конца июня 1950 года на конец июня 1951 года. В общее число было включено 4 000 русских из лагеря в Тубабао и 20 000 сирот, жертв войны — в четыре раза больше чем в законопроекте МакКэррона.

1 июня того же года особая Согласовательная комиссия Дома Представителей и Сената приняла компромиссную редакцию билля, по которой в Америку до конца июня 1951 года допускалось 341 000 человек. По новому биллю «перемещенными лицами» считались те, кто прибыл в страны свободного мира из порабощенных коммунизмом стран не до 22 декабря 1945 года, как это было в законе 1948 года, а до января 1949 года. По новому биллю получили право остаться в Америке сто шесть русских, прибывших раньше из Шанхая и по техническим соображениям подлежащих депортации.

Поправку к биллю о включении четырех тысяч русских, находившихся в лагере Тубабао, внес сенатор Ноуланд. При изучении текста оказалась неточность, которая могла бы лишить их возможности прибыть в Америку. В тексте говорилось, что «пункт о русских эмигрантах на Тубабао не противоречит закону о перемещенных лицах 1948 года». При составлении текста никто не обратил внимания на то, что закон 1948 года распространялся только на жертвы Второй мировой войны, в то время как дальневосточные эмигранты были жертвами Первой мировой войны. Неточность в тексте была обнаружена за два-три дня до начала окончательных дебатов о принятии билля. Спешно были посланы телеграммы и письма сенатору Ноуланду, который внес необходимую поправку.

III

ДВА ПЛЕМЕНИ

Среди тубабаоских поселенцев были молодые и старые, здоровые и молодые. В течение нескольких предшествовавших лет дальневосточная эмиграция жила в тяжелых экономических условиях. Критически обстоял вопрос с питанием, в холодные сырые зимы не было угля для отопления. Тяжелые легочные и желудочные заболевания, хроническое недоедание и физическое истощение, нервные потрясения отразились заметно на ней.

На Тубабао появились свои проблемы, особые заболевания. В непривычном для них тропическом климате, при частых сменах шквалов и удушающей жары, живя в мокрых палатках, часто без деревянных полов, в месте, населенном крысами и мириадами различных насекомых, люди легко подвергались различным заболеваниям.

Еще в начале прибытия на Тубабао один из немногих филиппинцев, работавших в лагере, человек философского склона по имени Чурбан, заметил: «Сейчас здесь еще не жарко, а когда прекратятся дожди, то будет такая жара, что ничего нельзя будет делать, только спать. И тогда вы все умрете, так как не привыкли к такой жаре».

Хотя пророчество филиппинца и не сбылось и в первое лето умерло только 23 человека, но жара оказала свое действие. Многие заболели так называемой «денги фивер» — «ослиной лихорадкой»—острой головной болью при высокой температуре, ломотой в костях, полным упадком сил. В один день было зарегистрировано триста случаев заболевания. Появились осложнения с печенью, усиленное отложение камней вследствие перенапряжения работы почек в обстановке непрерывного тропического зноя. Почти все страдали от пузырчатой сыпи. Липкая сыпь покрывала тело оазисами. Нарывы величиной от булавочной головки до горошинки наполнялись беловатой жидкостью, вызывая невероятный зуд, от чего еще больше распространялась сыпь. Пораженное лицо имело вид как при оспе.

В лагере остро обстоял вопрос с лекарствами, госпитальным оборудованием, хирургическими интрументами. Больные вначале пользовались лекаствами, привезенными эмигрантами-врачами. Последние работали бесплатно. Несмотря на то, что среди них находились исключительные по опыту и знаниям врачи, все они были в подчинении лагерного врача, назначенного главным управлением ИРО в Женеве.

Администрация ИРО делала все посильное, но бюрократизм ее аппарата налагал и здесь отпечаток бездушия и безразличия.

Во главе отдела Здравоохранения был назначен китайский врач Л. И. Хан. По заявлению ировского начальства, Хан окончил медицинский факультет при Эдинбургском Университете и во время Тихоокеанской войны заведывал госпиталем на постройке дороги в Бирме. По общему свидетельству лиц, попавших к нему на лечение, у доктора Хана было больше самонадеянности и стремления к различным неожиданным экспериментам, чем медицинского образования и опыта.

Одной из первых мер лагерного врача было медицинское освидетельствование всех тубабаоских жителей. Он нашел, что пятьсот с лишним человек были больны туберкулезом в различных стадиях.

Открытие доктора Хана взволновало весь лагерь, т. к. туберкулез, даже в самом зачаточном состоянии или уже полностью залеченный, но оставивший на легких следы, ставил под вопрос переселение человека в ряд стран, особенно в Соединенные Штаты.

В самом лагере в начале не было больниц, поэтому серьезных больных отправляли в город Гюйиан, в лечебницу филипинского доктора Монтеро, с которым доктор Хан установил отношения, не лишенные для себя существенного интереса.

С первых дней существования лагеря между населением его и доктором Ханом стали происходить недоразумения, с течением времени развившиеся в открытый бунт против него. Жалобы не столько против него самого, сколько по поводу примитивной постановки вопроса о здравоохранении и санитарного обслуживания лагеря достигли Женевы, где помещалось главное управление ИРО. Однажды в лагере появилось особо посланное Женевой лицо, также китаец, для ознакомления с постановкой здравоохранения и санитарных условий. Ревизор

нашел в лагере все в достаточном порядке, даже лекарства и инструменты, которые ему показал доктор Хан. Единственное его возражение было относительно непролазной грязи на улицах лагеря и в палатках обитателей. Он был крайне удивлен, когда ему сказали, что лекарства и инструменты в лагерном подобии госпиталя были даны туда русскими врачами для больных и что ни доктор Хан, ни лагерная администрация ИРО к снабжению их не имели никакого отношения. Относительно грязи на земляном полу в палатках, ему было сказано, что деревянный настил должны были делать сами лагерники, т. к. администрация ИРО не проявляла в этом отношении никаких забот. Заявления лагерников заставили задуматься ревизора, который заметил, что в Женеве все уверены, что в смысле здоровья, санитарных условий, медикаментов, питания в лагере все обстоит благополучно и что жители его довольны всем.

Медицинские эксперименты

Недоразумения между населением лагеря и доктором Ханом продолжали расти. Доктор Хан вывесил снаружи Медицинского отдела списки лиц, у которых он, на основании исследования, обнаружил туберкулез и венерические болезни. Это вызвало всеобщее возмущение, особенно потому, что «в списке больных венерическими болезнями оказались помеченными почти без исключения старухи свыше 60 лет, и куда попал один двенадцатилетний мальчик».[130])

Незадолго до этого Хан достал для доктора Монтеро аппарат для производства рентгеновских снимков. С последними стало происходить много курьезов, т. к. ни Хан, ни Монтеро, ни особо выписанные филиппинские специалисты не умели обращаться с аппаратом. Один из больных рассказывал о том, как делались эти снимки:

> Все дело с рентгеновскими снимками было создано доктором Монтеро совместно с Ханом с приездом русских на этот остров. До этого Монтеро никогда этим не занимался. Они делали снимки, как Бог на душу положит, без всякого знания и опыта и потом гадали по толстым американским книгам, рак это или туберкулез.[131])

---

130) Дневник, стр. 109.
131) Там же, стр. 111.

Вывешенный доктором Ханом список в пятьсот с лишним имен не остался без внимания. Все, попавшие в него, подали в Медицинский отдел настойчивое требование о переосвидетельствовании и проверке рентгеновских снимков знающими, опытными людьми.

Жалобы больных и советы русских врачей не остановили доктора Хана от дальнейших шагов в отношении людей, которых он нашел больными туберкулезом и другими недугами. Он вывесил объявление, что больные туберкулезом должны получать усиленное питание, для чего должны через каждые два часа ходить из лагеря в туберкулезный санаторий за рационом. Доктор Хан считал, что прогулка в полторы мили каждые два часа должна способствовать быстрому выздоровлению, так как «беспрестанное движение дает усиленное крообращение и лучший аппетит».

Опыты Хана с лечением туберкулеза вызвали волнение среди больных. Многие отказались принимать участие в «беспрестанном движении», хотя нуждались в усиленном питании. Хан вызвал для совещания русских врачей, которым удалось добиться отмены этого своеобразного способа лечения.

Следующей мерой доктора Хана было требование от больных выдачи ему подписи, что они будут беспрекословно исполнять его распоряжения, сделанные им от имени ИРО, вплоть до отправки их, если это потребуется, в беженские лагеря в Германии. За отказ выдать такое согласие, Хан грозил лишением прав лечиться и выдачи усиленного пайка. Среди больных поднялось еще большее негодование и ропот. На другой день он отменил свое распоряжение.

Своеобразные методы лечения доктора Хана не могли не вызвать волнение одинаково среди больных и здоровых. Несмотря на предостережение опытных русских врачей, Хан без разбора вливал больным большие дозы стептомасина и других новых лекарств. Больные и здоровые, которые заодно попали в число больных, отказывались от методов лечения Хана и требовали проверки их здоровья опытными врачами-специалистами. Протест принял настолько бурный характер, что администации лагеря, желавшей замять это дело, невольно пришлось заняться им. Толпа больных и здоровых собралась перед столовой служащих ИРО, в которой находились Прайс, о. Вилкок и другие. Прайс был крайне взволнован при виде огромной решительно настроенной толпы. Он обещал вы-

писать из Манилы известного врача по туберкулезным заболеваниям и специалистов по рентгеновским снимкам, работавших с американским консульством в Маниле.

Через некоторое время из Манилы в Тубабао прибыл врач Альтомирана для осмотра людей, которых Хан нашел больными туберкулезом. В Маниле, не без участия китайского доктора и других служащих ИРО, настроенных если не совсем враждебно, то во всяком случае неприязненно к тубабаоским жителям, создалось впечатление о лагере Тубабао, как о гнезде бунтарей, зачинщиков смуты, сумасшедших и больных. По приезде в Тубабао, доктор Альтомирана боялся лагерного населения, и чуть ли не принимал больных с револьвером.

В короткое время доктор Альтомирана установил, что больше половины людей, которых Хан признал больными, усиленно пичкал лекарствами и поместил в больницы, оказались вполне здоровыми. То, о чем подозревали в лагере, подтвердилось, и в лагере заговорили, что «для Хана получить кредит на сто больных маловато, а для пятисот — дело подходящее».[132]) Выяснилась также и причина пристрастия Хана к широкому пользованию дорогостоящими лекарствами: он ставил в счет ИРО цены на лекарства вдвое дороже действительных цен. У двенадцатилетнего мальчика, которого Хан поместил на список больных, были найдены малярийные бациллы, а не бациллы сифилиса. Так было и с другими лицами, которых Хан поместил в свои списки.

В ноябре 1949 года, во время приезда на Тубабао американского сенатора Ноуланда, доктор Хан, к этому времени потерявший доверие со стороны обитателей лагеря и, повидимому, администрации ИРО, сделал одно замечание, которое дорого обошлось ему. Когда дошла до него очередь быть представленным Ноуланду, он заявил сенатору, что тот не должен придавать никакого значения тому, что говорят обитатели лагеря, т. к. «хотя физически они и могут казаться здоровыми, у них не все благополучно в голове».

Заявление доктора Хана вызвало всеобщее возмущение. Обитатели лагеря через своих районных представителей вынесли единодушное постановление опротестовать поведение его и потребовать от главы ИРО немедленного отзыва бестакт-

---

132) Там же, стр. 163.

ного китайского врача. Когда директор лагеря попытался замять дело, население в знак протеста объявило забастовку.

Забастовка приняла массовый характер и коснулась не только конторы ИРО, но и всех мастерских, служб и даже электрической станции. Не вышли на работу чернорабочие, уборщики, обслуживавшие кухни. Улицы лагеря были переполнены возбужденно настроенными людьми, перед конторой ИРО собралась толпа, ожидая решения администрации относительно отзыва доктора Хана.

Перепуганный развившимися событиями, Хан оставил лагерь и перебрался в Манилу. Накануне своего стремительного отъезда Хан отправил письмо в Женеву, в котором охарактеризовал жителей лагеря как преступников, сумасшедших, наркоманов, проституток, и т. п. По заведенной в Тубабао практике письмо Хана сперва попало в отдел филиппинской полиции, где с него сняли копию, засвидетельствовали ее и отправили в Манилу, направив оригинал по назначению. Неведомыми путями другая копия попала в руки некоторых лагерников и вызвала еще большее возмущение, когда получила широкое распространение.

К концу дня директор лагеря заявил, что он снесется с Женевой относительно отзыва Хана, но просил подать ему мотивированное прошение. Самостоятельно он не мог уволить Хана, т. к. последний был принят на службу главным управлением ИРО в Женеве, куда он и должен был направить запрос.

Свою неудачную деятельность на Тубабао доктор Хан не предал забвению, а наоборот, сделал все, чтобы выставить население лагеря в непривлекательном свете. Перекочевав в Манилу, доктор Хан попытался привлечь на свою сторону сочувствующих, в результате чего появилась отповедь по адресу обитателей Тубабаоского лагеря:

> Оказывается, наши гости в Гюйиане на острове Самар становятся враждебными. Сенатор Ноуланд, у которого среди белой русской колонии в Сан Франциско имеется много избирателей, посетил Гюйианский лагерь. Там он услышал от лагерного врача о печальном факте, что хотя «беженцы физически и здоровы, ментально и психически они больные люди». Беженцы восстали против этого заявления и теперь требуют отзыва лагерного врача.

В действительности же они должны радоваться, что их самих не уберут оттуда.

Никто не намерен умалять физические и нравственные трудности, через которые проходят русские беженцы в Гюйиане. Но безусловно одно, что от них ожидается мужество сжиться со всеми трудностями. Если Филиппины не дали бы им убежище, где они были бы сейчас?

Этим людям дали крышу и питание, питание значительно лучшее, чем то, которое японские власти давали интернированным здесь американцам во время войны. Жаловаться этим людям на ответственного врача, который сказал правду — верх черной неблагодарности.

Что, в конце концов, ожидают эти люди? Мороженного в пиве?[133])

Вопрос о «мороженном в пиве» не остался не отвеченным, не столько со стороны обитателей лагеря, которым было не до полемик и перебранок с филиппинскими репортерами, сколько со стороны уравновешенного филиппинского общественного мнения.

Через несколько дней на страницах той же газеты, появилась передовая, в которой высказывалось сожаление по поводу ранее помещенной статьи, выставившей в неверном свете обитателей лагеря.

Нам было неверно обрисовано положение в лагере. Жители его совершенно не выявляли своей неблагодарности по отношению наших властей и народа. Они просто были возмущены заявлением врача, которого ИРО наняла для обслуживания лагеря, и свое возмущение проявили определенными действиями. Указанный врач — не филиппинец, не американец, не европеец. У людей, которых он должен был обслуживать, он приобрел незавидную репутацию.[134])

Прибывший на место незадачливого китайского лекаря новый врач, доктор Крон, изменил установленные порядки и поставил дело медицинского обслуживания на должную высоту. Он забраковал построенную доктором Ханом больницу, т. к. она никаким образом не соответствовала своему назначению и была спланирована так плохо, что уборная находилась рядом с кухней, был только один вход и другие неудобства. При даровых руках доктор Хан умудрился затратить на постройку ее 60 000 ам. долларов.

---

133) Manila Times, 26 Nov. 1949.

134) Там же, 1 декабря 1949.

После смены лагерного врача положение с уходом за больными улучшилось, закончились безответственные мероприятия и своеобразные методы лечения. После переосвидетельствования людей, выяснилось, что свыше половины их были вполне здоровы и только нуждались в улучшенном питании.

Проблема с хронически больными туберкулезом продолжала оставаться острой до самого закрытия лагеря. Таких в нем было 130 человек. Америка отказывалась принять их, хотя у тех были там семьи и родственники. До выздоровления их ИРО решила направить их во Францию и передать на попечение Всемирного Совета Церквей. Больные ничего так не боялись, как отправки во Францию. Экономическое положение там было тяжелое. В случае быстрого выздоровления найти работу предоставлялось мало вероятной возможностью. Попав во Францию, при таких условиях, без языка, родственников, друзей, больные считали бы себя обреченными. Понятно, почему они так противились отправке во Францию и просили настойчиво главный отдел ИРО в Женеве отменить это решение.

В конце 1950 года Тубабао посетил один из представителей главного отдела ИРО. На вопрос о судьбе туберкулезных, предназначенных к отправке во Францию, он ответил, что у ИРО нет другого выхода. Через год ИРО закрывалась, т. к. у нее не оставалось фондов. У новой организации, которая продолжит деятельность ИРО, также нет достаточно средств. На содержание беженцев в странах свободного мира ИРО тратила в среднем 120 000 амер. долларов в месяц, бюджет же новой организации составит всего полмиллиона долларов в год.

Среди больных еще оставались надежды, что после их выздоровления им будет оказана возможность соединиться со своими семьями и родственниками, перебравшимися в Соединенные Штаты. Но им заявили, что ИРО не сможет из за отсутствия средств перевезти их из Франции в другие страны.

Весной 1951 года было вывешено объявление за подписью главного врача, заведующей переселенческим отделом Молли Рул и директора лагеря Шапиро, что только совершенно выздоровевшие лица из переселенных во Францию смогут рассчитывать на соединение со своими семьями и что только в исключительных случаях, на основании милосердия и в зависимости «от заслуг просителя», ИРО сможет оказать материальную помощь при отправке их в Америку.

На упорное сопротивление больных против отправки их во Францию директор Шапиро ответил в весьма решительной форме:

> Я сумею ликвидировать и ваш лагерь. Я уже ликвидировал три лагеря, справлялся не с такими затруднениями. Кто не поедет добровольно, попадет в филиппинскую тюрьму, куда недавно попали бежавшие советские матросы, или будут отправлены в Китай. Перестаньте писать докладные записки и прошения, они не помогут вам. Я знаю, что вы подали петицию президенту Филиппинской республики об оставлении вас на Филиппинах. По моим сведениям, г. президент не даст вам положительного ответа.[135])

Проведение грани

Решимость тубабаовцев защищать свои права и отстаивать жизненные интересы, как это было, например, в деле с медицинским обслуживанием, определило их позицию: они — не белые негры, и Тубабао — не Хижина Дяди Тома. Положение политического беженца, жертвы нашего безвременья и политического гонения совершенно не означает положение пария.

Настойчивое стремление тубабаовцев провести грань между самоуправством с одной стороны и порядком и законностью с другой, между пренебрежением и высокомерной снисходительностью и равным, человеческим отношением всегда встречало в лагере всеобщую поддержку и невольно приковывала к ним внимание со стороны внешнего мира.

Беженский лагерь на Тубабао не оставался местом забвения, свалочным местом для остатков дальневосточной эмиграции. Главная заслуга в том, что он приковывал хотя бы некоторое внимание внешнего мира к себе, принадлежит самим тубабаовцам, их настойчивому стремлению не дать забыть о себе. Некоторая доля заслуги принадлежит и русским эмигрантским организациям Северной Америки, ставшим достаточно влиятельными, чтобы были слышны их голоса.

Прибытие президента Кирино

В октябре 1949 года президент Филиппинской Республики Кирино в сопровождении жены и свиты посетил Тубабао. Население лагеря ожидало прибытие знатных гостей на базарной площади. Президенту была оказана торжественная и

---

[135]) Загорский, А., Русская Жизнь, 28 марта 1951.

сердечная встреча. Г. К. Бологов сказал приветственное обращение и от имени тубабаовцев поднес ему адрес, вложенный в папку из художественного кожаного переплета с серебряным портретом президента работы художников Кармзина и Ярона. По русскому обычаю президенту было преподнесено блюдо с хлебом и солью.

Президент Квирино поблагодарил тубабаовцев за сердечную встречу и подарки и выразил им чувство симпатии филиппинского правительства и его самого и обещание сделать все в их силах, чтобы улучшить их быт. Он заверил их, что филиппинское правительство не собирается лишать их гостеприимства.

«Зов Человечности»

В ноябре Тубабао посетил представитель общества «Хюманити Коллс» — «Зов Человечности» Элмер С. Симпсон. Бывший служащий американского военно-морского флота, женатый на русской, Симпсон прибыл из Калифорнии в Тубабао, чтобы на месте ознакомиться с условиями лагерной жизни.

«Хюманити Коллс», влиятельная гуманитарная организация, созданная в Лос Анжелесе, Калифорния, американскими гражданами русского происхождения, сделал много в деле помощи шанхайским беженцам. Прибытие Симпсона на Тубабао явилось лишним свидетельством заинтересованности этой организации в тубабаоских беженцах.

Свое двухнедельное пребывание на Тубабао Симпсон провел в тех же условиях, в каких жили остальные: спал в палатке, питался из общего котла, вместе со всеми пережил налет тайфуна.

Симпсон завоевал общую симпатию. Люди, которые считали себя забытыми, вдруг нашли в нем живую связь с внешним миром. Всех тронула его отзывчивость, с какой он принял множество различных поручений, писем, просьб для передачи в Америке их родственникам и друзьям.

Сенатор из Калифорнии

В конце ноября 1949 года Тубабао посетил американский сенатор штата Калифорния Виллиам Ф. Ноуланд, автор приложения к биллю о внеквотном допуске иммигрантов, которое касалось шанхайских беженцев, жителей лагеря Тубабао. Американского сенатора с нетерпением ожидали на Тубабао.

В 10 часов утра в безоблачном небе показался самолет американских военно-воздушных сил. Все население лагеря было уже готово к встрече сенатора Ноуланда. Когда сенатор вышел из автомобиля, детский хор пропел по английски бодрый калифорнийский гимн — «Калифорния, я еду к тебе», и две девочки надели на его шею гирлянды из цветов.

Перед палаткой, где помещалась Русская Эмигрантская Ассоциация, собрались представители различных групп лагеря. Духовой оркестр А. Ф. Требова исполнил филиппинский, а затем американский гимны. Г. К. Бологов от имени жителей лагеря прочел приветственный адрес и преподнес его сенатору в художественном футляре, изготовленном одним из художников.

В ответном слове сенатор Ноуланд сказал, что «после того, как я увидел эту замечательную группу людей, я еще с большей настойчивостью буду стараться разрешить вашу проблему».

После официальной части приема сенатор Ноуланд в сопровождении Бологова осмотрел весь лагерь, побывал на кухнях, в госпитале, в аптеке, заглянул к некоторым обитателям палаток. Внешняя сторона лагеря произвела тяжелое впечатление на сенатора. Недавно до этого тайфуном было снесено около ста палаток. Следы повреждений еще были налицо и говорили красноречиво о тяжести лагерной жизни.

По возвращении в Манилу сенатор Ноуланд сделал официальное заявление:

> ...Я пользуюсь этой счастливой возможностью, чтобы выразить мою признательность правительству Филиппин, которое предоставило этот район для устройства в нем лагеря при чрезвычайных условиях в связи с тем, что случилось на континенте в Китае. Я выражаю одновременно признательность от имени правительства Соединенных Штатов и от имени русских жителей этого лагеря правительству Филиппин за его доброжелательство и сотрудничество. Я возвращаюсь в Соединенные Штаты с большей решимостью и уверенностью, что эта проблема будет разрешена благоприятно при участии всех заинтересованных сил.
>
> Для нас жизненно необходимо сохранить этот свободный мир для свободных людей. Если мы не добьемся сотрудничества всех свободных наций, то у этого мира впереди — черные дни. Я убежден, что пробуждается сознание, что нельзя допустить агрессию и удушение свободы в одном месте земного шара без представления страшной угрозы любой свободолюбивой стране на земле.[136])

---

[136]) Манила Таймс, 24 ноября 1949.

Особые порядки

С момента возникновения лагеря с пятитысячным населением невольно возник вопрос о внутреннем распорядке, о сравнительной автономности его, установлении общих правил, мерах безопасности и т. п.

Лагерная полиция была создана, как только на Тубабао прибыла первая партия беженцев из Шанхая в конце января 1949 года. Она считалась в ведении Организации Объединенных Наций и числилась в составе филиппинской полиции в городе Гюйиане. На обязанности ее лежало наблюдение за порядком в лагере, охрана правительственных зданий, церквей, контор ИРО, палаток и т. д. Служащие полиции дежурили по четыре часа в день и за это получали в месяц от двух до трех долларов и лишних два фунта мяса.

Первым начальником полиции был П. К. Пороник, служивший в Русском полку в Шанхайском Волонтерском Корпусе. Затем его сменил Р. А. Черносвитов. Вначале в лагерной полиции было около двухсот человек, но по мере расселения тубабаовцев по другим странам, число ее постоянно уменьшалось.

При Российской Эмигрантской Ассоциации была создана Контрольно-наблюдательная комиссия, на обязанности которой лежало общее наблюдение за поведением членов РЭА и привлечение их к ответственности в случае недостойного поведения. Комиссия состояла из пяти человек, во главе которой стоял Г. К. Бологов. Состав Комиссии вызвал много разговоров, а среди оппозиционеров, которых было немало, открытые обвинения, что она была «набрана из своих людей», по тому же принципу, по какому в последние годы русского Шанхая происходили выборы в Российскую Эмигрантскую Ассоциацию.

По предложению начальника филиппинской полиции был создан арбитражный суд, на обязанности которого лежал разбор дел, касавшихся всех жителей лагеря, вне зависимости от национальности и группировок. Этой мерой филиппинские власти признавали своеобразную суверенность лагеря и в то же время избавляли жителей его от возможности судебного разбирательства в местных судах, в чужой обстановке, на чужом языке, где провинившихся ожидало более суровое наказание.

По предложению тех же властей при лагере было устроено

тюремное помещение, в котором отбывали наказание провинившиеся, причем наказание не превышало двух-трех месяцев.

Образование секретных очагов

Все эти учреждения, как лагерная полиция, Контрольно-наблюдательная комиссия, арбитражный суд были учреждениями официальными, законно созданными, принимаемые с той или иной степенью признания всеми жителями лагеря. Было бы замечательно для всех и прежде всего для благополучия, здоровья и жизни тубабаовцев, если дело ограничилось бы только созданием этих учреждений.

Параллельно этим учреждениям создались сами по себе отделы лагерной секретной полиции, политического розыска, в которых со всем рвением к любимому поприщу стали заниматься опытные в этом деле люди. Набор знающих свое дело работников не представлял никаких затруднений. Наоборот, предложение превышало спрос. В неприглядных условиях, в которых жила русская эмиграция в Китае, сперва под японским, затем советским тоталитарным режимом, в людях, работавших «с головы» или на других основаниях, включая принцип — «топи другого, чтобы выплыть самому», недостатка не было. Не ощущался их недостаток и на Тубабао.

Вполне естественно, что страны, дающие право въезда иммигрантам или лицам на временное пребывание, стараются оградить себя от нежелательного элемента. Правительства их устанавливают некоторые рогатки, через которые пропускают лиц, желающих переселиться в их страны. Следует провести грань между лицами, преимущественно консульскими служащими, выполняющими возложенные на них законные функции, и лицами из беженцев, которые взяли на себя добровольную миссию блюстителей политической белизны.

Ключ к работе

Еще в раннем периоде существования лагеря произошло совещание, на которое были приглашены лица, служившие раньше в различных полицейских и жандармских организациях. Таких набралось свыше двадцати человек.

Незадолго до этого на Тубабао прибыл некий чин разведывательной службы, работавший среди русской колонии Шан-

хая до эвакуации, говоривший хорошо по-русски. В Тубабао он пригласил несколько лиц, включая бывших генерала С., полковника П., капитана 2-го ранга В. и некоторых других лиц «для выяснения политической неблагонадежности тубабаовцев».

> Капитан Б. неодобрительно относился к ИРО и ее служащим, считая ее гнездом советской агентуры и просил нас принять соответствующие меры.[137])

Чин разведывательной службы вернулся в Манилу, куда «просил присылать ему информацию о подозрительных лицах и о положении в лагере вообще».

Затем произошло совещание «специалистов». Ключ к работе был дан, оставалось взяться дружно за работу и проявить подобающее случаю рвение.

> Генерал С. ... тоже принял участие в этой работе и старался привлечь к ней подходящих, по его мнению, лиц из знакомых по Шанхаю. Он разделял точку зрения капитана Б., что русские эмигранты не только должны, но и обязаны очистить себя от неблагонадежного элемента.

Процесс чистки и приемы

Обязанностью «очиститься от нежелательного элемента» занялись преимущественно те, кто не во имя идейных соображений, а исключительно ради собственных интересов, нашли, что это единственный способ обелить себя и затушевать свои прегрешения. Заглянем в тайник подобного процесса, как он представляется человеку, знающему о чем он говорит:

> ...У большинства было четкое желание переселиться в Америку, ни с чем не считаясь и ни на что не обращая внимания.
>
> ...большинство стремилось так или иначе связаться с любым американским чиновником, через которого войти в контакт с чином разведывательной службы, что считалось верным способом получить возможность попасть в Америку... Да и работники американской службы также заявляли при приглашении того или иного лица на работу. Естественно, что для всех желавших во что бы то ни стало попасть в Америку, это стало стимулом всеми правдами и неправдами добиваться службы-работы в этой разведке. На о. Тубабао это приняло вид какой-то горячки или эпидемии.

---

[137]) Мартынов, Н. А. Из неопубликованных записок. Русский Музей, Сан Франциско. Все места в кавычках и цитаты ниже взяты из того же источника.

При содействии того же чина из Манилы один из жителей лагеря был приставлен в качестве информатора к филиппинскому отделу государственной безопасности. В его обязанность входило наведение справок и выяснение «истинного положения относительно того или иного лагерника, на которого поступали сведения от разных агентов, которых уже пявилось в лагере достаточно». Тем временем в самом лагере началась лихорадочная работа по составлению списков «всех подозреваемых в просоветских настроениях, еще известных многим по Шанхаю, Маньчжурии и вообще по Китаю, что особенного труда не составляло для работников, политических русских эмигрантов, чинов полиции. Была задача выяснить их поведение на Тубабао и их будущие намерения, их связь и выявление настроений лиц с ними связанных».

«Выясняли поведение» всяческими способами, вплоть до подслушивания ночью у палаток. При составлении сообща списков фантазия у работников этого дела не знала предела. Один упоминал фамилию «подозреваемого», другой тотчас же путал его с человеком, первая часть двойной фамилии которого походила на фамилию первого. Создавалось новое дело. Кто то называл имя Григорьева. Тотчас же находился другой, кто припоминал, что еще во время боев на Волжском фронте захватили Григорьева, при осмотре которого в паху нашли запрятанный билет члена коммунистической партии. В дальнейших обсуждениях «подозреваемого» выяснялось, что один невысокого роста, смуглый, а другой высокий блондин. Разыгрывалась сцена в корчме у Литовской дороги, и тем не менее создавалось новое дело.

Так рождались фантастические дела, опутывая паутиной небылиц, извращений и выдумок все большее и большее количество людей. Десятки работников строчили доносы, десятки других приукрашивали их. Дела пухли, множились, заваливая столы филиппинской полиции и иностранных консульств. Работники трудились в самоупоении и в трезвом расчете, что потопив стольких, возможно будет выплыть самим.

Сотни и тысячи других, зачастую неповинных или лиц, подвергнувшихся фантастическим измышлениям или искажениям работников политического розыска, пребывали в страшной тревоге: пустят ли их в обетованные земли или оставят заживо погребенными на опостылевшем острове.

В результате этого массового, доносительского осатанения и

почти физической невозможности разобраться в доносах, происходили тяжелые семейные сцены. Женам и детям давали визы, отказывали мужьям, разлучая таким образом семьи. В некоторых случаях люди, опутанные сетью доносов, в которых нельзя было разобраться, сами бросали семьи, чтобы дать им возможность покинуть Тубабао и осесть в другой стране. Для некоторых лиц, запутанных в них, не представлялось почти никакой возможности покинуть Тубабао, и они долгое время после того, как лагерь совершенно опустел, еще ожидали, что какая-либо страна допустит их к себе.

На последнем общем собрании беженцев в мае 1951 года, на котором присутствовали директор лагеря Шапиро и католический священник о. Фонтана, последний, утешая и успокаивая их, горестно сказал:

> Стыд и позор тем людям, которые своими доносами преградили доступ своим соотечественникам не только в США, но и в другие страны... Страшно вымолвить: девять тысяч доносов! Доносами завален Вашингтон, манильское американское консульство, филиппинская полиция... Доносы разосланы и в другие страны, как Австралия...[138])

Увеличение лексикона слов

К концу 1950 года, за двадцать два месяца существования лагеря, из него выехало на постоянное жительство в другие страны около половины его первоначального состава. Расселение оставшихся шло медленным ходом. Люди теряли терпение и надежду выбраться из Тубабао. К числу ласковых и шутливых имен, приданных острову в первые месяцы лагерной жизни прибавились другие прозвища, определявшие степень настроений его обитателей. Теперь это уже не был «изумруд с крапинками топаза», «Остров Кокосовых Пальм», а стал «Островом Огорчений», «Землей Разбитых Надежд».

К лексикону слов прибавились новые слова. «ДиПи» (перемещенные лица), «ТиБи» (больные туберкулезом), «аффидэвиты», «ашурансы» и т. д. Первые имели отрицательный оттенок, вторые вселяли надежду и казались магическими, особенно если «аффидэвиты» и «ашурансы» открывали двери в Америку.

Несмотря на все трудности, огорчения, обманутые надежды, стихийные бедствия, жителей беженского лагеря не оставля-

---

[138]) Фомичев-Лидин, Мих., Правда о Тубабао, стр. 30.

ла бодрость и они всегда были готовы посмеяться над своей судьбой.

> Прошло пятьдесят лет после того, как на острове Тубабао появились пришельцы из Китая. За эти годы остров опять одичал и зарос непроходимыми джунглями. Над ним только летали птицы и время от времени шалый тайфун гнул и ломал одинокие пальмы.
>
> Однажды туда приехали поохотиться американцы. Их поразил дикий, заросший вид острова. Ни зверей, ни дичи они не нашли, но на верхушке пальмы они увидели необыкновенное существо, которое вначале приняли за странную по виду обезьяну. Они решили во что бы то ни стало захватить его живьем, но оно само сползло вниз и оказалось не обезьяной, а странным человеком, совершенно заросшим волосами. Охотников поразило еще больше, когда этот человек заговорил на непонятном языке, в котором один из американцев распознал русский язык.
>
> Вот, что они узнали из рассказа этого таинственного человека:
>
> Много лет тому назад, когда он еще был маленьким, он слышал, что на этом острове жили два племени: Ди-Пи и Ти-Би. Ти-Би все переумерли, а от Ди-Пи остался он один. Он помнит, что Ди-Пи были одержимы одной мечтой, все ждали, не пройдет ли в Америке билль об эмигрантах и с нетерпением смотрели вдаль, не приедет ли оттуда какая-то комиссия.
>
> — Не вы ли та самая комиссия?

Стихийные бедствия

Обычно позднее лето и осень являются сезонами тайфунов, свирепствующих в необъятных просторах Тихого Океана. Зарождаясь внезапно, они налетают неожиданно и стремительно, оставляя на своем пути следы бедственных разрушений.

За время пребывания дальневосточных эмигрантов на Филиппинских островах тайфуны несколько раз яростно обрушивались на их лагерь, причиняя в довершение к тяжестям лагерной жизни неописуемое горе и страдание. Некоторые из тайфунов, пронесшиеся над Минданао и Люзаном, навсегда оставались в памяти тубабаоских жителей. Одним из таких был тайфун, налетевший в необычное для него время — в начале мая.

Вечер 3-го мая был тих, с обычным вликолепным закатом солнца, присущим тропикам. Всплыла луна. Тропическая растительность застыла в неподвижности. К полночи стало ветрено, пошел дождь. К рассвету ветер усилился и перешел в настоящую бурю. По данным метеорологической станции тай-

фун находился в ста милях от Самара, далеко в стороне от лагеря Тубабао. Затем, как это бывает часто с тайфунами (не вследствие ли этих капризов установлена практика придавать им женские имена?), он свернул со своего пути. Никто не ожидал его яростного налета, не были приготовлены заранее бараки, куда можно было бы перевести заблаговременно женщин, детей, стариков и больных.

> В шесть вечера налетел первый шторм настоящего тайфуна, застонали пальмы, стали срываться кокосовые орехи, затрещали палатки. Бедствие подошло вплотную. Первые порывы страшного урагана порвали электрическую сеть. Погасло электричество. Через час с небольшим Восьмой район перестал существовать. Не только палатки, но и пальмы были вырваны с корнем. Свист бури с ливнем заглушали крики о помощи. Начался настоящий ад. К 10 часам тайфун усилился еще больше, свет погас повсюду. Наступила такая темнота, что на аршин от себя ничего не было видно. Ливень и буря продолжали усиливаться, крики детей, вопли обезумевших женщин раздавались со всех сторон. Улицы превратились в реки. К трем часам утра две трети лагеря перестали существовать.
>
> Все было брошено, потеряно или приведено в негодность. Церковь была занята людьми. Всю ночь среди потерпевших находились директор лагеря Шапиро, отец Фонтана, доктор Малатер и глава Переселенческого отдела г-жа Рул.
>
> К восходу солнца лагерь представил страшную картину разрушения.[139])

Еще за первый год существования лагеря, после одного из очередных тайфунов местные жители говорили:

> Ваше счастье, что в этом году прошел уже четвертый небольшой тайфун; если пройдет еще три-четыре таких, то можно будет надеяться, что настоящего большого тайфуна в этом году больше не будет. Очень плохо, если с самого начала не проходят малые тайфуны, тогда обычно в декабре месяце обрушивается тайфун такой силы, что подымает быков на воздух, а пальмы гнет до земли.[140])

Таким оказался страшный по памяти для жителей Тубабао тайфун, налетевший на Минданао и Люзан в декабре 1951 г. 7 и 8 декабря пошли ливни с сильными порывами ветра. Пережившие до этого несколько малых и два страшных налета тайфуна, жители лагеря были настороже. С тяжелым предчувствием вспоминали рассказы филиппинцев о тайфунах, осо-

---

[139]) Сообщение из Тубабао, Русская Жизнь, 16 января 1951.

[140]) Дневник, стр. 191.

бенно об одном, налетевшем на остров Самар в конце прошлого столетия, и их слова, что тайфуны необычной разрушительной силы появляются каждые пятьдесят лет.

Утром 9 декабря с чудовищной силой налетел тайфун. В один момент были снесены палатки и вместе с имуществом лагерников разнесены во все стороны. Деревянные бараки развалились как картонные домики. Ураганный ветер перевернул и скрутил в уродливые формы железные бараки. Госпиталь был разнесен по щепкам. Стонали пригнутые к земле стволы пальм и вырывались из земли их корни. По воздуху летали листы железа, доски, остатки крыш, целые балки. Ветер достиг скорости в 160 миль в час. Тайфун длился четыре часа, затих на полчаса, затем возобновился еще с большей силой на шесть часов.

Обезумевшие от страха люди не знали, куда скрыться. Они забивались в щели, заползали в ямы, цеплялись за все, чтобы только не быть унесенными ураганным ветром. В воздухе все свистело, визжало, гремело. Вихри дождя поднимали песок и гальку, резали лицо, руки.

В лагере были разрушены все продуктовые склады, конторы, различные сооружения, построенные с расчетом на устойчивость во время самых сильных тайфунов.

Палаточный город Тубабао был сметен с лица земли. Не в лучшем положении оказался и город Гюйиан. В нем уцелело только несколько построек, но и те оказались сильно поврежденными. Огромная волна смела то, что не смог разрушить ураганный ветер. Население спасалось в старинном католическом соборе, построенном испанцами четыреста лет тому назад. Старинная колокольня была разрушена, сильные повреждения оказались и на соборе. От необыкновенной интенсивности тропического ливня и ураганного ветра внутренность собора была в густом тумане, из за которого нельзя было распознать друг друга. «Только рев бури и крики раненых, никаких слов нельзя было различить. Все считали, что наступил конец. Стены трещали. Все ждали, что здание рухнет и погребет нас под своими обломками».[142])

Во время тайфуна было убито два беженца и один филиппинец. Почти все получили увечья, ранения, ушибы. Когда тайфун затих, можно было подвести итог его разрушительной силе.

---

[142]) Рассказ катол. монахини, Манила Таймс, 15 дек. 1951.

По прибытии моем в лагерь через три дня после тайфуна (это время было потрачено на путешествие из Манилы в Тубабао), я смог произвести осмотр. Вид лагеря не поддавался описанию. Хаос и разрушения таковы, что нужно самим посмотреть, чтобы убедиться в сокрушающей силе тайфуна. От лагеря ничего не осталось, жители его и служащие ИРО жили в импровизированных шалашах, построенных из случайно подобранного материала. Никакого сообщения и связи с внешним миром не было в течение нескольких дней. Дом администрации ИРО, столовая — уничтожены. Госпиталь на сто кроватей разрушен целиком и даже трудно найти место, где он стоял. Все оборудование госпиталя, гаража и канцелярии были уничтожены совершенно. Бумаги и папки с делами беженцев были развеяны по ветру или унесены в море. Автомобили и грузовики оказались настолько поврежденными, что большей частью оказались бесполезными.[143])

Как только стало возможным установить связь с внешним миром, одна группа в пятьдесят человек была отправлена в Манилу, где они должны были пройти через окончательное оформление бумаг на выезд из Филиппин; другая группа в 63 человека была переведена в город Таклобан на острове Лейте. К этому времени от пятитысячного населения беженского лагеря осталось около 130 человек.

Палаточная деревушка

За два с лишним года существования лагеря многое изменилось в нем. Многим счастливцам удалось разъехаться на постоянное местожительство в ряд стран, преимущественно в Австралию, Канаду, Соединенные Штаты, Парагвай, Доминиканскую республику. Однообразная, грустная жизнь для оставшихся шла своим чередом.

Жизнь нашей палаточной деревушки течет как-то особенно однообразно серо, одиноко, чужое горе и слезы уже никого не трогают. Наша деревушка занимает теперь бывший пятый район и все наши палатки сгрудились вокруг Театральной площади. Большая дорога уже за чертой лагеря. Мы загорожены и заплетены колючей проволокой, но имеется несколько выходов на дорогу. Наша церковь стоит одиноко в бывшем восьмом районе и вокруг нее ни одной палатки. Где была почта, все снесено, продано вместе с остатками бараков и вывезено. Первый и второй районы расчищены, вскопаны и чем-то засеяны.

---

[143]) Сообщение Юрид. отдела ИРО, Манила Таймс, 16 дек. 1951

В течение последних трех недель у нас было три покушения на самоубийство: Степанов перерезал себе вены, его спасли. Потом он долотом нанес себе рану в области сердца. Также спасли. Находясь в госпитале, он пытался еще раз покончить с собой, но за ним уже следили. Второй случай: туберкулезный в госпитале пытался перерезать бритвой вены на руке. Третий лагерник пытался отравиться.[144])

Самоубийства и попытки к нему были и раньше. Скудная запись в письме одного из лагерников: «С 10 на 11 октября в лесу покончила с собой П. С. Кернер, 60 лет. Ее дочь в Америке. Причина самоубийства — отчаяние».[145])

Страшный декабрьский тайфун подготовил тубабаоскую драму к развязке, но заключительный акт был еще впереди. Последним остаткам дальневосточной эмиграции пришлось пройти еще раз через многие испытания и потрясения, вернуться еще раз на постылое место, пережить на нем вновь ярость тихоокеанских тайфунов, пока наконец не закончилось их четырехлетнее пребывание на Филиппинах.

---

[144]) Вести с Тубабао, Русская Жизнь, 17 июля 1951.
[145]) Из письма беженца, Русская Жизнь, 21 окт. 1950.

IV

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Международная Организация Помощи Беженцам приходила к концу своего существования. В Женеве велись переговоры со Всемирным Советом Церквей, а в Маниле — с филиппинским правительством о судьбе оставшихся на Филиппинах дальневосточных эмигрантах. Результат этих переговоров тревожил филиппинский отдел ИРО и, главным образом, беженцев. Преданные своему делу и оставшиеся с последней группой шанхайских беженцев служащие ИРО делали все возможное, чтобы расселить их как можно скорее и закрыть беженский лагерь на Филиппинах, впитавший в себя за годы своего существования так много человеческого горя, страдания, несбывшихся надежд, отчаяния, приведшего некоторых до самоубийства.

Утром 25 декабря, две недели после чудовищного налета тайфуна, последняя группа беженцев числом в 19 человек во главе со священником Д. Шевченко покинула лагерь. Для последней погрузки остались Молли Руль, директор лагеря Рипер и трое беженцев. От палаточного города, не так еще давно с населением в пять с лишним тысяч человек, остались только скрученные ураганным ветром железные фермы бараков и свороченные цементные столбы разрушенного госпиталя.

В городе Таклобане, куда прибыла последняя группа во главе с о. Шевченко, уже находилось 45 человек, перевезенных туда раньше. Из них 20 инвалидов, больных и двое детей были помещены в госпиталь. Остальные были размещены по домам. После лагерных палаток и бараков Тубабао жизнь в Таклобане показалась раем. Семейных поместили в отдельные комнаты, одиноких — по три-четыре человека вместе. «Но прошло три недели, и дамоклов меч, висевший над нами, готов обрушиться на нас. Нас должны отправить обратно на Тубабао».

Сейчас пока мы хлопочем через о. Д. Шевченко об оставлении нас в Таклобане. Если ничего не выйдет, то дальше дело будет скверно. Все мечутся в ужасе... Сегодня вернулась М. Рул из Манилы и объявила нам, что переговоры о нашем возвращении на Тубабао продолжаются и что она согласилась остаться на службе в новой организации только в том случае, если мы будем жить в Таклобане, но на Тубабао она нас ни в коем случае не повезет, а предпочтет уйти со службы...[146])

В Маниле тем временем решалась судьба беженцев. Кабинет министров решил принять предложение Всемирного Совета Церквей взять на себя заботу о беженцах, но с обязательным условием, чтобы они были переведены на прежнее место вблизи Гюйина на о. Самар. Всемирный Совет Церквей настаивал на переводе беженцев из Таклобана в более безопасное место, где они могли бы жить в лучших условиях. Кабинет министров не только не уступал, но и настаивал, что кроме перевода беженцев на прежнее место Совет Церквей должен был еще восстановить разрушенные здания на Тубабао.[147])

Беженцам было официально объявлено, что ИРО просуществует до 1-го марта, после чего заботу о них возьмет другая организация, по всей вероятности Всемирный Совет Церквей. Их также оповестили о том, что филиппинское правительство настаивает на возвращение их на Тубабао.

Страх обуял беженцев. Петиции с мольбой о ходатайстве перед филиппинским правительством были направлены во все стороны. «Во всем нашем лагере едва наберется 10-12 мужчин, которые еще сохранили работоспособность для тяжелого физического труда в тропическом климате. Остальные мужчины, проработав три года, совершенно измучены...»[148])

Воспользовавшись проездом президента Филиппинской республики Кирино через Таклобан группа беженцев через избранных лиц обратилась к нему с просьбой об оставлении их на безопасном месте. Президент подтвердил, что вопрос уже решен и что лагерь для беженцев должен быть устроен только в районе Гюйиана на острове Самар. «Если не на Тубабао, то в 10-15 милях от Гюйиана, где нет других жителей».

---

[146]) Из письма с Таклобана, Русская Жизнь, 20 янв. 1952.
[147]) Манила Таймс, 19 янв. 1952.
[148]) Из письма с Таклобана, Русская Жизнь, 28 февр. 1952.

Президент Квирино разъяснил, что согласно иммиграционным законам Филиппин беженцы не имеют право проживать в населенных местах страны. «Беженцы в свое время получили право пребывания на Филиппинах всего четыре месяца, поэтому они в настоящее время находятся как бы вне иммиграционных законов и их пребывание на Филиппинах поэтому нелегально».

Представители беженской группы обратились за помощью к филиппинской общественности. Они выступали на собрании Ротари Клуб и перед Муниципальным Советом Таклобана, прося их заступничества перед президентом республики, чтобы им было решено остаться здесь и не переселяться в Тубабао — место тяжелого страдания и горя.

В конце января особая комиссия из представителей ИРО и четырех филиппинских врачей отправились в Гюйиан для осмотра места, отведенного под лагерь. Место оказалось низменным, болотистым, без воды пригодной для питья, совершенно пустынным, за исключением нескольких разрушенных хижин, оставленных туземцами из за невозможности жить там. Вслед за этой комиссией место посетили представители беженской группы. Новое место они окрестили Чертовым Островом, Французской Гвианой.

М. Руль, взявшая на себя заботу о последней группе беженцев, еще раз съездила в Манилу в надежде убедить филиппинское правительство отменить его распоряжение. По возвращении в Таклобан она собрала беженцев и сообщила им, что ее хлопоты в Маниле не увенчались успехом. Правительство отказалось отменить свое прежнее решение и теперь отдало распоряжение переселить лагерь в район Гюйиана, в нескольких милях от него, в пустынной местности, лишенной почти всякой растительности, на берегу моря. Отдаленность места от жилых районов было решающим фактором, т. к. тогда легче установить охрану, «чтобы жители лагеря не могли общаться с местным населением и этим причинить вред стране».

Как ни тяжело было положение беженцев, продолжала М. Рул, они, находясь на территории Филиппинской республики, должны строго и точно выполнять все правительственные распоряжения, подчиняться законам страны, не подавать жалоб и протестов или оказывать какое либо сопротивление. Она

заверила их, что как глава лагеря, остается с ними до тех пор, пока они не будут расселены на постоянное местожительство.

Со своей стороны филиппинские власти, в лице начальника местного гарнизона майора Франциско, заверили беженцев, что все будет сделано для приготовления лагеря, чтобы дать им возможно более сносные условия жизни. На 120 человек было приготовлено десять палаток, кровати, одеяла, москитные сетки. Для оборудования лагеря посылались люди, которые в течение месяца-двух должны закончить все работы, что даст возможность беженцам пожить в Таклобане, отдохнуть и набраться новых сил. Франциско также заявил, что городские власти просили Манилу предоставить возможность русским беженцам остаться в Таклобане или вблизи его, т. к. «они зарекомендовали себя с самой лучшей стороны и вызвали к себе симпатии всего населения, но правительство само должно поступать в согласии со своими законами.[149])

Перевод последней группы беженцев на остров Самар должен был состояться в середине июня, но одно обстоятельство задержало его.

В день, когда должна была состояться погрузка на пароход, судья районного суда в Лейте вручил М. Рул судебное запрещение, по которому до окончания судебного разбирательства и вынесенного решения она не могла перевезти беженцев в новый лагерь. Это была последняя отчаянная попытка, если не заставить власти отменить свое решение, то во всяком случае привлечь внимание общественного мнения к судьбе беженцев и этим ускорить их расселение по другим странам.

Дело было поднято группой в шестнадцать человек во главе с М. Фомичевым. В заявлении суду говорилось, что «через суд Филиппинской республики они решили защищать свое здоровье и жизнь». Адвокат группы представил суду 17 оснований, почему русские беженцы не должны быть переселены в лагерь на Самар. «Вне зависимости, беженцы они или нет, они имеют право на человеческое достоинство и равное место в человеческой семье; право на жизнь, свободу и защиту в предохранении их от произвольной высылки; и все остальные

---

[149]) Из письма с Таклобана, Русская Жизнь, 2 апр. 1952.

фундаментальные права, выраженные в Декларации Прав Человека Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций». Главные же основания защиты сводилось к физическому состоянию местности, к отсутствию питьевой воды, к болотистости, к частым ливням и тайфунам, к тяжелому изнурительному климату.

Процесс вызвал много шума. Из Женевы в Таклобан прилетел вице-президент Всемирного Совета Церквей. Камера суда была переполнена народом. Показания давали многие из беженцев, включая группу, которая начала процесс. Тянувшееся три недели дело, закончилось не в пользу подавших. «Суд не может отменить решение правительства и вмешиваться в распоряжение административных органов».

Благодаря создавшемуся шуму вокруг процесса, продвинулись бумаги некоторых беженцев и они получили визы в Бельгию и Чили.

В сентябре, ко дню перевоза беженцев обратно на остров Самар, их на Филиппинах осталось всего 54 человека, из которых 13 лежали в госпитале в Маниле, а шесть — в госпитале в Таклобане. Оставшуюся группу в 35 человек перевели в безлюдное местечко Калюкван на берегу моря, в трех километрах от города Гюйианя.

> Мы опять водворены в ненавистные нам палатки на пустынном берегу океана от воды всего в нескольких шагах. Наша полотняная деревушка состоит только из семи палаток, в каждой живет по пяти человек. Среди нас восемь детей и подростков от 5 до 17 лет. Воды в лагере нет, пользуемся исключительно дождевой. Вырытый нами колодец показал после анализа заразную воду, негодную для питья. Спасают частые дожди. [150])

Последней беженской группе пришлось пережить вновь ярость стихийного бедствия. За одну только неделю на о. Самар налетело два страшных тайфуна, из них наиболее разрушительный 26 октября. Он уничтожил лагерь и разнес ураганным ветром палатки и все пожитки несчастных людей, которые, как и во время прошлогоднего декабрьского тайфуна, отсиживалось в старинном соборе вместе с населением вновь разрушенного Гюйианя.

---

[150]) Ленков, А., Русская Жизнь, 22 окт. 1952.

Мы просили отправить нас опять в город Таклобан, где жили одно время в домах под крышей и где не так страшен тайфун, но президентом республики было приказано нас никуда не отправлять, а оставить здесь, где мы находимся. В настоящее время мы живем в католическом соборе, ждем установки новых палаток и лагеря.

Вам не трудно представить себе наши переживания и страдания, среди нас находятся дети и подростки.[151])

Прошло еще три месяца. Лагерь постепенно таял. Иммиграционные власти Бразилии вначале выдали визы на 13 человек, затем прибавили еще четыре визы. В лагере осталось всего 13 человек, из них одна семья в несколько душ.

...у нас большие надежды, что и они скоро выедут за океан.

...Три месяца тому назад мы пережили тайфуны, тропические дожди, тропическую депрессию и бесконечные штормы, действующие тяжело на нервы — шум ветра, дождь, грозы Тихого Океана, все это нужно пережить, чтобы поверить. Это было последним большим испытанием для нас и я буду счастливее всех, когда все покинут это прекрасное... и неприятное место.[152])

Такой момент наступил весной 1953 года. На Филиппинах не осталось ни одного русского беженца. Памятником их пребывания осталось вблизи Гюйианя заросшее джунглями кладбище с православными крестами.

Четырехлетним периодом тяжелых испытаний, горя, сменявшихся надежд и отчаяния, на диком клочке чужого, неприветливого острова закончилась многострадальная эпопея белой дальневосточной эмиграции.

Токио, Вашингтон, Афины, Мюнхен
Март 1954 — декабрь 1959.

---

[151]) Ленков, А., Русская Жизнь, 19 ноября 1952.
[152]) Рул, Молли, Письмо А. С. Лукашкину, 23 янв. 1953.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Дальнем Востоке... Балакшину удалось не только рассказать о появлении русской эмиграции в Китае и о ее развитии, но и передать ту атмосферу, в которой ей приходилось жить и работать... В книге Балакшина можно найти и повествование о тех ценностях, которые дальневосточной эмиграции удалось создать, несмотря на самые неблагоприятные условия, и которые погибли с приходом коммунистов.

О. Фомин
Свобода, Мюнхен

•

Книга П. Балакшина представляет собою подробную историю подрывной деятельности советских агентов на Дальнем Востоке и предательства со стороны отдельных эмигрантов, но никак не историю дальневосточного Зарубежья, большая и положительная роль которого совсем не оттенена.

П. Ковалевский
Русская мысль, Париж

•

...Балакшин является пионером в области истории русской эмиграции. Он выполнил большую работу по собиранию и публикации материалов в тех рамках, которыми он себя ограничил.

Г. Раковский
Новое Русское Слово
Нью-Йорк

Того же автора:

ПОВЕСТЬ О САН ФРАНЦИСКО
ВЕСНА НАД ФИЛМОРОМ
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕРВОЙ ЛЮБВИ
ПЛАНИРОВЩИКИ

*

В ПРОДАЖЕ ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО СИРИУС

Сан Франциско — Париж — Нью Иорк

Склад издательства: Georg Butow, München 5, Kohlstrasse 3b, Germany.